

ISSN 2073-9613

Журнал основан в 2003 году
Выходит 4 раза в год
Издается в 2 частях

Подписные индексы по каталогу
«Роспечать» 33140 и 37285

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский педагогический государственный университет»

Издатель: МПГУ

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Байфорд Энди,

*доктор философии, кафедра русистики,
Даремский университет (Великобритания)*

Блох Марк Яковлевич,

*доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой
грамматики английского языка МПГУ, почетный академик
Российской академии естественных наук, почетный академик
Международной академии наук педагогического образования*

Демьянков Валерий Закиевич,

*доктор филологических наук, профессор, заместитель директора
Института языкознания РАН*

Кузнецов Александр Андреевич,

*академик РАО, профессор, доктор педагогических наук,
и.о. вице-президента РАО*

Левицкий Михаил Львович,

*академик РАО, доктор педагогических наук, профессор,
директор Института менеджмента МПГУ*

Мурын Тереза,

*доктор наук, профессор французской филологии,
Краковский педагогический университет (Польша)*

Петров Юрий Александрович,

*доктор исторических наук, директор
Института российской истории РАН*

Попова-Велева Иванка,

*кандидат филологических наук, кафедра романистики,
Университет св. Кирилла и Мефодия, Велико Тырново (Болгария),*

Рогожин Николай Михайлович,

*доктор исторических наук, профессор, директор Центра истории
русского феодализма Института российской истории РАН*

Уваров Александр Юрьевич, доктор педагогических наук,

*профессор, ведущий научный сотрудник Института
образовательной информатики ФИЦ «Информатика
и управление» Российской академии наук*

Уваров Павел Юрьевич,

*доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН,
заведующий Отделом западноевропейского средневековья
и раннего нового времени Института всеобщей истории РАН*

Чубарьян Александр Оганович,

*академик РАН, доктор исторических наук,
директор Института всеобщей истории РАН*

Штольценберг Юрген,

*доктор философии, профессор, кафедра истории философии,
Университет Мартина Лютера, Галле-Виттенберг (Германия)*

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Каракозов

Сергей

Дмитриевич,

*доктор педагогических наук,
профессор,
проректор МПГУ*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.Б. Ананченко

Г.А. Артамонов

А.А. Веряев

О.В. Воробьева

И.Н. Грифцова

А.В. Корчинский

Е.А. Леванова

С.И. Маловичко

В.С. Меськов

Н.А. Николина

Е.А. Никулина

А.С. Обухов

Н.И. Рыжова

С.Б. Серякова

Л.А. Трубина

В.Д. Янченко

Ответственный редактор

О.В. Воробьева

Дизайнер

Н.И. Лисова

Мнение Редакционной коллегии по материалам дискуссионного характера может не совпадать с мнением авторов

© МПГУ, 2016

ISSN 2073-9613

The journal was founded in 2003
Published quarterly
Issued in 2 volumes

Subscription indexes in the catalogue
"Rospechat" 33140 and 37285

Founder: Federal State-Financed Educational Institution of Higher Education
"Moscow State Pedagogical University"

Publisher: Moscow State Pedagogical University

*The journal has been included in the List of the leading peer-reviewed scientific journals
and periodicals recommended for the publication of the results of the dissertations
submitted for academic degrees*

EDITORIAL COUNCIL

Andy Byford (Great Britain), ScD (Philosophy),
Russian Philology Department, Durham University

Mark Ya. Bloch, ScD (Philology), Professor, Chairman,
English grammar Department, Moscow State University
of Education, Honorary Member of Russian Academy
of Natural Sciences, Honorary Member of International
Academy of Sciences in Pedagogical Education

Valery Z. Demyankov, ScD (Philology), Professor, Deputy
Director, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

Alexander A. Kuznetsov, Academician, Russian Academy
of Education, ScD (Pedagogy), Acting Vice-President, Russian
Academy of Education

Mikhail L. Levitsky, Academician, Russian Academy of Education,
ScD (Pedagogy), Professor, Director, Institute of Management,
Moscow City Pedagogical University

Theresa Muryn (Poland), ScD, Professor, French Philology,
Krakow Pedagogical University

Yury A. Petrov, ScD (History), Director, Institute of Russian
History, Russian Academy of Sciences

Ivanka Popova-Velva (Bulgaria), PhD in Philology,
Romance Philology Department, St Cyril and St Methodius
University, Veliko Turnovo

Nikolay M. Rogozhin, ScD (History), Professor, Director,
Center of Russian Feudalism History, Institute of Russian
History, Russian Academy of Sciences

Alexander O. Chubaryan, Academician, Russian Academy
of Sciences, ScD (History), Director, Institute of World
History, Russian Academy of Sciences

Jurgen Stoltzenberg, (Germany), ScD (Philosophy),
Professor, History of Philosophy Department,
Martin Luther University, Halle-Wittenberg

Alexander Yu. Uvarov, ScD (Pedagogy), Professor,
Chief Researcher, Institute of Educational Informatics,
Federal Research Center "Informatics and Management",
Russian Academy of Science

Pavel Yu. Uvarov, ScD (History), Professor, Corresponding Member,
Russian Academy of Sciences, Head of the Department
of West European Middle Ages and Early Modern Times,
Institute of General History, Russian Academy of Sciences

EDITOR- IN-CHIEF

**Karakozov
Sergey Dmitrievich**,
Dr. of Science
(Pedagogics),
Professor,
Vice-rector of MPSU

EDITORIAL BOARD

A.B. Ananchenko
G.A. Artamonov
A.A. Veryaev
O.V. Vorobyova
I.N. Griftsova
A.V. Korchinskiy
E.A. Levanova
S.I. Malovichko
V.S. Meskov
N.A. Nikolina
E.A. Nikulina
A.S. Obukhov
N.I. Ryzhova
S.B. Seryakova
L.A. Trubina
V.D. Yanchenko

Executive editor

O.V. Vorobyova

Designer

N.I. Lisova

Спецвыпуск. К юбилею С. Д. Каракозова

ЮБИЛЕЙ

Поздравляем	9
Каракозов С.Д., Рыжова Н.И. Обеспечение стабильности и развитие образовательных систем в условиях трансформации ценностей	15
Лапчик М.П., Федорова Г.А. Инновационный подход к подготовке педагогических кадров в области информатизации образования.	28
Хеннер Е.К., Соловьева Т.Н. Изучение информатики в вузе в условиях цифровой образовательной среды	42
Смолянинова О.Г., Безызвестных Е.А. Развитие поликультурной компетентности современного педагога в контексте непрерывного поликультурного образования: опыт сибирского региона.	55
Петров Д.А., Худжина М.В. Об условиях эффективности использования дистанционных образовательных ресурсов при реализации основных профессиональных образовательных программ в условиях регионального вуза	77
Бешенков С.А., Шутикова М.И., Миндзаева Э.В. От информационных к конвергентным технологиям: образовательные аспекты.	86
Рыжова Н.И., Трубина И.И. Тенденции развития содержания внеурочной деятельности школьников по информатике и математике в условиях информатизации и модернизации российского образования.	94
Босова Л.Л. ИКТ как инструмент индивидуализации обучения в современной школе	108
Готская И.Б., Жучков В.М. Современное состояние, проблемы и перспективы развития массовых открытых онлайн курсов.	117
Королева Н.Ю., Лаврухин В.А. Модель содержания обучения взаимодействию в виртуальной социально-образовательной среде пользователей различных категорий	128
Цыганов В.В. Высокие гуманитарные технологии безопасности крупномасштабных систем.	141
Медянова П.В. Тенденции профессиональной подготовки будущих специалистов туриндустрии в области социально-коммуникативной деятельности	151

343

НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРА

Педагогические науки (13.00.00)

Актуальные проблемы образования

Воробьева О.В. О современном состоянии и перспективах развития гуманитарного знания: взгляд историка.	162
---	-----

Философия и история образования

Какзанова Е.М. Личность учителя глазами философов	174
Ичетовкина Н.М. Освещение деятельности классных наставников в воспитательной системе отечественной гимназии в периодической печати во второй половине XIX – начале XX века.	182

Педагогика профессионального образования

Ильина И.В., Тарасюк Н.А., Поздняков А.В. Реализации высшего профессионального образования в условиях глобализации	196
---	-----

Брейтигам Э.К. Гармоничное сочетание рационального и интуитивного при обучении математике в школе и вузе	202
Степкина М.А., Байгушева И.А. О готовности первокурсников к изучению математики в вузе.	211
Тельнюк И.В., Худик В.А. Формирование готовности к применению педагогических технологий в лечебно-педагогической деятельности у аспирантов медицинского вуза.	220
Поликанов А.В. Военно-профессиональная деятельность как фактор адаптации курсантов к образовательной среде военного института внутренних войск МВД России.	229

Содержание и технологии образования

Гусев Д.А., Флеров О.В. Основные иноязычные компетенции и особенности их формирования в дополнительном профессиональном образовании.	236
Калугина Ю.В., Мустафина А.Р. Анализ образовательного квеста как педагогической технологии	253
Белобородова М.Е., Юдин Б.Д. Методика проведения физического практикума на примере лабораторной работы «Изучение эффекта Холла в полупроводниках».	260

Педагогическая наука – школе

Боженкова Л.И. Формирование коммуникативной компетентности учащихся в обучении математике	267
Соколова Е.В. Конструирование диагностических заданий в условиях критериального оценивания достижений учащихся в изучении школьного курса геометрии	277
Соболева Е.Н., Вальдман И.А. Цифровые образовательные ресурсы для современного учителя: естественнонаучное образование школьников в увлекательном формате.	288

Язык и образование

Позднякова А.А., Чистякова Т.П. Метапредметный подход при создании обучающих модулей по языку специальности	297
Писарь Н.В. Проблемы и перспективы обучения научному стилю речи иностранных студентов технического вуза в рамках дисциплины «деловой иностранный язык (русский)»	316

Образование и художественное творчество

Ларионова Н.Л. Эстетическая составляющая проектирования территории образовательного учреждения	324
---	-----

Образование и музыка

Каркина С.В. Субъектно-ориентированный подход в музыкальном дистанционном образовании США	333
--	-----

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ НАУКА ВУЗАМ

Философские науки (09.00.00)

Кузнецова С.В. Мифологема Софии в контексте отечественной философии всеединства	349
Кирсберг И.В. «Социологическое богословие»: социология или богословие?	357

Исторические науки (07.00.00)

Хазина А.В., Софронова Л.В. История и чувство: казус Посидония	368
Кирюхин Д.В. Развитие эпистолярного жанра при дворе первых Тюдоров.	378
Батшев Д.А. Юридические аспекты борьбы Английского парламента 1604–1610 гг. за прерогативу.	386
Варьяш И.И. Шариат и проблема социальной адаптации мусульманского населения в христианском королевстве (Арагонская корона XIV века)	398
Ковалева М.С. Берлинский салон Генриетты Герц в фокусе культурной интеграции евреев на рубеже XVIII–XIX веков	408
Мирзаханов В.С., Ковалев М.В. Европейцы и русские в колониях и на имперских окраинах: к вопросу о коммуникативных практиках	417
Филитов А.М. Национальный вопрос в послевоенной Германии.	428
Гершзон М.М. Культурная политика Советского Союза в 1953 – начале 1954 г. (по материалам фонда Министерства культуры СССР)	441
Корзун В.П. Н.М. Карамзин в учебниках по историографии: о зигзагах формирования корпоративной памяти.	459
Рыженко В.Г. Забытое наследие региональной историографии (по материалам личных фондов сибирских историков Г.И. Жерновкова и В.И. Шемелева)	471
Афанасьева А.Э. Новая история медицины в начале XXI века: основные тенденции развития	486

Филологические науки (10.00.00)**Языкознание (10.02.00)**

Сергеева Ю.М. К вопросу о смысловой структуре слова как знака языка	500
Баско Н.В. Роль словообразования в системной организации терминологии бизнеса	510
Ван Цзинхуэй. Способы образования отфразеологических дериватов в современном русском языке	517
Гуслякова А.В. Вхождение новой лексики в современный русский и английский языки (на материале российских и англоязычных СМИ).	523
Гун Цзинсун. Лексические факторы обусловленности первообразных предлогов в конструкциях с причинно-следственными отношениями.	533
Шарафутдинова Н.С. Словообразовательные модели сложных технических терминов в немецком языке.	542
Морозова Н.Н. Изменение социокультурной составляющей в наименовании брендов (конец XIX – начало XXI века)	552
Белозерова Е.Ю. Реализация фразеологической деривации в художественном тексте	563
Тимофеева А.А. Тематическая классификация и способы передачи лексических единиц с компонентом «сверхъестественное» в мистических рассказах А. Конан Дойла и их переводах на русский язык.	569
Глазков А.В. Ситуация и текст: о типологии фактуальных текстов	578

Литературоведение (10.01.00)

Яшина А.А. Романтизация смерти в стихотворениях Н.А. Некрасова in memoriam	589
---	-----

Special Issue

ANNIVERSARY

Congratulations	9
Karakozov S.D., Ryzhova N.I. Ensuring the Stability and Development of Educational Systems in the Conditions of Transformation of Values	15
Lapchik M.P., Fedorova G.A. Innovative Approach to Teacher's Training in the Field of Education Informatization	28
Khenner E.K., Solovyova T.N. Studying of Informatics in Higher Education Institution in the Conditions of the Digital Educational Environment	42
Smolyaninova O.G., Bezyzvestnykh E.A. Development of Modern Teacher's Poly-Cultural Competence in the Context of Continuous Poly-Cultural Education: Experience of the Siberian Region	55
Petrov D.A., Khudzhina M.V. Efficiency of Using Distance Learning Resources when Implementing the Main Professional Educational Programs in the Conditions of Regional Higher Education Institutions	77
Beshenkov S.A., Shutikova M.I., Mindzaeva E.V. From Information to Convergent Technologies: Education Aspects	86
Ryzhova N.I., Trubina I.I. Tendencies in the Development of the Content of Extracurricular Activities of School Students in Computer Science and Mathematics in the Conditions of Informatization and Modernization of Russian Education.	94
Bosova L.L. Information and Communication Technology as a Tool of Individualization of the Training Process at Schools.	108
Gotskaya I.B., Zhuchkov V.M. Current State, Problems and Prospects of Development of Popular Open Online Courses	117
Koroleva N.Yu, Lavrukhin V.A. Model of the Content of Teaching Interaction in the Virtual Social and Educational Environment of Users of Various Categories	128
Tsyganov V.V. High Humanitarian Security Technologies of Large-Scale Systems	141
Medyanova P.V. Trends of Professional Training of Future Experts of the Tourism Industry in the Field of Social and Communicative Activity.	151

SCIENCE, EDUCATIONS, CULTURE**Modern Education Issues**

Vorobyova O.V. Current State and Prospects of Development of Humanitarian Knowledge: Historian's Viewpoint.	162
---	-----

Philosophy and History of Education

Kakzanova E.M. The Teacher's Personality Through the Eyes of Philosophers	174
Ichetovkina N.M. Coverage of Form Tutors' Work in the Educational System of National Gymnasium in the Periodicals in the Second Half of the XIX – Early XXth Centuries.	182

Professional Education Pedagogy

- Ilyina I.V., Tarasyuk N.A., Pozdnyakov A.V.** Implementation of Higher Professional Education in the Conditions of Globalization196
- Breytigam E.K.** Harmonious Combination of Rational and Intuitive within the Process of Teaching Mathematics at Schools and Universities202
- Stepkina M.A., Baygusheva I.A.** First-Year Students' Readiness to the Study of Mathematics in Higher Education Institutions211
- Telnyuk I.V., Khudik V.A.** Formation of Readiness for Application of Pedagogical Technologies in Medical and Pedagogical Activity at Graduate Students of Medical School.220
- Polikanov A.V.** Military and Professional Activity as a Factor of Adaptation of Cadets to the Educational Environment of the Military Institute of Interior Troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia229

Education Topics and Techniques

- Gusev D.A., Flerov O.V.** Main Foreign Language Competences and Peculiarities of Their Forming in Further Professional Education236
- Kalugina Yu.V., Mustafina A.R.** Analysis of the Educational Quest as a Pedagogical Technology253
- Beloborodova M.Eu., Yudin B.D.** Methods of Workshop in Physics on the Example of Laboratory Work "The Hall Effect Study in Semiconductors"260

Pedagogy Science to School

- Bozhenkova L.I.** Forming of Students' Communicative Competence in Mathematics Training.267
- Sokolova E.V.** Construction of Diagnostic Tasks in the Conditions of Criteria-Based Assessment of Students' Achievements in the Study of School Geometry Course277
- Soboleva E.N., Valdman I.A.** Digital Educational Resources for Modern Teacher: Science Education of School Students in Fascinating Form288

Language and Education

- Pozdnyakova A.A., Chistyakova T.P.** Meta-Subject Approach to Creating Training Modules In Specialty Language.297
- Pisar N.V.** Problems and Prospects of Teaching Scientific Speech Style to Foreign Students of Technical University Within the Discipline "Business Foreign Language (Russian)"316

Education and Art

- Larionova N.L.** Aesthetic Component of Designing the Area of Educational Institutions324

Education and Music

- Karkina S.V.** Subject-Oriented Approach to Music Distance Education of the USA333

FUNDAMENTAL SCIENCE TO HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS**Philosophy**

- Kuznetsova S.V.** The Mythologeme of Sophia in the Context of the National Philosophy of Unity349
- Kirsberg I.V.** "Sociological Theology": Sociology or Theology?357

History

- Khazina A.V., Sofronova L.V.** History and Senses: Casus of Posidonius368
- Kiryukhin D.V.** Development of the Epistolary Genre at the Court of the First Tudors378
- Batshev D.A.** Legal Aspects of Fight of the English Parliament of 1604–1610 for a Prerogative.386
- Variash I.I.** Sharia and a Problem of Social Adaptation of the Muslim Population in the Christian Kingdom (the Aragonese Crown of the 14th century)398
- Kovaleva M.S.** Henriette Herz's Berlin Salon in the Focus of Cultural Integration of Jews at the Turn of the 18th and 19th Centuries408
- Mirzekhanov V.S., Kovalev M.V.** Europeans and Russians in Colonies and Imperial Outskirts: to the Issue of Communicative Practices417
- Filitov A.M.** National Issue in the Post-War Germany428
- Gershzon M.M.** Cultural Policy of the Soviet Union in 1953 – Early 1954 (Based on the Documents of Ministry of Culture of the USSR)441
- Korzun V.P.** N.M. Karamzin in Textbooks on Historiography: Zigzags of Corporate Memory Formation459
- Ryzhenko V.G.** Forgotten Heritage of Regional Historiography (on the Materials of Personal Funds of Siberian Historians G.I. Zhernovkov and V.I. Shemelev)471
- Afanasyeva A.E.** Modern History of Medicine at the Beginning of the 21st century: Main Tendencies of Development486

Linguistics

- Sergeeva Yu.M.** To the Issue of Semantic Structure of the Word as a Language Sign.500
- Basco N.V.** The Role of Word Formation in Systemic Organization of Business Terms510
- Jinghui Wang.** Ways of Formation Phraseological Derivatives in Modern Russian.517
- Guslyakova A.V.** The Entry of New Vocabulary in Modern Russian and English Languages (Based upon the Russian and English Mass Media)523
- Gong Jingsong.** Lexical Constraints of Primitive Causal Prepositions in Constructions with Causal Relationships.533
- Sharafutdinova N.S.** Word-Formation Models of Difficult Technical Terms in German542
- Morozova N.N.** Changing of a Socio-Cultural Component in Brand Names (The End of XIX – Early 21st Century)552
- Belozeroва E.Yu.** Implementation of the Phraseological Derivation in a Literary Text563
- Timofeeva A.A.** Thematic Classification and Ways of Transferring Lexical Units with the Supernatural Component in A. Conan Doyle's Mystical Stories and their Translations into Russian569
- Glazkov A.V.** Situation and Text: on the Typology of the Factual Texts578

Study in Literature

- Yashina A.A.** Death Romanticizing in N.A. Nekrasov's Poems in Memoriam.589

УДК 1(091)

ББК 87(3)

МИФОЛОГЕМА СОФИИ В КОНТЕКСТЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ВСЕЕДИНСТВА*

С.В. Кузнецова

Аннотация. В статье рассматривается мифологема Софии (Божественной Премудрости) в контексте отечественной философии всеединства. Автор проводит сравнительный анализ понятия София в учениях В.С. Соловьева, Е.Н. Трубецкого, С.Н. Булгакова, отмечая общее и особенное в ее трактовке русскими мыслителями. Представлены различные подходы к определению Софии, исследовано ее соотношение с понятием мировой души. Подчеркивается, что русские философы использовали мифологему Софии для выражения принципа всеединства, соотношения единого и многого, идеального и реального, актуального и потенциального. По мнению автора, введение мифологемы Софии в решение онтологических вопросов, позволило отечественным философам уйти от абстрактных трактовок бытия.

Ключевые слова: мифологема Софии, душа мира, всеединство, всеединое сущее, абсолютное.

THE MYTHOLOGEME OF SOPHIA IN THE CONTEXT OF THE NATIONAL PHILOSOPHY OF UNITY

S.V. Kuznetsova

Abstract. The article deals with the mythologeme of Sophia (Divine Wisdom) in the context of the national philosophy of all-unity. The author gives comparative analysis of the concept of Sophia in the teachings of V. Solovyev, E.N. Trubetskoy, S.N. Bulgakov, noting the general and special in its interpretation by Russian thinkers. The article presents different approaches to the definition of Sophia, and studies its relationship with the concept of the world soul. It is emphasized that Russian philosophers used the mythologeme of Sophia to express the principle of all-unity, the unity of the all and many, ideal and real, actual and potential. The author believes that the introduction of the mythologeme of Sophia in the solution of ontological questions, allowed national philosophers to move away from abstract interpretations of the existence.

Keywords: mythologeme of Sophia, soul of the world, all-unity, all-unity-essence, absolute.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект «Русская философская мысль XIX – первой четверти XX века в философско-историческом и антропологическом аспектах», № 15-03-00761.

В отечественной метафизике всеединства мифологема Софии (Божественной Премудрости) является центральным понятием, раскрывающим онтологический принцип единства множества. Вопросы онтологии, гносеологии, антропологии, истории в трудах отечественных философов всеединства рассматриваются в тесной связи с их софиологическими построениями.

Вслед за Соловьевым, которого профессор П.П. Кудрявцев не без основания назвал вождем и вдохновителем русских софийцев [1, с. 73], к мифологеме Софии обращались многие отечественные философы (Е.Н. Трубецкой, С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский, Л.П. Карсавин). Каждый из русских мыслителей вкладывал в мифологему Софии свой (порой весьма противоречивый) внутренний смысл. По замечанию И.И. Семаевой, развитие софиологической тематики русскими философами было столь своеобразно, что позволяет говорить как о софиологии персоналий (В.С. Соловьев, П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков), так и об оригинальных и самостоятельных ее версиях [2, с. 45].

Нередко София рассматривалась как посредница между Богом и миром: то она приближалась к понятию мировой души или отождествлялась с ней, то сливалась с Логосом (Вечным Словом). Однако, как отмечают современные исследователи, для многих вопрос о Софии остается неясным и по сей день [3, с. 69].

В сущности, идея Софии не является порождением собственно русской философской мысли. Истоки ее уходят в глубину веков – текстам Ветхого и Нового Заветов, философии неоплатонизма и гностицизма, немецкой

мистике XVI–XVII столетий. Богословы выделяют в истории софиологии следующие этапы: софиологические построения дохристианских мыслителей (мистические движения в эллинизме); софиологические построения гностиков; христианскую софиологию [4, с. 145]. В этой связи возникает вопрос: считать ли Софию строго богословским термином? Положительный ответ на него, как не без основания заметил С.С. Аверинцев, закрывает всякую «софиологическую» проблематику. Следуя Библии (1 Кор. 1:24), София есть лишь имя, титул Христа и, по утверждению С.С. Аверинцева, переходит исключительно в ведение христологии [5, с. 255]. Поэтому актуален вопрос не только о дефиниции Софии русскими мыслителями, но и необходимости ее «вписывания» в их метафизические построения.

В «Чтениях о Богочеловечестве» В.С. Соловьев рассматривает Софию как идеальное человечество и отождествляет ее с душой мира, которая, характеризует сущность второго (становящегося) абсолютного. С одной стороны, София – это образ идеального человечества, и, как всякий идеал, должен быть реализован только в будущем. С другой стороны, тождество Софии с душой мира допускает процесс Ее (Софии – С.К.) изменения и становления во времени. Исходя из соотношения двух абсолютных, второе абсолютное включается Соловьевым как *иное* в Абсолютное первое (Всеединое). В таком случае необходимо предположить, что процессу развития подвержено и само Всеединое Сущее, однако это противоречит его сущности как Абсолютного.

В.С. Соловьев наделял мировую душу свободой воли, результатом кото-

рой и явилось отпадение мира от божества и распад на множество элементов. Из тождества Софии и мировой души следует, что она может отделяться от Творца, нарушая тем самым Его целостность и полноту, что, безусловно, противоречит христианскому учению о Боге. Здесь явно можно уловить гностические мотивы в построениях философа. У гностиков София являет собой самый младший эон божественной плеромы (целостности) и, отделяясь от нее, проходит процесс развития с последующим в нее возвращением.

Так что же все-таки представляет собой София? Если она является идеальным первообразом человечества, то не может выражать его земной сущности. Если софийность мира есть цель его развития, то Премудрость не может быть душой несовершенного мира. Если София-Мудрость есть качество Бога, то она не может ни отделяться, ни отпадать от него. У В.С. Соловьева, с точки зрения А.Ф. Лосева, можно выделить не менее десяти аспектов Софии, что указывает на ее своеобразную полифоничность в учении философа. В.С. Соловьев шел от Абсолютного, Божественного аспекта трактовки Софии к национальному русскому. В русской традиции под именем Софии понимается социальное воплощение Божества во Вселенской Церкви [6, с. 250].

Что же являют собой эти аспекты Софии, не противоречат ли они друг другу? Если вычленим каждый из них в отдельности и рассматривать как эклектическое соединение элементов вне целого, а также исследовать вне контекста учения о Всеедином Сущем, то полного восприятия Софии мы не получим. Но ведь можно рассматривать Софию как единую

во множестве, являющуюся в реальности в своем бесконечном многообразии. Поэтому с философской точки зрения, противоречия в аспектах Софии – нет, и она наилучшим образом выражает сущность соловьевского принципа всеединства. По сути, Соловьев намеренно отходил от чисто религиозного понимания Софии, успешно вписав мифологему в философское учение о Всеедином Сущем.

Е.Н. Трубецкой, следуя христианскому пониманию Софии, выступил с критикой софиологии С.В. Соловьева. София в учении Трубецкого трактуется как мир вечных идей или первообразов, которые были положены Богом в основу творения. Заметим, что аналогия этих первообразов с миром идей (эйдосов) Платона здесь не допустима. Взгляды Трубецкого близки ветхозаветному пониманию Софии. На различия греческой и библейской традиции указывал С.С. Аверинцев, подчеркивая, что понятие Софии (Мудрости) в истории греческой мысли оставалось лишь понятием, лишенным личностных моментов. Напротив, в библейской традиции Премудрость с необходимостью имеет личностный, «ипостасный облик». Так, в книге Притчей Соломоновых Божественная Премудрость говорит: «Господь имел меня началом пути Своего, прежде созданий своих, искони», «от века я помазана, от начала, прежде бытия земли» (Притч. VIII, 22).

В библейских текстах София выступает как личность, подобно Богу, она неотделима от Него, и потому, так же, как и Творец, являет собой первообраз для всего материального. Поэтому Трубецкой мыслил Софию не только как неотделимую от Бога силу, но и как неотъемлемое от Него качество.

Согласно Библии, Премудрость принадлежит Богу от века, следовательно, не может отпадать или отделяться от Него. А.Ф. Лосев прав, утверждая, что Трубецкой ограничивается лишь одним толкованием Софии как Божественной Премудрости, что фактически делает ее только одним из атрибутов или качеств Божества.

В отличие от Соловьева, Трубецкой не отождествлял Софию с душой мира. Божественная Премудрость в его учении не являет собой самостоятельную божественную ипостась, она составляет с Творцом органическое единство, обладая поэтому, как и Он, субстанциальной природой. В данном контексте Софию следует понимать не как умопостигаемую логическую категорию, не как «чистую», лишённую какой-либо определенности абстракцию, а как сверхвременную реальность в Боге.

Согласно библейским текстам, Бог творит мир Премудростью Своей, правомерно ли в таком случае говорить о том, что София выражает сущность земного мира, включая и человечество? Утвердительный ответ на данный вопрос, по мнению Трубецкого, с одной стороны, лишает мировой процесс своего смысла, а с другой, признав Софию сущностью становящейся временной действительности, мы а priori наделяем ее всеми атрибутами последней: хаосом, раздробленностью, злом, несовершенством и т.п. Вместе с тем, эти атрибуты не согласуются с божественным статусом Софии. Вывод философа однозначен: не София, а мировая душа являет собой подлинную сущность мира. Вот почему он категорически возражал против абсолютного тождества Софии и мировой души. Именно поэтому Тру-

бецкой, оставаясь в рамках библейской дефиниции Софии, не принял ее отождествления с душой мира в софиологии Соловьева.

Анализ Е.Н. Трубецким соловьевский Софии, как отмечал А.Ф. Лосев, страдает односторонностью [7, с. 569-570]. Критика Трубецким соловьевского учения о Софии вполне объяснима, так как он четко различал понятия Софии и души мира, определяя последнюю как «другую», отличную от Бога реальность. Ему претили те гностические «нотки», которые можно встретить в учении о Софии у Соловьева. Действительно, Трубецкой был критически настроен к гностическому пониманию Софии, как падшей души мира, поскольку оно находилось в противоречии, прежде всего, с библейским учением о Божественной Премудрости.

Характеризуя мировую душу, Трубецкой отмечал, что она двойственна по своей природе и в силу этого может быть устремлена как к Богу, так и к дьяволу, как к добру, так и к злу. Здесь напрашивается, пусть и не прямая, но аналогия с трактовкой души мира у Плотина, который так же указывал на ее двойственность: одна ее часть устремлена к уму, а другая к природе. Весьма интересен в этой связи переход русского философа к теме теодицеи.

Поскольку с христианской точки зрения Бог не может быть источником зла, то правомерно допустить грехопадение именно мировой души. В таком случае, мы получаем весьма логичное объяснение источника всеобщности греха и смерти в раздробленном мире.

Вместе с тем, двойственность, как полагал Трубецкой, не определяет

окончательно сущности мировой души. В своем умопостижимом характере она является, в свою очередь, субъектом двояких возможностей – положительных и отрицательных, преодоление последних и будет означать исполнение задачи вселенной. Суть же первых заключается в том, что мир должен стать «богорождающей» средой. Отсюда явление в мире Богоматери, по убеждению философа, свидетельствует о назначении мира: именно в Богоматери он усматривает положительную потенцию души мира. Причем, русский философ подчеркивал, что подвиг Богоматери не был результатом «божественного фатума» – в его основе лежало свободное самоопределение.

Согласно христианскому учению, Богоматерь – символ материнского начала, через которое все человечество и тварь рождается и одухотворяется в Боге. Именно поэтому выражением души мира является, по мнению Трубецкого, не София (как отмечал Соловьев), а Богоматерь. «...Божественная Мудрость, – писал философ, – не может быть душою развивающейся, становящейся и до совершения своего отдельной от Бога, вселенной. Наоборот, религиозная идея Богоматери имеет к этой вселенной несравненно более непосредственное отношение: она есть высшее откровение того, чем должна быть мировая душа» [8, с. 276]. В слове Богородица, как подчеркивал русский мыслитель, заключена идея, смысл и всеобщее назначение вселенной. Бог, как Безусловное, должен наполнить все собою – в этом выражается конечная цель всего мирового процесса развития. Человечество, по его словам, есть становящаяся Богоматерия, следова-

тельно, именно Матерь Божья является выразительницей истинного существа человечества, «носителем его родовой идеи». Богоматерь, по утверждению философа, есть начало, имманентное всему богочеловеческому генезису. Что же касается Софии, то она, напротив, начало трансцендентное, запредельное миру.

Отметим, что, София в понимании Трубецкого, не тождественна не только душе мира, но и Богоматери. Однако в Православном богослужении София сливается с Богоматерью, на что философ также обращал внимание. Действительно, еще в XII веке чтение из 8-9-й глав Притч было литургически связано с Богородичными праздниками как на Востоке, так и на Западе.

Однако философ указывал, что, с одной стороны, София, как предвечный творческий замысел Божий о мире, трансцендентна миру во времени и поэтому не только от него отлична, но и прямо ему противоположна. С другой стороны, в вечности эта грань между Божественной Премудростью и миром снята. «В вечном покое Божества, – указывал русский мыслитель, – творческий замысел Софии до конца раскрыт и осуществлен» [9, с. 124]. Исполнением этого замысла должно стать всеобщее «обожение» твари, а высшим выражением – человеческое естество Христа – Богоматерь и собранное в единую вселенскую церковь человечество.

София, таким образом, в учении Трубецкого не выражает сущности мировой души, она есть лишь только должное, заданное. Поэтому душа мира и должна соединиться с Софией, осуществить ее в себе. Иными словами, взаимоотношения Боже-

ственной Премудрости и души мира выражены связью потенциальности и актуальности, а не сущности и явления. По аналогии Трубецкой раскрывает связь между Софией и человеком. Божественная Премудрость по отношению к человеку есть лишь должное, но не сущее. София включает в себе вечную идею человека, однако, она не является ни вечным человеком, ни вечным человечеством. У каждого человека в отдельности, так и у человечества в целом есть своя особая идея в Божественной Премудрости. В противном случае, если ее нет, то «...суетно все наше существование, тщетна самая наша вера в жизнь» [8, т. I, с. 359].

Поскольку София есть для человека (человечества) лишь первообраз, идеал, который необходимо осуществить в будущем, то быть его сущностью она не может. Именно за отождествление идеи человека и человечества с их сущностью Трубецкой подверг критике учение о Софии Соловьева. Главный аргумент Трубецкого заключался в том, что, признав соотношение Софии и человечества как отношения сущности и явления, мы устанавливаем абсолютную зависимость человечества от Бога, лишая его самостоятельности и свободы. Божественная сущность Софии не может быть одновременно и сущностью мира. София есть от века реальная сущность в Боге, в то время как для земного человечества она есть лишь идеал. Софийным человечество должно стать в процессе исторического развития, поэтому ни о каком тождестве его и Софии в рамках земной реальности не может быть и речи.

Сравнивая учения о Софии В.С. Соловьева и Е.Н. Трубецкого, можно за-

метить, что у первого Она многоаспектна, полифонична и не поддается четкой дефиниции. А.Ф. Лосев усматривал за этой «разноречивостью» софийных аспектов у В.С. Соловьева пафос его универсализма [6, с. 252]. Е.Н. Трубецкой, напротив, считал, что учение В.С. Соловьева о Софии из-за своей внутренней противоречивости не согласуется с христианскими положениями о Божественной Премудрости. Е.Н. Трубецкой приемлет для себя лишь те положения соловьевского учения о Софии, которые не идут вразрез с христианским трактовками. По этому поводу отечественный богослов и философ В.В. Зеньковский заметил, что Е.Н. Трубецкой, хотя и принял проблему Софии, тем не менее, отверг софиологию В.С. Соловьева и О.С. Булгакова за пантеистическое смещение Абсолюта и сущности мира [4, т. II, ч. 2, с. 11].

На новый уровень понимания мифологии Софии вышел С.Н. Булгаков. Начиная с философских аспектов Софии, которые нашли отражение в двух фундаментальных работах С.Н. Булгакова: «Философии хозяйства» (М., 1912) и «Свете Невечернем» (М., 1917), он завершил разработку софийной проблематики целостной богословской системой, посвятив ей трилогию «Агнец Божий» (Париж, 1933), «Утешитель», (Париж, 1936), «Невеста Агнца», (Париж, 1945).

В «Философии хозяйства» Булгаков определяет Софию как душу мира (совокупное человечество, то есть трансцендентальный субъект). При этом историческое человечество (эмпирическое выражение трансцендентального субъекта), а в нем и каждая отдельная личность онтологически причастны Божественной Премудрости.

Вопрос о соотношении Софии и мира С.Н. Булгаков, так же как и Е.Н. Трубецкой, рассматривает через категории актуальности и потенциальности. Мир в своей эмпирической действительности софиен лишь потенциально, актуально же он хаотичен. Противоборство в мире двух сил – хаотической и организующей лишь свидетельствует о том, что ранее существовавшее единство Софии было нарушено. Результатом смещения бытия от своего метафизического центра стала его децентрализованность, становление во времени, противоречивость. Отделение мира эмпирического от софийного С.Н. Булгаков определяет во вневременном состоянии (по аналогии с грехопадением Адама). Почему же мир отпадает от Бога? Философ объяснял это наличием у мира свободы. София, согласно его мнению, с одной стороны, полагает свой центр в Боге, а с другой – она свободна сместить этот центр, свободна обнаружить самость, которая составляет темную основу ее бытия, «ее слепую волю к жизни». Мир, так же как и София, впал в состояние неистинности, следовательно, он должен вернуться к своему исконному единству.

По утверждению С.Н. Булгакова, мир есть София в своей основе, но не есть София в своем состоянии. Следовательно, мир, с одной стороны, не может быть отделен от Софии, а с другой – противопоставлен ей. Будучи энтелехией мира, София есть мировая душа, выступающая организующим и связующим началом мировой множественности. Софийность мира для С.Н. Булгакова имеет различие по своей степени и глубине: высшим аспектом является Церковь, Богородица, Небесный Иерусалим,

Новое Небо и Новая Земля; во внешнем аспекте – софийность – это универсальная связь мира, одновременно идеальная и реальная, «живое единство идеальности и реальности, мыслимости и бытия» [10, с. 197].

По отношению к множественности мира София есть организм идей, в котором содержатся «идейные семена всех вещей», корень их бытия. Божественная Премудрость, с одной стороны, трансцендентна миру, а с другой – присутствует в нем как его основа. Можно ли тогда говорить об имманентности Ее миру? София, с точки зрения философа, выше времени, она находится вне процесса развития, в то же время, ее нельзя отделять от мира, поскольку он без нее не существует. Мир идей актуально содержится в Софии, он есть не только причина «тварного» мира, но и является его нормой. Мир, по С.Н. Булгакову, есть «засеменная идеями», становящаяся София.

В отношении Софии и мира в учении С.Н. Булгакова нет как дуализма, так и абсолютного тождества, хотя элементы пантеизма в его софиологии, безусловно, присутствуют, на что, кстати, указывали Е.Н. Трубецкой и Н.О. Лосский.

Иное понимание Софии встречаем в работе «Свет Невечерний», где Она определяется как «любовь Любви» и поэтому обладает личностью и ликом, то есть являет собой «субъект», «лицо» или «ипостась». Булгаков, однако, делает оговорку, указывая, что Ее ипостасность отличается от ипостасей Святой Троицы, поскольку она есть «особая, иного порядка, четвертая ипостась». Возможно ли в этой связи утверждать, что божественная триипостасность превращается в чет-

вероипостасность? По мнению Булгакова, – нет, ибо София есть начало новой, «тварной многоипостасности». София, по С.Н. Булгакову, находится вне божественного мира, она не входит в его абсолютную полноту, но в тоже время, она допускается в Бога в силу Его любви. Трактовка Софии Булгаковым также многоаспектна: Она и Вечная Женственность, и идеальный умопостигаемый мир, и особая ипостась, и все и всеединое.

Фундаментальные вопросы онтологии: что есть единое, соотношение единого и многого, сущности и явления, идеального и реального, актуального и потенциального – с введением в философию русскими мыслителями мифологемы Софии престаали быть вопросами о «чистых» абстракциях. Образ Софии органично вписался в метафизику всеединства, позволяя вывести обсуждение проблем «чистого» бытия на уровень поиска смысла личностного бытия человека и человечества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кудрявцев, П.П. Идея Св. Софии в русской литературе четырех последних десятилетий [Текст] / П.П. Кудрявцев // Христианская мысль. – Киев. – 1916. – № 9.
2. Семаева, И.И. Традиции исихазма в русской религиозной философии первой половины XX века [Текст] / И.И. Семаева. – М., 1993.
3. Гаврюшин, Н.К. По следам рыцарей Софии [Текст] / Н.К. Гаврюшин. – М., 1998.
4. Зеньковский, В.В. История русской философии [Текст] / В.В.Зеньковский. – 1991. – Т. II. – Ч. 2.
5. Аверинцев, С.С. София – Логос. Словарь. Дух і Літера. [Текст] / С.С.Аверинцев. – Киев, 2001.
6. Лосев, А.Ф. Философско-поэтический символ Софии у Вл. Соловьева [Текст] / А.Ф. Лосев // Лосев А.Ф. Страсть к диалектике. – М., 1990.
7. Лосев, А.Ф. Владимир Соловьев и его время [Текст] /А.Ф.Лосев. – М., 1990. – С. 569-570.
8. Трубецкой, Е.Н. Миросозерцание Вл. Соловьева [Текст] / Е.Н.Трубецкой. – М., 1913. – Т. 2.
9. Трубецкой, Е.Н. Смысл жизни [Текст] / Е.Н.Трубецкой. – М., 1918.
10. Булгаков, С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения [Текст] / С.Н. Булгаков. – М., 1994.

REFERENCES

1. Averincev S.S., *Sofiya – Logos. Slovar. Duh i Litera*, Kiev, 2001. (in Russian)
2. Bulgakov S.N., *Svet nevechernij: Sozercaniya i umozreniya*, Moscow, 1994. (in Russian)
3. Gavryushin N.K., *Po sledam rycarej Sofii*, Moscow, 1998. (in Russian)
4. Kudryavcev P.P., *Ideya Sv.Sofii v russkoj literature chetyrekh poslednih desyatiletij, Hristianskaya mysl*, Kiev, 1916, No. 9. (in Russian)
5. Losev A.F., “Filosofsko-poeticheskij simvol Sofii u Vl. Soloveva”, in: Losev A.F., *Strast k dialektike*, Moscow, 1990. (in Russian)
6. Losev A.F., *Vladimir Solovev i ego vremena*, Moscow, 1990, pp. 569-570. (in Russian)
7. Semaeva I.I., *Tradicii isihazma v russkoj religioznoj filosofii pervoj poloviny XX veka*, Moscow, 1993. (in Russian)
8. Trubeckoj E.N., *Mirosozercanie Vl. Soloveva*, Moscow, 1913, Vol. 2. (in Russian)
9. Trubeckoj E.N., *Smysl zhizni*, Moscow, 1918. (in Russian)
10. Zenkovskij V.V., *Istoriya russkoj filosofii*, 1991, Vol. II, Part. 2. (in Russian)

Кузнецова Светлана Вениаминовна, доктор философских наук, профессор, кафедра философии, Московский педагогический государственный университет, structura_mpgu@mail.ru

Kuznetsova S.V., ScD in Philosophy, Professor, Philosophy Department, Moscow State University of Education, structura_mpgu@mail.ru

УДК 215+165
ББК 60.56+86.2+87.2

«СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ БОГОСЛОВИЕ»: СОЦИОЛОГИЯ ИЛИ БОГОСЛОВИЕ?

И.В. Кирсберг

Аннотация. В статье предлагается обоснование критерия демаркации как преобладания познавательного или ценностного в дисциплине и проверка критерия на примере социологического богословия. Показана неоднородность этого богословия, колеблющегося от псевдонауки к науке, и его преобладающее качество как ценностной (внепознавательной) дисциплины.

Ключевые слова: демаркация науки и не науки, знание и ценности, специфика мышления и чувства, социологическое богословие.

“SOCIOLOGICAL THEOLOGY”: SOCIOLOGY OR THEOLOGY?

I.V. Kirsberg

Abstract. The article presents substantiation of the criterion of demarcation as predominance of cognitive or axiological in the discipline and tests it using sociological theology as an example. The article shows heterogeneity of this theology ranging from pseudo-science to science and its predominant quality as valuable (none-cognitive) discipline.

Keywords: demarcation of science and none-science, knowledge and values, specificity of thinking and feeling, sociological theology.

357

Ответ, кажется, очевиден: социология приложена к богословию как к существительному – подразумевает одна из отраслей богословия. Посредством социологии указан способ осуществления богословия, но не дисциплина. Впрочем, предположение большей самостоятельности социологии в богословии существенно не изменит ответ; если в любом случае подразумеваются сопоставимые по качест-

ву – познавательные – дисциплины, изменение их соотношения указывает только на особенности, но не на самопознание. И даже в случае различия социологии и богословия, как науки и не науки, указана только большая-меньшая строгость познания, – если само познание просмотрено, – все равно социология возможна в единстве с богословием; какие-то противоречия согласуются ходом общего дела. Их бо-

лее-менее одинаковый состав, как дисциплин, способствует единству. Этот очевидный ответ не показывает вопрос как проблему: *совместимы ли вообще социология и богословие?* – обнаруживает, в лучшем, лишь отдельные трудности объединения. Как проблема, это общеметодологический вопрос качества знания вообще, его границы и возможности в дисциплинах, тем более – организованных по образцу науки. Если дисциплина соответствует этому образцу, обладает ли она, *тем самым*, уже знанием, тем более – научным знанием? Производит ли она знание или только заимствует его? Если в богословии есть структурированная методология и ясно очерченная предметная область ее применения, есть система учреждений, журналов, то, *тем самым*, происходит ли богословие как познание?... Социология в качестве науки или хотя бы нестрогого знания кажется несомненной. Однако сохраняет ли социология познавательность, попав в богословие?

Таким образом, вопрос означает: совместимы ли познание и познавательно неопределенная или даже внепознавательная дисциплина?

На основании познавательно-ценностного различия как демаркации¹ уже приступили к ответу – на примере религиоведения и богословия [2; 3; 4; 5; 6]. Сужение примера – к социологическому богословию – обостряет трудности, но и поддерживает обоснованность ответа – в случае успеха. Социология, методологически более внятная, чем религиоведение, кажется менее приспособленной к объединению с богословием. Если же объе-

динение фактически происходит, может быть, богословие не столь познавательно сомнительно, как нам кажется. Или познавательно-ценностная демаркация недостаточно продумана и к данному примеру не применима. Выясняя возможность такого объединения, дополнительно проверим и возможность этой демаркации.

Эта демаркация обоснована строгим различием и особыми свойствами мышления и чувств. Ценностно-нейтральное (исследовательское) описание выполняется на основе обособления акта и его содержания по ходу мысли – в ней виден не акт, а само содержание (невозможно помыслить «что» и «как» мысли сразу; попытка внимания к акту происходит как новая мысль). Ввиду этого обособления, предусмотренного по общему свойству интенциональности мысли, понятна возможность сосредоточиться на как таковом, отвлекаясь от других содержаний, не входящих в текущий акт, распознать их как отличия – обращая к ним мысль – по присоединяемым актам. Понятно, что мышление обособляется не только в самом себе, но и относительно чувства, происходящего по-другому – не в предметной, а временной интенции (любые содержания, даже чувственность, складываются в метрику чувства, а не его данности, чувство к ним не направляется, а сквозь них происходит – переживается). Таким образом, ценностно-нейтральное описание не кажется наивным и невозможным. Наивным кажется обратное – предположение некоторых современных методологов, что стихийное смешение мышления и

¹ Идея такой демаркации и ее обоснования через сознание впервые высказана Л.В. Максимовым – в наших беседах и в книге [1].

чувства нельзя распознавать, сдерживать и контролировать. Даже только выборка данных методологам кажется ценностной – и лишь потому, что происходит определенно; как будто определенность – это обязательно предпочтение, а не сосредоточенность и распознавание отличий к ясности. Очевидна возможность уточнять ценностно-нейтральное описание как более-менее строгое, но сомнение в его возможности вообще – не очевидно.

Однако допустим все-таки, что в сомнении методологи разбираются с возможностью нейтрального описания и видят его шаткость – тогда возможность этого сомнения подтверждает возможность какой-то нейтральности – если не в описании, то в сомнении; иначе как сомнение обнаружит ценностное, или мнимо нейтральное качество описания. В любом случае это сомнение без познавательных уточнений не очевидно. Стихийное смещение мышления и чувства, создающее эффект гносеологической иллюзии, поддерживает его. Сквозь эту иллюзию любые мыслимые явления кажутся одинаково – не только по способу данности (как мыслимое), но и по своей природе (как таковые). Тем более что непосредственное осуществление в качестве данности не происходит. В мышлении чувство или воля не переживаются, а только мыслятся и, таким образом, ввиду иллюзии кажутся мыслью. И само мышление в расширенном виде – как сознание вообще – показывается одинаково; не видно возможности его отличия от познания. Акты мышления в течении мысли не видны – тем более неочевидно качество мышления. Это смещение концептуально сказывается в расширенной эпистемологии –

понимании, подразумевающим любые деятельности как познание, а их результаты – как знание. Сквозь гносеологическую иллюзию любые мыслимые явления кажутся более-менее объективными – по способу данности показываются со стороны. Тем больше возможностей одинакового понимания знаний и ценностей; ценности кажутся не только знанием *suī generis*, но и самостоятельными объектами в мире. Сдвиг смещения к мышлению, а не к чувству (скрытное влияние которого таким образом усиливается), по-видимому, связан с особенностями современного потребительства – орудующего наукой...

Таким образом, сомнение в ценностно-нейтральном описании, или познавательной строгости, выясняется не как случайная критика, а проявление расширенной эпистемологии. Она концептуально препятствует демаркации – сводит проблему качества и границы знания к его внутренним особенностям. Если знание и ценности по существу одинаковы, существенное различие между наукой и не наукой, тем более в случае дисциплин, построенных по одному образцу, невозможно. Различие соотношений знаний и ценностей показывает как будто лишь особенности познания – никакой устойчивой тенденции не видно. Даже в случае догадки – в религиоведении преобладает социально-историческое, а в богословии религиозное понимание [7, р. 212-214] – видны только уровни познания. Ввиду общего качества эти дисциплины пересекаются – концептуальной возможности различить их так и не видно. Только обратив внимание к особенностям мышления и чувства, мы обнаруживаем различия и в особенностях познавательной-ценност-

ных соотношений – виды соподчинения и преобразования знаний и ценностей. Чем строже мышление в обособлении актов и содержаний, в различении содержаний и добавлении новых, в надстраивании актов, распознающих эти различия и добавления как деятельность и данность предыдущих актов – тем строже мышление как познание нацеливается на предмет, тем строже выясняется предмет как знание. И тем менее ценностным изменениям податливо все познавательное; структура допускает возможность проникновения ценности в отдельные элементы. Ценность проникает, например, только познавательный акт мышления или только его содержание – в таких случаях знание только более-менее подчинено ценности, восстановимо. Содержания определяются актами, одинаковое содержание как таковое – материал – происходит и в различных актах, поэтому в ценностном изменении акта знание больше подчинено ценности, чем когда ценностно изменено лишь содержание – в таком виде знание очевиднее. Если же ценность проникает всю структуру, знание преобразуется – как собственно знание не происходит; трудно или вообще не восстановимо. Вероятно, исследователи никогда не проникнут к историческому Христу, только в слои первопроповеди (керигмы), пусть что-то о нем и было известно. Керигма происходила не как знание, а только значение Христа для христиан; какое-то знание общин быть может исходно преобразовано в выражение спасения – (почти) ничего собственно фактического из жизни Христа исследователями так и не распознано. Однако некоторые отрывки христианских источников поддаются восстановлению в

качестве знания о греческом мире, поэтому «звонящая медь», атлетическая метафора, цитата из Менандра распознаются как заимствования, пусть происходят в христианских значениях (как выражения борьбы наступающего спасения). Их ценностная зависимость изменила первоначальные акты их понимания, однако общий материал для сравнений с греческими источниками позволяет проникнуть к этим актам. Разумеется, и в греческом мире эти отрывки не чисто познавательные, однако их сравнение показывает ценностные различия, в которых исследователи видят собственно познавательное и его изменения. Заимствования легко обнаружимы, поскольку мир греков достаточно изучен; внутри христианства как такового их распознавание затрудняется – настолько изменились акты их понимания в христианстве. В случае ценностных изменений только содержания актов исследователи восстанавливают понимание прошедших людей даже вне первоисточников – не обладая доступом к актам этого понимания; акты сохраняются через свое содержание в последующем (ведь они не были ценностно изменены). Так возможно восстановление раннего христианства по конфессиональным особенностям – в христологических вариациях веры сохраняется Христос как спасение (то, что не только переживалось, но и являлось последующим христианам). Идея предопределения в классическом протестантизме понятна через особенности направлений и т.д.

Познавательное подчинение или преобразование ценности происходит по-другому; никакой структуры ценность не образует. Вне гносеологической иллюзии обратившись к испытанию ценности, мы видим ее как пере-

живание. Ценность как объект, на который направлена оценка, как видно, проявление этой иллюзии. В таком виде ценность кажется сходной мышлению, или познанию. Что интенция оценки – только длительность переживания, а не направление, что объект оценки – не ее цель, а чувственная метрика, видно по особенностям иллюзии и оценивания, соответствующего особенностям чувства. Как бы ценность понималась – являлась как образ – в самом оценивании, если испытать ее помимо оценки нельзя, если в ней то же, что и в оценке (оценивая нечто как доброе – одобряем) – никакого взаимообособления ценности и оценки в оценивании не видно. И не видно пространственной, логической расчлененности – видны целостные, степенные изменения, как в чувстве. Ценность понимается лишь в понимании, а не в оценке. Временность ценностного и познавательного – они делятся – способствует смешению, которое видится как слияние познавательных актов – комплексный акт. В таком смешении ценность как объект тоже видится однократно, сразу, но не потому, что происходит слияние существенно одинаковых актов, а лишь потому, что ценность является познавательно, а в оценке только переживается. Как поток ценность поддается лишь степенным воздействиям, в которых охватывается полностью. Тем не менее, гибкость мышления позволяет познанию менять воздействия: мышление представляет ценность и ее связи с познавательным, сдерживая ее влияние на познание как только фон или поощряет – вовлекая ценность в состав своих актов, усиливая их интенсивность. В таких случаях ценность подчинена познанию – как

ценность не скрыта в нем. Если же ценность использована как способ познания – она преобразована; ее собственное качество не очевидно. В таком случае преодолено стихийное течение ценности – она происходит постепенно, в необходимой связи с объектом; не нацеливаясь и не показывая объект, ценность готовит его появление (инструкция эксперимента). Ее подробности настолько обособлены, что происходят не только как метрика ее течения, но и показатели, предвосхищающие искомое явление, образующие с ним логическую, а может быть и причинно-следственную связь, взаимосвязанные между собой не только течением, но и логической последовательностью (предложения инструкции не как лишь выражения должного, но и следствия общего содержания). В таком случае и антисемитизм может быть не только неприязню – ненавистью, а способом вскрытия особенностей христианства или иудаизма (в контрастных сопоставлениях)...

Таким образом, выясняется возможность ценностного или познавательного преобладания в дисциплине, понятной теперь как критерий демаркации.

Ни знание, ни ценность как таковые не показывают качество деятельности, она выясняется лишь в том, как они происходят. Критерии науки обычно предполагают только особый вид знания; качество знания вообще и возможности его изменений в них не учитываются. Соответственно развиваются и обычные споры вокруг демаркации, предполагающие лишь различие между видами, или уровнями знаний.

Теперь ввиду избранного критерия демаркации понятно, что знания

складываются и *внепознавательного*, понятно, как такое возможно. Понятна возможность тонких маскировок псевдонауки – происходящих не за счет сознательного искажения фактов, а независимо от воли ученых или научного сообщества, только ходом деятельности, в которую они вовлеклись. Деятельность, утвердившаяся как дисциплина, тем неуклоннее воспроизводит маскировки как бы сама собой. Концептуальной основой, позволяющей маскировки, является расширенная эпистемология – ввиду критерия демаркации очевидная. Автор данной статьи различает два основных их вида: представляющие ценность под видом знания – нейтрализуя ценностные предубеждения возможных противников, навязывая им под видом обоснований быть может чуждую ценность как мир, «с которым нельзя не считаться». И представляющие знание под видом ценности (смешивая правду и правильное) – объявляя ложное знание высокоценным и, таким образом, оправдывая его сохранение как истинного, объявляя знание, даже истинное, не только ложным, а лживым, несовместимым с познанием, добиваясь его исключения из науки и укрепления нужной тенденции в ней – все это не обязательно за счет доводов, а через непосредственное навязывание или отторжение знания. Происходят маскировки обычно именно не злонамеренно, а ходом деятельности по образцу науки; даже если понятно, как их осуществить, их качество все равно не видно, поэтому намерению не достало бы зоркости. Ученый невольно отклоняется от познания, если от него требуется предзаданный (выгодный, социальный или даже чисто научно значимый)

результат. Любое самое строгое познание в такой деятельности будет познавательным бессмысленным. Потребуется большие или меньшие усилия, чтобы восстановить попавшее туда знание как знание. Тщательная познавательная оснастка позволяет богословию казаться наукой; продолжая и в таком виде обоснование Бога, оно так и остается познавательным пустым. Сбор фактов и их проверка, использование современной религиозно-научной методологии должны усовершенствовать обоснование – сделать его рационально более привлекательным. При этом возможны отклонения к познанию, если как маскировки они способствуют привлекательности. По мере несоответствия богословской цели познание присоединяется к религиоведению или его исправляют, вынуждают ученых прекратить исследования. Уход немецких католических богословов в светские вузы или отъезд в Австрию, критика богословами догматизма или отдельных областей богословия, преследования псевдосвященников – показатели расщепления дисциплины, по меньшей мере, ее неоднородности. Автор данной статьи выделяет в богословии собственно богословие – более-менее замаскированную под видом науки внепознавательную ценностную область и прорелигиоведение, известное под именами научного, религиозно-научного богословия, – прикладные или более самостоятельные исследования на пересечении и в совпадении с религиоведением как наукой. Собственно богословие очевидно преобладает – иначе наблюдался бы явный распад дисциплины.

Так же различимо и религиоведение – с преобладанием научного или общепознавательного знания, с

познавательно преобразованными и видами познавательно подчиненных ценностей (собственно религиоведение) и – пробогословие.

Теперь посмотрим, как происходит эта колеблющаяся неоднородность в социологическом богословии. Сосредоточимся на одном обзоре, который как показатель всей отрасли и будет для нас «книгой книг» [8]. Сужение примера до одной книги упрощает понимание; нам и требуется пока один взгляд на целую отрасль – для общего исследования проблемы.

Как видно, социологические богословы отличают свою собственную отрасль от примыкающих к ней: социологическое богословие занято социальным контекстом богословия, привлекает социологию для своих нужд [Ibid, p. 15, 22]. Исследование социальных детерминант богословия и его социальной значимости является больше социологическим, а не именно социолого-богословским делом [Ibid, p. 15, 21]. Это различие трех видов взаимодействий социологии и богословия кажется догадкой понимания социологического богословия как ценностной отрасли. Догадка если и может снизить привлекательность отрасли, по существу, не уничтожит ее значение; показывает возможность сокращения псевдонаучности и возможность последовательно ценностного развития. Это различие в первых двух видах подразумевает причинно-следственные связи, отличающиеся от оправдания (причина богословия ничего не сообщает о самом богословии, необходимо не влияет на его содержание), а в третьем подразумевает значимости –

отделяя познавательное от ценностного, еще убедительнее как догадка. Однако эти взаимодействия называются исследованиями и показываются именно таким образом. Причинно-следственные связи подразумеваются и в самом социологическом богословии, но уже в смешении с ценностным. Обнаружение социального происхождения ценностей религиозного фундаментализма почему-то должно подрывать его притязания на абсолютное [Ibid, p. 142], хотя, казалось бы, различие причины и оправдания такую взаимосвязь предположить не позволяет. Даже только логически оправдание как обоснование вообще и объяснение – разные процедуры (причина в отличие от основания не содержит следствия²). Тем больше различие, если это именно оправдание, а не познавательная процедура. Однако в выступлении против фундаментализма социологическое богословие представляет возможность ценностного использования познания как его *необходимое* продолжение...

В отличие от других отраслей это богословие ясно различает знание и ценность, понимает познание как нейтральное описание [8, p. 27]. Отклонив возможность ценностно-нейтральной теории, это богословие допускает познавательный контроль за ценностями – какую-то возможность нейтрального описания, кажется, признает («...подлинно научная методология... требует признать, что у нас у всех есть ценностные предубеждения и что нам следует всячески выявлять их, а не оставлять непроясненными в ценностно

² Об этом различии наиболее ясно см.: [9], особенно с. 61-62.

свободной по виду теории» [Ibid, p. 36]). Ценность как данность непосредственно меньше влияет на исследователя – эта особенность, думаем, подразумевается в указанном способе контроля. Контролем за ценностями (и, думаем, разновидностью этого способа) является и проверка логической связи социологических заключений и религиозных убеждений богослова; их взаимонезависимость – показатель науки [Ibid, p. 37]. Однако выполнение этих возможностей не предусматривает преобладание познавательного в дисциплине, а только ослабление влияния ценностей («...нет надобности утверждать, будто личные ценности и религиозные ориентации подавляют все социальные научные исследования религиозных явлений» [Ibid, p. 36]), тем более мягкое, что не различает последовательно нейтральность в описании, теории и дисциплине, свободу от ценностей и нейтральность (рассуждения о «нейтральном положении социологов» тут же превращаются в рассуждения о «нейтральности» дисциплины, подразумеваемая и нейтральность теории [Ibid, p. 26], «нейтральная теория» тут же может быть названа и «ценностно свободной»; отклонение возможности такой теории подразумевает и отклонение нейтрального описания – «ценности и идеологии социологов действительно оказывают влияние на их работы» [Ibid, p. 35] – так начинается этот отказ). Что дисциплина может быть нейтральна посредством контроля, а не через свободу от ценностей, что нейтральность отдельных описаний или обособленных теорий или же их предубеждения еще не показатели

качества всей дисциплины, а только неоднородности, – в такой сплошности увидеть нельзя. Подразумеваемая возможность нейтрального описания через контроль – ввиду которой проявились бы и эти различия – так и не выявлена к пониманию. В такой сплошности видно, как выполняется расширенная эпистемология – ценности и знания смешаны в этом богословии не в отождествлении и не прямо в выравнивании их взаимодействий, а более тонким способом – *их взаимодействие выровнено через познавательный контроль за ценностями* (превращаемый так в способ ценностного утверждения). Тем более что вместо нейтрального описания, связанного почему-то с определенной – индуктивной – методологией, предположены творческие модели [Ibid, p. 36], в которых спайка знаний и ценностей несомненна. Как равновозможные в познавательной дисциплине знания и ценности кажутся сравнимыми и по качеству; контроль сдерживает влияние ценностей, тем неочевиднее их отличие от знаний, тем меньше возможностей указанных нами различий. Эта исподволь выполняемая расширенная эпистемология не только скрадывает определенность знания и ценности, а имеет ценностную направленность; сквозь нее не видно различий социологии религии и религиозной социологии. Фактическое размежевание этих дисциплин таким образом концептуально преодолевается: кажется, обе дисциплины равно выполняют общее дело – социологическое исследование. Если качество дисциплин по существу одинаково, главное возражение социологии против религиозной социологии

логии как «паразитарной дисциплины», только «использующей социологическую технику», оказывается мнимым. Социологические богословы показывают нормативное значение авторитетов в социологии не меньшее, чем священных текстов в религии [Ibid, p. 108-109] – тем сомнительнее познавательное преимущество социологии перед богословием. Прагматизм возможен не только в религиозной социологии, а вообще в науке – и это возражение социологии легко отклонимо. «Несомненно, одни социологи были бы готовы работать для богословия или для церкви, другие же нет. Однако эта готовность не служит к различию их как религиозных социологов и социологов религии» [Ibid, p. 40]. Демаркация показывает обоснованность всех этих социологических возражений богословию: нормативность и прагматизм познания отличается от ценностной деятельности – авторитет в социологии направляет к познанию, а не к авторитету, социология выполняет церковные заказы, руководствуясь познанием, а не религией. Ввиду неопределенности познания эти возражения показываются независимо от него, поэтому кажутся легковесными...

Это постепенное концептуальное упрямствование религиозной социологии или ее подразделения – социологического богословия под видом социологии религии направлено к укреплению церкви посредством науки. Потребительская мощь науки поощряет и даже навязывает канонизацию научного образца (в мире, где деньги – единственное, что позволяет не думать о них); откровенное выступление богословия как ценностной

деятельности возможно приблизит его к нуждам верующих, но сократит потребительские возможности и влияние. Социологические богословы опасаются обособления верующих от общества и раздробления церкви – окруженной непониманием и подозрениями [Ibid, p. 84-85]. Социология позволяет, по мнению этих богословов, не только обнаруживать такие угрозы, но и преодолевать их, как видно на примере фундаментализма, – даже в одном и том же исполнении. Такие угрозы понимаются познавательным – фундаментализм как интеллектуальное течение – тем более с ними борются познавательными средствами. Например, используя теорию диссонанса. Что приверженность вере происходит независимо от обоснований, по меньшей мере, необходимо с ними не связана, а под влиянием веры, – ни теория, ни ее сторонники, ни критики обычно не замечают; обнаружив усиление веры вопреки аргументации, пытаются понять такой диссонанс как проявление какой-то разумности и воздействовать на веру как разум через аргументацию... Социология позволяет также приблизить образы святых, примеры религиозных добродетелей к современности верующих, оживляя традицию церкви [Ibid, p. 219-221]. Позволяет выборку прошлого, показывая верующим жизнь реальных, а не выдуманных святых [Ibid, p. 220]. Таким образом, очевидные в некоторых ключевых примерах деятельности этого богословия познавательные смешения – не случайные недостатки, а качество этого богословия. Осуждение поспешных переходов от описаний к предписаниям [Ibid, p. 35] подразумевает не позна-

вательную ясность и не разрыв социологии и богословия, а смешение, только более тонко выполненное: предлагается, тем самым, разворачивать нормативную цель не в требованиях, а в применении познавательных средств. Социально принуждаемое к науке, но познавательно не осуществимое, и это богословие происходит как псевдонаука. Познавательная значительность и строгость социологии придает ему видимость научного блеска – ослепляющего если не исследователей, то многих интеллектуалов. Однако мы сомневаемся, что в таком искусственном состоянии это богословие достигнет цели. Под видом науки богословие меньше доступно обычным верующим и менее пригодно к решению социальных трудностей. Как социология может еще их исследовать, но к социальному решению, тем самым, не перейдет, разве что замкнется в ученых спорах, в борьбе с отдельными знатоками. Если же деятельность этого богословия будет скорее мобилизовывать массы, не столько, например, совершенствовать измерения религиозности, сколько использовать ее выборку, убеждая христиан в мусульманской угрозе, – напрасно борьба за общественное влияние через науку (ненаучность богословия в такой деятельности очевидна).

Таким образом, и социологическое богословие не преодолевает кризис дисциплины; пока будет маскироваться под науку, его влияние будет сокращаться. Неоднородность этого богословия менее очевидна, маскировки более искусны – не только используют специальную научную методологию, но и общеметодологическое понимание научной строгости.

Как видно, однако, происходят они по существу так же, как и в богословии в целом – обнаружимы согласно избранному критерию демаркации, соответствуют нашему пониманию маскировок. Методология этого богословия более строгая, поэтому в нем преобладает ценностно подчиненное, а не преобразованное знание, больше возможностей к науке. Как история религиозной социологии, богословско-социологических взаимодействий или методологическое изыскание это богословие не отличается от исследования или его результаты познавательно восстанавливаемы. Мы видим границу ценностного понимания фундаментализма и можем восстановить его понимание – в богословском описании распознаем ценности фундаментализма как таковые. Или понимаем теорию диссонанса и ее применение в богословии – отвлекаясь от цели ее применения... В таких случаях обычно искажается знание, осуществившие его акты сохранены: сохранена методология знания и возможности ее познавательного применения, восстанавливающего знание (понятно, что в отсутствие методологии определить уровень ценностного подчинения только по искажению знания – труднее).

Все эти сбивки богословия к познанию как примеры неустойчивости дисциплины – показатели ее кризиса. Неоднородность может быть нормой, если существенно не влияет на качество дисциплины в целом. Вопрос как проблема теперь проясняется, но исторически остается открытым: социологическое богословие еще колеблется от псевдонауки к науке, и его перспектива не очевидна. Сейчас это богословие происходит как богословие.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Максимов, Л.В. Когнитивизм как парадигма гуманитарно-философской мысли [Текст] / Л.В. Максимов. – М.: РОССПЭН, 2003.
2. Кирсберг, И.В. Способы уточнения религиозоведения как гуманитарной науки [Текст] / И.В. Кирсберг // Знание. Понимание. Умение. – 2006. – № 1.
3. Кирсберг, И.В. Как возможна научная «религиоведческая феноменология»? [Текст] / И.В. Кирсберг // Научные и богословские эпистемологические парадигмы: историческая динамика и универсальные основания / Под ред. В.Н. Поруца. – М., 2009.
4. Кирсберг, И.В. Религиоведение: от дисциплины к науке? [Текст] / И.В. Кирсберг // Философия и культура. – 2011. – № 12.
5. Кирсберг, И.В. Феноменология и феноменология религии: каков общий идейный фон? [Текст] / И.В. Кирсберг // Вопросы философии. – 2014. – № 1.
6. Kirsberg, I.W. Phänomenologie und Religionsphänomenologie vor dem Hintergrund einer erweiterten Epistemologie? // *Jahrbuch für Religionsphilosophie*. – 2014. – B. 13 (Freiburg / München: Karl Alber Vlg. 2015).
7. Colpe, C. *Theologie, Ideologie, Religionswissenschaft*. – München: Chr. Kaiser Vlg., 1980.
8. Gill, R. *Theology in a Social Context: Sociological Theology*. – V. 1. Farnham, Surrey, GBR: Ashgate Publishing Ltd. 2012.
9. Максимов, Л.В. Причинное объяснение и логическое обоснование [Текст] / Л.В. Максимов // Философские науки. – 1986. – № 3.

REFERENCES

1. Colpe C., *Theologie, Ideologie, Religionswissenschaft*, München, Chr. Kaiser Vlg., 1980.
2. Gill R., *Theology in a Social Context: Sociological Theology*. V.1. Farnham, Surrey, GBR, Ashgate Publishing Ltd. 2012.
3. Kirsberg I.V., Fenomenologija i fenomenologija religii: kakov obshhij idejnyj fon, *Voprosy filosofii*, 2014, No. 1. (in Russian)
4. Kirsberg I.V., “Kak vozmozhna nauchnaja “religiovedcheskaja fenomenologija”, in: *Nauchnye i bogoslovskie jepistemologicheskie paradigmy: istoricheskaja dinamika i universalnye osnovanija*, ed. V.N. Porusa, Moscow, 2009. (in Russian)
5. Kirsberg I.V., Religiovedenie: ot discipliny k nauke, *Filosofija i kultura*, 2011, No. 12. (in Russian)
6. Kirsberg I.V., Sposoby utochnenija religiovedenija kak gumanitarnoj nauki, *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2006, No. 1. (in Russian)
7. Kirsberg I.W., Phänomenologie und Religionsphänomenologie vor dem Hintergrund einer erweiterten Epistemologie, *Jahrbuch für Religionsphilosophie*, 2014, B.13, Freiburg, München, Karl Alber Vlg, 2015.
8. Maksimov L.V., *Kognitivizm kak paradigma gumanitarно-filosofskoj mysli*, Moscow, ROSSPJeN, 2003. (in Russian)
9. Maksimov L.V., Prichinnoe objasnenie i logicheskoe obosnovanie, *Filosofskie nauki*, 1986, No. 3. (in Russian)

Кирсберг Игорь Викторович, доктор философских наук, профессор, Школа философии, факультет гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», kirsberg@hotmail.com

Kirsberg I.V., ScD in Philosophy, Professor, School of Philosophy, Humanities Faculty, National Research University “Higher school of Economics”, kirsberg@hotmail.com

ИСТОРИЯ И ЧУВСТВА: КАЗУС ПОСИДОНИЯ

А.В. Хазина, Л.В. Софронова

Аннотация. В статье рассматривается феномен своеобразного «расщепления» наследия Посидония Апамейского, которое характерно и для его эллинистических последователей, и для современной историографической традиции. На основе анализа философских и исторических фрагментов Посидония авторы высказывают гипотезу о том, что ключом к восстановлению целостности его «философии истории» может служить концепция «симпатии». Посидоний смещает «точку отсчета» античного философского дискурса: исследование структуры души и феномена аффективного становится у него одной из центральных проблем. Пересмотр раннестойческой теории страстей как алогического движения логоса и дисфункции рационального начала позволили Посидонию рассуждать об иррациональном как естественном элементе человеческой психики. Философская мысль Посидония естественно движется от физики к этике, а исторический нарратив становится манифестацией движения «энергий души», проявлением непроявленного, наиболее зримым доказательством.

Ключевые слова: Посидоний, эллинистический исторический нарратив, стоическая теория аффективного, стоическая этика.

368

HISTORY AND SENSES: CASUS OF POSIDONIUS

A.V. Khazina, L.V. Sofronova

Abstract. The article deals with a phenomenon of “splitting perception” of the Posidonius of Apamea’s heritage, which had been quite typical among his Hellenistic successors as well as it is now within modern historiographical tradition. Drawing upon the analysis of the philosophical and historical fragments of Posidonius, the authors hypothesize that the key to restoring of the integrity of his “philosophy of history” may be the concept of “sympathy”. Posidonius shifts the benchmark figure of the ancient philosophical discourse focusing on a study of the structure of the soul and the phenomenon of affectivity as a core problem. Revision of the Early Stoic theories of passions as illogical “Logos” movement or a dysfunction of “Ratio” allowed Posidonius to reflect on the irrational issues as a natural element of the hu-

man essence. Thus, Posidonius' philosophical thought naturally transfers from physics to ethics, his historical narrative is becoming a manifestation of the movement of "energy of the soul", a manifestation of the unmanifested logos and the most visible evidence.

Keywords: *Posidonius, Hellenistic historical narrative, the Stoic theory of affectivity, Stoic ethics.*

«Философ и историк Посидоний, – сообщает Псевдо-Лукиан, – родом был из Апамеи, гражданство же имел родосское» (Т. 4 ЕК). Суда уточняет, что этот «философ-стоик, по прозвищу "Атлет", ученик и приемник Панетия имел школу на Родосе... написал много» (Suid. Pos. 217-10 = Т. 1а ЕК)¹. Современному исследователю остается только сожалеть, что из этого «многого» сохранились лишь немногочисленные фрагменты его трудов, зачастую в передаче более позд-

них авторов; часть же текстов известна лишь по названиям². Кроме того, сама аутентичность некоторых сочинений Посидония остается труднодоказуемой³. Во многом все это и определило противоречивость, неоднозначность, а нередко и противоположность трактовок текстов Посидония, его места и влияния в античной философской и историографической традициях.

Сходным образом, противоречивые и двойственные оценки в науч-

¹ Тексты античных авторов цитируются общепринятым образом – полностью или с сокращением, когда это не вызывает неясности. Например, сокращение: Gal. De Hipp. et Plat. plac. IV p.258, 19 De Lacy; Т. 83 ЕК; fr.408 Th. отсылает к соответствующему месту IV книги труда Галена «Об учениях Гиппократов и Платона», изданного Филиппом де Лаки [1]. Записи: «Т. 83 ЕК», «fr. 152 ЕК» означают, что данное место IV книги Галена издатели корпуса фрагментов Посидония Л. Эдельштейн и Й. Кидд и В. Тайлер идентифицировали как свидетельство 83 и фрагмент 152.

² В зарубежной историографии существует два современных фундаментальных издания фрагментов Посидония: Л. Эдельштейна – Й. Кидда [2] и В. Тайлера [3], некоторые фрагменты Посидония содержатся в более обширных собраниях текстов эллинистических философов, опубликованных А. Лонгом и Д. Сидли [4]. Потребность в издании полного корпуса сочинений Посидония на русском языке осознается уже более пятидесяти лет [5, с.806-809], до недавнего времени были изданы только его отдельные фрагменты [6, с. 197-199; 7, с. 25, 170; 8, с. 42, 54, 57, 60, 139, 207; 9, с. 155-162; 10, с. 185-191; 11, с. 81-91]. Первые результаты системной работы над корпусом сохранившихся текстов Посидония в 2011 и 2013 гг. представил А.А. Столяров [12, с. 31-53; 13, с. 35-53].

³ Ситуация для отечественных ученых осложняется еще и тем, что наследие этого греко-сирийского мыслителя, «самого универсального представителя Стои» практически не было предметом специального исследования. Творчеству Посидония посвящены лишь небольшие разделы, главы и упоминания в трудах Ф.Ф. Зелинского [14], А.Ф. Лосева [5], А.А. Столярова [15] и А.С. Степановой [16; 17].

ной литературе получают и сохранившиеся фрагменты исторического сочинения Посидония, которое он назвал «Историей» (Athen. IV. 151e; T. 80 EK). По словам Суды, это был обширный труд в 52 книгах, продолжавший «Историю» Полибия (Suda. 2107 – 2109; T. I a-b EK) и, вероятно, хронологически ограничивавшийся 145 – 88 гг. до н.э.⁴

У большинства исследователей рождает недоверие, прежде всего, стиль исторического нарратива Апамейца, который, возможно, и провоцирует невнимание к хронологической и фактологической точности материала, излагаемого в «Историях». Продолжая во многом античную линию критики Посидония⁵ и опираясь на работы У. фон Виламовица⁶ [19, s. 211] и К. Рейнхарда [20, s. 45], Й. Кидд выделяет в качестве специфических черт историописания Апамейца – морализаторство, назидательность, увлечение риторикой, и как следствие – искажение исторической объективности [21, p. 865-866]. В посидониевой «Истории», утверждает Г. Фербрюгге, довольно много примеров так называемой «трагической истории», о которой прекрасно написал Б. Ульман [22, p. 192]. Еще более суровый вердикт

выносит Посидонию Э. Бэдиан. «Мы должны очистить сознание от малейших следов веры в назидательную историю Посидония ...она принадлежит к тому классу риторических фигур, которые известны из Аристофана и проходят от Демосфена к Цицерону и далее...» [23, p. 108].

Между тем, несмотря на безапелляционный тон Э. Бэдиана и авторов большинства критических замечаний⁷, ряд исследователей придерживается прямо противоположного мнения относительно значимости исторического труда Посидония. Вслед за В. Йегером, оценившим в свое время «исторический взгляд» Апамейца как «превосходящий образ мыслей всех его современников» [24, s. 137], Г. Страсбургер характеризует «Историю» как «следующий за Геродотом и Фукидидом ... богатый идеями греческий исторический труд» [25, s. 36]. К. Фриц констатирует, что Посидоний–историк превосходит Полибия, так как рассматривает политическую историю не изолированно, а учитывая многие факторы, которые заставляли действовать людей, и были важнейшей частью их жизненного мира [26, s. 183].

Создается впечатление, что всякое последующее изучение истори-

⁴ О полемике в современной историографии по поводу хронологических рамок «Историй» Посидония см. работу К. Брингмана [19].

⁵ Не ставя под сомнение научный авторитет Посидония, Страбон, Гален, Сенека отмечали высокий гимнический стиль его исторических произведений. Согласно Страбону, Посидоний излагал материал с восторженными преувеличениями, в «красивой форме, как бы много заимствуя от метала в своей речи» (T. 103 EK). Сенека упрекал его в том, что увлеченный «сладостной речи», он отклонился от истины (T. 106; fr. 284 EK).

⁶ Виламовиц выдвинул против Посидония обвинение в том, что тот «слишком легкомысленно отнесся к критическому долгу историка» [19, s. 211].

⁷ Продолжить можно было бы, приведя мнения А. Нока, Ю. Малица, К. Брингмана и др.

ческого нарратива Посидония неминуемо должно будет присоединиться к одному из этих полярных мнений. Возможно, только смена привычной исследовательской парадигмы, в рамках которой фрагменты исторического повествования Посидония рассматриваются как замкнутая система, поможет оценить, насколько оригинален и ценен Посидоний-историк для современного исследования эллинистической и, в целом, античной истории, а также для изучения самого процесса становления историописания как специфической формы научной деятельности [27, с. 29]. Очевидная масштабность вопроса требует системного и тщательного исследования, выходящего за рамки отдельной статьи, формат которой позволяет лишь поставить проблему на примере одного казуса.

Казус этот состоит в следующем. Уже самые ранние античные «критики», говоря о Посидонии-историке, упрекали его в «театрализованности», избыточной трагичности и прочих недостатках (Страбон, Гален, Сенека). Однако те же авторы (а вслед за ним и множество других) неизменно высоко ставили его как философа, исследователя этических проблем и даже – выражаясь в современных терминах – методолога. «Мастер логических доказательств и философ, претендующий, пожалуй, на первое место», – заключает Страбон (Т. 46 ЕК; fr. 29 а Th. Пер. А.А. Столярова), а Гален отмечает, что Посидоний «...больше, чем другие стойки пользовался строгими доказательствами» и обладал среди них «самым научным складом ума» (Т. 83, 84 ЕК).

Иначе говоря, Посидоний оказывается как будто бы «разорванным» не только физически – на цитаты и фрагменты, но и в известной степени – метафизически: в восприятии последователей и исследователей его авторская целостность словно бы расщепляется.

Представляется, однако, что эта ускользающая целостность может быть восстановлена, несмотря на физическую фрагментарность уцелевшего наследия Посидония, на что обращают внимание многие современные учёные.

Например, Т. Бреннан пишет: «Изучая стоицизм, можно встретить всевозможные фразы, афоризмы, образы, которые легко расхватать в силу их привлекательности, но мы также можем многому научиться из самого факта взаимоотношенности целостной системы даже тогда, когда мы уже больше не поддерживаем или не постигаем эту систему как целое» [28, р. 320].

По нашему мнению, в случае Посидония такой системой («уже не постигаемой нами как целое»), может служить этическая проблематика и его исследование феномена «аффективного». Именно эта проблематика оказывается для Апамейца в буквальном смысле слова высшей «точкой зрения», своеобразной «точкой отсчета» в его системе координат (философских, этических, исторических), а для нас – чрезвычайно полезным методологическим инструментом, позволяющим совершенно по-новому навести нашу оптику в отношении наследия Посидония.

Аффективное как важнейший феномен человеческой психики было предметом философской рефлексии

уже у Сократа, Платона⁸ и Аристотеля. Эта тема представлялась одной из важнейших философам раннего стоицизма⁹. Посидоний рассматривал эту проблему в нескольких трактатах: «О душе», «О страстях», «О гневе» (fr. 28 a-b, 30 EK). Его мысль продвигалась в русле традиции стоической школы, но при этом он стремился прояснить те затруднения, с которыми столкнулись его предшественники, стоики: он пытался переосмыслить и переопределить статус иррационального и области его пребывания в человеческой душе. Раннестойческое учение, в котором страсти определяются как некое алогическое движение логоса, как своеобразная дисфункция рационального, – это учение, отражающее принципиальные позиции школьного монизма стоиков (Galen. *De Hipp. et Plat. plac.* IV 3 p. 246, 38; V 1 p. 292, 4, 18 *De Lacy*), Посидоний подвергает кардинальному пересмотру.

Наиболее полные сведения об исследовании Посидонием природы аффектов содержатся в трактате Галена «О мнениях Гиппократов и Платона», в котором приведены многочисленные эксцерпты из работы По-

сидония «Περὶ παθῶν» («О страстях»), а также отрывки, затрагивающие проблему души и страстей, которые Гален не идентифицировал как части этого сочинения. Не исключено, что они были взяты из других работ Посидония. Фрагменты, приводимые Галеном, свидетельствуют, что сфера аффективного в философии Посидония являлась неотъемлемой частью его исследования души. Примечательно, что процесс исследования сам по себе представлял собой попытку очертить структуру души, ее способности, прояснить природу и причины возникновения аффектов, и – самое важное – сопоставить их с душевными силами. Страсти были классифицированы; более того – рассматривалась возможность их излечения. А это, в свою очередь, затрагивало вопросы воспитания и обучения, что возводило круг исследуемых проблем в сферу экзистенциального вопрошания о самой цели существования. Важно подчеркнуть, что аффективное исследовалось не только в разделах по психологии и антропологии, но и в физической части учения, что представляется для Посидония вполне естественным и логичным, поскольку он настаивал, что

⁸ Вероятно, именно Платон впервые в своем исследовании «души» сформулировал вопрос: может ли разум всецело контролировать аффективную часть души? И в ранних диалогах пришел к утвердительному ответу. Поскольку, подобно Сократу, трактовал всякую добродетель как знание, хотя позже, в «Пире» и «Федре», это знание у него было неотделимо от высшей страсти – любви, а также телесного благосостояния (*Gorg.* 504 a-d, *Theaet.* 176 e – 177 a, *Resp.* I 353 a – 354 b, IV. 443 b-e, IX 583 b – 586 e.).

⁹ Зенон посвятил этой проблеме целый ряд сочинений: «О жизни согласно природе», «О влечении, или о природе человека», «О страстях» (*Diog. Laert.* VII. 4). Своё развитие она получила в одноименных и самостоятельных трактатах Клеанфа: «О влечении», «О благонамеренности», «О разуме», Сфера: «О влечении», «О страстях» (*Diog. Laert.* VII. 174, 177, 194) и Хрисиппа: «О душе» (*SVF* III 174; 688 etc).

само изучение этики во многом зависит от тщательного изучения аффектов и способностей души (Galen. De Hipp. et Plat. plac. IV p. 396. 15-397, 8; V p.451, 6-13 Müller = fr. 150 a-b EK). Таким образом, возникал обоснованный переход от физики к этике, удостоверялась внутренняя связность, или «сцепленность» различных частей философии, которую Апамеец уподоблял живому существу: физическую часть – крови и плоти, логическую – костям и жилам, а этическую – душе (fr. 88 EK).

Точно такая же логика лежала и в основе следующего «перехода» – когда Посидоний вступал в область исторического исследования. Понимание важности исследования аффективного в человеческой душе приводило его к постановке вопросов о внутренних причинах человеческих поступков и исторических событий [29, с. 175]. Любопытно, что Гален свидетельствует о своеобразном «встречном движении» мысли Апамейца, манифестирующем, по сути, ту же логику. Гален полагал, что исторические сюжеты включены Посидонием в исследования о страстях, дабы «поэтические речения и истории из прошлых деяний подтвердили правоту говоримого им» (Galen. De Hipp. et Plat. plac. IV p. 372. 12-13 M = T. 104 EK).

Обосновывая собственную специфическую концепцию аффективного, Посидоний опровергает раннеисторические представления. Вступая в полемику с Хрисиппом, он предлагает контраргументы о способностях души и причинах страстей. Углубляясь в исследование причин различных человеческих аффектов, он во многом следует этиологическому методу

Аристотеля (Strab. II. 3. 8. = T. 85; fr. 93 a EK), интерпретируя термин «αἰτία» (причина) как «то, посредством чего вещь возникла, или первое создающее начало вещи, или первоначало ее создания» (fr. 95 EK) [30, с. 181].

Воспроизводя традиционную логику Платона и Аристотеля, Посидоний пытается описать источник и отграничить область пребывания аффективного в душе. Гален полагал, что первая книга сочинения «О страстях» являла собой эпитому платоновских идей, касающихся данной проблематики (fr. 31 EK). Между тем, с этим не совсем сообразуется терминология, которой пользуется Посидоний, а также его взгляд на структуру души. Платон полагал, что душа имеет сложную составную трехчастную структуру; он локализовал эти части в различных «топосах» человеческого тела, описывая ее следующими терминами: ἀρχή (начало), εἶδος (вид, форма), πᾶθος (сторона, состояние), μέρος (часть). Посидоний же предпочитает пользоваться понятиями δύναμις (сила, свойство, способность души) и πάθος (в значении – состояние, претерпевание, движение души). Подобное употребление терминологии, смещенной в семантические поля «подвижности» или «динамики», ближе к аристотелевскому способу описания души и ее свойств. Можно предположить, что именно в этих семантических пространствах формулировки Посидония обнаруживают заметное влияние терминологии Аристотеля.

Исследуя структуру души, Посидоний в одних фрагментах ближе к Платону: он рассуждает о трех ее «силах», способностях (вожде-

щей, волевой и разумной), в то время как душа сама по себе едина, и помещается, как у стоиков, в человеческом сердце (fr. 142, 143, 146, 157 ЕК). В других отрывках – напротив – он, в русле аристотелевской мысли, противопоставляет «разумную» и «неразумную» силы. При этом к алогической, «неразумной» способности души он относит и вожделеющую силу, и силу пылкую – их движения, собственно, и порождают страсти (аффекты) – (Galen. De Hipp. et Plat. plac. IV p. 348, 5-350, 13 M = fr. 152 ЕК).

Посидоний выстраивает фундаментальную контраргументацию по отношению к стоической доктрине, рассматривавшей аффекты как «нарушение, ошибку логоса»: разум не может быть источником аффектов, поскольку не может выйти за пределы своей меры (Galen. De Hipp. et Plat. plac. IV p. 348. 5-350 M = fr. 34 ЕК). Посидоний же полагает, что страсти имеют своим источником неразумные способности души. Рассуждая таким образом, он рассматривал страсти как вполне естественное начало, которое присуще и человеку, и животному. В этом отношении анализ Посидония воспроизводит движение мысли Аристотеля и отклоняется от представлений Платона, который помещал аффективное в «нижнюю часть души» и рассматривал аффекты как некое «падение ума», или следствие злонамеренного вторжения материального в логос.

Неудивительно поэтому, что в сфере этики Посидоний рассматривал управление страстями посредством разумных сил и воспитание страстей в качестве наиважнейших вопросов. Вслед за Платоном, Посидоний утверждал, что именно к че-

тырнадцати годам душе человека следует быть предуготовленной к восприятию разумного и логического начал. Он, тем самым, присоединялся к платоновской мысли о том, что добродетель можно и нужно формировать, что она воспитуема (fr. 2, 31, 32 ЕК).

В общем и целом, и Платон, и Аристотель, и Посидоний придерживались убеждения, что страсти, порождаемые душой, требуют управления разумом и воспитания. Однако для Платона аффективное должно быть, в конечном итоге, изжито: ведь источник аффектов находится вне человеческой души, в материи. Напротив, Посидоний, вослед Аристотелю, подчеркивал, что существуют и положительные иррациональные аффекты, которые – в соединении с разумом – достигают и высших форм знания, а порою – и подлинного вдохновения. В представлениях Аристотеля (равно как и Посидония) искоренение аффектов не только невозможно, но и не нужно. Аффекты, разумеется, должны быть управляемы, ограничены, «определены» – но, главным образом, с помощью принципа меры (Galen. De Hipp. et Plat. plac. V p. 444. 11-448; VIII p. 653. 14-165 M).

Посидоний утверждает, что «польза, которую мы должны извлечь из открытия причин страстей не так уж мала и не случайна». Когда была обнаружена причина страстей, «это показало источники искажений в том, к чему следует стремиться и чего избегать, это прояснило методы обучения» и излечения (fr. 150 b ЕК) [31]. Поскольку «причина страстей, то есть дисгармонии и несчастной жизни состоит в том, что люди не следуют во всем божественному в самих себе, которое

близко и сходно по природе с божественностью, управляющей всей вселенной, но иногда они отходят в сторону, сопровождаемые низкой и звериной половиной в них и позволяють этому низкому и звериному увлекать их за собой» (fr. 187 ЕК).

Таким образом, для миропонимания и «мировидения» Посидония было естественным и характерным то движение от физики к этике, та «сцепленность» различных частей философии, которую мы обнаруживаем, а точнее, восстанавливаем, так сказать, за границами доступных нам фрагментов Апамейца.

В сердцевине этой сцепленности – этическая проблематика, восходящая к концепции «симпатии как всеобщей связи», а исторический нарратив в общем корпусе работ Посидония – не что иное, как способ манифестации этой «всеобщей симпатии», проявления непроявленного.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Galen. De placitis Hippocratis et Platonis* (On the doctrines of Hippocrates and Plato). Edidit, in linguam Anglicam vertit, commentatus est Phillip De Lacy. 3 Bde [Text] / Galen. – Berlin: Akademie-Verlag, 1978, 1980, 1984.
2. *Posidonius. The fragments*. Ed. by L. Edelstein and I.G. Kidd. Vol. I-II [Text] / Posidonius. – Leiden-Cambridge, 1972–1988.
3. *Poseidonios. Die Fragmente*. Herg. von W.Theiler. Bd. I-II [Text] / Posidonius. – Berlin-New York, 1982.
4. *Long, A.A. The Hellenistic Philosophers*. Vol. I-II [Text] / A.A. Long, D.N. Sedley. – Cambridge, 1988–1989.
5. *Лосев, А.Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм* [Текст] / А.Ф. Лосев. – М.: Искусство, 1979. Т. 5. – С. 806-809.
6. Фрагменты ранних стоиков / Пер. и коммент. А.А. Стоярова. Т. I. Зенон и его ученики [Текст] / А.А. Стояров. – М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1998. – 230 с.
7. Фрагменты ранних стоиков / Пер. и коммент. А.А. Стоярова. Т. II. Ч. 1. Хрисипп из Сол [Текст] / А.А. Стояров. – М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1999. – 272 с.
8. Фрагменты ранних стоиков. Пер. и комм. А.А. Стоярова. Т. II. Ч.2. Хрисипп из Сол [Текст] / А.А. Стояров. – М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2002. – 272 с.
9. *Посидоний Апамейский*. Фрагменты «Историй». Пер. с древнегреческого и комм. А.В. Хазиной [Текст] / Посидоний Апамейский // Акра. Сборник научных трудов / Под. ред. А.В. Махлаюка. – Нижний Новгород, 2002. – С. 155-162.
10. *Посидоний Апамейский*. Истории. Фрагмент apud Athenaeum. Deipnosophistae. V. 211-215 b. / Пер. с древнегреческого и комм. А.В. Хазиной [Текст] / Из истории античного общества. – Нижний Новгород, 2003. – Вып. 8. – С. 185-191.
11. *Гален*. Об учениях Гиппократов и Платона. Фрагменты / Пер. с древнегреческого и комм. А.В. Хазиной [Текст] / Гален // *Textum Historiae: исследования по теоретическим и эмпирическим проблемам всеобщей истории*. – Нижний Новгород, 2006. – С. 81-91.
12. *Стояров, А.А.* К будущему изданию фрагментов Посидония [Текст] / А.А. Стояров // *Философский журнал* – 2011. – № 1 (6). С. 31-53.
13. *Стояров, А.А.* Физика Посидония [Текст] / А.А. Стояров // *Философский журнал* – 2013. – № 2 (11). С. 35-53.
14. *Зелинский, Ф.Ф.* Религия эллинизма [Текст] / Ф.Ф. Зелинский. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 169 с.
15. *Стояров, А.А.* Стоя и стоицизм. [Текст] / А.А. Стояров. – М.: АО «Ками Групп», 1995. – 448 с.
16. *Степанова, А.С.* Философия Древней Стои [Текст] / А.С. Степанова. – СПб.: Алетей, 1995. – 272 с.
17. *Степанова, А.С.* Философия Стои как феномен эллинистическо-римской культуры [Текст] / А.С. Степанова. – СПб.: Из-

- дательский дом «Петрополис», 2012. – 400 с.
18. *Bringmann, K.* Weltherrschaft und innere Krise Roms im Spiegel der Geschichtsschreibung des zweiten und ersten Jahrhunderts v. Chr. [Text] / K. Bringmann // *Antike und Abendl.* – 1977. – № 23. – S. 28-49.
 19. *Wilamowitz-Moellendorff, U.v.* Athenion und Aristion [Text] / U.v. Wilamowitz-Moellendorff // *Kleine Schriften.* – 1937. – Bd. V (I). – P. 204-219.
 20. *Reinhardt, K.* Poseidonios [Text] / K. Reinhardt. – München, 1921. – 475 p.
 21. *Posidonius.* The fragments. Ed. by L. Edelstein and I.G. Kidd. Vol. II [Text] / Posidonius. – Leiden-Cambridge, 1988. – 1058 p.
 22. *Verbrugghe, G.P.* Narrative Pattern in Posidonius History [Text] / G.P. Verbrugghe // *Historia.* – 1975. – B. XXIV/2. – P. 189-204.
 23. *Badian, E.* Rome, Athens and Mithridates [Text] / E. Badian // *American Journal of Philology.* – 1976. – № 1. – P. 105-128.
 24. *Jäger, W.* Nemesios von Emesa. Quellenforschungen zum Neuplatonismus und Seinen Anfängen bei Poseidonios [Text] / Jäger W. – Berlin, 1914. – 166 p.
 25. *Strasburger, H.* Wissenschaft und Geschichte im griechisch-römischen Altertum [Text] / H. Strasburger // *Wissenschaft als universal-historisches Problem.* – Stuttgart, 1979. – P. 24-39.
 26. *Fritz, von K.* Poseidonios als Historiker [Text] / K.v. Fritz // *Historiographia Antiqua.* – Löwen, 1997. – Pp. 163-193.
 27. *Хазина, А.В.* От образов власти к власти образов: актуальные проблемы междисциплинарных гуманитарных исследований / Ф.В. Николаи, Л.В. Софронова, А.В. Хазина // *Вестник Мининского университета.* – 2013. – № 2 (2).
 28. *Brennan, T.* The Stoic Life: Emotions, Duties, and Fate [Text] / T. Brennan. – Oxford, 2005. – 352 p.
 29. *Хазина, А.В.* Антиномия «свой – чужой» в историческом нарративе взгляд эллинистической историографии [Текст] / А.В. Хазина // *Диалог со временем.* – 2012. – № 39. – С. 271-285.
 30. *Хазина, А.В.* «Ratio» как основа «religio» в философской концепции стоика Посидония [Текст] / А.В. Хазина // *Диалог со временем.* – 2009. – № 28. – С. 176-186.
 31. *Хазина, А.В.* «Трансформация античности», или наше отражение в зеркале античной пайдеи [Текст] / А.В. Хазина, Л.В. Софронова, А.Ю. Басов // *Преподаватель XXI век.* – 2014. – № 1. – С. 273-274.

REFERENCES

1. Badian E., *Rome, Athens and Mithridates:* American Journal of Philology, 1976, No. 1, pp. 105-128.
2. Brennan T., *The Stoic Life: Emotions, Duties, and Fate,* Oxford, 2005, 352 p.
3. Bringmann K., *Weltherrschaft und innere Krise Roms im Spiegel der Geschichtsschreibung des zweiten und ersten Jahrhunderts v. Chr.:* Antike und Abendl., 1977, No. 23, pp. 28-49.
4. *Fragmentyi rannih stoikov, trans. i komment. A.A. Stolyarova, Vol. II, Part. 2. Hrisipp iz Sol,* Moscow, 2002, 272 p. (in Russian)
5. *Fragmentyi rannih stoikov, trans. i komment. A.A. Stolyarova, Vol. I, Zenon i ego ucheniki,* Moscow, 1998, 230 p. (in Russian)
6. *Fragmentyi rannih stoikov, trans. i komment. A.A. Stolyarova, Vol. II, Part. 2, Hrisipp iz Sol,* Moscow, 1999, 272 p. (in Russian)
7. Fritz von K., *Poseidonios als Historiker:* Historiographia Antiqua, Löwen, 1997, pp. 163-193.
8. Galen, “Ob ucheniyah Gippokrata i Platona. Fragmentyi”, trans. s drevnegrecheskogo i komm. A.V. Hazinoy, in: *Textum Historiae: issledovaniya po teoreticheskim i empiricheskim problemam vseobschey istorii,* Nizhniy Novgorod, 2006, pp. 81-91. (in Russian)
9. Galen., *De placitis Hippocratis et Platonis (On the doctrines of Hippocrates and Plato). Edidit, in linguam Anglicam vertit, commentatus est Phillip De Lacy. 3 Bde,* Berlin, Akademie-Verlag, 1978, 1980, 1984.
10. Jäger W., *Nemesios von Emesa. Quellenforschungen zum Neuplatonismus und Seinen Anfängen bei Poseidonios,* Berlin, 1914, 166 p.
11. Khazina A.V, Sofronova L.V., Basov A.Yu., “Transformatsiya antichnosti”, ili nashe otrazhenie v zerkale antichnoy paydeyi, *Prepodavatel XXI vek,* 2014, No. 1, pp. 273-274. (in Russian)

12. Khazina A.V., "Ratio" kak osnova "religio" v filosofskoy kontseptsii stoika Posidoniya, *Dialog so vremenem*, 2009, No. 28, pp. 176-186. (in Russian)
13. Khazina A.V., Antinomiya "svoe – chuzhoi" v istoricheskom narrative vzglyad ellinisticheskoy istoriografii, *Dialog so vremenem*, 2012, No. 39, pp. 271-285. (in Russian)
14. Long A.A., Sedley D.N., *The Hellenistic Philosophers. Vol. I-II*, Cambridge, 1988- 1989.
15. Losev A.F., *Istoriya antichnoy estetiki. Ranniy ellinizm*, Moscow, 1979, Vol. 5, pp. 806-809. (in Russian)
16. Nikolai F.V., Sofronova L.V., Khazina A.V., Ot obrazov vlasti k vlasti obrazov: aktualnyie problemy mezhdistsiplinarnyih gumanitarnyih issledovaniy, *Vestnik Mininskogo universiteta*, 2013, No. 2 (2), p. 29. (in Russian)
17. Poseidonios, *Die Fragmente. Hergs. von W. Theiler. Bd. I-II*, Posidonius, Berlin-New York, 1982.
18. Posidonius, *The fragments. Ed. by L.Edelstein and I.G. Kidd. Vol. I-II*, Leiden-Cambridge, 1972-1988.
19. Posidonius, *The fragments. Ed. by L.Edelstein and I.G. Kidd. Vol. II*, Leiden-Cambridge, 1988, 1058 p.
20. Posidoniy Apameyskiy, "Fragmentyi "Istoriy", trans. s drevnegrecheskogo i komm. A.V. Hazinoy", in: *Akra. Collection of scientific papers*, ed. A.V. Mahlayuka, Nizhniy Novgorod, 2002, pp. 155-162. (in Russian)
21. Posidoniy Apameyskiy, "Istorii. Fragment apud Athenaeum. Deipnosophistae. V. 211-215 b.", trans. s drevnegrecheskogo i komm. A.V. Hazinoy, in: *Iz istorii antichnogo obshchestva*, Nizhniy Novgorod, 2003, Vyip. 8, pp. 185-191. (in Russian)
22. Reinhardt K., *Poseidonios*, München, 1921, 475 p.
23. Stepanova A.S., *Filosofiya Drevney Stoi*, St. Petersburg, 1995, 272 p. (in Russian)
24. Stepanova A.S., *Filosofiya Stoi kak fenomen ellinisticheskoi-rimskoy kulturyi*, St. Petersburg, 2012, 400 p. (in Russian)
25. Stolyarov A.A., K buduschemu izdaniyu fragmentov Posidoniya, *Filosofskiy zhurnal*, 2011, No. 1 (6), pp. 31-53. (in Russian)
26. Stolyarov A.A., *Stoya i stoitsizm*, Moscow, 1995, 448 p. (in Russian)
27. Stolyarov A.A., *Fizika Posidoniya, Filosofskiy zhurnal*, 2013, No. 2 (11), pp. 35-53. (in Russian)
28. Strasburger H., "Wissenschaft und Geschichte im griechisch-römischen Altertum", in: *Wissenschaft als universal-historisches Problem*, Stuttgart, 1979, pp. 24-39.
29. Verbrugge G.P., Narrative Pattern in Posidonius History, *Historia*, 1975, B. XXIV/2, pp. 189-204.
30. Wilamowitz-Moellendorff U.v., Athenion und Aristion, *Kleine Schriften*, 1937, Bd. V(I), pp. 204-219.
31. Zelinskiy F.F., *Religiya ellinizma*, Moscow, 2014, 169 p. (in Russian)

Хазина Анна Васильевна, кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой, кафедра всеобщей истории, классических дисциплин и права, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, annh1@yandex.ru

Khazina A.V., PhD in History, Chairperson, World History, Classical Disciplines and Law Department, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, annh1@yandex.ru

Софронова Лидия Владимировна, доктор исторических наук, профессор, кафедра всеобщей истории, классических дисциплин и права, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, Lidiasof@yandex.ru

Sofronova L.V., ScD in History, Professor, World History, Classical Disciplines and Law Department, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Lidiasof@yandex.ru

РАЗВИТИЕ ЭПИСТОЛЯРНОГО ЖАНРА ПРИ ДВОРЕ ПЕРВЫХ ТЮДОРОВ

Д.В. Кирюхин

Аннотация. В статье рассматривается развитие эпистолярного жанра эпохи первых Тюдоров (Генрих VII, принц Уэльский Артур, Генрих VIII) в контексте пропаганды новой королевской династии. Автор анализирует характер придворных писем, среди которых письма как самих правителей и членов знати, так и переписка известных гуманистов и придворных авторов. В рассматриваемый период эпистолярный жанр является не только языком международного межкультурного общения, но и средством репрезентации власти наряду с политизированной историей и литературой, создаваемыми трудом придворных авторов. Именно в письмах особенно ярко отражен создаваемый придворными авторами и самим королем образ монарха, правителя английского королевства. Хотя первоначально литературным языком двора являлась латынь, имевшая статус языка международных отношений, впоследствии в Англии все большее внимание уделяется национальному языку.

Ключевые слова: Эпоха первых Тюдоров, репрезентация власти, эпистолярный жанр, придворная культура.

378

DEVELOPMENT OF THE EPISTOLARY GENRE AT THE COURT OF THE FIRST TUDORS

D.V. Kiryukhin

Abstract. The article describes the development of the epistolary genre of the era of the first Tudors (Henry VII of, Arthur, the Prince of Wales, Henry VIII) in the context of the promotion of a new royal dynasty. The author analyzes the nature of the court letters, including letters of both the rulers and members of the nobility, and the correspondence of famous humanists and court authors. Within this period the epistolary genre was not only an international language of intercultural communication, but also an instrument of representation of power, along with the politicized history and literature, created by the court authors. The letters particularly reflect created by court authors and by the king himself the image of the monarch, the ruler of

the British kingdom. Although initially the literary language of the court was Latin, which had the status of the language of international relations, then more and more attention is paid to the national language in England.

Keywords: *The era of the first Tudors, representation of power, epistolary genre, court culture.*

В период правления короля Генриха VII и его сына Генриха VIII эпистолярный жанр в Англии, как неотъемлемая часть придворной культуры, переживает свой расцвет. Именно язык писем становится языком общения, который объединяет монархов, ученых, придворных поэтов и историков, гуманистов разных стран. Популяризация эпистолярного жанра неслучайна: он становится одним из элементов репрезентации власти новой династии Тюдоров, вступившей на трон в 1485 г. с коронацией Генриха VII 30 октября после завершения кровопролитной гражданской войны Алой и Белой розы. Генрих VII прекрасно понимал значимость и необходимость создания системы пропаганды и репрезентации собственной власти – по его воле призванные авторы превращали двор в центр культуры и искусства, таким образом стимулируя развитие литературы в целом. Большой вклад в развитие культуры двора и эпистолярного жанра внесли авторы иностранцы, известные гуманисты, приглашенные ко двору самим королем или своими коллегами.

Интерес к периоду династии Тюдоров, культурной и интеллектуальной жизни королевского двора в английской историографии прослеживается с середины XX века. Известные британские историки, в том числе Г. Киплинг [1], Дж. Герднер [2],

С. Англо [3], публикуют не только научные труды, но и тексты источников, многие из которых впоследствии были переведены на современный английский язык (Д. Хэй [4], Д. Саттон [5]). Особый корпус источников составляют письма и корреспонденция королевского двора, которые также находятся в относительно свободном доступе для исследователя [6]. К сожалению, отечественная историография практически не располагает работами, характеризующими развитие эпистолярного жанра рассматриваемого нами периода, а работам британских исследователей зачастую не хватает подробного и обстоятельного анализа текстов источников. Последние годы ознаменовали новый всплеск интереса к отдельным темам репрезентации королевской власти, в первую очередь это относится к вопросам культуры и искусства, творчества придворных авторов и самих монархов [7; 8].

Известнейшие гуманисты рассматриваемого периода пользуются языком эпистолярного жанра как средством межкультурной коммуникации. Хорошо известна переписка Эразма Роттердамского (1466–1536 гг.) с его английскими друзьями при дворе первых Тюдоров – латинским секретарем Генриха VIII (с 1511 г.) Андреа Аммоньо (1478–1517 гг.) и сэром Томасом Мором (1478–1535 гг.). Данные письма являются прекрас-

ным образцом изысканного придворного стиля, одной из характерных особенностей которого является большое количество хвалебных эпитетов, адресаты часто посвящают друг другу поэтические произведения. Так сохранилось стихотворение Эразма, посвященное Андреа Аммонии, в котором тот довольно подробно перечисляет все добродетели своего друга:

«Аммоний, кто б таланты все ни счел твои, // Ни осветил, взглядевшись, красоту лица // Всю разом и высокий твой геройский рост, // И в облике во всем, во всем сложении // Отменное с достоинством изящество, // И глаз горящих живость дружескую, // И так звучащий мило тон речей твоих, // Характер твой, всегда благожелательный, // Любезный, верный, меда он медвянее, // Очарованье, юмор, шутки, прелесть, смех, // Талант врожденный, блеск ума невиданный // И с ними дивно прилежанье слитое; // И сердце, что не терпит низкой выгоды, // И руку, столь обильную участием; // Как глубь души богата одаренностью, // Одна — но блещет столькими науками, // А к ним дано и красноречье равное, // И вся в нем обходительность столь редкая; // Наветы гонит нечестивой зависти и // Приятность меры, вместе с дарованиями // В таких отменных нравах нет надменности...» [9].

Впрочем, нельзя сказать, что Эразм излишне идеализирует Аммонию, так в 1511 г. он передает последнему через Уильяма Блаунта свою критику за чрезмерную тенденциозность и избыточность посвящений, которыми Аммонии сопроводил свою книгу стихов. Аммонии последовал

совету Эразма, существенно сократив подвергшийся критике текст, и преподнес другу в подарок напечатанный экземпляр своей книги. Известны случаи и явной антипатии как Эразма, так и Томаса Мора к другим придворным авторам, среди них язвительные эпиграммы заслужили придворные поэты Бернар Андре и Пьетро Кармелиано, тоже иностранцы, прибывшие на служение к английскому двору.

Примечательно, что язык писем распространяется за пределы личной переписки, проникая в исторические произведения. В «Истории жизни и достижений Генриха VII» Бернар Андре (1450–1522 гг.), занимавший также должность придворного историографа, а затем и Полидор Вергилий (1470–1555 гг.) в 27-томной «Истории Англии» наряду с использованием прямой речи исторических персонажей, что являлось античной традицией, широко используют цитирование их писем, зачастую не только фрагментарно, но и целиком. Если верить Андре, именно эпистолярный диалог матери будущего короля Генриха VII Маргариты Бофорт (1433–1509 гг.) и его дяди Джаспера Тюдора, лорда Пембрука (1429–1495 гг.), становится причиной спасительного бегства Генриха Ричмонда в Бретань от гнева Эдуарда IV. Так, обращаясь к Джасперу Тюдору, Маргарита пишет:

«Я желала бы, мой дражайший брат, быть наделенной такой Божественной благодатью, чтобы могла увидеть, что было бы лучше всего сделать в наши времена волнений. <...> И потому я настоятельно прошу Вашу Милость, кого я всегда любила как собственного брата и считала проницательным в подобного рода де-

лах, помочь мне с вашей особенной осторожностью» [10, pag. 11].

В следующей главе Андре сообщает об ответе графа Пембрука:

«В своей мудрости, моя благоразумная и горячо любимая сестра и леди, Вы проницательно предвидели, что произойдет и чего нужно избежать в это разорительное время, более того, Ваш ум оценил все так обстоятельно и мудро, что мне к этому нечего добавить. И, выражая свою позицию несколькими словами, подобное путешествие представляется мне полностью необходимым...» [10, pag. 12].

Таким образом, по мнению автора, именно обмен письмами способствует принятию судьбоносного решения, которое сохранило жизнь будущему королю и благодетелю Англии, который впоследствии свергнул ужасного тирана Ричарда III.

Язык писем также служит прекрасным способом выражения чувств. Сохранилось довольно много образцов любовной переписки как самих правителей, так и их приближенных. В «Истории жизни...» Б. Андре упоминается письмо Перкина Уорбека (1474–1499 гг.), самозванца, объявившего себя выжившим принцем Ричардом Шрусбери, герцогом Йоркским, младшим сыном Эдуарда IV, написанное его будущей супруге леди Екатерине Гордон. Если верить тексту сохранившегося письма, он добивался руки леди Екатерины с 1495 г., пока в 1497 г. в Шотландии не состоялось их бракосочетание. Письмо является еще одним прекрасным образцом придворных традиций и средневекового понятия о куртуазной любви, в нем Уорбек объявляет своим рыцарским долгом служение своей прекрасной даме:

«Благороднейшая леди, все вокруг не без причины обращают свои взоры к вам, выражая свою любовь и поклоняясь вам. Ибо они видят, что вы обладаете двойным числом добродетелей в отличие от остальных смертных... <...> они поражены вашей скорее божественной, нежели земной красотой, и верят в то, что вы не родились в наши дни, а снизошли к нам с небес... <...> Благороднейшая леди, душа моя, милосердно взгляни на меня, своего раба, который был предан вам с самого первого момента, как увидел вас...» [11, pp. 409-410].

Придворные авторы первых Тюдоров участвуют в формировании традиций эпистолярного жанра и при помощи педагогической деятельности. Одним из учителей принцев – Артура Уэльского и Генриха, впоследствии короля Генриха VIII, – был названный Бернар Андре. С его помощью юный принц Артур переписывался со своей невестой – испанской принцессой Екатериной Арагонской (1485–1536 гг.), дочерью Фердинанда Арагонского (1452–1516 гг.) и Изабеллы Кастильской (1451–1504 гг.) перед тем как принцесса торжественно прибыла в Лондон для проведения свадебных празднеств в 1501 г. Большинство исследователей придворной культуры периода Тюдоров сходятся во мнении, что письма Артура, написанные на латыни, были чуть ли не целиком продиктованы Андре и представляли собой чудесный образец придворной риторики [12]. Так как принц Артур не знал испанского, а принцесса Екатерина – английского, именно латынь, на которой написано большинство произведений придворных авторов

первых Тюдоров, была универсальным языком общения придворной интеллигенции.

Поддержал развитие и популяризацию эпистолярного жанра и король Генрих VIII; получив блестящее образование, король принимал активное участие в культурной жизни двора: был автором музыкальных произведений, турнирных состязаний, стихов, сохранилось большое количество писем короля к его супругам, как и ответных писем. В качестве примера подобного письма можно привести ответ первой супруги короля Екатерины Арагонской Генриху VIII 16 сентября 1513 г., в котором королева извещает короля о победе над восставшими шотландцами. Когда сам король был занят военными делами с Францией, Екатерина присутствовала в Лондоне в качестве регента. Примечательно, что победа английских войск, одержанная в отсутствие своего короля, названа в письме победой Генриха:

«...вместе с моим письмом, в котором вы должны увидеть, находясь далеко, великую победу, что Господь даровал вашим подданным в ваше отсутствие, так что нет нужды в том, чтобы отвлекать вашу милость подробными описаниями...» [13].

Также Екатерина пишет, что эта победа есть не что иное, как начало побед Генриха к величайшей славе всего королевства, вместе с письмом она посылает отрезанный кусок одежды побежденного короля шотландцев. Екатерина обращается к Генриху «ваша милость» и «мой Лорд» – “your Grace”, “my Lord”, подписываясь в письме как «ваша покорная жена и истинный слуга, Екате-

рина»: “Your humble wife and true servant, Katharine” [13].

Последнее письмо Екатерины Арагонской, датированное 7 января 1536 г., еще более известно, его цитирует в 27-ом томе «Истории Англии» Полидор Вергилий. Екатерина прощает бывшего мужа, призывая Генриха заботиться о его теле и душе, об их дочери и о своих собственных горничных и приближенных:

«Мой самый дорогой господин, король и муж, час моей смерти приближается, с нежной любовью я вверяю себя Вам и должна напомнить Вам о том, что прежде всего Вы должны беспокоиться о своем здоровье и безопасности души и перед этим – заботиться о своем телесном здоровье, из-за чего Вы причинили мне много бедствий и себе – много проблем. С моей стороны, я прощаю Вам все и искренне буду молить Бога, чтобы он также простил Вас. Что до остального, то я вверяю Вам нашу дочь Марию, умоляя Вас быть ей хорошим отцом, как я желала этого ранее. Я умоляю Вас также позаботиться о моих придворных дамах, дать им свадебное приданое, что не так много, потому что их всего трое. Что касается остальных моих слуг, то прошу выдать им заработанную плату за год вперед, чтобы это не осталось непредусмотренным. И, наконец, я клянусь, что для моего взора Вы желанны в первую очередь» [14, воок XXVII, 61].

В письме подчеркивается, что решения о разводе Екатерина не признает, оставляя подпись «королева Екатерина» [15]. Комментируя текст приведенного письма, Полидор Вергилий отмечает, что, «читая ее

письмо, король плакал с любовью. Но кто бы мог быть настолько грубым и с каменным сердцем, что не был бы тронут этим искренним выражением доброй воли по отношению к нему?» [14, book XXVII, 62]

Сохранилось семнадцать писем короля Генриха VIII к Анне Болейн, датированные 1527–1528 гг., девять из них написаны на французском языке. Язык писем полон множества эпитетов и изысканных оборотов, раскрывающих романтические признания короля в своих чувствах. Некоторые письма Генрих VIII заканчивает следующими строками: *«написано рукой, которая принадлежит Вам, как и это сердце»* (“*written by the hand which would be yours, and so is the heart*”) [16, p. 702], а также называет себя *«верным, покорным и полным слугой»* (“*entire servant*”, “*your loyal servant*”) [16, p. 700], что не принижает фигуру монарха, а наоборот, представляет его как носителя истинного рыцарского обета. Свои письма Генрих VIII подписывает инициалами “H.R.”, “Henry R.”, “H. Rex”, “Henry Rex” [16, p. 700]. Как и подобает куртуазному рыцарю, Генрих VIII обращается к Анне Болейн, называя ее *«своей госпожой и другом»* (“*my mistress and friend*”), *«своей госпожой»* (“*my mistress*”), *«возлюбленной»* (“*darling*”) [16, p. 699–702]. Письма короля являются еще одним образцом куртуазного идеала рыцарства, его воплощением становится сам король, провозглашающий о своем служении Прекрасной Даме.

Таким образом, в рассматриваемый период эпистолярный жанр становится неотъемлемой частью придворной культуры [17] и развивается благодаря разнообразной ли-

тературной и педагогической деятельности известных гуманистов-иностранцев. Жанр письма являлся не только основным средством межкультурной коммуникации, но и становится неразрывно связанным с придворной поэзией и историей. Несмотря на то, что первоначально основным литературным языком двора являлась латынь, впоследствии все большее внимание уделяется английскому языку.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Kipling, G.* Henry VII and the Origins of Tudor Patronage [Text] / G. Kipling // In Patronage in the Renaissance / Ed. Guy F. Lytle and Stephen Orgel. – Princeton: Princeton Univ. Press, 1982. – 277 p.
2. *Gairdner, J.* History of the life and reign of Richard the Third: to which is added the story of Perkin Warbeck / From original documents, by James Gairdner [Text] / J. Gairdner. – New York: Kraus Reprint Co., 1968. – 410 p.
3. *Anglo, S.* Spectacle, Pageantry and Early Tudor Policy [Text] / S. Anglo. – Oxford: Warburg Studies, 1969. – 384 p.
4. *Hay, D.* Polydore Vergil, Renaissance Historian and Man of Letters [Text] / D. Hay. – Oxford, 1952. – 223 p.
5. *Sutton, D.* Introduction [Text] / D. Sutton / André B. De Vita atque Gestis Henrici Septimi Historia // The University of California, Irvine. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.philological.bham.ac.uk/andreas/intro.html> (дата обращения: 9.02.2012).
6. English Historical Documents 1485–1558 [Text] / Ed. by C.H. Williams. – Eyre & Spottiswoode, 1967. – Pp. 699–706.
7. *Ridell, J.E.* A Mirror of Men: Sovereignty, Performance, and Textuality in Tudor England, 1501–1559 [Text] / J.E. Ridell. – Ontario: The Press of Queen’s University, 2009. – 359 p.
8. *Siemens, R.G.* Henry VIII as Writer and Lyricist. – Published by Oxford University

- Press, 2009 [Text] / R.G. Siemens [Electronic resource]. – URL: <http://web.uvic.ca/~siemens/pub/MQ2009.pdf> (дата обращения: 25.11.2012)
9. *Эразм Роттердамский*. Иоанн Секунд. Стихотворения [Текст] / Роттердамский Эразм. – М.: Наука, 1983. – 317 с. [Электронный ресурс]. – URL: http://krotov.info/library/26_ae/aera/zm_26.htm (дата обращения: 9.02.2013).
 10. *André, B. De Vita atque Gestis Henrici Septimi Historia* [Text] / B. André // The University of California, Irvine. Par. 78 [Electronic resource]. – URL: <http://www.philological.bham.ac.uk/andreas/> (дата обращения: 9.02.2012).
 11. The records of Aboyne MCCXXX–MD-CLXXXI [Text] / Ed. Charles Gordon Huntly. – Aberdeen: The New Spalding Club, 1894. – 589 p.
 12. *Gunn, S. Arthur Tudor, Prince of Wales: Life, Death and Commemoration* [Text] / S. Gunn / Ed. by Gunn, S. Monckton, L. Woodbridge, Boydell and Brewer, 2009. – 214 p.
 13. Letter from Katharine of Aragon to her husband, King Henry VIII. 16 September 1513 [Text] // Letters of the Six Wives of Henry VIII [Электронный ресурс]. – URL: <http://englishhistory.net/tudor/letter2.html> (дата обращения: 25.11.2012).
 14. *Vergil, P. Anglica Historia. Latin text and English translation* [Text] / P. Vergil / Ed. and trans. by D. J. Sutton Library of Humanistic Texts at the Philological Museum of University of Birmingham's Shakespeare Institute, 2005 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/> (дата обращения 9.02.2012).
 15. Letter of Katharine of Aragon to her husband, King Henry VIII. 7 January 1536 [Text] // Letters of the Six Wives of Henry VIII [Electronic resource]. – URL: <http://englishhistory.net/tudor/letter5.html> (дата обращения 9.02.2012).
 16. The Letters of Henry VIII to Anne Boleyn [Text] // English Historical Documents 1485–1558 / Ed. by C.H. Williams. Eyre & Spottiswoode, 1967. – P. 699-706.
 17. *Кирюхин, Д.В.* Эпистолярный жанр в эпоху первых Тюдоров: изысканная риторика или настоящие чувства? // Исторические режимы эмоциональности в европейской культуре: Сборник статей по материалам Международной конференции XIX Чтенный памяти члена-корреспондента АН СССР С.И. Архангельского / Под. ред. А.В. Хазиной, Л.В. Софроновой, Ф.В. Николаи. – Н.Новгород: Мининский университет, 2015. – С. 56-59.

REFERENCES

18. André B., *De Vita atque Gestis Henrici Septimi Historia, The University of California, Irvine*, Par. 78, available at: <http://www.philological.bham.ac.uk/andreas/> (accessed: 9.02.2012).
19. Anglo S., *Spectacle, Pageantry and Early Tudor Policy*, Oxford, Warburg Studies, 1969, 384 p.
20. *English Historical Documents 1485–1558*, Ed. by C.H. Williams, Eyre & Spottiswoode, 1967, pp. 699-706.
21. Gairdner J., *History of the life and reign of Richard the Third: to which is added the story of Perkin Warbeck*, From original documents, by James Gairdner, New York, Kraus Reprint Co., 1968, 410 p.
22. Gunn S., *Arthur Tudor, Prince of Wales: Life, Death and Commemoration*, Ed. by Gunn, S. Monckton, L. Woodbridge, Boydell and Brewer, 2009, 214 p.
23. Hay D., *Polydore Vergil, Renaissance Historian and Man of Letters*, Oxford, 1952, 223 p.
24. *Jerazm Rotterdamskij. Ioann Sekund. Stihotvorenija*, Moscow, Nauka, 1983, available at: http://krotov.info/library/26_ae/aera/zm_26.htm (accessed: 9.02.2013). (in Russian)
25. Kipling G., “Henry VII and the Origins of Tudor Patronage”, in: *In Patronage in the Renaissance*, Ed. Guy F. Lytle and Stephen Orgel, Princeton, Princeton Univ. Press, 1982, 277 p.
26. Kiryukhin D.V., “Jepistoljarnyj zhanr v jepohu pervyh Tjudorov: izyskannaja ritorika ili nastojashhie chuvstva”, in: *Istoricheskie rezhimy jemocionalnosti v evropejskoj kulturne: Proceedings of the International Conference XIX Chtenij pamjati chlena-korrepondenta AN SSSR S.I. Arhangelskogo*, ed. A.V. Hazinoj, L.V. Sofronovoj, F.V. Nikolai, Nigni Novgorod, Mininskij universitet, 2015, pp. 56-59. (in Russian)

27. "Letter from Katharine of Aragon to her husband, King Henry VIII. 16 September 1513", in: *Letters of the Six Wives of Henry VIII*, available at: <http://englishhistory.net/tudor/letter2.html> (accessed: 25.11.2012).
28. "Letter of Katharine of Aragon to her husband, King Henry VIII. 7 January 1536", in: *Letters of the Six Wives of Henry VIII*, available at: <http://englishhistory.net/tudor/letter5.html> (accessed: 9.02.2012).
29. Ridell J.E., *A Mirror of Men: Sovereignty, Performance, and Textuality in Tudor England, 1501–1559*, Ontario, The Press of Queen's University, 2009, 359 p.
30. Siemens R.G., *Henry VIII as Writer and Lyricist*, Published by Oxford University Press, 2009, available at: <http://web.uvic.ca/~siemens/pub/MQ2009.pdf> (accessed: 25.11.2012).
31. Sutton D., "Introduction", in: André B., *De Vita atque Gestis Henrici Septimi Historia*, The University of California, Irvine, available at: <http://www.philological.bham.ac.uk/andreas/intro.html> (accessed: 9.02.2012).
32. "The Letters of Henry VIII to Anne Boleyn", in: *English Historical Documents 1485–1558*, Ed. by C.H. Williams, Eyre & Spottiswoode, 1967, pp. 699-706.
33. *The records of Aboyne MCCXXX–MD–CLXXXI*, Ed. Charles Gordon Huntly, Aberdeen, The New Spalding Club, 1894, 589 p.
34. Vergil P., *Anglica Historia. Latin text and English translation*, Ed. and trans. by Sutton D.J. Library of Humanistic Texts at the Philological Museum of University of Birmingham's Shakespeare Institute, 2005, available at: <http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/> (accessed: 9.02.2012).

Кiryukhin Дмитрий Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент, кафедра иностранных языков, Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия, bagerlock@gmail.com

Kiryukhin D.V., PhD in History, Associate Professor, Foreign Languages Department, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy, bagerlock@gmail.com

УДК 94(420)
ББК 63.3(4ВЕЛ)

ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ АНГЛИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТА 1604–1610 ГГ. ЗА ПРЕРОГАТИВУ

Д.А. Батшев

Аннотация. В статье рассматривается борьба английского парламента 1604–1610 гг. за прерогативу в условиях существования общего и гражданского права в период восшествия на престол династии Стюартов. Работа строится на исследовании двух систем права, а также на практике действия этих систем, лежащей в основе работы парламента. Рассматриваются дела Ширли, Гудвина и другие проявления отстаивания своих прав парламентом. Он опирался на систему общего права, а король на систему гражданского права. На основе исследования можно говорить о начале конституционного кризиса в Англии в период правления Якова I Стюарта.

Ключевые слова: Английский парламент 1604–1610, борьба за прерогативу, общее право, гражданское право, системы права.

LEGAL ASPECTS OF FIGHT OF THE ENGLISH PARLIAMENT OF 1604–1610 FOR A PREROGATIVE

386

D.A. Batshev

Abstract. The article deals with the struggle of the English Parliament of 1604–1610 for prerogative under the condition of existing common and civil law in the period of early Stuarts. The article is based on the investigation of two law systems in theory and in the Parliaments practice. Shirleys Case, Goodwins cases and other examples of the Parliaments struggle for its rights are also under the investigation. In general MPs used the common law, but the king rest on the civil law. On the basis of the article it is possible to say about the beginning of the constitutional crisis in England during the reign of James I Stuart.

Keywords: The English Parliament 1604–1610, struggle for a prerogative, common law, civil law, systems of law.

Английский парламент начала XVII века – особый орган государства, не обладающий, однако, возможностью участвовать в политической жизни на постоянной основе. Тем не менее, он базировался на старых традициях и основах общего права. Своими корнями этот институт общества уходил в XIII век, когда крупные землевладельцы страны в 1215 г. добились от Иоанна Безземельного подписания Великой хартии вольностей.

К XVII веку с точки зрения развития конституционализма столкнулись две больших правовых системы. История любой из них начинается задолго до того, как появилось большое количество законов. История права должна начинаться с истории судопроизводства. И английская система права связана с судами более, чем какая-либо [1, с. 1]. Речь идет об общем и гражданском праве. Юристы общего права чаще поддерживали парламент и его борьбу за древние привилегии, их профессия считалась делом благородным. Юристы гражданского права прославились своим роялизмом и поддержкой политики короны на пути к абсолютизму. Представители этих направлений вели между собой непрерывную борьбу за расширение границ юрисдикции представляемых ими судебных институтов, за должности в государственном аппарате, прерогативных судах (Звездной палате, Палате прошений, суде по делам опеки, Советах Севера и Уэльса, Высокой комиссии), канцелярии и, следовательно, за увеличение своих доходов [2].

При этом цивилистов было не так уж много – в 1603–1641 гг. насчитывалось всего около 200 адвокатов со степенью «доктор права» [3, с. 9, v].

Относительно социального состава Брайан П. Ливек сообщает, что среди адвокатов общего права большинство выходцев были джентльмены и эсквайры. Такая же картина наблюдается и у цивилистов [3, с. 10–11]. Чаще всего образование последних строилось на тех нормах права, которые были более распространены в Европе, нежели в самой Англии [2].

В отношении занятия должностей цивилисты выигрывали из-за более высокого академического и социального статуса [3, с. 22]. Но иногда они этих постов не получали. Это была определенного рода социальная и физическая сегрегация, которая не зависела от способностей или преимуществ. Для них появление перед провинциальным джентри как аутсайдеров, людей без местных корней, не разделяющих их образ жизни и интересы, было тяжелым. Многие даже не имели своей земли. Причина этой изоляции кроется в том, что занятия их часто вынуждали переезжать из родного графства, и они впадали в долги. В отличие от практикующих барристеров, которые могли работать во время перерывов между судебными сессиями, цивилисты зависели от вышестоящих должностных лиц и покровителей [3, с. 35]. По роду своей деятельности они находились в зависимости от короны и даже практикой занимались в судах, которые она контролировала [2].

Соответственно, большие надежды юристы гражданского права возлагали на нового монарха, которому нормы римского права, применяемые в Шотландии, были ближе общего права Англии. Они руководствовались некоторыми принципами

«Дегестов» Юстиниана, которые гласили, что «государь свободен от соблюдения закона», и «то, что угодно государю, имеет силу закона». Таким образом, они оспаривали единоличное право парламента на издание законов и обосновывали право Якова I на неограниченную власть [2].

В XVII веке до 1642 г. в английский парламент было выбрано в общей сложности 30 цивилистов. В первом парламенте Якова Стюарта их было совсем немного – всего шестеро [3, с. 45-46]. При этом все они, кроме одного, участвовали в заседаниях, но даже в такие моменты ориентировались на своих покровителей, среди которых можно найти епископов, архиепископов и Королевский двор [3, с. 43].

Влияние их противников – юристов общего права – во второй половине XVI – начале XVII века значительно выросло [2]. Они существенно богатеют за счет своих клиентов (нередко их разоряя) и вкладывают деньги в землю. Такое положение вещей делало профессию юриста престижной и давало возможность пробиться в высшие слои общества. Связь между юристами общего права и джентри вполне очевидна, но остается открытым вопрос об их месте в социальной структуре английского общества рассматриваемого периода. Бесспорно, что они принадлежали к господствующему классу.

Российский исследователь К.А. Кузнецов считал, что с точки зрения политических взглядов, юристы общего права были проводниками идей парламента. Именно они руководили его борьбой против королевского абсолютизма [4, с. 56]. Исследователь С.В. Кондратьев, проследив образовательный уровень парламентариев

(1563–1642), говорит о существенной динамике роста престижности высшего образования среди парламентариев. Это обеспечивало их осознанный выбор в период борьбы за прерогативы – парламентской либо королевской – в зависимости от политических, идейных и конъюнктурных соображений (имели ли они адвокатскую практику или же должность в государственном аппарате) [2].

В оппозиционном короне лагере ведущую роль играл Эдвард Кок. В 1606 г. он был назначен главным судьей суда общего права, привело его к конфликту с властью монарха – он встал на защиту общего права и его судов от королевской прерогативы. Юрист отстаивал идею верховенства общего права и ограниченности власти суверена его нормами. При этом право понималось не абстрактно, как веление разума, а как исторически сложившаяся система прецедентов [5, с. 78].

Те законы, которые были подвергнуты толкованию со стороны юристов общего и гражданского права, являлись результатом долгого становления английской правовой системы [6, с. 81].

Р. Давид [7, с. 259] выделял в ее истории четыре этапа:

1. До нормандского завоевания страны в 1066 г.
2. 1066–1485 гг. – от нормандского завоевания до установления династии Тюдоров, в период которого происходит становление общего права.
3. 1485–1832 гг. – расцвет общего права при компромиссе с правом справедливости.
4. С 1832 г. до нашего времени.

По мнению Е.Н. Тонкова [6, с. 81-90], толкование английского законо-

дательства претерпело ряд существенных влияний. К XVII веку серьезное воздействие на правовую сферу общества оказал, прежде всего, Блаженный Августин, с его провиденциализмом. Он считал, что никто не может нарушать общественного договора, за исключением действующих по воле Бога. Подчеркивается обязанность подчиняться законам царя, подотчетного лишь Господу, чья власть стоит выше всего [8, с. 63].

Принцип разумности и рациональности в теорию толкования были внесены Фомой Аквинским, который обосновал четыре формы права – вечного, естественного, человеческого и божественного. Позитивное право – создается человеком. Естественное право – законы его априорно включены в сознание каждого человека. Вечный закон – универсальный порядок вещей, посредством которого Бог реализует свой промысел. Божественный закон – сумма христианских правил, содержащих запреты и предписания, текстуально отраженные в Ветхом и Новом Заветах.

Следующим влиятельным мыслителем был Генри Брактон, который написал сочинение «О законах и обычаях Англии», содержащее изложение общего права по состоянию на XIII век. Он делил право на три категории: 1) естественное, внушенное всем живым существам природой; 2) гражданское – обычное право, которым пользуется городская община; 3) общенародное, которым пользуются все народы и которое базируется на естественном праве. В английском праве он подчеркнул ту особенность, что его источник – не только законы, но и обычаи. Королевская власть понималась им как гарант справедли-

вости и правосудия, сам монарх за свои деяния отвечал перед Богом.

Последним в этом ряду (относительно указанного периода) является Ф. Бэкон, который стоит скорее на цивилизных позициях и говорит о необходимости четкой формулировки любого закона [9, с. 486, 517]. Кроме того, он предлагает создать новую систему законов, некоторые из которых возвести в разряд высших.

Именно в таких условиях происходило развитие конституционализма в Англии в начале XVII века. Сам парламент заседал с 1604 по 1610 гг. В общей сложности было проведено пять сессий. По традиции король выпустил особую прокламацию о созыве парламента [10, с. 967].

Изначально предполагалось, что законодательный орган соберется осенью 1603 г., однако на территории страны свирепствовала чума, заседание пришлось отложить до марта 1604 г. [11]. Эти выборы оказались самыми «свободными» за весь тюдоровско-стюартовский период. Новый король, проявив невероятное легкомыслие, самостоятельно отбросил те средства, с помощью которых Елизавета I контролировала парламент. Не было ни королевского надзора, ни целенаправленных попыток продвинуть придворных кандидатов. При этом впоследствии король жаловался на плохую службу в парламенте, потому что там оказалось мало его сторонников. От тех сторонников монарха, которые туда попали, парламентарии сами пытались избавиться, потому что считали это нарушением принципа представительства. С другой стороны, Яков I не допускал ко двору деятелей парламентской оппозиции [12, с. 177-178].

В 1603 г. король имел 8 из 13 парламентариев в Совете, к 1613 – только 5 из 26 членов Совета. Только два-три члена Совета заседали в первом парламенте, и четыре – во втором [13, с. 56]. Но дело не в количестве – те, кто были выбраны для этого, были неспособны контролировать и направлять парламент. Таким образом, сразу сложилась система нескольких очагов власти – королевский двор с шотландскими фаворитами; представители высшей знати Англии; парламент в виде палаты общин.

И хотя корона не влияла на выборы, тем не менее, монарх выпустил особую прокламацию от 11 января 1604 г., в которой призывал голосовать за людей достойных, как в моральном, так и в материальном плане [4, с. 119]. В этом, казалось бы, достаточно незначительном моменте поднимается очень важный вопрос относительно материального состояния парламентариев. В 1604 г. он проявился в так называемом «деле сэра Томаса Ширли», рыцаря, который был выбран от города Стенина (Сассекс) [14, с. 303]. Он был арестован до того, как парламент начал свою работу по причине наличия долгов и был посажен в тюрьму Флит, откуда его не собирався выпустить смотритель [15, с. 303-317].

Сам случай обсуждался в палате общин с 22 марта по 22 мая 1604 г., что объясняется тем, что парламентарии считали одной из основных своих привилегий право на свободу от арестов. Этим они, конечно, пользовались так широко, как только могли, в том числе и распространяя свою власть на свою прислугу. Против этого некоторые активно выступали, так как сильно распространилась прода-

жа протекции со стороны представителей парламента [4, с. 89].

Сержанты, которые арестовали должника, сообщили, что не знали об его избрании [16, с. 316]. Однако в ходе разбирательств выяснилось, что об этом знал кредитор Гилес Симпсон, ювелир. Рассмотрев вопрос по существу и взвесив силу привилегий и силу закона, общины постановили освободить должника на период работы парламента. Если бы было принято противоположное решение, то в случае с прецедентным правом для парламентариев в дальнейшем все могло стать хуже. Кроме того, это одна из древнейших привилегий.

Случай интересен тем, что жена смотрителя тюрьмы активно его поддерживала – когда мужа самого арестовали за неподчинение парламенту, она удерживала Томаса Ширли и «слезно» просила парламент принять правильное решение [17, с. 311-312]. Однако она проявила активное упорство и мужество, запершись в тюрьме и требуя назад своего супруга. Тот, в свою очередь, пошел на уступки и признал свою неправоту [18, с. 313], что произошло не без помощи пыток [15, с. 313-314].

В результате рассмотрения дела по существу парламент в 1604 г. составил общий акт по «делу Ширли», который был направлен против тех, кто мог покуситься на древние привилегии парламентариев [19, с. 317]. В дополнение к этому документу был издан еще один акт, в котором говорилось о том, что долг Симпсона и других кредиторов остается в силе, и они могут начать судопроизводство как только закончится срок полномочий парламентария [15, с. 302]. Таким образом, палата общин отстаивала свои

древние привилегии в области защиты от ареста, но, тем не менее, прослеживается явная мысль о том, что парламент – это выборный орган и его члены являются неприкосновенными только на период их избрания. Но никто не предлагал заранее проверять кандидатов от разных округов, по всей вероятности, результаты таких действий могли бросить тень на многих парламентариев.

Другой немаловажный случай борьбы парламента за свои прерогативы произошел также в 1604 г. по поводу выборов от Букенгемшира, вошедший в историю как «дело Гудвина», рыцаря. Оно рассматривалось с марта по апрель 1604 г. [20, с. 202-215]. Изначально выборы были выиграны Френсисом Гудвиным. Однако это голосование лордом-канцлером было признано недействительным. Были назначены новые выборы, победителем которых стал Джон Фортеस्कью. Вопрос стоял настолько остро, что палате общин грозило совещание с лордами. Эту идею они без колебаний отвергли, потому что расценили ее как посягательство на свою прерогативу.

Дж. Фортеस्कью был членом Королевского совета [4, с. 123], монарху ничего не оставалось делать, как вмешаться ситуацию. Палата общин начала этому сопротивляться, расценивая его действия как усиления абсолютистских тенденций короны [21, с. 209-213]. Яков I, уверенный в своей правоте (ибо Ф. Гудвин был должником, а король постановил избирать только людей достойных), обратился за помощью к судьям, которые согласились на встречу с королем весьма неохотно и указали, что сделали для него больше, чем было сделано для

любого суверена со времен нормандского завоевания [4, с. 123]. Вопреки его ожиданиям, они встали на сторону парламента [20, с. 214]. После долгих дебатов дело закончилось компромиссом: на место от Букенгемшира был избран сэр Кристофер Пиггот, который занимал его до 1607 г., когда по настоянию короля был исключен за нелестные высказывания в отношении шотландцев. Оба старых претендента получили освобожденные места в палате общин в 1606 г. [22, с. 175].

Таким образом, несмотря на вмешательство и заступничество короля, палата общин активно отстаивала свои прерогативы, в том числе и связанные с порядком избрания парламентариев, чем раньше, по сути дела, не занималась. Из этой схватки монарх не вышел победителем, что повлияло на его дальнейшую тактику управления страной. Так, вскоре после коронации он посветил 300 человек в рыцари и фактически удвоил количество пэров, а также убрал советников из палаты общин, переместив их в палату лордов. Последним своим действием он вызвал негодование уважаемых нобилей, но, что еще хуже – в 1604 г. в палате представителей осталось только два его советника [22, с. 176].

Король мог повлиять на состав палаты общин другим способом, по крайней мере, он имел возможность избавиться от неугодных ему людей. Нельзя быть избранным в парламент, будучи мэром или находясь на государственной службе в подчинении короля. Используя это правило, монарх мог просто назначить кого-либо из парламентариев, например, шерифом, и тот должен был освободить свое место.

Вслед за вышеупомянутыми событиями палата общин 20 июня 1604 г. выпустила «Апологию и удовлетворение» («Апологию палаты общин») [23, с. 217-230], которую составил специальный комитет, возглавляемый сэром Томасом Ридвеем и сэром Эдвином Сандисом. В нем они объясняли королю, что его ввели в заблуждение относительно привилегий и свобод парламента, которые он получил так же, как и получают земли и титулы, – по праву наследования [5, с. 74]. Отмечается, что оклеветали самих парламентариев по поводу их нежелания видеть королем Якова I и тех речей, которые они ведут на заседаниях. Права парламента являются древними установлениями, а следовательно, они не могут быть отменены или ограничены; говорится о свободе слова во время выступлений. Кроме того, палата общин является Рекордным судом, но ни она, ни палата лордом, ни король по отдельности не могут принимать законы – все вместе они составляют единый организм государственной и правовой системы. Решительно заявляется, что только палата общин имеет право рассматривать дела, касающиеся выборов. Также подчеркивалось, что король не имеет абсолютную власть в принятии решений, касающихся религии. Повидимому, в парламенте боялись отхода от англиканства в сторону католицизма, со своей стороны общины заявляли, что они не сторонники пуританизма. Но не все готовы подписаться под «Апологией» [22, с. 177]. Несмотря на саму подачу документа, где постоянно говорится о людях, которые ввели в заблуждение короля, по сути, он представлял собой попытку

указать место шотландскому королю. Как считает М.А. Барг [24, с. 102], спор, начатый в 1604 г. об объеме полномочий короля, был в своей основе спором о границах прав монарха на имущество подданных.

Одним из видных юристов гражданского права, стоявших на позициях роялизма, был доктор Джон Коуэл, бывший вице-канцлером Кембриджа в 1603–1604 гг. и главным викарием архиепископа Кентерберийского с 1608 г. В 1607 г. вышла его знаменитая книга «Толкователь», один из лучших юридических словарей своего времени. Его определения весьма своеобразны – нет поиска строгих значений, которые, скорее, берутся из контекста. Он пытается построить последовательные, краткие и ясные дефиниции. При этом иногда автор так их использует, что пытается через понятия гражданского права вывести понятия общего права [25, с. 121].

Книга подверглась серьезной критике со стороны парламента, который обратил на него внимание в 1610 г. Особенно негодование палаты общин вызвали определение слов «субсидия», «король», «парламент» и «прерогатива» [26, с. lxxxvii]. В «Толкователе» [27] эти определения сводятся к следующему:

Субсидия – это помощь, налог или дань, предоставляемая безвозмездно парламентом королю в случае особой необходимости, собираемая с каждого человека в соответствии с его владением землей или товарами.

Король – субъект, обладающий высшей властью и абсолютный правитель всей земли, а следовательно, и единоличный законодатель, стоя-

щий над законом; господин духовный и светский, главный судья.

Королевская прерогатива – те права и привилегии, которые имеет монарх, стоя над общим правом в связи со своим положением суверена.

Парламент – конференция представителей всех земель королевства, собираемая только под руководством королевской власти.

В этих четырех определениях парламентарии увидели ограничение своих исконных прав. В момент выхода книги, видимо, многие юристы общего права из палаты общин ее заметили, но предметом ожесточенных споров она стала только в период конца работы парламента [28, с. 1122]. В этом немаловажную роль сыграл комментарий Эдварда Кока (одного из виднейших ораторов палаты общин) о том, что трактат Томаса Литтлетона является образчиком общего права Англии [29, с. 122]. Возможно, она попала «под горячую руку» недовольных парламентариев, которые вынудили короля разобрататься с ситуацией. Это он якобы и сделал, однако второе издание, вышедшее при Карле I в 1637 г., осталось без изменений [26, с. lxxxvii].

Палата общин активно претендовала на то, чтобы стать постоянным органом государства, что отразилось в самоопределении как именно Рекордного суда. Судебная система была постоянно действующим институтом королевства. Еще в акте от 1604 г. общины называют себя «Высший суд парламента» [30, с. 11]. Встречаются также названия «Высокое собрание совета» и «Общий совет королевства» [4, с. 32]. Дело в том, что понятие суд и собрание в английском языке обозначаются одним сло-

вом (court). Граница между палатой общин как судом и как советом оказалась весьма подвижной.

Чтобы играть ту роль в государстве, которую хотели парламентарии, им нужно было бороться за посещаемость заседаний. Отсутствие на заседании рассматривалось не просто как проступок против короны, но против палаты как коллективного целого. Эта борьба с абсентеизмом также понималась как прерогатива [4, с. 32]. Содействие короны в этом вопросе решительно отвергалось. Палата действовала, прежде всего, на законодательном уровне со второй половины XVI века. В 1607 г. 4 апреля была попытка принять билль о регулировании посещаемости палаты общин, но она провалилась, как и более поздние мероприятия такого рода. Достаточно посмотреть на заседание третьей сессии парламента за 20–21 апреля 1607 г., которое было отменено из-за малой явки. Провал этих регулирований был связан с нежеланием связывать самих себя определенными обязательствами по посещению заседаний и нежеланием сокращать практику в других судах, что является доказательством весьма высокого удельного веса адвокатов в палате.

Однако парламент всеми силами пытался обеспечить привод хотя бы основных участников заседаний – тех, кто руководил комитетами. Оправданиями считались посольская служба и отсутствие по болезни. К.А. Кузнецов приводит несколько курьезных случаев связанных с абсентеизмом [4, с. 67, 72-73]. 9 ноября 1604 г. есть решение парламента об обязательном посещении заседаний неким Хассардом

Несмотря на то, что его мучила подагра, палата сочла этот недуг недостаточным оправданием. Однако в том же году было разрешено отлучиться одному из парламентариев на неделю по случаю королевской охоты, проходившей рядом с его поместьем при условии привести спикеру самца оленя.

Другими способами контроля была переключка присутствующих на заседании, точнее, угроза ее проведения, создание списков отсутствующих, принудительный привод через сержантов и даже шерифов (подчиняющихся королю). Ссылаясь на дневник Роберта Бойера, историк сообщает о том, что в 1606 г. на заседании не было ряда парламентариев. К шерифам было решено разослать циркулярные письма с требованием, чтобы они сделали напоминание находящимся на местах членам парламента о необходимости явиться на службу в палату. Кроме того, здесь содержится требование сообщить спикеру о моменте получения письма и о том, какие действия шерифы предприняли. Редакция послания была одобрена, но некоторые спикеры выразили сомнение, по поводу слова «требование» (*to require*) и предложили заменить его на «просьба» (*to pray*). Голоса разделились. Находятся противники обращения к шерифам (ведь это королевские слуги, не парламентские). Сэр Эдвин Сандис успокаивает, что в северных частях Англии слово требовать употребляется в смысле «пожелание» (*to desire*). Сам автор дневника предлагает следующее решение – разослать частные письма свои друзьям – парламентариям, чтобы они не пропускали заседания.

Игра словами нужна была потому, что у парламента нет прямой юридической власти по отношению к слугам короля. Это приводит к появлению ряда побочных вопросов: кто должен был посылать подобные циркуляры, за чей счет, что делать, если шерифы откажутся повиноваться, как быть с теми, кто не подчинится? В ситуацию, где могут быть замешаны его слуги, вмешивается король, настаивая на том, что подобные обращения должны идти только через него. Парламент, боясь создания прецедента, отказывается и решает обойтись собственными силами. В результате, выносится парадоксальное решение – надеяться на то, что в следующий раз придет достаточно парламентариев и без рассылки писем.

Здесь важно учитывать тот момент, что при любом количестве присутствующих палата общин считалась полноправной. Дело было не столько в количестве, сколько в необходимости обеспечения его стабильной, непрекращающейся работы как важного государственного органа

Таким образом, структура английского права была построена на существовании двух систем – общего и гражданского права, которые были воплощены в определенных институтах государственной власти – парламенте и короне. Их столкновение было неизбежным, что и проявилось в период английского парламента 1604–1610 гг. Главными вопросами для парламентариев в нем являлись отстаивание прерогативы парламента в избирательном праве и стремление стать постоянной частью государственного аппарата.

**СПИСОК ИСТОЧНИКОВ
И ЛИТЕРАТУРЫ**

1. *Holdsworth, W.S.* A History of English Law [Text] / W.S. Holdsworth. – Vol. 1. – London, 1922.
2. *Кондратьев, С.В.* Английские юристы накануне буржуазной революции [Текст] / С.В. Кондратьев // Правоведение. 1990. № 4 [Электронный ресурс]. – URL: <http://law.edu.ru/article/article.asp?articleID=156623> (дата обращения: 17.03.2015).
3. *Levack, V.P.* The Civil Lawyers in England 1603–1641. A political Study [Text] / V.P. Levack. – Oxford, 1973.
4. *Кузнецов, К.А.* Английская палата общин при Тюдорах и Стюартах [Текст] / К.А. Кузнецов. – Одесса, 1915.
5. История буржуазного конституционализма XVII–XVIII вв. [Текст] / Отв. ред. В.С. Нерсесянц. – М.: Наука, 1983.
6. *Тонков, Е.Н.* Толкование закона в Англии: Монография [Текст] / Е.Н. Тонков. – СПб., 2013.
7. *Давид, Р.* Основные правовые системы современности [Текст] / Р. Давид. – М., 1988.
8. *Блаженный, Августин.* Исповедь [Текст] / Августин Блаженный. – М., 2006.
9. *Бэкон, Ф.* Сочинения. Т.1–2 [Текст] / Ф. Бэкон. – Т. 1. – М., 1977.
10. The Kings Proclamation for calling a Parliament [Text] // Cobbets Parliamentary History of England. From the Norman Conquest, in 1066 to the year, 1803. – Vol. 1. – London, 1806.
11. The Parliament of 1604–1610 [Text] // The History of Parliament. British Political, Social & Local History [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.historyofparliamentonline.org/volume/1604-1629/survey/parliament-1604-1610> (дата обращения: 31.04.2015).
12. *Ковин, В.С.* Королевский двор Якова I Стюарта: королевская спальня, ее слуги и все остальные. // Королевский двор в Англии XV–XVIII веков [Текст] / В.С. Ковин / Под. ред. С.Е. Федорова. – СПб., 2015.
13. *Aylmer, G.E.* 1603–1689. The Struggle for the Constitution. England in the Seventeenth Century [Text] / G.E. Aylmer. – London, 1963.
14. Letter by Edward Phelps, Speaker [Text] // Constitutional documents of the Reign of James I A.D. 1603–1625 with a historical commentary by J.R. Tanner. – Cambridge, 1930.
15. Shirleys Case, 1604 [Text] // Constitutional documents of the Reign of James I A.D. 1603–1625 with a historical commentary by J.R. Tanner. – Cambridge, 1930.
16. The most humble petition of William Watkin, Serjeant the Mace in the City of London [Text] // Constitutional documents of the Reign of James I A.D. 1603–1625 with a historical commentary by J.R. Tanner. – Cambridge, 1930.
17. Letter by Anne Trench, Wardens wife [Text] // Constitutional documents of the Reign of James I A.D. 1603–1625 with a historical commentary by J.R. Tanner. – Cambridge, 1930.
18. Letter by G. Hervey, Mr. Lieutenant of the Tower to Mr. Speaker [Text] // Constitutional documents of the Reign of James I A.D. 1603–1625 with a historical commentary by J. R. Tanner. – Cambridge, 1930.
19. General Act in Shirleys case, 1604 // Constitutional documents of the Reign of James I A.D. 1603–1625 with a historical commentary by J.R. Tanner. – Cambridge, 1930.
20. The Bucks elections, 1604 [Text] // Constitutional documents of the Reign of James I A.D. 1603–1625 with a historical commentary by J.R. Tanner. – Cambridge, 1930.
21. The humble answer of the Commons House of Parliament to his Majestys objections in Sir Francis Goodwins case [Text] // Constitutional documents of the Reign of James I A.D. 1603–1625 with a historical commentary by J.R. Tanner. – Cambridge, 1930.
22. *Bryant, C.* Parliament. The Biography: Ancestral Voices [Text] / C. Bryant. – London, 2014. – Vol. 1.
23. Form of Apology and Satisfaction, 1604 [Text] // Constitutional documents of the Reign of James I A.D. 1603–1625 with a historical commentary by J.R. Tanner. – Cambridge, 1930.
24. *Барг, М.А.* Великая английская революция в портретах ее деятелей [Текст] / М.А. Барг. – М., 1991.
25. *Stone, J.* John Cowells Interpreter: Legal Tradition and Lexicographical Innovation

- [Text] / J. Stone // SEDERI: Journal of the Spanish Society for English Renaissance Studies. – Barcelona, 2001. – № 10.
26. *McIlwain, Ch.H.* Appendix B [Text] / Ch.H. McIlwain // The political works of James I. Intr. by Ch. H. McIlwain. – London, 1918.
 27. *Cowel, J. A* Law Dictionary or the Interpreter of Words and Terms, Used either in the Common or Statute Laws of Great Britain and in Tenures and Jocular Customs [Text] / J. Cowel. – London, 1727.
 28. The Common complain of Dr. Cowels Book, tending to advance the Prerogative Royal [Text] // Cobbets Parliamentary History of England. From the Norman Conquest, in 1066 to the year, 1803. – Vol. 1. – London, 1806.
 29. *Sommerville, J.P.* Politics and Ideology in England, 1603–1640 [Text] / J.P. Sommerville. – NY, 1986.
 30. Succession Act, 1604 [Text] // Constitutional documents of the Reign of James I A.D. 1603–1625 with a historical commentary by J.R. Tanner [Text]. – Cambridge, 1930.
 9. “General Act in Shirleys case, 1604”, in: *Constitutional documents of the Reign of James I A.D. 1603–1625 with a historical commentary by J.R. Tanner*, Cambridge, 1930.
 10. Holdsworth W.S., *A History of English Law*, Vol. 1, London, 1922.
 11. *Istorija burzhuaznogo konstitucionalizma XVII–XVIII vv.*, ed. V.S. Nersesjanc, Moscow, Nauka, 1983. (in Russian)
 12. Kondratev S.V., *Anglijskie juristy nakanune burzhuaznoj revoljucii, Pravovedenie*. 1990. No. 4, available at: <http://law.edu.ru/article/article.asp?articleID=156623> (date accessed: 17.03.2015). (in Russian)
 13. Kovin V.S., “Korolevskij dvor James I Stuart: korolevskaia spalnja, ee slugi i vse ostalnye”, in: *Korolevskij dvor v Anglii XV–XVIII vekov*, ed. S.E. Fedorova, St. Petersburg, 2015. (in Russian)
 14. Kuznecov K.A., *Anglijskaja palata obshhin pri Tjudors i Stuarts*, Odessa, 1915. (in Russian)
 15. “Letter by Anne Trench, Wardens wife”, in: *Constitutional documents of the Reign of James I A.D. 1603–1625 with a historical commentary by J.R. Tanner*, Cambridge, 1930.

REFERENCES

1. Augustine of Hippo (Saint Augustine), *Ispoved*, Moscow, 2006. (in Russian)
2. Aylmer G.E., *1603–1689. The Struggle for the Constitution. England in the Seventeenth Century*, London, 1963.
3. Barg M.A., *Velikaja anglijskaja revoljucija v portretah ee dejatelej*, Moscow, 1991. (in Russian)
4. Becon Francis, *Sochinenija*, Vol. 1–2, Moscow, 1977. (in Russian)
5. Bryant C., *Parliament. The Biography: Ancestral Voices*, London, 2014, Vol. 1.
6. Cowel J., *A Law Dictionary or the Interpreter of Words and Terms, Used either in the Common or Statute Laws of Great Britain and in Tenures and Jocular Customs*, London, 1727.
7. David R., *Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti*, Moscow, 1988. (in Russian)
8. “Form of Apology and Satisfaction, 1604”, in: *Constitutional documents of the Reign of James I A.D. 1603–1625 with a historical commentary by J.R. Tanner*, Cambridge, 1930.
9. “Letter by Anne Trench, Wardens wife”, in: *Constitutional documents of the Reign of James I A.D. 1603–1625 with a historical commentary by J.R. Tanner*, Cambridge, 1930.
10. “Letter by Edward Phelips, Speaker”, in: *Constitutional documents of the Reign of James I A.D. 1603–1625 with a historical commentary by J.R. Tanner*, Cambridge, 1930.
11. “Letter by G. Hervey, Mr. Lieutenant of the Tower to Mr. Speaker”, in: *Constitutional documents of the Reign of James I A.D. 1603–1625 with a historical commentary by J.R. Tanner*, Cambridge, 1930.
12. Levack B.P., *The Civil Lawyers in England 1603–1641. A political Study*, Oxford, 1973.
13. McIlwain Ch.H., “Appendix B”, in: *The political works of James I. Intr. by Ch.H. McIlwain*, London, 1918.
14. “Shirleys Case, 1604”, in: *Constitutional documents of the Reign of James I A.D. 1603–1625 with a historical commentary by J.R. Tanner*, Cambridge, 1930.
15. *Sommerville J.P., Politics and Ideology in England, 1603–1640*, New York, 1986.
16. Stone J., *John Cowells Interpreter: Legal Tradition and Lexicographical Innovation*,

SEDERI: Journal of the Spanish Society for English Renaissance Studies, Barcelona, 2001, No. 10.

23. "Succession Act, 1604", in: *Constitutional documents of the Reign of James I A.D. 1603–1625 with a historical commentary* by J.R. Tanner, Cambridge, 1930.
24. "The Bucks elections, 1604", in: *Constitutional documents of the Reign of James I A.D. 1603–1625 with a historical commentary* by J.R. Tanner, Cambridge, 1930.
25. "The Common complain of Dr. Cowels Book, tending to advance the Prerogative Royal", in: *Cobbets Parliamentary History of England. From the Norman Conquest, in 1066 to the year, 1803*, Vol. 1, London, 1806.
26. "The humble answer of the Commons House of Parliament to his Majestys objections in Sir Francis Goodwins case", in: *Constitutional documents of the Reign of James I A.D. 1603–1625 with a historical commentary* by J.R. Tanner, Cambridge, 1930.
27. "The Kings Proclamation for calling a Parliament", in: *Cobbets Parliamentary History of England. From the Norman Conquest, in 1066 to the year, 1803*, Vol. 1, London, 1806.
28. "The most humble petition of William Watkin, Serjeant the Mace in the City of London", in: *Constitutional documents of the Reign of James I A.D. 1603–1625 with a historical commentary* by J. R. Tanner, Cambridge, 1930.
29. "The Parliament of 1604–1610", in: *The History of Parliament. British Political, Social & Local History*, available at: <http://www.historyofparliamentonline.org/volume/1604-1629/survey/parliament-1604-1610> (accessed: 31.04.2015).
30. Tonkov E.N., *Tolkovanie zakona v Anglii: monografija*, St. Petersburg, 2013. (in Russian)

Батшев Денис Александрович, учитель истории, Школа с углубленным изучением отдельных предметов № 415, Москва, denisbatshev@yandex.ru

Batshev D.A., History Teacher, School with Advanced Course of Several Subjects No. 415, Moscow, denisbatshev@yandex.ru

УДК 93/94
ББК 63.3(4)4

ШАРИАТ И ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ МУСУЛЬМАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ХРИСТИАНСКОМ КОРОЛЕВСТВЕ (Арагонская корона XIV века)

И.И. Варьяш

Аннотация. *Статья написана в рамках обширного сюжета социальной адаптации иноверцев в средневековой Западной Европе. В центре внимания автора – история мусульман, оставшихся в ходе Реконкисты жить под властью христианских государей. Хронологически в статье привлекается материал XII–XIV веков, происходящий из Арагонской Короны. Исследовательской целью автора является выявить формы социальной адаптации мусульман в христианском обществе. Автор приходит к выводу о высокой роли шариата в коммуникации мусульманских общин и христианских королей, в процессе сохранения сарацинами своей идентичности, групповой и индивидуальной, в повседневной жизни мусульманских общин и их взаимодействии с христианским окружением в лице владетельных сеньоров, церкви, королевских официалов и соседей. Сохранность мусульманской правовой традиции воспринимается сарацинами как цель и средство коммуникации с короной, как неперемное условие социальной адаптации. Королевское право видит в шариате обычное право одной из групп подданных и включает его в правовое пространство королевства, что обеспечивает обеим сторонам основу для коммуникации.*

Ключевые слова: *шариат, история права, Арагонская Корона, сарацины, исламская традиция, социальная адаптация, идентичность.*

SHARIA AND A PROBLEM OF SOCIAL ADAPTATION OF THE MUSLIM POPULATION IN THE CHRISTIAN KINGDOM (The Aragonese Crown of the 14th Century)

I.I. Variash

Abstract. *The article analyses aspects of social adaptation of the infidels in Medieval Europe. The history of Muslims who lived under Christian rule is the focus of author's interest. The Aragonese historical sources of the*

12th –14th cc. form the basis for this study. The purpose is to identify the forms of social adaptation of Muslims in Christian society. The author concludes that the Sharia played the great role in the communication of the Muslim communities and the Christian Kings; the Sharia was an important element in preserving the identity of Aragonese Saracens, as a group and as individuals; the Sharia was present in the daily life of Muslim communities, and in their interaction with Christian environment: the lords, the Church, the royal officials and neighbors. Preservation of Islamic legal tradition was perceived by the Saracens as a goal and a means of communication with the Crown, as a precondition for social adaptation. Royal law understood the Sharia as a law of some groups of subjects and included it into the legal space of the Kingdom, which provided the communication to both parties.

Keywords: *Sharia, history of the law, Crown of Aragon, Saracens, Islamic Tradition, Social Adaptation, Identity.*

Как известно, на Пиренейском полуострове еще с раннего Средневековья, когда в VIII веке здесь возникло мусульманское политическое объединение – Кордовский эмират, входивший в состав Халифата, а затем обретший независимость, – проживало многочисленное мусульманское население. С развитием Реконкисты, по мере того, как под власть христианских правителей отходили все более значительные территории, мусульмане – или мавры, сарацены, как их здесь чаще всего называли, – становились подданными христианских государей.

Уже в XII столетии процесс включения мусульман в политический и социальный организм христиан осмысливался и регулировался специальными документами – капитуляциями, которые подписывались при сдаче города или местечка обеими сторонами: христианским властителем-победителем и представителями местной мусульманской общины (это мог быть владетельный сеньор из сарацин или должностные лица общины).

С правового закрепления обоюдных договоренностей начиналась жизнь мусульман среди христиан. И даже в тех землях (например, королевство Валенсия, входившая в состав Арагонской Короны), где сарацены представляли собой большинство – 60–80% – они все равно подчинялись политическому доминированию христиан, их порядкам, системе управления, законам; они платили в казну христианского государя или сеньора подати и несли военную службу.

Каким же образом мусульманское население адаптировалось к новым общественным условиям? Какими средствами могло – если ему была предоставлена такая возможность – влиять на ситуацию, защищая свои интересы, свою идентичность и общность?

Вопрос о социализации или социальной адаптации в контексте истории мусульманского населения в испанских королевствах приобретает особое звучание. Здесь он стоял намного очевиднее и острее, чем в более гомогенном христианском обществе,

не включавшем многочисленный иноверный элемент. Оно тоже в не меньшей степени сталкивалось с задачей социальной адаптации различных групп, но, вероятно, этот процесс, не подсвеченный конфессиональным различием между господствующей социальной группой и той группой, которая стремилась войти в социум, оказывался менее выпуклым.

Следует сразу подчеркнуть, что задача адаптации сарацин к христианскому обществу стояла и осознавалась не только мусульманской стороной, но и христианскими правителями и христианским обществом – в лице баронов, официалов, горожан, церкви и т.д. В Арагонской Короне, одной из первых ступившей на путь решения этой задачи в силу успешности арагонских королей и барселонских графов на полях Реконкисты, интересы мусульман учитывались, а их права гарантировались высшей властью. В Кастильском королевстве, пережившем масштабное восстание мавров в XIII веке, положение мусульман традиционно было хуже, чем в Короне. Таким образом, от настроя власти, ее готовности обеспечивать интересы своих подданных, зависело очень многое. В том числе готовность сарацин сотрудничать, остаться жить в королевстве, а не эмигрировать в страны ислама, исправно снабжать казну податями и экстраординарными выплатами, снабжать войско короля провиантом, осадными машинами и людьми, не возбуждать социальных волнений...

По справедливому замечанию М.А. Бойцова, продолжительное господство строится на более или менее добровольном согласии групп, которое складывается и поддержива-

ется в ходе постоянной циркуляции информации о том, как каждая из групп представляет собственную роль и чего она ожидает от остальных. Подобная информация практически всегда, по мнению М.А. Бойцова, выражается в символических формах и обычно она плохо отрефлексирована участниками обмена или даже не отрефлексирована вообще, что, однако, не означает ее неэффективности: сбои в информационном взаимодействии могут приводить к серьезным последствиям – вплоть до отказа господствующим группировкам в легитимности [1, с. 13], что и наблюдаем, например, в кастильском варианте развития событий и восстании мавров.

История мусульманского населения, оставшегося под властью христианских государей, предлагает исследователю еще одну форму информационного взаимодействия – через право.

Мусульмане с самого начала своей истории и зарождения ислама с особым вниманием относились к урегулированию отношений в сообществе и к вершению правосудия – оба этих сюжета были неразрывно связаны с идеей благочестия и следования божественной истине. В условиях подчинения власти христиан мусульмане оказались перед насущной необходимостью сохранить традицию, обычай, шариат. Для них собственное право быстро превратилось в самодостаточную цель, а с другой стороны, действительно, стало средством социальной адаптации при сохранении идентичности. Заметим, что для иноконфессионального сообщества социальная адаптация путем ассимиляции, без сохранения иден-

тичности, групповой и индивидуальной, без идеи поддержания общей традиции, выраженной в обычаях, праве, привычках, нормах религиозного поведения и т.п., не имеет смысла, воспринимается как неприемлемая и ведет к эмиграции.

Кроме того, арагонские сарацины принадлежали к развитой мусульманской правовой культуре и стремились к оформлению своих отношений с христианами на легитимной основе, что в их понимании означало письменную фиксацию договоренностей и коммуникацию на языке права. Это не исключает, разумеется, других форм информационного обмена между властью и подданными-мусульманами (дары, политический шантаж, участие в процессах и т.д.). В конце концов, готовность христианского монарха вступать в диалог по правовым вопросам, решать их на правовой основе, учитывать нормы шариата и гарантировать сохранность шариата, санкционировать мусульманское судопроизводство всегда выполняла роль политического барометра.

Вот почему для арагонских сарацинов адаптация через право имела и политическое, и социальное звучание.

Королевская власть, со своей стороны, проявляла заинтересованность в диалоге такого рода со своими подданными, что отразилось в королевских дипломах, привилегиях, составлявшихся в курии в пользу мусульманских общин, широких правах автономии во внутренних делах, которые жаловались сарацинам короной [2].

Христианская теория политической власти тоже традиционно придавала огромное значение праву и

многое была склонна реализовывать через правовые механизмы. В большой мере это диктовалось идеей справедливости, лежавшей в основе и легитимности власти, и отправления правосудия государем, вершившем *iustitia* в преходящем, которая лишь отражала божественную справедливость и божий суд.

Средневековое право в целом – и в форме разработок юристов-интеллектуалов, и в форме обычая, и в форме королевского или канонического права – всегда было сакральным.

В этом смысле шариат мало чем отличался от других вариантов воплощения права в средние века: право латинян и право мусульман принадлежали разным конфессиям, но оба осмыслились в контексте религиозно-юридико-политической традиции.

Таким образом, обмен информацией между мусульманами и короной посредством правовых механизмов воспринимался как естественная, общепринятая и общепонятная форма коммуникации.

В то же время такая форма существенно отличалась от символической тем, что, наоборот, чаще осознавалась. Более того, поскольку право призвано регулировать общественные отношения и обладает обширной практической, прикладной частью, связанной с нормотворчеством, то уровень рефлексии при правовой коммуникации очень высок.

Этот момент хорошо прослеживается в петициях мусульманских общин и в тех привилегиях, которые жаловались королями в ответ на петиции.

Как при помощи такого средства информационного обмена происхо-

дила социальная адаптация мусульманского населения?

Совершенно очевидно, что правовая форма диалога была одной из первых, которые зафиксировали доступные сегодня источники: мусульманские общины (городов, деревень, замков), сдаваясь на волю победителя, христианского государя, подписывали капитуляции и присягали соблюдать их. Капитуляции представляли собой, как уже было отмечено, двусторонние соглашения, в которых отчетливо слышен «голос» договаривавшихся сторон. Христианские государи, точно так же, как мусульманские сеньоры или должностные лица, выступавшие от имени общины, скрепляли капитуляции своей клятвой и подписью – в присутствии свидетелей и знати.

Капитуляции составлялись мусульманскими правоведами, как правило, на арабском и латинском языках и касались тех вопросов организации жизни общины, без урегулирования которых на самых первых порах невозможно было обойтись. Именно поэтому здесь, например, не прописывалась подробно система налогообложения, хотя для короны этот сюжет представлял наибольший интерес: обычно он обсуждался в деталях позже и получал отражение в специальных документах-привилегиях.

Многие капитуляции начинались с пунктов, в которых за мусульманами закреплялось право жить в королевстве, а затем сразу переходили к пунктам, обеспечивавшим сарацинам автономию в области права и управления общиной, в том числе и в сфере судопроизводства [2, с. 97-106]. Право пользоваться своим законом, судить по нормам шариата,

иметь своих судей-кади рассматривалось исламскими юристами, предлагавшими текст капитуляции, как первостепенно важное. Королевская власть, со своей стороны, брала на себя обязательства гарантировать мусульманам такое право, рассматривая его как естественно принадлежащее новым подданным. Никаких возражений или сомнений эти пункты не вызывали у христиан, о чем свидетельствует тот значительный факт, что короли не только прикладывали руку к капитуляциям, но в дальнейшем проявляли готовность подтверждать и вновь жаловать при необходимости привилегии подобного содержания.

Шариат с самого начала присутствия мусульманского населения в Арагонской Короне был признан властью как часть действующего в королевстве права, был включен в правовое пространство королевства, хотя, разумеется, и занимал в нем иерархически низкое положение. Во всяком случае, внутрисарацинские дела в суде и повседневность опирались на исламскую традицию.

Если такой порядок каким-то образом нарушался, главы мусульманской общины имели право и реальную возможность обращаться с петициями в королевскую курию. Обычно на протяжении XIII–XIV веков подобные функции возлагались на кади (мусульманские судьи, часто возглавляли общины арагонских сарацин), факихов (правоведы), аламинов (могли быть помощниками кади или сами возглавляли общину) или аделантадо общины: все они занимались управлением внутренней жизнью альхамы (общины) и являлись знатоками права. Охранение шариата в

целом или защита какого-либо конкретного положения мусульманского права полагались ими как задача первостепенной важности, имевшая смысл не только для поддержания порядка внутри общины, не только для сохранения аутентичности традиции, но и для укрепления политического статуса мусульман.

Мусульмане использовали тему своей правовой автономии, чтобы вновь и вновь подтверждать свое политическое право жить в королевстве, обновлять все гарантии и обязательства, которые брала на себя корона.

Кроме того, исламские праведы и должностные лица побуждали христианскую власть в их диалоге уделять внимание новым вопросам, ставили более конкретные и более глубокие задачи перед властью, санкция которой обеспечивала более стабильное и социально комфортное существование (например, речь могла идти о праве мусульманских общин королевства на собственного писца, который бы составлял документы на арабском языке [3] или о порядке участия сарацин в королевских процессиях [4; 5]).

Наконец, они прибегали к вмешательству высшей инстанции в случаях конфликтов с королевскими официальными представителями церкви или с другими общинами (христианскими, иудейскими).

Правовая форма коммуникации обеспечивалась составлением документов. Сначала мусульманами составлялись петиции с запросом или жалобой. Кади и факихи быстро отказались от арабского и перешли на местные языки и наречия (старо каталанский, валенсийский диалект

старо каталанского, романсе) и, кроме того, освоили нормы куриального делопроизводства. Прошения мусульманских общин, как правило, были очень продуманными – в плане политической подачи дела и в плане юридической аргументации, что лишний раз подчеркивает высокий уровень рефлексии, необходимый при правовой форме коммуникации [6]. Затем в курии записывали ответ государя – в виде распоряжения, письма, привилегии, подтверждения привилегии и т.п.

Сама формализованность информационного обмена облегчала задачу коммуникации, протекавшей между очень разными по культурной и правовой традиции сторонами; служила созданию общего, понятного и устойчивого (в силу письменной фиксации этапов и результатов) коммуникативного поля.

Большой объем материала, вызванного к жизни правовой коммуникацией мусульман с короной (петиции мусульманских альхам в курию в XIV веке исчисляются сотнями [7]) свидетельствует о востребованности такой формы, о заинтересованности в ней обеих сторон. Отсутствие повторных петиций говорит об эффективности диалога.

Таким образом, социальная адаптация иноверцев через право облекалась, прежде всего, в политическую форму. В этом явлении разграничить социальное и политическое в принципе довольно затруднительно. Мусульмане получали от власти политическую санкцию на подданство, осуществляли свое политическое право на автономию, что обеспечивало им определенный социальный статус, влияло на их реальное поло-

жение внутри общества. И наоборот, социальные отношения требовали правового урегулирования, которое подчас было невозможно без политической санкции.

Сарацины, что очевидно из приведенного материала, занимали в правовом диалоге очень активную позицию – осваивали новый для них язык коммуникации, являлись инициаторами решения тех или иных вопросов. В поле их зрения и деятельности всегда находилась сверхзадача – сохранение собственной идентичности, которая понималась и отстаивалась перед властями прежде всего в категориях исламской правовой традиции. И это не случайно. Именно право на свое судопроизводство, своих судей, свои обычаи и свой закон воплощало идею земной справедливости. Христианские власти рассматривали право мусульман на автономию в этой сфере как естественное право группы на собственные обычаи. В королевских дипломах сунна и шариат понимались в весьма прикладном смысле – как основа судебных решений и обычаев. Королевское право практически видело в мусульманском праве обычное право одной из групп подданных.

Благодаря этому мусульманским общинам и частным лицам [8; 9; 10] было значительно проще защищать свои интересы, апеллируя к нормам шариата, ссылаясь на обыкновенность для их права или уклада того или иного положения, нежели вдаваться в подробности религиозных предписаний или даже житейских надобностей. Ссылка на обычай – в рамках исламской правовой традиции – была не только понятным, но и достаточным доводом в курии.

Христианская власть предоставляла своим мусульманским подданным – и декларативно, в привилегиях и пожалованиях, и на практике, в решениях по конкретным делам – возможность сохранять идентичность, которая обеими сторонами диалога не мыслилась вне шариата. Более того, королевское и сеньориальное право во многих случаях, требовавших легитимности действий мусульман: например, при принесении судебной клятвы или присяги верности – настаивало на самой высокой степени аутентичности исламской традиции, видя в этом единственно допустимую основу для совместного разрешения социальных конфликтов [2, с. 46-65]. Соблюдение сарацинами всех норм и правил своего закона было необходимо и христианскому обществу, и королевской власти, что лишний раз демонстрирует реальную роль шариата в социальной адаптации арагонских мусульман.

Важно подчеркнуть, что королевская власть одинаково внимательно относилась к групповым запросам мусульман, поступавшим от общин, и к стремлению частных лиц обрести в государе гаранта своей исламской идентичности. Это обстоятельство говорит о том, что позиция короны в данном вопросе не была порождена исключительно политическими интересами и не представляла собой отвлеченную декларацию или церемониальный жест сюзерена. Напротив, христианский государь позиционировал себя как высшего судию для всех своих подданных, как гаранта справедливости, что предполагало последовательность и в делах малых просителей.

Из петиций частных лиц мусульман – членов городских и сельских общин – мы и знаем больше всего о бытовании шариата, о применении или нарушении его норм на практике, о сохранности мусульманских обычаев и порядков в повседневной жизни. Конечно, петиции в курию – не самый информативный для такой темы источник, но исследователи вынуждены им пользоваться за неимением иного. Тем любопытнее, что королевские грамоты, составлявшиеся в ответ на прошения сарацин, отразили, явно не полно и однобоко, но все же отразили и эту сторону социальной адаптации иноверцев.

В научной литературе последних лет не раз ставился вопрос о трансформации мусульманской традиции, в том числе и правовой, под влиянием христианской власти и христианской системы управления [11; 12; 2]. И эта тема, безусловно, имеет огромное значение для истории шариата на Западе. Однако в контексте настоящей работы хотелось бы заметить, что трансформационные процессы сочетались здесь с явлением противоположной направленности – осознанной работой по сохранению идентичности и естественной, не всегда от-refлексированной, привычкой к определенному правовому, религиозному, культурному поведению.

Повседневное воплощение мусульманского образа жизни, обычаев, правовых представлений и юридических действий тоже было совершенно необходимо для нормального функционирования группы и общества, являлось еще одной формой социальной адаптации через право. Сарацины составляли договоры купли-продажи, о найме, брачные контракты и

документы о расторжении брака, завещания и дарения, руководствуясь многовековой традицией ислама в этой сфере и пользуясь услугами кади или писцов альхамы. Сарацины праздновали свадьбы, обрезали сыновей, совершали молитву и отправлялись в паломничество, вступали в наследство и хоронили своих усопших, исходя из собственных привычек и представлений о правильном. Сарацины учили детей в своих школах по своим книгам, спешили на молитву, заслышав крик муэдзина, а их дочери и жены носили традиционные семейные украшения.

Более того, сарацины проявляли естественное, не нуждавшееся в их восприятии, в специальном обосновании расположение решать свои дела в суде на основе шариата. Когда речь идет о споре с соседом-мусульманином, приход сарацина к своему кади не вызывает особого удивления. Однако сарацины и сарацинки Арагонской Короны нередко решали свои сугубо семейные или внутренние для сообщества тяжбы в королевском суде. В этих случаях они также рассчитывали, что их интересы будут обеспечены с учетом мусульманской традиции [2, с. 144-175]. Шариат и здесь выступал социализирующим средством в сознании носителей исламской культуры и в практической деятельности христианских властей, прежде всего королей.

Подводя итоги, следует еще раз подчеркнуть, что шариат и знатоки мусульманского права сыграли в высшей степени важную роль в процессе включения мусульманского населения в христианское общество Арагонской Короны. Посредством

правовой коммуникации достигались первые договоренности, затем углублялись и прорабатывались существенно важные для сарацин положения, на основе которых выстраивались взаимоотношения с властью и обществом.

Социальная адаптация через право принимала у арагонских мусульман разные формы – от политической, для которой была характерна высокая степень рефлексии, до повседневной, при которой специальное осознание своих обычаев и привычек, к тому же выраженное вслух, было продуктом конфликтов, столкновения с каким-либо социальным или политическим противодействием. Особой формой социализации мусульман посредством шариата была судебная форма, которую сложно отнести к повседневности, но которая, между тем, имела большое значение для всего правового и социального уклада мусульманских общин. Сохранение идентичности – групповой или индивидуальной, внутри общины или в контексте ее связей с христианским обществом – являлось еще одной формой социальной адаптации мусульман, которая также и защищала, и использовала исламскую правовую традицию.

Шариат выступал здесь и как условие, и как цель, и как средство социализации; представлял собой один из компонентов той основы, на которой происходил обмен информацией с властью; являлся неотъемлемой частью социального и культурного облика мусульман Арагонской Короны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бойцов, М.А.* Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе [Текст] / М.А. Бойцов. – М.: РОССПЭН, 2009. – 550 с.
2. *Варьяш, И.И.* Сарацины под властью арагонских королей. Исследование правового пространства [Текст] / И.И. Варьяш. – СПб.: Евразия, 2016. – 389 с.
3. *Варьяш, И.И.* Instrumenta publica sarracénica в Арагонской Короне XIII–XIV вв. [Текст] / И.И. Варьяш // Средние века. – Вып. 76 (3/4). 2015. – С. 333-344.
4. *Варьяш, И. И.* Королевские процессии в Арагоне XIV в. [Текст] / И.И. Варьяш // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. Теория. Символика. Церемониал / Под ред. Н.А. Хачатурян. – М.: Наука, 2004. – С. 285-286.
5. *Nirenberg, D.* What can Medieval Spain teach us about Muslim–Jewish Relations? [Text] / D. Nirenberg // CCAR Journal. – Summer, 2002. – Pp. 17-36.
6. *Варьяш, И.И.* Социальный аспект освоения пространства, или Где выпить сарацину? [Текст] / И.И. Варьяш // Книга картины земли. Сборник статей в честь Ирины Геннадиевны Коноваловой / Под редакцией Т.Н. Джаксон и А.В. Подосинова. – М.: Издательство «Индрик», 2014. – С. 24-40.
7. *Ferrer i Mallol, M.T.* Fuentes documentales para el estudio de los mudéjares [Text] / M.T. Ferrer i Mallol, I. Montes Romero-Camacho, G. Navarro Espinach, J.F. Egea Gilaberte. – Teruel: IET, SEM. 2005. – 160 p.
8. *Варьяш, И.И.* Сарацины и сарацинки бьют челом сеньору королю [Текст] / И.И. Варьяш // Адам и Ева. Альманах гендерной истории / Под редакцией Л.П. Репиной. – М.: ИВИ РАН: СПб.: Алетея, 2003. – Серия «Гендерная коллекция» – С. 115-130.
9. *Варьяш, И.И.* Мусульманская женщина в христианском государстве и социуме [Текст] / И.И. Варьяш // De mulieribus illustribus. Судьбы и образы женщин средневековья. – СПб.: Алетея, 2001. – С. 61-96.
10. *Варьяш, И.И.* Идентификация de morte [Текст] / И.И. Варьяш // Человек XV сто-

- летия: грани идентичности. – М.: ИВИ РАН, 2007. – С. 103-117.
11. Boswell, J. The Royal Treasure. Muslim Communities under the Crown of Aragon in the fourteenth century [Text] / J. Boswell. – New Haven: Yale University Press, 1977. – 522 p.
 12. Catlos, B.A. The Victors and the Vanquished: Christians and Muslims of Catalonia and Aragon, 1050–1300 [Text] / B.A. Catlos. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – xxiv, 456 p.
- REFERENCES**
1. Bojcov M.A., *Velichie i smirenje. Ocherki politicheskogo simbolizma v srednevekovoj Evrope*, Moscow, ROSSPJeN, 2009, 550 p. (in Russian)
 2. Boswell J., *The Royal Treasure. Muslim Communities under the Crown of Aragon in the fourteenth century*, New Haven, Yale University Press, 1977, 522 p.
 3. Catlos B.A., *The Victors and the Vanquished: Christians and Muslims of Catalonia and Aragon, 1050–1300*, Cambridge, Cambridge University Press, 2004, xxiv, 456 p.
 4. Ferrer i Mallol M. T., Montes Romero-Camacho I., Navarro Espinach G., Egea Gilberte J.F., *Fuentes documentales para el estudio de los mudéjares*, Teruel, IET, CEM, 2005, 160 p.
 5. Nirenberg D., What can Medieval Spain teach us about Muslim–Jewish Relations?, *CCAR Journal*, Summer, 2002, pp. 17-36.
 6. Variash I.I., Identifikacija de morte, *Che-lovek XV stoletija: grani identichnosti*, Moscow, IVI RAN, 2007, pp. 103-117. (in Russian)
 7. Variash I.I., Instrumenta publica sarracenic v Aragonskoj Korone XIII–XIV vv., *Srednie veka*, 2015, 76 (3/4), pp. 333-344. (in Russian)
 8. Variash I.I., Korolevskie processii v Aragone XIV v., *Korolevskij dvor v politicheskoy kulture srednevekovoj Evropy. Teorija. Simvolika. Ceremonial*, ed. N.A. Hachaturjan, Moscow, Nauka, 2004, pp. 285-286. (in Russian)
 9. Variash I.I. Musulmanskaja zhenshhina v hristianskom gosudarstve i sociume, *De mulieribus illustribus. Sudby i obrazy zhenshhin srednevekovja*. SPb.: Aleteja, 2001, pp. 61-96. (in Russian)
 10. Variash I.I., Saraciny i saracinki bjut chelom senoru korolju, *Adam i Eva. Almanah gendernoj istorii*, ed. L.P. Repinoj, Moscow, IVI RAN, St. Petersburg, Aleteja, 2003, Serija “Gendernaja kolekcija”, pp. 115-130. (in Russian)
 11. Variash I.I., *Saraciny pod vlastju aragonskih korolej. Issledovanie pravovogo prostranstva*, St. Petersburg, Evrazija, 2016, 389 p. (in Russian)
 12. Variash I.I., Socialnyj aspekt osvoenija prostranstva, ili Gde napitsja saracinu, *Kniga kartiny zemli. Sbornik statej v chest Iriny Gennadievny Konovalovoj*, ed. T.N. Dzhakson i A.V. Podosinova, Moscow, Indrik, 2014, pp. 24-40. (in Russian)

Варьяш Ирина Игоревна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории средних веков, исторический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, variashi@gmail.com

Variash I.I., PhD in History, Associate Professor, History of Middle Ages Department, History Faculty, Lomonosov Moscow State University, variashi@gmail.com

УДК 94 (430)

ББК 63.3(0)51-63.3(0)52

БЕРЛИНСКИЙ САЛОН ГЕНРИЕТТЫ ГЕРЦ В ФОКУСЕ КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ЕВРЕЕВ НА РУБЕЖЕ XVIII–XIX ВЕКОВ

М.С. Ковалева

Аннотация. Еврейские салоны являлись уникальным явлением культурной жизни Берлина конца XVIII – начала XIX века. В рамках салонов осуществлялся интеллектуальный обмен между представителями различных социальных категорий немецкого общества. В условиях равноправного диалога евреи приближались к достижениям европейской культуры. В данной статье предпринята попытка продемонстрировать, как в рамках салона Генриетты Герц, как представительницы еврейской интеллектуальной элиты Берлина, реализовывалась идея культурной интеграции евреев в немецкое общество. Многие влиятельные в будущем деятели политики и культуры, такие, как Вильгельм фон Гумбольдт и Фридрих Шлейермахер, являлись посетителями еврейских салонов. В статье показано, каким образом принадлежность виднейших деятелей культуры Германии к салону Генриетты Герц оказывала влияние на характер их творчества.

Ключевые слова: Генриетта Герц, еврейские салоны Берлина, еврейская община Берлина, Хаскала, интеграция, эмансипация евреев.

408

HENRIETTE HERZ'S BERLIN SALON IN THE FOCUS OF CULTURAL INTEGRATION OF JEWS AT THE TURN OF THE 18TH AND 19TH CENTURIES

M.S. Kovaleva

Abstract. Jewish salons were a unique phenomenon of cultural life in Old Regime Berlin. Cultural exchange was conducted between representatives of various social categories within the salons. Under the conditions of egalitarian dialogue the Jews adopted European values. The article makes an attempt to demonstrate how the concept of cultural integration of Jews within the salon of Henriette Herz, as a representative of Jewish intellectual elite, the idea of cultural integration of Jews into German society was implemented. Her salon was visited by many important people of that time, such as Wilhelm von Humboldt and Friedrich Schleiermacher. The article considers

information about the influence of Henriette Herz and her salon on the creativity of its visitors.

Keywords: *Henriette Herz, Jewish salons in Berlin, Jewish community in Berlin, Haskalah, integration, Jewish emancipation.*

Вторая половина XVIII века стала эпохой настоящего культурного расцвета Германии. На всю Европу гремят имена Иммануила Канта, подарившего миру новую философию, Гете и Шиллера, провозвестников романтизма. На этом фоне выделялось и королевство Пруссия со столицей в Берлине, который во второй половине XVIII века становится одним из динамично развивающихся культурных центров Германии. Здесь под влиянием идей Просвещения и на фоне общего культурного подъема зарождается и еврейское Просвещение – Хаскала, деятели которой выступали за интеграцию лишенных гражданских прав евреев в европейское культурное пространство. Именно в столице Пруссии, Берлине, и появился литературный салон Генриетты Герц – первый в Германии салон, хозяйкой которого становится женщина из еврейской среды.

Салон, как пространство интеллектуального обмена, где центральной фигурой была женщина-салонье (*salonière*), возник во Франции в XVII веке. Катрину де Вивонн де Савелли, маркизу де Рамбуи принято считать хозяйкой первого в истории салона в его классическом понимании. Ее салон, по выражению М.С. Неклюдовой, являлся нейтральной территорией, где обходительность и умение поддержать беседу, а не происхождение и положение в обществе, были главными критери-

ями для подбора гостей [1, с. 25]. Как правило, в салонах, не стремившихся к учености, предпочтение отдавалось обсуждению литературы, преимущественно легких жанров, что задавало тон эстетическим предпочтениям общественности [2, с. 154].

Представительницы королевской фамилии Пруссии во всем, что касалось культуры, ориентировались на французские образцы. Так, еще в годы правления Фридриха Вильгельма I, его супруга, София Доротея, собирала вокруг себя ценителей искусства в своем дворце Монбизу [3, с. 46]. Позже сестра Фридриха II Амалия слыла большой поклонницей Баха и открытый ею первый в Берлине салон можно считать предтечей музыкальных салонов [там же, с. 47]. Однако подлинная слава салонов в Германии связана с именами представительниц еврейской общины Берлина.

Как отмечали многие современники, Берлин в последней трети XVIII века представлял собой новую модель общественных отношений – «смешанное общество». Жан Поль Рихтер, знаменитый писатель-сентименталист, поклонницей которого была сама королева Луиза, в письме Каролине Гердер от 1801 г. писал, что подобной атмосферы нельзя наблюдать ни в одном другом крупном городе Германии [4, с. 552]. Ученые, евреи, знать, военные и гражданские служащие мирно сосуществовали.

Одеваясь по-европейски, прогуливаясь под руку с христианами, проводя свой досуг за просмотром пьес и читая немецкие газеты, берлинские евреи практически не выделялись на общем христианском фоне [5, с. 520].

Однако реальное положение дел несколько отличалось от восторженных описаний путешественников. Со времен «солдатского короля» Фридриха Вильгельма I в отношении евреев проводилась политика жестких ограничений. В целях регулирования численности еврейского населения был принят закон о наследовании от 1714 г. Еще более ограничительным являлось еврейское законодательство Фридриха II. В 1750 г. король-философ издал регламент, согласно которому еврейское население делилось на категории в соответствии с имущественным положением. В результате право на проживание в городах Пруссии получили только те евреи, чей доход позволял оплатить многочисленные поборы короны и общинных властей. Помимо «покровительственного» налога прусские евреи были обязаны уплатить серебряный налог, налог на выборы общинных органов управления, пожарный налог и др. [6, с. 9]. Брачный налог, предусматривавший платежи за ряд бюрократических процедур, делал практически невозможным заключение брака между малоимущими евреями. Одним из самых унижительных поборов была пропускная пошлина – за право въезда в ту или иную провинцию внутри Прусского королевства.

Жесткая политика королей в отношении еврейского меньшинства не распространялась на некоторых его представителей, среди них – семьи придворных банкиров, сделав-

ших состояние в годы Семилетней войны, военных поставщиков, чеканщиков, богатых торговцев. Прослойка крупных еврейских коммерсантов была весьма немногочисленной – два процента от численности всего еврейского населения Пруссии, согласно данным на 1800 г. [7, с. 110].

Интенсивное общение с христианами обусловило стремление представителей еврейской элиты усваивать европейские ценности. Представительницы еврейской элиты отличались образованностью, утонченностью вкусов и красотой, чем вызывали зависть христианок [8, с. 522]. Вместе с тем, увлечение критической философией Канта среди берлинских евреев, по сообщениям источника, было настолько сильным, что «приход Мессии произвел бы на них не такое впечатление» [9, с. 522].

Значительную роль в начавшейся аккультурации евреев сыграл ведущий представитель Хаскалы Моисей Мендельсон. Сын переписчика священных книг из Дессау, Мендельсон сумел завоевать признание у немецкой публики благодаря глубине своих философских размышлений, которые обнаружили в его «Философских письмах» и «Федоне», написанном в духе «Диалогов» Сократа. В своих произведениях, получивших известность во всей Европе, Мендельсон доказывал бессмертие души, в то время как рационализм эпохи Просвещения уводил людей от религии [10, с. 60].

Важнейшей задачей на пути к преодолению изоляции евреев, а также изменению к ним отношения со стороны христиан Моисей Мендельсон считал приобщение к немецкой культуре, прежде всего, литературе [3,

с. 56]. Поэтому он, вместе со своими друзьями Э. Лессингом и издателем Ф. Николаи, участвовал в создании печатных органов, отражавших идеалы Просвещения, – «Писем о новейшей немецкой литературе» и «Всеобщей немецкой библиотеке». Здесь Мендельсон выступил в роли критика, определявшего литературные предпочтения как немецкой, так и еврейской публики. Со страниц «Писем» Мендельсон осмелился выступить в защиту немецкой литературы и языка, подвергнув критике позицию самого Фридриха II, недооценивавшего произведения немецких авторов.

Пример Моисея Мендельсона, Нафтали Вессели и других деятелей еврейского Просвещения вдохновлял на занятия философией еврейских юношей, встречавших сопротивление родителей, которые желали видеть в своих сыновьях торговцев и врачей [11, с. 74]. В еврейских девочках, вспоминает Генриетта Герц, также пробудился интерес к немецкой литературе. Увлечение сентиментальной литературой, количество которой стремительно увеличивалось, вызывало обеспокоенность ортодоксальных иудеев [12, с. 84]. Сара Мейер, уже будучи хозяйкой собственного салона, напишет Гете о том, как оказалась под домашним арестом после того, как тринадцатилетней девочкой она ознакомилась со «Страданиями молодого Вертера», но, несмотря на это, как и многие ее сверстники, стала преданной поклонницей поэта [7, с. 58].

Под влиянием идей Мендельсона и расцвета беллетристики в Германии формировалось мировоззрение Генриетты Герц – хозяйки первого еврейского салона в Берлине.

Генриетта Герц, урожденная де Лемос, дочь врача сефардского происхождения, по свидетельствам современников, славилась своей красотой и образованностью. К ее достоинствам причислялось умение терпеливо выслушать своего собеседника, выразительное чтение, сочинение стихов, свободное владение несколькими языками [13, с. 483].

Путевкой в свет для Генриетты де Лемос стал брак с Маркусом Герцем. Верный ученик и корреспондент Канта, наряду с Моисеем Мендельсоном, своим другом, идеи которого также оказали на него огромное влияние, он смог получить признание не только среди своих единомыслителей, но и стать «хорошим» евреем для прусской интеллектуальной и правящей элиты. Будучи убежденным в необходимости эмансипации евреев с точки зрения естественного права, Герц прилагал большие усилия для того, чтобы вместе с Мендельсоном, Фридлиндером, Маймоном и немецкими просветителями распространять свои идеи [14, с. 87].

На домашние лекции Маркуса Герца по физике и медицине собиралась «избранная публика» [11, с. 60]. Послушать лекции уважаемого в городе врача приходили известные люди, большая часть которых позже перешла в салон Генриетты. Понаблюдать за проводимыми Герцем физическими экспериментами заходил сам кронпринц, будущий король Фридрих Вильгельм III. Заслуги Герца были признаны на высшем уровне – принц Вальдекский пожаловал личному врачу Лессинга и Мендельсона звание лейб-медика и тайного советника, а король Фридрих Вильгельм II – профессора.

Генриетта Герц, ассистировавшая мужу в его научных опытах, вскоре и сама основала литературный кружок. Его известность была настолько большой, что ходила поговорка: «Кто не видел Жандармский рынок и мадам Герц, тот не видел Берлина» [6, с. 8]. Посетить ее салон или «заглянуть на чай» к Генриетте Герц, как говорили современники, считалось признаком хорошего тона [15, с. 485].

Имена посетителей салона Генриетты Герц сделали ее дом культурным центром не только Берлина, но и всей Германии. Известный естествоиспытатель Карл Рудольфи, в начале 1800-х гг. посетивший столицу Пруссии, навестил дом Герцев, чтобы завязать знакомства с гостившими здесь учеными [16, с. 485]. В 1800 г. настоящим событием для салона Генриетты Герц было посещение Берлина знаменитым в то время писателем-сентименталистом Жаном Полем Рихтером, поклонницей которого являлась сама королева Луиза [17, с. 299]. Гостями семьи Герц были и выполнявший секретную миссию в Берлине граф Мирабо, и изгнанная из Парижа мадам де Сталь, и мадам де Жанлис, автор знаменитых в то время сентиментальных романов, с которой хотели познакомиться все ценители сентиментальной эстетики.

Достаточно часто салон Генриетты Герц посещали друзья ее супруга, разделявшие его рационалистские взгляды – писатель и педагог Карл Филипп Мориц, директор Берлинского национального театра Иоганн Якоб Энгель, поэт Карл Вильгельм Рамлер [11, с. 480]. Позднее, круг знакомств супруги Герца расширялся. Завсегдатаями дома семьи Герц в 1780-х гг. стали: ученик Канта и тог-

да еще поклонник Руссо Фридрих фон Гентц, графья Кристиан Бернштофф и Александр фон Дона-Шлобиттен. Фон Дона-Шлобиттен, позднее прусский министр, испытывал большую симпатию к хозяйке дома и потому, после смерти ее супруга, несмотря на свое общественное положение, сделал ей предложение, которое Генриетта не приняла.

В 1790-х гг. салон Генриетты Герц обрел статус центра романтической культуры Германии. Важнейшим событием в жизни Генриетты Герц стало знакомство с двумя выдающимися личностями – теоретиком йенского романтизма Фридрихом Шлегелем и Фридрихом Шлейермахером, известным тогда в узких кругах проповедником при берлинской больнице Шарите (Charité). Принадлежность к салону Генриетты Герц повлияла на характер творчества и Шлегеля, и Шлейермахера.

Генриетта Герц побудила Фридриха Шлейермахера заняться писательской деятельностью [11, с. 96]. С ней Шлейермахер делился распорядком своего дня, посвящал ее в перипетии работы над своими сочинениями, как, например, в один из дней, в письме из Потсдама, он рассказал о знакомстве с «Федоном» Мендельсона и новым выпуском «Атеней», а также о ходе работы над «Речами о религии» [18, с. 268]. Знаменитый теолог даже признавался, что должен работать только «в ее присутствии и при ее покровительстве» [19, с. 257]. Таким образом, первая и самая знаменитая работа Шлейермахера – «Речи о религии» – появилась на страницах выпускавшегося Шлегелем журнала «Атеней».

В этот же период завязалась тесная дружба Генриетты Герц и бра-

тьями Гумбольдтами [11, с. 94]. Юный Вильгельм фон Гумбольдт, называя свою жизнь в фамильном дворце Тегель скукой, мечтал оказаться в салонном обществе в числе избранных [11, с. 80]. По утверждениям Генриетты Герц, именно она ввела семнадцатилетнего Гумбольдта в свет, то есть в круг своих знакомых, среди которых были известные просветители [там же, с. 92]. За время общения с Генриеттой Герц, до отъезда в университет Франкфурта-на-Одере, откуда Вильгельм Гумбольдт продолжал ей писать, Генриетта Герц была, пожалуй, одним из людей, оказавших сильное влияние на личность своего юного поклонника. Например, в одном из писем от 1786 г. Гумбольдт признавался Герц, что под ее влиянием стал более сдержанным и разборчивым в людях [20, с. 191-192].

Салон Генриетты Герц оказывал влияние не только на характер творчества его завсегдатаев, но и на приобщение самой салонье к европейской культуре. В салоне завязывались знакомства, которые открывали большие возможности для развития интеллектуальных способностей. В годы тесной дружбы с Гумбольдтами юная супруга Маркуса Герца обучалась у братьев новомодным французским танцам [21, с. 501]. Гостившая в Берлине мадам Жанлис давала тридцатипятилетней Герц уроки французского языка и читала вместе с ней классиков французской литературы [11, с. 100-101].

К главным достоинствам Генриетты Герц современники причисляли владение иностранными языками. Писатель и критик Карл Август Фарнхаген фон Энзе, будучи любознательным юношей, охотно посещал

дом Генриетты Герц, поскольку хозяйка традиционно давала уроки иностранных языков и позволяла гостям своих вечеров применить полученные знания в общении между собой [22, с. 486]. Известно, что основы итальянского языка Фридрих Шлейермахер изучал под руководством Генриетты Герц. Юный Вильгельм Гумбольдт постигал еврейскую культуру через изучение иврита.

По популярности с салоном Генриетты Герц мог соперничать только кружок Рахели Левин. Дочь богатейшего человека Пруссии, Левин в начале девяностых годов XVIII века открыла свой салон, выделявшийся интеллектуальностью. Рахель могла затмить своим красноречием Шлейермахера, который считался мастером убеждения. Получая предложения о браке от таких людей, как граф Карл фон Филькенштейн, испанский дипломат Рафаэль д'Урквихо, Левин без колебаний разрывала помолвки, со всей страстью отдаваясь лишь салонному общению, которое являлось для нее больше, чем просто способом проведения досуга [7, с. 136]. В отличие от благовоспитанной Генриетты Герц, Рахель Левин была рада видеть у себя в гостях женщин, славившихся в обществе «оригиналками». Среди них – графиня Пахта, состоявшая в близких отношениях с выходцем из бюргерской среды, и графиня Шлабрендофф, носившая мужскую одежду [7, с. 132].

Однако в начале XIX века общественно-политический и интеллектуальный климат Пруссии претерпел изменения. В условиях французской оккупации, в результате которой по Тильзитскому миру территория Пруссии уменьшилась в два раза, главной задачей королевской

власти стала мобилизация населения для противодействия интервентам, что вызвало преобразования, которые вошли в историю как реформы «бюрократического либерализма» [23, с. 307-313]. Не могла оставаться в стороне и интеллектуальная элита. Фихте сакрализировал любовь к Отечеству и стремился в своих лекциях доказать, что немцам присуще некое «фундаментальное свойство», отличавшее их от других европейцев [24, с. 125]. Ценности еврейских салонов становились не актуальными.

В 1811 г. гейдельбергскими романтиками, главным образом Ахимом фон Арнимом и Клеменсом фон Brentано, основывается «христианско-немецкое застольное общество». Согласно составленному Клеменсом фон Brentано, внуком знаменитой Софии Ларош, уставу сообщества, доступ в него был закрыт для «французов, филистеров, евреев и женщин» [7, с. 154]. Любопытно, что члены нового кружка, такие как Фихте, Генрих фон Клейст, актер Август Вильгельм Иффланд, композитор Иоганн Фридрих Рейхардт и даже Фридрих Шлейермахер, некогда были завсегдатаями еврейских салонов.

Вильгельм фон Гумбольдт – один из немногих бывших посетителей еврейских салонов, кто не разделял позиции членов «Застольного общества» в отношении евреев. Уже будучи государственным деятелем, он довольно лояльно относился к евреям. Исходя из представлений о невмешательстве государства в религиозную сферу [25, с. 182], Гумбольдт последовательно распространил это правило и на характер эмансипации евреев, в своем проекте конституции для евреев от 1809 г., предлагая от-

казаться от попыток реформировать иудаизм [10, с. 90].

Таким образом, в салоне Генриетты Герц нашла свое воплощение «модель равенства». В условиях равноправного диалога представители еврейской культуры получили возможность приобщиться к европейским ценностям. В салоне Генриетты Герц нашли свое отражение просветительская и романтическая культуры. Салонное общение способствовало обмену идеями и сотрудничеству между выдающимися философами, писателями, издателями, оказывало влияние на их личности. С изменением общественно-политического климата на фоне противостояния французской интервенции салонная жизнь постепенно приходила в упадок.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Неклюдова, М.С.* Искусство частной жизни: Век Людовика XIV [Текст] / М.С. Неклюдова. – М.: ОГИ, 2008. – 440 с.
2. *Идеи и люди. Интеллектуальная культура Европы в Новое время* [Текст] / Под ред. Л.П. Репиной. – М.: Аквилон, 2014. – 828 с.
3. *Wilhelmy-Dollinger, P.* Die Berliner Salons / P. Wilhelmy-Dollinger. Berlin; New-York: W. de Gruyter, 2000. 429 p.
4. Jean Paul an Karoline Herder, 12. Januar 1801// *Henriette Herz in Erinnerungen, Briefen und Zeugnissen* / R. Schmitz (Hrsg.). Berlin: die Andere Bibliothek, 2013. S. 552.
5. *Grimm F.C., Ulrich J.H.F.* Bemerkungen eines Reisenden durch die Königlich Preussischen Städten // *Henriette Herz in Erinnerungen, Briefen und Zeugnissen.* / R. Schmitz (Hrsg.). Berlin: die Andere Bibliothek, 2013. – Pp. 520-521.
6. *Дубнов, С.М.* Новейшая история еврейского народа: в 2 т. [Текст] / С.М. Дубнов. – 2-е изд. – Петроград: Издательство «Кадима», 1919. – Т. 1. – 484 с.

7. *Lund, H.* Die ganze Welt auf ihrem Sopha. Frauen in europäischen Salons / H. Lund. – Berlin: Trafo verlag, 2004. – 198 p.
8. *Hertz, D.* How Jews became Germans. The History of Conversion and Assimilation in Berlin / D. Hertz. – New Haven: Yale University Press, 2009. – 276 p.
9. Anon.: Neuestes Gemälde von Berlin, auf das Jahr 1798 // *Henriette Herz in Erinnerungen, Briefen und Zeugnissen.* / R. Schmitz (Hrsg.). – Berlin: die Andere Bibliothek, 2013. – Pp. 522-523.
10. *Кац, Я.* Исход из гетто. Социальный контекст эмансипации евреев, 1770–1870 / Я. Кац; пер. с англ. И. Мюрберг, Г. Зелениной. – М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2007. – 264 с.
11. *Herz, H.* Henriette Herz: Ihr Leben und ihre Erinnerungen / J. Fürst (Hrsg.). – Berlin: Wilhelm Hertz (Bessersche Buchhandlung), 2015. – 3. Aufl. – 148 p.
12. *Hertz, D.* Die jüdischen Salons im alten Berlin / D. Hertz. – Berlin: PHILO, 1998. – 349 p.
13. *Böttiger, C.A.* Tagebuch einer Reise nach Berlin // *Henriette Herz in Erinnerungen, Briefen und Zeugnissen* / R. Schmitz (Hrsg.). – Berlin: die Andere Bibliothek, 2013. – Pp. 482-484.
14. *Davies, M.* Identity or History? Marcus Herz and the End of Enlightenment / M. Davies. – Detroit: Wayne State University Press, 1996. – 344 p.
15. *Laun, F.* Memoiren // *Henriette Herz in Erinnerungen, Briefen und Zeugnissen* / R. Schmitz (Hrsg.). – Berlin: die Andere Bibliothek, 2013. – 485 p.
16. *Rudolphi, K.A.* Bemerkungen aus dem Gebiete der Naturgeschichte // *Henriette Herz in Erinnerungen, Briefen und Zeugnissen* / R. Schmitz (Hrsg.). – Berlin: die Andere Bibliothek, 2013. – 485 p.
17. Friedrich Schleiermacher an seine Schwester Charlotte, D. 7t. Juni 1800 // *Henriette Herz in Erinnerungen, Briefen und Zeugnissen* / R. Schmitz (Hrsg.). – Berlin: die Andere Bibliothek, 2013. – 299 p.
18. Friedrich Schleiermacher an Henriette Herz, d. 3t. März, abends 1799 // *Henriette Herz in Erinnerungen, Briefen und Zeugnissen* / R. Schmitz (Hrsg.). – Berlin: die Andere Bibliothek, 2013. – 268 p.
19. Friedrich Schleiermacher an Henriette Herz, d. 3t. September 1798 // *Henriette Herz in Erinnerungen, Briefen und Zeugnissen* / R. Schmitz (Hrsg.). – Berlin: die Andere Bibliothek, 2013. – 343 p.
20. Wilhelm von Humboldt an Henriette Herz, Sonntag Vormittag, 1786 // *Henriette Herz in Erinnerungen, Briefen und Zeugnissen* / R. Schmitz (Hrsg.). – Berlin: die Andere Bibliothek, 2013. – P. 191-194.
21. *Bauer, C.* Aus meinem Bühnenleben // *Henriette Herz in Erinnerungen, Briefen und Zeugnissen* / R. Schmitz (Hrsg.). – Berlin: die Andere Bibliothek, 2013. – 501 p.
22. *Varnhagen, von Ense K.A.* Denkwürdigkeiten des eigenen Lebens // *Henriette Herz in Erinnerungen, Briefen und Zeugnissen* / R. Schmitz (Hrsg.). – Berlin: die Andere Bibliothek, 2013. – Pp. 486-489.
23. *Ростиславлева, Н.В.* Германские либералы первой половины XIX века [Текст] / Н.В. Ростиславлева. – М.: РГГУ, 2010. – 426 с.
24. *Фихте, И.Г.* Речи к немецкой нации [Текст] / И.Г. Фихте; пер. с нем. А.А. Иваненко. – СПб.: Наука, 2009. – 349 с.
25. *Ростиславлева, Н.В.* Основатель Берлинского университета В. фон Гумбольдт как мыслитель и политик [Текст] / Н.В. Ростиславлева // *Новая и новейшая история.* – 2009. – № 3. – С. 179-197.

REFERENCES

1. Anon.: *Neuestes Gemälde von Berlin, auf das Jahr 1798* // *Henriette Herz in Erinnerungen, Briefen und Zeugnissen.* / R. Schmitz (Hrsg.), Berlin, die Andere Bibliothek, 2013, S. 522-523.
2. *Bauer C., Aus meinem Bühnenleben* // *Henriette Herz in Erinnerungen, Briefen und Zeugnissen* / R. Schmitz (Hrsg.), Berlin, die Andere Bibliothek, 2013, 501 S.
3. *Böttiger C.A., Tagebuch einer Reise nach Berlin* // *Henriette Herz in Erinnerungen, Briefen und Zeugnissen* / R. Schmitz (Hrsg.), Berlin, die Andere Bibliothek, 2013, S. 482-484.
4. *Davies M., Identity or History? Marcus Herz and the End of Enlightenment,* Detroit, Wayne State University Press, 1996, 344 p.

5. Dubnov S.M., *Novejšhaya istoriya evrejskogo naroda*, Petrograd, Izdatelstvo "Kadima", 1919, Vol. 1, 484 p. (in Russian)
6. Fichte I.G., *Rechi k nemetskoj natsii*, St. Peterburg, Nauka, 2009, 349 p. (in Russian)
7. Friedrich Schleiermacher an Henriette Herz, d. 3t. März, abends 1799 // Henriette Herz in Erinnerungen, Briefen und Zeugnissen / R. Schmitz (Hrsg.), Berlin, die Andere Bibliothek, 2013, 268 S.
8. Friedrich Schleiermacher an Henriette Herz, d. 3t. September 1798 // Henriette Herz in Erinnerungen, Briefen und Zeugnissen / R. Schmitz (Hrsg.), Berlin, die Andere Bibliothek, 2013, 343 S.
9. Friedrich Schleiermacher an seine Schwester Charlotte, D. 7t. Juni 1800 // Henriette Herz in Erinnerungen, Briefen und Zeugnissen / R. Schmitz (Hrsg.), Berlin, die Andere Bibliothek, 2013, 299 S.
10. Grimm F.C., Ulrich J.H.F., *Bemerkungen eines Reisenden durch die Königlich Preussischen Städten* // Henriette Herz in Erinnerungen, Briefen und Zeugnissen. / R. Schmitz (Hrsg.), Berlin, die Andere Bibliothek, 2013, S. 520-521.
11. Hertz D., *Die jüdischen Salons im alten Berlin*, Berlin, PHILO, 1998, 349 S.
12. Hertz D., *How Jews became Germans. The History of Conversion and Assimilation in Berlin*, New Haven, Yale University Press, 2009, 276 p.
13. Herz H., *Henriette Herz: Ihr Leben und ihre Erinnerungen* / J. Fürst (Hrsg.), Berlin, Wilhelm Hertz (Bessersche Buchhandlung), 2015, 3. Aufl., 148 S.
14. Jean Paul an Karoline Herder, 12. Januar 1801 // Henriette Herz in Erinnerungen, Briefen und Zeugnissen / R. Schmitz (Hrsg.), Berlin, die Andere Bibliothek, 2013, 552 S.
15. Katz J., *Ishod iz getto. Socialnyj kontekst jemensipatsii evreev, 1770–1870*, Moscow, Mosty kultury, Jerusalem, Gesharim, 2007, 264 p. (in Russian)
16. Laun F., *Memoiren* // Henriette Herz in Erinnerungen, Briefen und Zeugnissen / R. Schmitz (Hrsg.), Berlin, die Andere Bibliothek, 2013, 485 S.
17. Lund H., *Die ganze Welt auf ihrem Sopha. Frauen in europäischen Salons*, Berlin, Trafo verlag, 2004, 198 S.
18. Nekludova M.S., *Iskusstvo chastnoj zhizni: vek Ludovika XIV*, Moscow, OGI, 2008, 440 p. (in Russian)
19. *Idei i ludi. Intellektualnaja kultura Evropy v Novoe vremja*, ed. L.P. Repina, Moscow, Akvilon, 2014, 828 p. (in Russian)
20. Rostislavleva N.V., *Germanskije liberaly pervoj poloviny XIX veka*, Moscow, RGGU, 2010, 426 p. (in Russian)
21. Idem, „Osnovatel Berlinskogo universiteta V. fon Gumboldt kak myslitel i politik“, in: *Novaja i novejšhaja istorija*, ed. G.N. Sevostjanov, No. 3, Moscow, Nauka, 2009, pp. 179-197. (in Russian)
22. Rudolphi K.A., *Bemerkungen aus dem Gebiete der Naturgeschichte* // Henriette Herz in Erinnerungen, Briefen und Zeugnissen / R. Schmitz (Hrsg.), Berlin, die Andere Bibliothek, 2013, 485 S.
23. Varnhagen von Ense K.A., *Denkwürdigkeiten des eigenen Lebens* // Henriette Herz in Erinnerungen, Briefen und Zeugnissen / R. Schmitz (Hrsg.), Berlin, die Andere Bibliothek, 2013, S. 486-489.
24. Wilhelm von Humboldt an Henriette Herz, Sonntag Vormittag, 1786 // Henriette Herz in Erinnerungen, Briefen und Zeugnissen / R. Schmitz (Hrsg.), Berlin, die Andere Bibliothek, 2013, S. 191-194.
25. Wilhelmy-Dollinger P., *Die Berliner Salons*, Berlin, New-York, W. de Gruyter, 2000, 429 S.

Ковалева Мария Сергеевна, аспирантка, кафедра всеобщей истории, Российский государственный гуманитарный университет, marsmithee@mail.ru

Kovaleva M.S., Post-graduate Student, World History Department, Russian State University for the Humanities, marsmithee@mail.ru

УДК 94(41/99)
ББК 63.3(0)5

ЕВРОПЕЙЦЫ И РУССКИЕ В КОЛОНИЯХ И НА ИМПЕРСКИХ ОКРАИНАХ: К ВОПРОСУ О КОММУНИКАТИВНЫХ ПРАКТИКАХ*

В.С. Мирзеханов, М.В. Ковалев

Аннотация. В статье анализируется опыт взаимоотношения Российской и иных европейских империй с окраинными и колониальными сообществами. Авторы отказываются от устоявшихся представлений о жизни европейцев и русских на периферии империй в категориях неприятия и противостояния. Поэтому особое внимание в статье уделяется разнообразию коммуникативных практик. Делается вывод о том, что Британская и Французская империи, с одной стороны, и Российская, с другой, по-разному видели роль и статус местного населения. Расовая проблема вызывала отчуждение европейского и неевропейского населения, сегрегация и игнорирование местных элит разделили колониальные общества. В итоге в колониях зародилась питательная почва для идеологии национализма и деколонизации. Россия же активно использовала модель косвенного управления, сохраняла традиционные институты в Центральной Азии, на Кавказе и в других регионах, инкорпорировала элиты. В то же время она не смогла разрешить острых социальных проблем и ответить на вызовы времени.

Ключевые слова: Европейские империи, Российская империя, Британская Империя, колониализм, национализм, имперские элиты, Центральная Азия, Кавказ, Индия.

417

EUROPEANS AND RUSSIANS IN COLONIES AND IMPERIAL OUTSKIRTS: TO THE ISSUE OF COMMUNICATIVE PRACTICES

V.S. Mirzekhanov, M.V. Kovalev

Abstract. The article analyzes the experience of the relationship of the Russian and other European empires with the colonial and outlying communities. The authors reject the conventional ideas of the depiction of the life of

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 15-18-00135 «Индивид, этнос, религия в процессе межкультурного взаимодействия: российский и мировой опыт формирования общегражданской идентичности».

Europeans and Russians in the empires periphery in terms of only antagonism and confrontation. Therefore, the special attention is paid to the diversity of communicative practices. The study proves that the British and French empires, on the one hand, and Russia, on the other hand, saw the role and status of the local population differently. The racial issue caused the alienation of the European and non-European population, so segregation and the neglect of local elites divided colonial societies. As a result the colonies originated fertile soil for the ideology of nationalism and decolonization. Russia actively used the model of indirect control, retained traditional institutions in Central Asia, Caucasus and other regions, and incorporated the elites. At the same time Russia couldn't solve acute social problems and respond to the challenges of the epoch.

Keywords: *European Empire, Russian Empire, British Empire, colonialism, nationalism, imperial elite, Central Asia, Caucasus, India.*

Общей родовой чертой эпохи империй XIX – первой половины XX века была переселенческая колонизация, хорошо известная на примере российской Центральной Азии, Французского Алжира и Британской Индии. Освоение имперского пространства, развитие аппарата управления неминуемо ставило вопрос о коммуникативных практиках, иначе говоря, о способах взаимодействия с местным населением. Задача данной статьи заключается в том, чтобы выявить сложную ткань взаимодействия «людей империи» и местных сообществ, проанализировать характер взаимоотношений различных религиозных и этнокультурных групп в колониях и на имперских окраинах. Р. Суни заметил, что в империях метрополия и окраины всегда так или иначе отличались друг от друга, а отношения между ними «задавались метрополией или воспринимались периферией как оправданное или неоправданное равенство, субординация и / или эксплуатация» [1, с. 17]. Жизнь европейцев и русских

на периферии империй, их взаимоотношения с местным населением чаще всего представляют в категориях неприятия и противостояния, как «жизнь в осажденной крепости». Характер этих взаимоотношений нам видится гораздо сложнее, в обилии коммуникативных практик: сотрудничество, взаимодействие, использование имперских ресурсов в местных интересах.

Обратимся, для примера, к истории подчинения Центральной Азии. Международные отношения в регионе и на сопредельных регионах в XIX и начале XX века часто характеризуются как «Большая игра» империй [2; 3]. Однако многие исследователи в связи с ней обычно делают упор на политику и деятельность представителей империй, при этом игнорируя местные контексты и последствия «Большой игры» для региона. В данном контексте, безусловно, примечательны методологические подходы как классика англоязычной историографии Рональда Робинсона, занимавшегося изучени-

ем сотрудничества неевропейских элит с имперскими властями, так и молодого американского исследователя Шона Поллока, сформулировавшего концепцию «империя по приглашению» [4; 5]. При этом, разумеется, нельзя сбрасывать со счетов многочисленные факторы сопротивления империям. Таким образом, коммуникативные практики в колониях и на имперских окраинах следует рассматривать исключительно в их многообразии. Это особенно важно в контексте понимания колониализма как системы политического контроля, наложенной одним обществом на другое [6, p. 19]. Включение в состав государства новых территорий, населенных представителями иных этносов и верований, неизбежно ставило вопрос о методах их эффективной интеграции и управления ими [7, с. 31].

Местные жители нередко играли ключевые роли в экспансии империй и соперничестве между ними, и часто использовали это соперничество для своих выгод, но в долгосрочной перспективе их инициативы привели к их подчинению империям. По мере того, как имперское правление приносило понятия справедливости, стабильности, законности, немалое число жителей колоний и окраин делали выбор в пользу адаптации и сотрудничества, нежели сопротивления. Правда, недоверие и опасения властей часто отчуждало их. Одни и те же люди могли переключаться между сотрудничеством и сопротивлением, и те же самые идеологии, в том числе и исламская, могли оправдать это. В период модернизации, способность или неспособность империй предоста-

вить культурные и политические модели и возможности могла определить отношение людей в колониях к империям [8].

История завоевания Средней Азии и ее включения в состав Российской империи по-разному видится разными акторами и толкователями. Обратимся, в частности, к одному эпизоду военных действий в 1877–1881 гг. в туркменских землях. Одну точку зрения представляют донесения российских военных, непосредственных участников событий того времени, а затем – интерпретация этих донесений в трудах имперских военных историков. Вторая точка зрения выражена в свидетельствах среднеазиатских очевидцев, а также в описании и оценке произошедшего в постсоветской национальной историографии Туркменистана. Каждая из этих версий описывает ситуацию завоевания, подчинения, сопротивления и адаптации по-своему, используя специфические образы и метафоры.

На рубеже 70–80-х гг. XIX века большая часть Центральной Азии в той или иной степени была поставлена Россией под свой контроль. Однако продвижение империи в этом регионе остановлено не было. Следующим этапом стало подчинение туркменских племен. Между туркменами к этому времени не существовало единства. Это выражалось, в частности, во враждебных отношениях между туркменскими племенами теке и йомуд. Желая ослабления теке, йомуды готовы были поддерживать Россию. Еще в 1877 г. некоторые из их вождей обращались к российским властям с просьбой о принятии в подданство, однако тогда их

желание не было удовлетворено. Главным центром сопротивления русским стала территория, где жили именно племена теке. Около крепости Геок-Тепе в августе 1879 г. туркменам удалось нанести серьезное поражение отряду генерала Н.П. Ломакина, русские потеряли 200 человек убитыми и 250 ранеными. По личному распоряжению императора Александра II был организован новый русский военный поход против текинцев. Его возглавил генерал М.Д. Скобелев, который после завоевания Коканда прославился в боях с турками на Балканах. 23 декабря 1880 г. русские начали новую осаду Геок-Тепе. Ожесточенные бои продолжались здесь в течение трех недель. Только 12 января 1881 г. текинцы были вынуждены капитулировать. По некоторым данным, при Геок-Тепе было убито до 8.000 туркмен. После этого инициатива перешла в руки России. 18 января 1881 г. войска овладели селением Асхабад (нынешний Ашгабат).

9 декабря 1881 г. российско-персидской пограничной конвенцией были определены границы между сферой интересов России на туркменском направлении и Персией. Эта конвенция логически определила пределы русского продвижения в данном районе Центральной Азии. В ноябре 1883 г. русскими войсками был занят Теджентский оазис, а 31 января 1884 г. практически добровольно приняли подданство России туркменские племена Мервского оазиса. В марте 1884 г. Мервский и соседний Иолотанский оазисы официально были включены в состав Российской империи. Тем самым процесс подчинения Российской империей

Центральной Азии (за исключением памирского направления) практически завершился. Таким образом, видим в процессе подчинения туркменских племен и цезуру сопротивления (теке), и практики приглашения и сотрудничества (йомуд), и попытки адаптации к новой ситуации других племен. Туркестан, пожалуй, более всех других регионов, подчиненных Россией, походил на европейские колонии. Достаточно сказать, что его завоеванию не предшествовала широкая народная колонизация [9, р. 93]. К тому же, Центральная Азия служила своего рода сырьевым придатком благодаря хлопку, которым обеспечивалась бурно развивавшаяся текстильная промышленность Центральной России.

Фундаментальная дилемма, которая постоянно возникала перед российскими и европейскими администраторами при управлении окраинами, выражалась в колебании между двумя стратегиями: возрастающей бюрократической рационализацией управления и (временным) приспособлением к традиционной структуре местного общества. В более общих категориях это сводилось к альтернативе между сильным преобразовательным импульсом, происходившим из самовосприятия имперских элит как агентов цивилизации, порядка и прогресса (укорененным, в свою очередь, в просвещенческой концепции «хорошего правления»), и более консервативным, постепенным подходом, предпочитающим находить компромисса с местными элитами и подчеркивающим темы традиции, общественной иерархии и «исторических прав». В то время как каждый из этих под-

ходов существовал и на дискурсивном, и на практическом уровне, специфическая природа и задачи колониальных и континентальных империй могли бы создать впечатление, что подход «аккомодации» представлял собой автоматическую реакцию властей в каждом случае, когда достижение более радикальных целей оказывалось неосуществимым. Возникавшая вследствие этого ситуация часто описывалась в терминах противоречия между цивилизаторской риторикой и нецивилизованными практиками управления, которое считалось общей проблемой и слабостью российской и европейской систем управления периферией девятнадцатого века.

В конкретном случае Центральной Азии противостояние между «трансформативным» подходом и подходом «аккомодации» было особенно характерно для XIX века, когда этот регион, на разных временных отрезках и в разных контекстах, то воспринимался в категориях целостной исторической сущности, включающей все обычные и необходимые элементы структурированного общества, то интерпретировался как «пустое пространство», подлежащее интенсивной «культивации» и колонизации. В административном смысле это привело к возникновению неопределенного и «переходного» статуса новой провинции.

Доминирование политики «аккомодации» в первой половине XIX века сменилось переходом к «трансформативным» мерам в течение последней трети столетия. Именно эта черта является основной особенностью «конструирования провинции» в Туркестане. Этот случай не отли-

чается от политики англичан в Индии, опиравшейся на традиционные учреждения и местные элиты. Она характеризовалась, в общем, попытками легитимации имперской модели управления путем обращения к местным традициям.

В то же время не следует упрощать главный тезис авторов статьи, слишком явно подчеркивая полную замену подхода «аккомодации» мерами, направленными на «трансформацию» и централизацию. Элементы обоих подходов продолжали сосуществовать, так как они были обусловлены реальной социальной и этнической неоднородностью имперских окраин и колоний. Даже если отношения между центром и периферией развивались в описанных случаях от стратегии «непрямого правления» в направлении большей интеграции, централизации и униформизации, вряд ли можно говорить о проявлении полноценных или классических форм прямого управления. Имперские власти во многом не были готовы окончательно отвергнуть ни одну из двух моделей «конструирования провинции», которые были описаны в этом докладе. Эта неоднозначность проявилась особенно после сипайского восстания в Индии и Кавказской войны.

Общим стереотипом эпохи колониализма было представление о «бремени белых» на Востоке. Ориентализм был в XIX веке общеевропейским дискурсом власти и описания колонизируемого общества, разделяемым разными колониальными державами. Как показал Эдвард Саид, в истоке его лежит французская философия Просвещения, которую, к слову, хорошо знали и любили в Рос-

сии. В то же время американский историк Адиб Халид обратил внимание на принципиальное различие в подходах русских и западноевропейцев к Востоку. Русский ориентализм, в его понимании, был изначально склонен к идее культурного многообразия, нежели к бинарному делению мира на «Запад» и «Восток». Сама дихотомия Запад / Восток никогда не была в России столь явной, как в Западной Европе [10, с. 317].

В большинстве случаев колонизация начиналась с завоевания и «умиротворения опасных дикарей». В этом отношении французский Алжир и российский Кавказ не представляют ничего оригинального. Военная оккупация колонизируемых территорий неизбежно вела к передаче власти и управления в руки военных со всеми вытекающими из этого последствиями. Еще одной общей родовой чертой эпохи империй была переселенческая колонизация. Она хорошо известна на примере испанской Латинской Америки и Британской Индии. Однако не будем забывать, что территориальная экспансия поначалу нередко реализовывалась не сверху, а снизу, она исходила не от центрального правительства, а от индивидуальных или коллективных инициатив не связанных с волей верховной власти. Особое значение народная колонизация имела в Российской истории. Она стала возможной из-за отсутствия на бескрайних просторах Евразии четких государственных границ, где, к тому же, многие народы вообще не имели традиций государственности. По этой причине взаимоотношения пришлого и местного населения определялись текущей ситуацией, опытом не-

посредственных контактов, нежели юридическими предписаниями. Но постепенно власть втягивалась в колонизационные процессы, ограничивая порой частные инициативы. Примечательной в этом плане является политика британской короны по отношению к Ост-Индской компании. В 1773 г. правительство издало акт об управлении Индией, согласно которому генерал-губернатор и члены Бенгальского совета назначала не компания, а центральная власть. В Калькутте был создан Верховный суд, главу которого также назначала корона. В 1813 г. была отменена монополия Ост-Индской компании на торговлю с Индией, а уже в 1833 г. за ней оставили только статус административной организации, да к тому же под надзором центрального правительства. Восстание сипаев окончательно покончила с властью Ост-Индской компании. Установленный в 1858 г. режим «Бритиш Радж» (“British Raj”) закреплял верховную власть британской короны над Индией. Поэтому применительно к империям можно говорить о конфликте интересов различных европейских сил, отражавшихся на коммуникативных практиках с местным населением. Так, в связи с этим можно говорить о соперничестве военных и европейских колонистов. И в Алжире, и на Кавказе нередко выделялись военные территории, куда доступ колонистам был запрещен, и гражданские области, ресурсы которых переходили к колонистам.

Наконец, косвенное управление было распространено на начальной стадии целого ряда колониальных империй: Испанской – в Латинской Америке, Британской – в Индии,

Французской – в Черной Африке и Индокитае. В системах такого управления были заметны местные региональные влияния. Например, когда речь шла об «арабских бюро» и военно-народном управлении в Северной Африке или на Кавказе. Сходство обеих систем нужно искать в османском наследии – ведь оба региона до прихода европейцев входили в сферу влияния Османской империи. Факты показывают, что русские и французы «учились» у турок и иранцев, которым принадлежала часть Алжира и Закавказья. Французы заимствовали у них обычай принимать на государственную службу целые племена, образовавшие освобожденную от податей «туземную» армию и полицию (махзен). Офицеры «арабских бюро» смотрели на них как на свои «глаза, уши, руки и ноги» в туземной среде. Выходцы из правящих элит иранского и османского Закавказья переходили на русскую службу.

По мере колонизации европейцы реформировали османскую систему косвенного управления. Внешне ее институты как будто оставались прежними, понятийный аппарат власти и управления тоже не претерпел до XX века особых перемен, но организация суда и власти мусульманского общества неузнаваемо изменилась. На юге Алжира и в Дагестанской области, где системы косвенного управления продержались дольше, они превратились в гибридные колониальные учреждения.

Системы косвенного управления опирались на коммуникативные практики с местными мусульманскими сообществами и инкорпорацию местных элит. Были, однако, и различия в подходах к коренному

населению имперской периферии: в Российской империи не было расового деления, размежевание шло по словесному и конфессиональному признакам, что делало положение мусульман окраин предпочтительнее, чем в колониальных империях. Как отметил В.С. Дякин, инородцы, не переходя в православие, могли пользоваться всеми правами государственной службы и сословными привилегиями, «если проявляли очевидную готовность служить русской государственной идее – великодержавности и самодержавности» [11, с. 131]. Этно-религиозная принадлежность никогда не служила в Российской империи критерием для продвижения по карьерной лестнице. В 1730 г. доля чиновников нерусского происхождения составляла 30%. В 1894–1914 гг. в Государственном Совете неправославными были 21,5% членов. В составе высшей имперской бюрократии в 1825 г. было 11,1% инородцев, в 1853 г. – 32,7%, в 1917 г. – 11,8%. Интересно отметить, что в русской армии в эпоху Великих реформ 23% офицеров были неправославными [12, с. 32–34]. Как отметил С.И. Каспэ, стабильность империи непосредственно зависела от того, «в какой мере и каким способом различные элитные группы отождествляют свои частные интересы с интересами всей империи, и поэтому именно поведением элит – как центральных, так и периферийных – определяется, в конечном счете, прочность единой имперской политической культуры» [7, с. 45]. На всем протяжении своей имперской истории Россия проявляла почтение и уважение к элитам национальных окраин. Соппротивление экспансии и

колонизации с их стороны было минимальным, напротив, они активно участвовали в подавлении любых волнений, угрожавших имперской стабильности, на своих территориях. Они становились полноправными представителями общеимперской элиты. В российском дворянстве, как нигде, был высок процент людей нерусского, неправославного происхождения. Британцы или французы, безусловно, признавали статус местных элит, но лишь ограниченно допуская их к управлению. Они обеспечивали им безбедное существование, но лишали особого статуса. Тот же индийский раджа превращался, по сути, в наемного чиновника колонизаторов. Примечательно, что в России в годы Гражданской войны большое число представителей национальных элит приняло активное участие в белом движении, выступавшим под лозунгами «единой и неделимой», то есть за сохранение империи. Как ни удивительно либеральные модели империй (Британская и другие) имели свои недостатки, прежде всего из-за расового характера колониального общества.

Успехи русской администрации определялись ее, в целом, уважительным отношением к традиционным институтам (земельная собственность, религиозные верования, местные законы и другое). Вновь присоединенные территории пользовались определенной степенью автономии, которая при лояльности к центральной власти увеличивалась, при проявлении сепаратизма и враждебности сужалась [12, с. 30]. Так, в Казахстане продолжали действовать советы аксакалов, разделение на жузы, курултай и другое.

Особая система военно-народного управления существовала на Кавказе и в Туркестане. Суть ее наиболее емко выразил генерал-адъютант И.И. Воронцов-Дашков: «Система военно-народного управления... основана на сосредоточении административной власти в руках отдельных офицеров... и на предоставлении населению во внутренних делах вестись по своим адатам» [13, с. 4]. Долгое время российское правительство не вмешивалось в дела кавказских горцев, подданство которых до 1850-х гг. выражалось лишь в выплате ежегодной дани. Между ними и русской администрацией существовала договоренность об экстерриториальности. В Нагорном Дагестане российские подданные обязаны были руководствоваться местным адатом и шариатом [14, с. 373]. Главная ставка была сделана на кавказскую сельскую общину (джамаат), включавшую сельский сход и суд (староста, шариатский судья, знатоки местного адата). Мусульман освободили от рекрутской повинности, в армию принимали только горцев-добровольцев, которых было немало. Немаловажную роль играло выстраивание гармоничных отношений с мусульманским духовенством. Так, один из покорителей Центральной Азии генерал М.Г. Черняев обещал наказывать местных жителей, нарушающих нормы ислама [15, с. 53]. Мусульманское духовенство отвечало колониальной администрации взаимностью, демонстрируя уважение и почтение к персоне российского государя. Так, в 1913 г. в дни 300-летнего юбилея дома Романовых в мечетях славили императора и его фамилию, а видный исламский дея-

тель Иманхан-сейид-Махмудханов заявил в торжественной речи о верности всех мусульман короне и о «гуманности царистских порядков» [15, с. 77]. Очевидно, относительно успешному межрелигиозному диалогу в процессе коммуникаций с местным населением способствовала низкая миссионерская активность православной церкви. Колониальные власти заботились лишь о поддержании православия в среде уже крещенных и не особо поддерживали прозелитизм. Иначе обстояли дела, например, в английских колониях, где религиозная политика и признание к традициям нередко становилось причиной восстаний.

Власти в имперских столицах и европейские колонисты на местах поразному видели роль и статус местного населения. Лишь единицы понимали, что эффективное управление колониями возможно только при сотрудничестве с ключевыми группами управляемых. Высшие чиновники центра и периферии не видели иного выхода, кроме кооптации местной элиты. Однако европейское население, проживавшее в колониях, стремилось не допускать даже европеизированную элиту в свои ряды. Либерализм центра, идеи верховенства права сталкивались с расизмом белого меньшинства колониальной периферии. Последние были убеждены в своей особой миссии, постоянно подчеркивали свое превосходство. Расовая проблема существовала во всех колониях и вызывала отчуждение европейского и неевропейского населения. Сегрегация и игнорирование неевропейских элит разделили колониальные общества. Имперским властям оказалось не под силу сохранить

лояльность и белых колонистов, и местного образованного класса. Фундамент империй начал разрушаться: отверженность и отчуждение местной привилегированной элиты стали питательной средой идеологии национализма и деколонизации.

Российская империя имела принципиально иную структуру взаимоотношений с населением окраин, особенно с местными элитами. Она считалась с опытом косвенного управления и потому стремилась к инкорпорации элит с целью закрепления своей власти. Эта модель, как показала практика, была более эффективной. Свою роль играло и отсутствие расовых проблем, подменявшихся, правда, проблемами социальными. Географические особенности имперского строительства предопределили отсутствие четкого разграничения между окраинами и центром. Если британские или французские практики подчинения фактически обрекали империю на неминуемый раздел и распад, то российские оказывались более гибкими, имевшими потенциал к обновлению и эволюции. И все же, несмотря на различия коммуникативных практик в европейских колониях и на российских окраинах, империи в итоге претерпели разрушительные перемены, правда, причины их крушения были различны. Но это уже тема иного специального сравнительного исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Суни, Р. Империя как она есть: имперская Россия, «национальное» самосознание и теория империи [Текст] / Р. Суни // *Ab Imperio*. – 2001. – № 2. – С. 9-72.

2. *Постников, А.В.* Схватка на Крыше Мира: Политики, разведчики, географы в борьбе за Памир в XIX веке [Текст] / А.В. Постников. – М.: Памятники исторической мысли, 2001. – 416 с.
3. *Сергеев, Е.Ю.* Большая игра, 1856–1907. Мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии [Текст] / Е.Ю. Сергеев. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. – 454 с.
4. *Robinson, R.* Non-European foundations of European imperialism: sketch for the theory of collaboration [Текст] / R. Robinson // *Studies in the theory of imperialism* / Ed. by R. Owen and R. Sutcliffe. – London: Longmans, 1972. – Pp. 117-142.
5. *Pollock, S.* Empire by invitation? Russian empire-building in the Caucasus in the reign of Catherine II. PhD., Dept. of History, Harvard University [Text] / S. Pollock. – Cambridge, Mass.: Harvard University, 2006. – 482 p.
6. *Doyle, M.* Empires [Text] / M. Doyle. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1986. – 407 p.
7. *Каспэ, С.И.* Империя: генезис, структура, функции [Текст] / С.И. Каспэ // Политические исследования. – 1997. – № 5. – С. 31-47.
8. *Мирзеханов, В.С.* Европейцы в колониях: стиль жизни и особенности менталитета // Вестник РГГУ. Сер. Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. – 2014. – № 180 (140). – С. 38-53.
9. *Silverstein, B.* Discipline, knowledge and imperial power in Central Asia: 19th century notes for a genealogy of social forms [Текст] / B. Silverstein // *Central Asian Survey*. – 2002. – Vol. 21. – № 1. – P. 91-105.
10. *Халид, А.* Российская история и спор об ориентализме [Текст] / А. Халид // Российская Империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. – М.: Новое издательство, 2005. – С. 311-323.
11. *Дякин, В.С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) [Текст] / В.С. Дякин // Вопросы истории. – 1995. – № 9. – С. 130-142.
12. *Миронов, Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1 [Текст] / Б.Н. Миронов. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. – 548 с.
13. *Воронцов-Дашков, И.И.* Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем [Текст] / И.И. Воронцов-Дашков. – СПб.: Государственная типография, 1907. – 164 с.
14. *Бобровников, В.О.* Военно-народное управление на Северном Кавказе (Дагестан): мусульманская периферия в российском имперском пространстве, XIX–XX вв. [Текст] / В.О. Бобровников // Пространство власти: Исторический опыт России и вызовы современности. – М.: Московский общественный научный фонд, 2001. – С. 372-390.
15. *Литвинов, П.П.* Государство и ислам в русском Туркестане (1865–1917) (по архивным материалам) [Текст] / П.П. Литвинов. – Елец: Елецкий государственный педагогический институт, 1998. – 320 с.

REFERENCES

1. Bobrovnikov V.O., “Voenno-narodnoe upravlenie na Severnom Kavkaze (Dagestan): musulmanskaya periferiya v rossiyskom imperском prostranstve, XIX–XX vv.”, in: *Prostranstvo vlasti: Istoricheskij opyt Rossii i vyzovy sovremennosti*, Moscow, Moskovskiy obschestvenny nauchny fond, 2001, pp. 372-390. (in Russian)
2. Doyle M., *Empires*, Ithaca, New York, Cornell University Press, 1986, 407 p.
3. Dyakin V.S., *Natsionalny vopros vo vnutrenney politike tsarizma (XIX v.)*, *Voprosy istorii*, 1995, No. 9, pp. 130-142. (in Russian)
4. Kaspe S.I., *Imperiya: genezis, struktura, funkcii*, *Politicheskie issledovaniya*, 1997, No. 5, pp. 31-47. (in Russian)
5. Khalid A., “Rossiyskaja istoriya i spor ob orientalizme”, in: P. Werth, P.S. Kabytov, A.I. Miller (eds). *Rossiyskaya Imperija v zarubezhnoy istoriografii. Raboty poslednikh let: Antologiya*, Moscow, Novoe izdatelstvo, 2005, pp. 311-323. (in Russian)

6. Litvinov P.P., *Gosudarstvo i islam v russkom Turkeстане (1865–1917) (po arhivnym materialam)*, Elets, Eletsky gosudarstvenny pedagogichesky institut, 1998, 320 p. (in Russian)
7. Mironov B.N., *Sotsialnaya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX vv.): Genezis lichnosti, demokraticeskoy semi, grazhdanskogo obshhestva i pravovogo gosudarstva*, vol. 1, St. Petersburg, Dmitriy Bulanin, 2000, 548 p. (in Russian)
8. Mirzekhanov V.S., *Evropeytsy v koloniyah: stil zhizni i osobennosti mentaliteta*, *Vestnik RGGU. Ser. Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie*, 2014. No. 180 (140), pp. 38-53. (in Russian)
9. Pollock S., *Empire by invitation? Russian empire-building in the Caucasus in the reign of Catherine II*. PhD., *Dept. of History, Harvard University*, Cambridge, Mass., Harvard University, 2006, 482 p.
10. Postnikov A.V., *Shvatka na Kryshe Mira: Politiki, razvedchiki, geografi v borbe za Pamir v XIX veke*, Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2001, 416 p. (in Russian)
11. Robinson R., “Non-European foundations of European imperialism: sketch for the theory of collaboration”, in: R. Owen and R. Sutcliffe (eds.) *Studies in the theory of imperialism*, London, Longmans, 1972, pp. 117-142.
12. Sergeev E.Ju., *Bolshaja igra, 1856–1907. Mify i realii rossiysko-britanskikh otnoshenij v Centralnoy i Vostochnoj Azii*, Moscow, Tovarishhestvo nauchnyh izdaniy KMK, 2012, 454 p. (in Russian)
13. Silverstein B., *Discipline, knowledge and imperial power in Central Asia: 19th century notes for a genealogy of social forms*, *Central Asian Survey*, 2002, vol. 21, No. 1, pp. 91-105.
14. Suny R., “Imperiya kak ona est: imperskaya Rossiya, “natsionalnoe” samosoznanie i teoriya imperii”, *Ab Imperio*, 2001, No. 2, pp. 9-72. (in Russian)
15. Vorontsov-Dashkov I.I., *Vsepoddanneyshaja zapiska po upravleniyu Kav-kazskim kraem*, St. Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya, 1907, 164 p. (in Russian)

Мирзеханов Велихан Салманханович, доктор исторических наук, профессор, руководитель Отдела, Отдел истории Европы XVIII–XIX вв., заместитель директора, Институт всеобщей истории РАН, lum62@yandex.ru

Mirzekhanov V.S., ScD in History, Professor, department head, Department of European History of the XVIII–XIX centuries, Institute of General History, Russian Academy of Sciences, lum62@yandex.ru

Ковалев Михаил Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник, Отдел истории Европы XVIII–XIX вв., Институт всеобщей истории РАН, kovalevmv@yandex.ru

Kovalev M.V., PhD in History, Associate Professor, Researcher, Department of European History of the XVIII–XIX centuries, Institute of General History, Russian Academy of Sciences, kovalevmv@yandex.ru

УДК 94
ББК 63.3(0)62

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ПОСЛЕВОЕННОЙ ГЕРМАНИИ*

А.М. Филитов

Аннотация. *Статья освещает эволюцию концепции нации в послевоенной Германии (главным образом, в ГДР) и роль «советского фактора» в этой эволюции. Автор выделяет три последовательно сменявшихся друг друга этапа в этой эволюции: 1) взаимные претензии ГДР и ФРГ на роль единственно законных представителей немецкой нации; 2) ГДР и ФРГ как равноправные представители немецкой нации; 3) два государства в Германии как две отдельных сложившихся нации. Отмечается наличие двух подходов к данной проблеме в советском внешнеполитическом аппарате: концепция «новой социалистической нации» против концепции «два государства – одна нация». В конечном счете, была принята формула «развивающейся новой нации» в ГДР, которая подразумевала неокончательный характер размежевания двух германских государств и раскола немецкой нации.*

Ключевые слова: *ГДР, ФРГ, нация, Хрущев, международные отношения.*

NATIONAL ISSUE IN THE POST-WAR GERMANY

428

А.М. Filitov

Abstract. *The article touches upon the evolution of the nation concept in the post-war Germany (with the emphasis on the GDR) and the role of the “Soviet factor” in this process. The author defines three consecutive stages: 1) mutual claims of both German states to the role of the sole legitimate representative of the German nation; 2) the GDR and Federal Republic of Germany as equal representatives of German nation 3) “Socialist nation” in the GDR vs. “Capitalist nation” in FRG. Two competing approaches in the Soviet foreign policy apparatus are highlighted with “two nations” vs. “two states, one nation”. Eventually, the compromise formula of “new developing nation” in the GDR was adopted, which presumed the lack of finality in the separation of both German states and the disintegration of the German nation.*

Keywords: *GDR, FRG, nation, Khrushchev, international relations.*

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ. Проект № 15-18-00135 «Индивид, этнос, религия в процессе межкультурного взаимодействия: российский и мировой опыт формирования общегражданской идентичности».

Поражение фашистской Германии во Второй Мировой войне вызвало глубокий кризис в национальном самосознании немцев. В западной ее части получила распространение идеология европеизма, выдвигавшая на первый план наднациональные ценности¹. На востоке, напротив, политический и идеологический дискурс концентрировался вокруг нового понятия немецкой нации, которое интерпретировалось как антитеза нацизму, с одной стороны, и тому режиму, который установился в западной части страны, с другой. Возникшее в 1949 г. на территории Советской оккупационной зоны государство – Германская Демократическая Республика – рассматривалось как оплот против грозящей с Запада «империалистической агрессии» и как образец для будущего единого национального германского государства. Эти представления, определявшие самосознание ГДР в первые годы ее существования, хорошо иллюстрируют тезисы статьи под броским названием «Кто такой патриот?», опубликованной в предназначенном для молодежной аудитории журнале “Junge Generation” («Юное поколение») В ней говорилось, в частности: «Наше отечество – это ГДР. В этой республике впервые в германской истории власть находится в руках народа. ... Это отечество воплощает собой будущее всей Германии, единой и неделимой немецкой нации. Любить свое отечество – значит поэтому любить ее (ГДР) со всеми ее прогрессивными до-

стижениями. Делать что-то для отечества – значит действовать на пользу ей (ГДР). Отечество немецких трудящихся надо защищать против любых наглых притязаний западногерманских империалистов ... Мы, немецкие патриоты, одержим победу над врагами нашего отечества, в борьбе против сил западногерманских монополистов и помещиков мы превратим всю Германию в страну трудящихся» [цит. по: 2, с. 512-513].

Уже ко времени публикации этой статьи (декабрь 1955 г.) обнаружилось, что расчеты на «победу над империалистами» и создания таким путем единого германского государства весьма далеки от реальности. Скорее, можно было опасаться за собственное существование ГДР как государства. Еще в период до ее образования начался исход значительного числа восточных немцев на запад («механическое движение населения», как это дипломатично формулировалось в отчете Советской Контрольной комиссии [3, с. 28]), он продолжился и после обретения Советской оккупационной зоной государственного статуса, вызывая явную озабоченность ее властей. Неслучайно в той же цитированной выше статье, наряду с призывом «любить ГДР», содержалось и суровое обвинение в адрес «предателей», которые ее покидают – «по злокозненным или эгоистическим мотивам». Вскоре эта пассивная форма сопротивления режиму («голосование ногами») дополнилась активными действиями по

¹ Трактовки национального вопроса в Западной Германии были прослежены в ранее опубликованной статье автора этих строк. См.: [1]. В данном эссе имеется в виду осветить эволюцию таких трактовок в официальных документах ГДР и СССР – как опубликованных, так и архивных.

противостоянию властям, вылившихся в июне 1953 г в то, что получило название «контрреволюционного путча» (согласно вокабуляру ГДР) или «народного восстания, что, конечно, ближе к истине.

Программа воссоединения путем «победы» над западным соперником стала в этих условиях неактуальной даже в виде пропагандистского лозунга. На смену ей пришла программа преодоления раскола страны (и, естественно, нации) путем сближения двух германских государств. Эта программа предполагала признание другого германского государства – ФРГ, как легитимного и равноправного партнера, что означало отход от прежней риторики о нем как «колонии США» и оплота «монополистов и помещиков». Этот отход становился тем более оправданным и необходимым, что его совершила держава-спонсор ГДР – Советский Союз, который в 1955 г. установил с ФРГ нормальные дипломатические отношения. Последовать этому примеру в буквальном смысле ГДР не могла, хотя бы потому, что не было никаких шансов, что ФРГ примет такое предложение: сразу же после нормализации отношений с СССР там была провозглашена «доктрина Хальштейна», которая грозила разрывом отношений любому государству, которое признало бы ГДР; понятно, что и для самой ФРГ такое признание было табу. Надо сказать, что руководство ГДР проявило определенную гибкость, выдвинув в 1960 г. на обсуждение программный документ под названием «Народный план для Германии». Суть его заключалась в том, что само по себе различие в общественном строе двух германских

государств не является принципиальным препятствием для восстановления единства Германии: «Конечно, наличие двух общественных систем в Германии представляет собой проблему, решить которую не просто. Однако если мы не хотим отказываться от воссоединения, то не остается другой возможности кроме как добиваться максимального сближения двух германских государств и их мирного сотрудничества ради преодоления раскола. В рамках этого сотрудничества будет происходить соревнование между обеими общественными системами, которое и покажет, какая из них более всего подходит немецкому народу» [4].

По сути, этот план предвосхищал идеи Дэн Сяопина о «двух системах, одном государстве», благодаря которым удалось решить проблему Гонконга и которые, возможно, смогут решить проблему отношений между КНР и Тайванем. В Германии он не прошел. Не в последнюю очередь потому, что появился в разгар острейшего международного кризиса, связанного с проблемой Западного Берлина. Определенная стабилизация наступила год спустя, когда началось построение «берлинской стены»; опасность военной конфронтации с участием великих держав была таким образом отодвинута (хотя и не снята окончательно, свидетельством чего стало «танковое противостояние» на внутриберлинской границе в октябре 1961 г.), однако для германо-германских отношений это событие означало дальнейшее их обострение. Речь шла не преодолении раскола, а о его углублении. Кстати, и выдвинутая Хрущевым в самом начале кризиса и поддержанная ГДР

идея превращения Западного Берлина в «демилитаризованный вольный город» в случае своего воплощения в жизнь означала бы лишь появление третьего государственного образования на территории Германии; получалось, что Германия была бы расколота уже не на две, а на три части, что, разумеется, трудно совмещалось с приверженностью делу ее воссоединения.

В этих условиях на смену «Народному плану» в марте 1962 г. пришел так называемый «Национальный документ» (официальное название: «Историческая задача ГДР и будущее Германии»). В нем говорилось, в частности: «Национальные интересы немецкого народа требуют устранения господства концернов, крупных банков и связанных с ними гитлеровских генералов... Победа социализма в ГДР, а позже – и в западногерманской Федеративной республике освободит наш народ от зловещего цикла – конъюнктура, кризис, война, освободит его навсегда от капиталистической эксплуатации, обеспечит единство нашего отечества и счастливую жизнь в условиях мира и социализма» [цит. по: 2, с. 514]. Из этих формулировок следовало, что воссоединение отодвигалось в неопределенное будущее, поскольку никаких перспектив на «победу социализма» в ФРГ (в том смысле, который вкладывался в это понятие в ГДР, – путем установления «диктатуры пролетариата» и т.д.) не просматривалось. Более того, речь шла, по сути, о возвращении к прежней концепции о ГДР как единственно возможном «образце» для будущей единой Германии, заранее заявленном «победителе» в соревновании с безнадежно отсталой

и реакционной ФРГ. Заметим, кстати, что в данном документе, как и вообще в принятом в ГДР официальном словоупотреблении никогда не фигурировало название другого германского государства в его полном виде, что должно было лишний раз продемонстрировать его ущербность и неполноценность.

Очень ярко этот подход отразился в распространенном в ГДР энциклопедическом словаре. Помещенная там статья «Германская Демократическая Республика» говорила о ней как о «социалистическом государстве в центре Европы, первом германском рабоче-крестьянском государстве», притом «единственно законном (rechtmäßige)». Что касается западного соседа, то ему давалось следующая характеристика: «Западная Г., государство (Федеративная республика) в центре Европы – германское сепаратное государство, возникшее 7.9.1949 г. вопреки решениям Ялтинской и Потсдамской конференций по указке западных оккупационных властей и с согласия представителей немецкого монополистического капитала и юнкерства ... Прогрессивные силы в Западной Г. под руководством находящейся на нелегальном положении КПГ и при поддержке ГДР борются против господствующего там клерикально-милитаристского режима за создание в западной Г. парламентарно-демократического порядка» [5, с. 552, 575, 586].

Подобные формулировки можно было понять как «симметричный ответ» на принятую в ФРГ «доктрину Хальштейна» и связанную с ней претензию на единоличное представительство всех немцев, однако такая позиция «острие на острие» исключала

ла всякую возможность разрядки в германо-германских отношениях: если каждое из германских государств считало себя единственно легитимным представителем немецкой нации и отказывалось признать другую сторону в качестве суверенного и равноправного партнера, то конфликт между ними принимал абсолютный характер и грозил серьезными осложнениями в международной обстановке центре Европы. Между тем, у возглавлявших противостоящие военно-политические группировки сверхдержав – СССР и США все больше давали себя знать опасения относительно того, как бы их союзники не втянули их в самоубийственную ядерную конфронтацию. Особенно эти опасения усилились после травматического опыта кубинского кризиса 1962 г. В отношениях между США и ФРГ это привело к настоящему дипломатическому скандалу, закончившемуся объявлением западногерманского посла в Вашингтоне персоной нон грата. В отношениях между СССР и ГДР открытого конфликта не последовало, однако ныне доступные архивные первоисточники свидетельствуют о наличии весьма серьезных расхождений между представителями обеих сторон – причем именно по национальному вопросу.

12 июня 1964 г. между СССР и ГДР был заключен Договор о дружбе, взаимной помощи и сотрудничестве. Предшествующая этому акту переписка между первыми лицами обоих государств – Н.С. Хрущевым и В. Ульбрихтом свидетельствует, что инициатива в данном случае исходила с немецкой стороны, которая считала, что «договор о дружбе должен будет подчеркивать роль ГДР как суверенного

государства и поборника национальных интересов немецкого народа». В сущности, речь шла об отступлении ГДР от максималистского и почти ультимативного требования о немедленном заключении мирного договора с СССР и прочими социалистическими странами. Такой договор действительно поднял бы статус и престиж ГДР, однако это грозило международными осложнениями, и Хрущев достаточно жестко указывал Ульбрихту на невыполнимость его требований [см.: 6, с. 250-255]. Получить если не мирный, то хотя бы какой-то договор с СССР стало для последнего своего рода «утешительным призом», хотя он и отдавал себе отчет, что сам по себе такой документ «не привнес бы с собой ничего принципиально нового» [7, л. 62-63].

Новое было привнесено не самим подписанием договора, а одним высказыванием Хрущева, которое тот сделал по этому поводу, а именно – о *неприменимости принципа национального самоопределения к германскому вопросу* [8] (курсив наш – А.Ф.). И это новое вызывало крайне болезненную реакцию в руководстве ГДР. Яркое выражение она получила в сохранившемся в архиве бывшей СЕПГ четырехстраничном меморандуме «Заметка к вопросу о «самоопределении»» от 3 ноября 1964 г. [9, л. 271-274]. Нетрудно понять, почему этот документ не появился раньше: пока Хрущев был у власти, вряд ли кто решился бы говорить о допущенной им «неудачной формулировке», зато после Октябрьского пленума ЦК КПСС такое могло только приветствоваться. Что же понимал автор документа (подпись под ним неразборчива, но, скорее всего,

речь идет о помощнике Ульбрихта по внешнеполитическим вопросам Г. Кегеле) под «нашей давно и точно разработанной линией и аргументации по данному вопросу», от которой де отступил бывший советский лидер? Ответ прост: «возникновение первого в Германии рабоче-крестьянского государства, его политика мира, его путь к социализму и т.д. – это и есть выражение того, что значительная часть немцев осуществила свое право на самоопределение», тогда как «в Западной Германии право граждан на самоопределение не соблюдается» [9, л. 271].

Своей формулировкой Хрущев действительно отступил от этой «линии и аргументации», но было ли отступлением от здравого смысла? По сути, он всего лишь выразил ту мысль, что немцы в обеих частях Германии уже «самоопределились», хотя и по-разному, что налицо два суверенных, равноправных государства, которые на этой основе и должны строить свои отношения. Кстати, сформулированная вполне корректно в упомянутом меморандуме от 3 ноября 1964 г. программа германо-германских отношений («оба германских государства должны нормализовать свои отношения, договориться об их характере, о своем сотрудничестве и в конечном счете – об условиях объединения» [9, л. 272]) логически вытекала именно из этой установки, а вовсе не из той, что одно государство уже осуществило свое самоопределение, а другое – его лишено. В этом смысле противоречие, скорее, можно найти у автора меморандума, чем у Хрущева. Тогдашний глава Советского государства лишь озвучил то, о чем докладывали со-

ветские дипломаты, аккредитованные в ГДР. Когда в бюллетене Ведомства печати и информации при правительстве ГДР появилась статья под «убойным» заголовком «Почему ГДР является единственно правомочным германским государством», это было расценено как свидетельство «продолжающейся неясности у немецких друзей в вопросе наличия двух суверенных государств» (информация Посольства СССР в ГДР от 30 мая 1962 г.) [10, л. 79]. Спустя неделю констатировалось: при подготовке «Национального документа» «наши замечания не были учтены. Друзья продолжают придерживаться мнения, что ГДР является единственно законным германским государством» (Информация Посольства СССР в ГДР от 5 июня 1962 г.) [10, л. 87]. Можно лишь задаться вопросом, почему Хрущев долгое время не реагировал на эту информацию. Возможно, сыграло роль его личное недоверие к тогдашнему послу СССР в ГДР М.С. Первухину, который на июньском пленуме ЦК КПСС 1957 г. поддержал «антипартийную группу». Сменивший его в декабре 1962 г. новый посол – П.А. Абрахимов продолжил попытки «образумить» руководителей ГДР, но предпочитал при этом самостоятельные действия, не апеллируя к центру. Как бы то ни было, к середине 1964 г. давно назревшая корректура в советскую позицию по германскому вопросу была, наконец, внесена – причем на самом высшем уровне.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что форма, в которой была выражена эта корректировка, оказалась далеко не оптимальной. Ее можно было трактовать не только в том смысле,

что немцы в обоих германских государствах уже осуществили акт самоопределения, но и в прямо противоположном – что ни в одном из них им такого права предоставлено не было, и более того – что такого права они и недостойны ввиду чудовищных преступлений, совершенных нацистской Германией. Разумеется, сам Хрущев такое вряд ли имел в виду (и вообще главное в его речи была полемика с реваншистами в ФРГ), однако подобные намеки, а порой, и прямые высказывания такого рода имели место и у политиков (конкретно в меморандуме назван в этой связи польский лидер В. Гомулка), и у журналистов (в частности, речь идет о Л. Безыменском²). В этом смысле указание автора меморандума на имеющуюся «путаницу» в вопросе о самоопределении немецкой нации, видимо, отражало реальное положение вещей.

Надо сказать, что эта путаница была со временем преодолена. К концу 60-х годов официальная позиция ГДР в национальном вопросе заключалась в том, что на востоке существует «социалистическое государство немецкой нации» (формулировка первой статьи новой, принятой 8 апреля 1968 г. Конституции ГДР), а на западе – «государство, находящееся под господством монополистического капитала», однако оба эти государства являются «самостоятельными и международно признанными» (формули-

ровки в статье В. Ульбрихта «Новая ситуация в западногерманской Федеративной республике и в отношении обоих германских государств» от 12 декабря 1969 г. [2, с. 516]). По сути, это означало отход от прежней позиции, когда такие понятия, как самоопределение и суверенитет, считались применимыми только к собственному, но никак не к другому германскому государству. Формула «два государства одной нации» наиболее адекватным образом отразила сложившуюся реальность и открывала путь к их равноправному сотрудничеству. Эту формулу буквально воспроизвел и новый канцлер ФРГ В. Брандт, что означало и для западногерманской стороны отход от прежней догмы о «единоличном представительстве всех немцев». Казалось бы, впервые с 1945 г. сформировался общегерманский консенсус по национальному вопросу. Однако, едва возникнув, он сразу же стал рушиться. Возникла новая идеологема: «два государства – две нации».

В западной историографии распространен тезис о том, что творцом этой идеологемы был фактический руководитель ГДР – В. Ульбрихт, и в доказательство приводят подписанный им проект Договора между ГДР и ФРГ о нормализации отношений от 17 декабря 1969 г. и его выступление на последовавшей месяц спустя пресс-конференции в связи с предстоявшей встречей глав прави-

² Об одном из высказываний такого рода сообщает в своих мемуарах видный советский и российский дипломат Ю.А. Квицинский. Как он вспоминает, второй секретарь Посольства СССР в ГДР В.Н. Белецкий заявил на одном из приемов в Западном Берлине, что «немцы сожгли свое право на самоопределение в печах Майданека и Треблинки». Заметим, что это было высказывание не журналиста, а официального представителя МИДа, что придавало ему гораздо большую значимость. См.: [11, с. 227].

тельств двух германских государств [12, с. 560]. Имеющиеся ныне мемуарные и архивные первоисточники позволяют скорректировать этот тезис. Первый из этих первоисточников – дневниковые записи одного из самых авторитетных «германистов» в советском МИДе – В.С. Семенова. Для рассматриваемой темы особый интерес представляет описание им процесса подготовки той самой речи Хрущева по случаю заключения Договора с ГДР, о которой шла речь выше и которая вызвала столь резкую реакцию со стороны ГДР:

«6 июня (1964 г. – А.Ф.) ...Вчера я сидел все время молча и записывал замечания. Но во время чтения речи на митинге сделал поправку к одному месту, касавшемуся нац. вопроса в Германии. Смысл поправки состоял в том, что надо учитывать факт формирования новой социалистической нации (в печатном тексте ошибочно говорится о “науке” вместо “нации”, что можно объяснить крайней сложностью расшифровки почерка автора – А.Ф.) в ГДР. Лебедев и Трояновский зашикали, что это “чепуха какая-то”. Я возразил спокойно, что это не чепуха. Он (речь идет не о А.А. Громыко, как считают публикаторы, а о Н.С. Хрущеве, поскольку все упомянутые им лица принадлежали к “ближнему кругу” Первого секретаря ЦК КПСС, а не министра иностранных дел – А.Ф.) вступил в спор, и, когда я заметил, что в Австрии сложилась отдельная нация, хотя австрийцы входили в прошлом веке в союз германских государств, он переспросил: “В Австрии?” Аджубей возразил: “Может быть, это и верно, но так сказать – неполитично”. И меня завалили» [13, с. 113].

Из этой записи следует, что подлинным автором идеи «двух германских наций» был советский дипломат. Следует из нее и другое: в середине 1960-х гг. эта идея поддержки не получила. Зато она активно стала муссироваться к концу десятилетия и особенно с начала 1970-х. Дневниковые записи В.С. Семенова, относящиеся к этому периоду, не содержат столь ярких зарисовок закулисных дебатов по германскому вопросу, а с назначением его главой советской делегации на переговорах с США по ограничению стратегических вооружений (ОСВ-1) главное место в них заняли вопросы, связанные с этим новым кругом обязанностей. По интересующей нас тематике можно отметить лишь строки, написанные 6 марта 1969 г. по итогам очередной встречи с руководителями ГДР: «Оставляя в стороне политическую сторону дела, место которой не в личном дневнике, могу признать, что в голове моей зреют дерзкие мысли по целой цепи европейских, германских и мировых дел. Правда, я не уверен, что цепь и мысли верные и что они пройдут, но я человек упорный и не так легко выбить из башки то, что в ней рождается. И тут будет дальнейшая цепь столкновений, безымянных и прикрытых, но существенных. И Вальтер (Ульбрихт – А.Ф.) это понимает, не скрывая своего враждебного отношения к нашим концепциям, потому что я, как я вижу, он националист, притом довольно опасного свойства» [14, с. 91].

Документы, отложившиеся в Архиве внешней политики Российской Федерации, дают возможность расшифровать то, что в данном случае имелось в виду. Один из таких доку-

ментов – справка 3-го Европейского отдела МИД СССР от 7 января 1970 г. «О согласовании с немецкими друзьями проекта договора об установлении равноправных отношений между ГДР и ФРГ». Из текста справки следует, что упомянутое «соглашение» имело место в Москве 2-3 декабря 1969 г. в ходе совещания руководителей стран – участниц Организации Варшавского договора (ОВД) и состояло в том, что «подготовленный немецкой стороной проект договора подвергся серьезной доработке». Одно из основных изменений, внесенных в первоначальный текст, состояло в том, что «в преамбуле снято упоминание о “государствах немецкой нации”» [15, л. 1]. Напомним: отсутствие в тексте этого проекта упоминания о «немецкой нации» традиционно приводилось как одно из доказательств «антинациональной» инициативы Ульбрихта. Теперь же выясняется, что во внесенном им проекте он не отступил от концепции «два государства – одна нация» (за что, видимо, и получил от Семенова характеристику «националиста»), тогда как «доработка» его проекта вполне соответствовала семеновской концепции о «новой нации» в ГДР. Как выясняется из других документов АВП РФ, самым жестким оппонентом Ульбрихта на упомянутом форуме выступил руководитель польской делегации В. Гомулка, продолжив таким образом ту линию, которая еще в 1964 г. вызвала справедливые нарекания со стороны помощника Ульбрихта Г. Кегеля. Таким образом, у концепции Семенова оказался сильный союзник.

Таким союзником оказался и тогдашний посол СССР в ГДР П.А. Аб-

расимов. На протяжении всего следующего года он и его сотрудники буквально бомбардировали центр предупреждениями об «общегерманских иллюзиях» и потворстве «националистическим настроениям» со стороны руководства ГДР. Приведем в качестве примера несколько отрывков из одного из таких документов:

«...а) Необходимо, как и прежде, последовательно осуществлять дальнейшее размежевание с ФРГ во всех областях как генеральную линию СЕПГ в национальном вопросе... Мы хотели бы обратить внимание немецких товарищей на то, что в последние два года имеет место определенное свертывание работы по размежеванию с ФРГ при одновременном вольном или невольном прекращении внимания на общегерманскую тематику. Это не принесло ничего, кроме издержек, прежде всего во внутригерманском плане. Представляется необходимым, чтобы друзья продумали и последовательно осуществили весь комплекс мер по разрыву еще существующих внутригерманских общностей, в частности, в области экономики, права, науки, культуры и т.д.

б) По нашему мнению, настало время начать теоретическую разработку и широкую пропагандистскую подготовку населения ГДР к восприятию тезиса о постепенном складывании в ГДР социалистической нации...

в) ...В последнее время...приходится наблюдать, что друзья уменьшили свою идеологическую борьбу с идеями современного социал-демократизма, в то время как их проникновение в ГДР с Запада явно усилилось.

г) ...Надо добиваться того, чтобы среди широких слоев населения республики была ясность в том, что отношения с ФРГ для ГДР являются не главным, а одним из подчиненных направлений внешней политики» [16, л. 50-52].

В заключение документа тревожный тон достигает максимума: «Нас беспокоит и то, что в последнее время среди некоторой части населения ГДР отмечается известный рост неприязненных, а порой и враждебных высказываний в адрес Советского Союза и Группы советских войск в Германии. По имеющимся у нас сведениям, и у значительной части военнослужащих Национальной Народной армии ГДР недостаточно воспитаны чувства классового единства и братства по оружию с Советской Армией» [16, л. 58].

Характерно, что в документе несколько раз высказывается персональная критика в адрес Ульбрихта, а в другом материале такого рода против него даже выдвигается обвинение чуть ли не в тайном сговоре с идеологическим противником: «Имеются данные о том, что люди из ближайшего окружения т. Ульбрихта по его указке изыскивают каналы для установления доверительных личных контактов с руководством СДПГ» [17, л. 7].

Материал для обвинений в адрес «первого лица» в тогдашней ГДР советский посол черпал из контактов с теми представителями ее элиты, которые к тому времени сформировались в довольно сплоченную группу, ставившую своей целью свержение Ульбрихта и замену его на Э. Хонеккера, что и произошло на Пленуме ЦК СЕПГ 3 мая 1971 г. В отставку

был отправлен и его советник Г. Кегель, который, как считали противники Ульбрихта, оказывал на того «дурное влияние». Выдвинувшийся на роль главного пропагандиста ГДР А. Норден выдвинул формулу, вполне соответствующую «концепции Семенова»: отношения «между двумя немецкими нациями» определяет «историческая тенденция к (их) размежеванию» [18].

Интересную сравнительную оценку двух конкурировавших концепций национального вопроса в Германии (условно говоря «ульбрихтовской» и «семеновской») дал в своих мемуарах представитель младшего поколения советских дипломатов-германистов Ю.В. Квицинский: «Далеко глядел Ульбрихт и в национальном вопросе. Он считал недопустимым для СЕПГ снимать вопрос о воссоединении. В то время как наши теоретики во главе с В.С. Семеновым в 1960-е гг. бросились доказывать, что в ГДР складывается новая социалистическая немецкая нация и вопрос о воссоединении теряет всякую актуальность... Ульбрихт упорно гнул свою линию. Разумеется, он не хотел никакого воссоединения, прекрасно сознавая, что ГДР будет поглощена ФРГ. Но, понимая взрывоопасность национального вопроса в условиях Германии, он упорно выстраивал всякого рода политические схемы воссоединения... Он не хотел выпускать и саму эту проблему, и политическую инициативу в германском вопросе из своих рук, считал необходимым в случае любого обострения национальных дел иметь продуманную до деталей и инициативную программу действий. В этом он был глубоко прав. Имей мы вместе с СЕПГ в 1989 г. та-

кую схему, кто знает, как повернулось бы дело, не сумела ль бы ГДР выкрутить на ту или иную форму конфедерации с ФРГ» [11, с. 214].

Возможно, мемуарист несколько преувеличил положительные стороны в подходах Ульбрихта к национальному вопросу и возможности их применения в ситуации конца 1980-х – начала 1990-х гг. Но, пожалуй, более серьезная претензия касается того обстоятельства, что с советской стороны из всех дипломатов-германистов в данном контексте упомянут один Семенов, фигура которого волей-неволей воспринимается таким образом как монополюсно определявшая установки всего советского внешнеполитического аппарата. Однако это было далеко не так. Прежде всего, следует сказать о мнении (или мнениях) научно-экспертного сообщества – ячейки зарождавшегося еще в советское время гражданского общества. Конкретный пример – выступление советского ученого-германиста Д.Е. Мельникова на страницах западногерманского журнала «Шпигель» против идеи «размежевания» между двумя германскими государствами в тот самый момент, когда национальный вопрос столь остро встал на повестку дня на рубеже 1960–70-х годов. Упомянутый Абрасимов отреагировал на это выступление телеграммой в центр, явно имея в виду, что должно последовать незамедлительное наказание «еретика». Однако такого не последовало. Заведующий 3-м Европейским отделом МИД СССР В.М. Фалин «закрыл дело» резолюцией чисто формального свойства: «Просьба усилить внимание к публикациям советских авторов по германской тематике, в том числе в

советской прессе». Никакого осуждения в адрес Д.Е. Мельникова высказано не было [19, с. 27-28].

Вряд ли можно считать случайностью и тот факт, что панические депеши Абрасимова, примеры которых приводились выше, просто списывались в архив без всяких комментариев. Молчание в данном случае, конечно, не было знаком согласия. В некоторых случаях архивные документы свидетельствуют о том, что с советской стороны выражали прямое несогласие с крайностями политики «размежевания». Речь идет, в частности, о своего рода рецензии, составленной в ЦК КПСС на проект Отчетного доклада VIII съезду СЕПГ ее нового лидера ГДР Э. Хонеккера. Критике подвергается там целый ряд «новаций». В аспекте нашей темы особый интерес представляет следующий фрагмент: «На наш взгляд, целесообразно уточнить фразу на стр. 38, где излишне категорически утверждается, что «на немецкой земле сегодня существуют две принципиально разные нации: развивающаяся социалистическая нация в ГДР и буржуазная нация в ФРГ». Вернее было бы провести такую мысль: две части расколотой немецкой нации развиваются в противоположных направлениях. В ГДР развивается социалистическая нация, а народ ФРГ, который находится под господством монополистической буржуазии, существует как буржуазная нация» [20, л. 177]. При всей идеологической нагрузке посыл был ясен: о «двух нациях» говорить преждевременно, в данный момент существует одна немецкая нация, пусть и «расколотая». В общем, эта трактовка была принята в ГДР (при-

веденная выше точка зрения Нордена – скорее исключение). Во всяком случае, в новом энциклопедическом словаре, изданном в ГДР уже при Хонеккере, представлена трактовка, соответствовавшая рекомендациям Москвы: «Германская Демократическая Республика (ГДР) – социалистическое государство, в котором развивается социалистическая немецкая нация» [5, с. 144].

Думается, наличие этой компромиссной формулировки по национальному вопросу в какой-то мере облегчило и процесс объединения страны. Что касается раскола нации, то этот феномен, или, по крайней мере, значительные элементы такового, сохраняются и в условиях единого германского государства. Однако это предмет исследования уже для социолога и политолога, а не историка³.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Филитов, А.М.* Германская нация и германское национальное сознание в исторической ретроспективе [Текст] / А.М. Филитов // Национальная идея на европейском пространстве в XX веке / Отв. ред. Е.Ю. Полякова. Т. 2. – М.: ИВИ РАН. 2005. – С. 151-172.
2. *Judt M. (Hg.)* DDR-Geschichte in Dokumenten. Beschlüsse, Berichte, interne Materialien und Alltagszeugnisse. Bonn, 1998.
3. СССР и германский вопрос. 1941–1949. Документы из российских архивов. В 4-х т. Т. IV [Текст]. – М., 2012.
4. *Neues Deutschland.* 17. April 1960.
5. *Meyers Neues Lexikon in Acht Bänden.* Bd. 2. Leipzig. 1962.
6. *Фурсенко, А.А.* Россия и международные кризисы: середина XX века [Текст] / А.А. Фурсенко. – М., 2006.
7. *Stiftung Archiv der Parteien und Massenorganisationen der ehemaligen DDR im Bundesarchiv (SAPMO-BA).* DY 30/3513.
8. Известия. 1964. 13 июня.
9. SAPMO-BA. DY 30/3497.
10. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). – Ф. 5. – Оп. 49. – Д. 487.
11. *Квицинский, Ю.А.* Время и случай. Заметки профессионала [Текст] / Ю.А. Квицинский. – М., 1999.
12. *Kippre, J.* Die deutsch-deutsche Beziehungen aus Sicht der DDR // W. Weidenfeld / H. Zimmermann (Hg.). Deutschland-Handbuch. Eine doppelte Bilanz 1949–1989. Bonn, 1989.
13. От Хрущева до Горбачева. Из дневника Чрезвычайного и Полномочного посла, заместителя министра иностранных дел СССР В.С. Семенова [Текст] / Публикация Е.В. Семеновой и Б.Л. Хавкина Ч. 1 // Новая и новейшая история. – 2004. – № 3.
14. От Хрущева до Горбачева. Из дневника Чрезвычайного и Полномочного посла, заместителя министра иностранных дел СССР В.С. Семенова. Публикация Е.В. Семеновой и Б.Л. Хавкина. Ч. 2 // Новая и новейшая история. – 2004. – № 4.
15. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). – Ф. 0742. – Оп. 15. – П. 95. – Д. 19.
16. Посольство СССР в ГДР – товарищу БРЕЖНЕВУ Л.И., копия – товарищу ГРОМЫКО А.А. 7 августа 1970 г. К предстоящей встрече с делегацией ЦК СЕПГ // АВП РФ. – Ф. 0742. – Оп. 15. – П. 96. – Д. 22.
17. Посольство СССР в ГДР – А.А. ГРОМЫКО. Только лично. 31 июля 1970 «К вопросу отношений между ГДР и ФРГ и нашей возможной линии в этой связи» // АВП РФ. – Ф. 0742. – Оп. 15. – П. 96. – Д. 22.

³ Эти исследования идут, как правило, в русле поисков сходства и различий в ценностных ориентациях и самоидентификации граждан. Согласно исследованиям конца 1990-х гг., жителей бывшей ГДР отличает меньший интерес к религии и тенденция считать себя в большей степени «восточными немцами», чем просто «немцами». Насколько устойчивы данные феномены – вопрос спорный. См.: [21, с. 439-440].

18. Neues Deutschland. 20. März 1973.
 19. АВП РФ. – Ф. 0742. – Оп. 15. – П. 95. – Д. 48.
 20. SAPMO-BA. DY 30/3530.
 21. Thomas R. / Weidenfeld W. Identität // W. Weidenfeld / K.-R. Korte (Hg.). Handbuch zur deutschen Einheit 1949–1989–1999. Bonn, 1999.

REFERENCES

1. Filitov A.M., “Germanskaja natsija i germanskoje natsionalnoje soznanije v istoricheskoj retrospektive”, in: *Natsionalnaja ideja na evropejskom prostranstve v XX veke*, Vol. 2, ed. E.J. Poljakova, Moscow, 2005, pp. 151-172. (in Russian)
2. Cit. ex.: Judt M. (Hg.) *DDR-Geschichte in Dokumenten. Beschlüsse, Berichte, interne Materialien und Alltagszeugnisse*, Bonn, 1998.
3. *SSSR I germanskij vopros. 1941–1949. Dokumenty iz rossijskih arhivov*, in 4 Vols, Vol. IV, Moscow, 2012. (in Russian)
4. *Neues Deutschland*. 17. April 1960.
5. *Meyers Neues Lexikon in Acht Bänden*, Bd. 2, Leipzig, 1962.
6. Fursenko A.A., *Rossija I mezhdunarodnyje krizisy: seredina XX veka*, Moscow, 2006. (in Russian)
7. *Stiftung Archiv der Parteien und Massenorganisationen der ehemaligen DDR im Bundesarchiv (SAPMO-BA)*. DY 30/3513.
8. *Izvestija*, 1964, June 13.
9. SAPMO-BA. DY 30/3497.
10. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii (RGANI)*, F. 5, Inv. 49, File 487.
11. Kviscinskij Y.A., *Vremja i sluchaj. Zametki professionala*, Moscow, 1999. (in Russian)
12. Kuppe J., Die deutsch-deutsche Beziehungen aus Sicht der DDR, W. Weidenfeld, H. Zimmermann (Hg.), *Deutschland-Handbuch. Eine doppelte Bilanz 1949–1989*, Bonn, 1989.
13. Ot Khrushcheva do Gorbacheva. Iz dnevnika Chrezvychainogo i Polnomochnovo posla, zamestitelja ministra inostrannyh del SSSR V.S. Semjenova. Publikatsija E.V. Semjenovoj I B.L. Havkina. Part 1, *Novaja i novejšaja istorija*, 2004, No. 3. (in Russian)
14. Ot Khrushcheva do Gorbacheva. Iz dnevnika Chrezvychainogo i Polnomochnovo posla, zamestitelja ministra inostrannyh del SSSR V.S. Semjenova. Publikatsija E.V. Semjenovoj I B.L. Havkina. Part 2, *Novaja i novejšaja istorija*, 2004, No. 4. (in Russian)
15. *Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj Federatsii (AVP RF)*, F. 0742, Inv. 15, Folder 95, File 19. (in Russian)
16. Posolstvo SSSR v GDR – tovarischchju BREZHNEVU L.I., kopija – tovarischchju GROMYKO A.A. 7 avgusta 1970 g. K predstojaschchej vstreche s delegatsijej TSK SEPG, *AVP RF*, F. 0742, Inv. 15, Folder 96, File 22. (in Russian)
17. Posolstvo SSSR v GDR – A.A. GROMYKO. Tol’ko lichno. 31 ijulja 1970. “K voprosu ot-noshenij mezhdru GDR i FRG I nashej voz-mozhnoj linii v etoj svjazi”, *AVP RF*, F. 0742, Inv. 15, Folder 96, File 22. (in Russian)
18. *Neues Deutschland*. 20. März 1973.
19. *AVP RF*, F. 0742, Inv. 15, Folder 95, File 48. (in Russian)
20. SAPMO-BA. DY 30/3530.
21. Thomas R., Weidenfeld W. Identität, W. Weidenfeld, K.-R. Korte (Hg.), *Handbuch zur deutschen Einheit 1949–1989–1999*, Bonn, 1999.

Филитов Алексей Митрофанович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории, Российская академия наук, a_filitov@mail.ru

Filitov A.M., ScD in History, Senior Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, a_filitov@mail.ru

УДК 94
ББК 63.3(2)

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО СОЮЗА В 1953 – НАЧАЛЕ 1954 Г.

(по материалам фонда министерства культуры СССР)

М.М. Гершзон

Аннотация. В работе на материалах фонда Министерства культуры СССР, ныне находящегося на хранении в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), рассматриваются вопросы культурной политики в Советском Союзе в 1953 – начале 1954 г. практически во всех отраслях культуры: кино, театре, музыке, а также в книгоиздательском деле. В рассматриваемый период происходили кардинальные изменения в руководстве культурой – был создан новый государственный орган – Министерство культуры. Весной 1954 г. на высшие должности в Министерство были назначены новые люди. Источники свидетельствуют, что в этот период происходили значительные перемены в области культуры и искусства, особенно в кинематографии. Инициатором перемен в культурной политике в данный период выступало высшее политическое руководство страны.

Ключевые слова: Российский Государственный архив Литературы и Искусства (РГАЛИ), Министерство культуры СССР, кино, театр, книгоиздательское дело, лакировка, «оттепель», П.К. Пономаренко, Г.Ф. Александров.

441

CULTURAL POLICY OF THE SOVIET UNION IN 1953 – EARLY 1954
(Based on the Documents of Ministry of Culture of the USSR)

М.М. Gershzon

Abstract. The article deals with the documents of the Ministry of culture of the USSR. Now these papers are stored at the Russian State Archive of Literature and Arts. According to the sources there were significant changes in the first year after Stalin almost in all fields of culture (cinema, theatre, music, book printing). In particular, crucial turning point was in the field of cinema. All the projects of biographical movies were closed in the spring of 1953. In the period under review there were cardinal changes in the management of culture – the new public authority – the Ministry of Culture has been created. In the spring of 1954 new people were appointed to the highest positions in the

Ministry. Some sources indicate that during this period there were significant changes in the field of culture and art. The initiator of the changes in cultural policy in this period was the top political leadership of the country.

Keywords: *Russian State Archive of Literature and Arts, Ministry of culture of the USSR, cinema, theatre, book printing, varnishing, the thaw, P. Ponomarenko, G. Aleksandrov.*

Существует точка зрения, что качественные изменения в области культуры и идеологии во время оттепели начались после XX съезда КПСС, то есть с 1956 г. Но XX съезду предшествовали три года, в течение которых снимались фильмы, ставились новые пьесы, проходили концерты, издавались книги, печатались граммпластинки. Попытаемся рассмотреть состояние культурной политики на материалах Министерства культуры СССР за первый год его существования, то есть от весны 1953 г. до весны 1954 г. Документы Министерства позволяют проследить процесс принятия решений в области культуры. Большинство из источников впервые вводится в научный оборот.

Документы Министерства культуры СССР отложились в фонде 2329 Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ) в Москве. Наибольшую важность для изучения деятельности Министерства, в частности его высшего органа управления – коллегии, представляют дела из описи 2 указанного фонда. В фонде 2329, опись 2 (канцелярия Министерства культуры СССР) имеются на хранении протоколы и стенограммы заседания коллегии Министерства культуры, приказы по Министерству, переписка с ЦК КПСС, Президиумом Верховного

Совета и Советом Министров СССР, республиканскими министерствами культуры, указы и постановления вышестоящих органов управления по вопросам культуры. К сожалению, стенограммы заседаний коллегии Министерства культуры СССР за 1953 г. не сохранились, имеются только протоколы. Начиная с 1954 г. имеются стенографические записи всех заседаний коллегии.

Исследование изменений в культуре в указанный период начнем с кинематографии, так как она всегда занимала особое место среди искусств в Советском Союзе, а в последние годы жизни Сталина создание новых кинокартин находилось под его пристальным контролем. Например, план производства фильмов в 1951 г. был просто разгромлен Сталиным в апреле того же года, и работа над производством целого ряда фильмов была приостановлена.

Критика положения дел в сфере кинематографии развернулась практически сразу после смерти Сталина – не прошло еще и месяца – и со стороны руководства и со стороны ведущих деятелей отечественной кинематографии. Свои претензии Министерство государственного контроля СССР изложило в записке «О неудовлетворительной организации подготовки литературных сценариев для производства художественных филь-

мов», составленной в марте 1953 г. Критиковалось бывшее Министерство кинематографии. В частности, приводились слова одного из сценаристов: «Существующая организационная система очень мало способствует выработке у каждой из многочисленных инстанций подлинного чувства ответственности. Создалась обезличка, при которой как у автора, так и у всех участников обсуждений все время присутствует сознание, что сценарий будет еще многократно переделываться, что впереди цепь неожиданных возникающих, зачастую поверхностных, зачастую вкусовых (по большей части обязательных для автора) требований и замечаний» [1, д. 66, лл. 37-38]. В записке констатировался долгий путь прохождения сценариев от написания до утверждения, ситуация, когда на ряде киностудий за последние годы не было выпущено ни одной картины, текучка в руководстве киностудиями.

А 14 апреля на имя Секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева и министра культуры СССР П.К. Пономаренко была направлена записка, которую подписали практически все ведущие кинорежиссеры вне зависимости от направлений, включая М. Чиаурели (автора Сталинианы в кино), актеры С.Ф. Бондарчук и Б.П. Чирков, секретарь партбюро и председатель фабкома «Мосфильма».

Отечественный кинематограф находился в столь глубоком кризисе, что его мэтры, не задумываясь о конкуренции, писали: «Уменьшение за последние годы количества выпускаемых фильмов практически привело к тому, что советская кинематография в значительной степени растеряла свои кадры, не занималась

выращиванием новых кадров, опиралась главным образом на небольшую группу мастеров. Между тем, невозможно считать сколько-нибудь нормальным такое положение, когда из года в год на экранах, как в Советском Союзе, так и за рубежом, демонстрируются старые картины, а выпуск новых кинофильмов ежегодно сокращается» [1, д. 67, лл. 59-60].

«Бесконечное количество редакционных инстанций, имеющих право вмешиваться в творческий процесс писателя, привело к тому, что авторское лицо писателя, по существу говоря, сводится у нуля» [1, д. 67, л. 63]. Авторы письма в числе причин, которые не давали развиваться советскому киноискусству, называли: недостаточное количество творческих и технических кадров; сложную и не оправдавшую себя систему управления производством; устарелость организационно-финансовой системы; отсутствие достаточного количества павильонных площадей; отсутствие современной технической базы на отечественных киностудиях, «в то время как советскими специалистами строятся отлично спроектированные студии в Болгарии, Румынии и Албании, и только студия «Мосфильм» продолжает оставаться на низком техническом уровне» [1, д. 67, л. 66]; отсутствие творческой обстановки в студии и в руководстве бывшего Министерства кинематографии. Это был прямой упрек в адрес Большакова и ряда его заместителей, которые вошли в состав руководства новообразованного Министерства культуры. Но главная причина тяжелого положения, по мнению кинематографистов, это «отсутствие критики и самокритики,

бюрократическое руководство, бремя всего нового, подмену работы общественных творческих организаций кабинетным руководством» [1, д. 67, л. 70]. Относительно организации руководства кинопроизводством сложилась такая ситуация, что «директор студии не может решить ни одного сколько-нибудь принципиального вопроса. У него остались только права получать и давать выговора» [1, д. 67, л. 71].

Для исправления существовавшего положения предлагалось: технически перевооружить киностудии; построить на «Мосфильме» «не менее 6 павильонов»; создать всесоюзную творческую организацию работников кино; создать на киностудиях художественные советы; повысить права и ответственность дирекции киностудий и «избавить их от мелочной опеки» [1, д. 67, л. 74]; передать киностудиям право утверждать актерские пробы (ранее все пробы актеров на полнометражные фильмы утверждались на Коллегии Министерства кинематографии; доходило до того, что дети, пробовавшиеся на те или иные роли, показывали пробы перед министром и его заместителями); пересмотреть заработную плату – особенно низового технического персонала.

16 апреля 1953 г. на коллегии Министерства культуры проходило обсуждение тематического плана на 1954 г., предусматривавшего съемки 40 фильмов. Из них историко-биографических фильмов – 12, экранизация литературных произведений – 2, киноконцерты – 2, фильмы о рабочем классе, колхозном крестьянстве и интеллигенции – всего 12, сатирические и комедийные фильмы – 7, детские и приключенческие филь-

мы – 5 [1, д. 66, л. 71]. Таким образом, в жанровом разнообразии историко-биографические фильмы и киноконцерты (которые собственно художественными фильмами не являлись) преобладали. Их количество от общего числа составляло 35%. Этот вариант плана производства фильмов в жанровом отношении не сильно отличался от плана производства фильмов на 1953 г., составлявшегося во второй половине 1952 г. В дальнейшем первый вариант плана подвергся значительной корректировке. Безусловно, что изменение тематического плана стало возможным благодаря установкам со стороны политического руководства.

Следующей вехой в пересмотре тематического плана стало заседание коллегии – 23-24 апреля 1953 г. На нем были исключены из плана производства фильмы «Александр Невский», «Кутузов и Наполеон», «Штурм Измаила», «Петр I – преобразователь России» [1, д. 67, л. 2]. В начале мая 1953 г. приказом Министра культуры СССР было прекращено производство еще одного фильма на историко-биографическую тему «Иван Грозный», работа над которым вступила в активную фазу – был утвержден литературный сценарий, написан режиссерский, подобрана и утверждена съемочная группа, начался процесс подготовки к съемкам – выбор природы, делались заказы на изготовление реквизита. То есть была прекращена работа над фильмами, на которые делался упор еще буквально полгода назад. Тогда, на заседании коллегии Министерства кинематографии СССР в сентябре 1952 г. министр И.Г. Большаков сказал: «Нужно выделить сценарии,

которые должны быть ударными. Это четыре сценария – «Великий Октябрь», «Кутузов», «Иван Грозный» и «Петр I». Вот эти 4 сценария должны быть ударными. Тут надо очень четко организовать работу, причем сценаристов сразу соединить с режиссерами. Пусть с самого начала сидят и с писателями работают. Это будет серьезный экзамен в отношении этих картин.

Несомненно, что сейчас заложена основа для того, чтобы на этих картинах поднять значительно выше наше искусство. На этом можно сделать большой скачок в развитии нашего советского киноискусства. Правительство этим картинам придает большое значение. Сказано, что – ваша почетная задача сделать очень хорошо цветные картины на эти темы. Эти темы нужно выделить и сделать их ведущими, ударными. Также нужно установить точный срок и за этим сроком следить» [2, д. 3466, л. 342].

Летом 1953 г. Пономаренко обратился к Маленкову с просьбой пересмотреть систему оплаты гонорара сценаристам. В письме косвенным образом подтверждалась непопулярность историко-биографических фильмов на примере валового сбора от фильмов «Александр Попов» и «Жуковский» [1, д. 76, л. 28]. В материалах коллегии Министерства культуры СССР отложилось письмо одного из изобретателей в области кино Р.И. Новицкого от 10 марта 1953 г. на имя Первого Заместителя Председателя Совета Министров СССР Л.П. Берия. В этом письме констатировался факт огромной популярности зарубежных фильмов в начале 1950-х гг., в пору которую в истории кино

принято называть малокартинье. Новицкий писал: «Популярность» иностранных «фильмов видна даже по повсеместно появившейся «прическе» – «Тарзан», воплей ребят под Тарзана, хулиганство и мордобой под Тарзана, распад отдельных семей, т.к. отдельные женщины бросились искать доморощенных «Тарзанов». Это только внешние, бросающиеся в глаза формы идеологической отравы, действительное отравляющее действие и шире и глубже» [1, д. 68, л. 248]. Большинство отечественных кинокартин, выпускавшихся в начале 1950-х гг., утратило одну из главных функций кино – развлекательность. Зритель предпочитал зарубежное кино, в частности, того же «Тарзана». В течение 1952 г. на экраны вышли четыре серии этого фильма. Руководство Министерство кинематографии признавало, что «Тарзан» очень помог выполнить годовой план по сборам. Без него план был бы сорван.

В июне 1953 г. дополнительно в план производства фильмов на 1953 г. были включены 8 фильмов. Среди них – ни одного фильма на историко-биографическую тему. В одном из указанных 8 фильмов, «На плоту» (один из авторов сценария – А. Галич, режиссер – М. Калатозов): «сюжет строится на остром конфликте между бюрократившимся архитектором Нестратовым и деятельными людьми, живущими полнокровной жизнью вместе со всей страной, – ученым животноводом Лапиным и хирургом Чижовым» [1, д. 68, л. 248]. На экраны фильм вышел под названием «Верные друзья».

К концу мая 1953 г. тематический план производства фильмов на 1954 г. был в значительной мере перерабо-

тан [1, д. 69, л. 11]. Из него практически полностью были исключены историко-биографические фильмы, фильмы-концерты (такие как, например, «Концерт мастеров искусств») и фильмы-спектакли. Предполагалась постановка картин в основном на современные темы, возрождался жанр комедии, приключенческого фильма, картин для детей и о молодежи. Новое в плане – создание фильмов на армейскую тему. Всего в 1954 г. планировалось создать 47 кинокартин (было также 9 резервных сценария). Этот план предусматривал «полную загрузку киностудий и включает национальные темы всех союзных республик, кроме Киргизской и Таджикской, которые до настоящего времени не представили своих заявок» [1, д. 69, л. 10]. То есть тенденция в плане производства фильмов была пересмотрена абсолютно. И в плане жанровом, и в плане количества. В начале 1950-х гг. особое внимание уделялась съемкам историко-биографических фильмов. О том, как акценты расставлялись раньше, очень характерно иллюстрирует история с названием кинокартины Г.В. Александрова. На протяжении нескольких лет он работал над созданием фильма «Славься, народ!», который вышел в прокат с названием «Композитор Глинка». Кстати, это был второй полнометражный художественный фильм о М.И. Глинке, созданный в течение шести лет. Один из сотрудников Министерства культуры вспоминал, что известный режиссер М. Чиатурели, выступая на одном из собраний в Министерстве кинематографии в начале 1950-х гг., «призывал к тому, чтобы делать фильмы только о выдающихся личностях. Зачем нам фильмы о доярках. Так он говорил».

Главное место в тематическом плане на 1954 г. было уделено созданию фильмов о современниках, рядовых людях. Среди подобных картин «Большая семья» И. Хейфица, которую иногда называют «киноэпопеей сталинского периода». В действительности, решение о создании фильма было принято еще в 1952 г., но съемки переносились. Только длительностью киносъёмочного процесса можно объяснить то, что фильм, снятый в стилистике, характерной для периода «малокартинья», был поставлен после смерти Сталина.

Особое место в плане было уделено жанру комедии, который в начале 50-х гг. фактически исчез с экрана. Последняя популярная комедия была снята режиссером И.А. Пырьевым в 1950 г., это «Кубанские казаки».

Среди намечаемых к постановке – комедия «Пять леопардов», которая вышла в прокат под названием «Укротительница тигров». В либретто фильма, представленном в сентябре 1953 г., говорилось, что картина будет о мужестве, находчивости и изобретательности мастеров циркового искусства. Примечательно, что изначальный сюжет сильно отличался от того, что было снято в итоге. Согласно либретто – Илья Ковригин, заведующий тиром одного из волжских городов, решает связать свою судьбу с цирком и становится артистом манежа – сверхметким стрелком. Ассистенткой в цирковом номере Ковригина выступает молодая девушка – Ольга, до этого работавшая помощницей укротителя леопардов. Укротитель леопардов кичливый и зазнавшийся человек – срывает цирковую программу, и за это

его увольняют из цирка. Нужен новый укротитель, но никто не рискует приступить к опасному делу, за него берется Ковригин.

После предварительной дрессировки назначена первая репетиция, но леопарды, не привыкшие к Ковригину, выходят из повиновения, а сам укротитель, получив ранение, попадает в больницу. Тогда укрощением леопардов решает заняться Ольга, девушка смелая и настойчивая. Оказывается, что леопарды уже привыкли к Ольге еще тогда, когда она убирала клетки и кормила их. Длительная и упорная тренировка завершается победой Ольги на арене цирка.

В фильме будет много забавных и веселых представлений на арене цирка и целый ряд комедийных ситуаций, связанных с жизнью цирковых артистов» [1, д. 82, л. 102]. Планировалась, но не была осуществлена съемка комедии «Секрет успеха» (авторы сценария Г. Александров, М. Вольпин, Н. Эрдман, режиссер Г. Александров). По сюжету это кинокомедия, высмеивающая перестраховщиков, бюрократов, карьеристов.

Герой фильма – молодой писатель – сначала успешно борется за новое революционное советское искусство. Но, добившись личных успехов, успокаивается на достигнутом, теряет связь с народом и, озабоченный собственным благополучием перестает быть принципиальным и смелым. Его произведения не имеют успеха; он терпит провал за провалом и в конце концов оказывается среди тех людей, с которыми он прежде боролся» [1, д. 69, л. 11].

Среди новых направлений в плане была также «сатирическая киноко-

медия» «Не называя имен», в которой, согласно либретто, должен быть остро поставлен вопрос о воспитании детей, которым общественное положение родителей еще не должно давать право на привилегированные условия в учебе и труде» [1, д. 69, л. 20]. На белорусской киностудии планировалось поставить фильм «Кто смеется последний» по мотивам одноименной сатирической комедии К. Крапивы. Тема фильма – борьба честных советских ученых с лжеучеными, пробравшимися с преступными целями на руководящие посты...» [1, д. 69, л. 21]. В резерве плана были весьма интересные сюжеты: «Похождения Пыляева», (автор К. Финн) – «сатирическая комедия, разоблачающая и высмеивающая карьеризм, равнодушие к порученному делу, подхалимство и пренебрежительное отношение к молодым кадрам» [1, д. 69, л. 28], «Непутевый», (автор Г. Мдивани) «комедийный фильм о воспитании и закалке характера молодого человека, находящегося в рядах Советской армии». В прокат он вышел под названием «Солдат Иван Бровкин». В плане постановки на Алма-Атинской киностудии стоял фильм Ш. Хусаинова и В. Абызова «Девушка-джигит» – музыкальная комедия «из жизни колхозной молодежи Казахстана». Согласно сюжету, в фильме «разоблачаются и высмеиваются бюрократы и подхалимы... мешающие молодым людям, героям фильма в их работе, отдыхе и личной жизни» [1, д. 69, л. 29].

Особого внимания заслуживает либретто представленного в плане фильма «Хевская невеста», (автор сценария Р. Джапаридзе), который был впоследствии, осенью 1953 г., исключен из плана Министерством

культуры СССР [1, д. 82, л. 141]. В варианте плана, представленном на коллегии 16 апреля, либретто звучало следующим образом: «Фильм по мотивам одноименной повести Р. Джапаридзе о борьбе колхозников за высокие урожаи и укрепление Устава сельскохозяйственной артели» [1, д. 66, л. 88], в качестве режиссера был указан Н. Туманов; в плане, представленном на коллегии 26 мая, режиссером обозначен А. Таблиашвили. Либретто фильма, представленное осенью 1953 г., было более развернутым и существенно отличалось от того, что было представлено в марте. В нем очень ярко прослеживались новый и можно сказать революционный для кино 1950-х гг. мотив несправедливо обвиненного человека, притесняемого представителем власти. Действие фильма происходит в западной Грузии. По распоряжению председателя колхоза Самсона Брегвадзе у одного из рядовых колхозников Палавандишвили отбирается виноградник, находящийся в пределах приусадебного участка. Тяжело переживая незаконное решение, он перестает работать на колхозных виноградниках. Из города в колхоз приезжает его дочь – Иринэ, которая занимается выведением нового сорта винограда «Хевская невеста». Исполком отменяет решение Брегвадзе, Сардиону возвращают его участок, куда Иринэ вынуждена перенести свои опыты. Брегвадзе продолжает преследовать Сардиона и его дочь и втягивает в эту борьбу некоторых отсталых колхозников. В это время происходит несчастье – Иринэ, сжигая сорняки на своем участке, не сумела справиться с огнем и пламя переброси-

лось на соседние участки. Этим случаем воспользовался Брегвадзе. Он обвиняет Иринэ в умышленном поджоге. Но в ее защиту встает «вся колхозная молодежь. Устанавливается невиновность Иринэ. Опыты завершены. Новый сорт винограда дает прекрасный урожай [1, д. 82, л. 205].

Намечалось, что В.И. Пудовкин поставит фильм «Мать» по сценарию М. Смирновой [1, д. 69, л. 14]. Реализации помешала смерть режиссера летом 1953 г.

16 сентября 1953 г. было принято решение о включении в план производства 14 художественных фильмов, на которые имелись готовые одобренные сценарии. Среди этих картин – «Строгие люди» (автор сценария – В. Ажаев, режиссер – А. Столпер); «фильм задуман как современная психологическая драма, в которой сталкиваются настоящие советские люди с людьми фальшивыми, ущербными, занимающими в жизни неправильную позицию» [1, д. 82, л. 193]; «Баня» (режиссер С. Юткевич), – представлявшая «экранизацию одноименной сатирической пьесы В. Маяковского, остро разоблачающей невежество, бюрократизм, мещанство» [1, д. 82, л. 198]; комедия «Веселые звезды» (авторы сценария Е. Помещиков и В. Типот, режиссер В. Строева). Она была задумана как история о том, что молодые и талантливые артисты Тарапулька и Штепсель едут в Москву на конкурс эстрадных исполнителей. По пути у них происходят интересные встречи – деревенская свадьба, а также встречи с мастерами: Смирновым-Сокольским, Мировым и Новицким, Сергеем Образцовым, Риной Зеленой, Мироновой и Менакером, Утевым, Шульженко и другими. Сня-

тый относительно в короткие сроки (к весне 1954 г.) фильм подвергся серьезной критике со стороны руководства Министерства культуры СССР за эпизод «Колхозная свадьба». Этот эпизод был признан неудачным: «отступив от жизненной правды, режиссер допустил фальшь. Пышный свадебный кортеж, показанный в фильме, мало похож на обычную колхозную свадьбу» [1, д. 211, л. 53]. Было предложено полностью исключить кадры со свадьбой (автомашины, мотоциклы, лошади и т.д.) [1, д. 211, л. 55]. Причем инициатором критики этого сюжета стал министр культуры Г.Ф. Александров: «в данном случае свадьба, очень торжественное событие в жизни людей, дана эта свадьба тут очень пышно, съезжаются все на разных видах транспорта, целая кавалькада останавливается перед поездом. Это не выражает той суровой правды о деревне нашей, о которой так много в последнее время наша общественность знает и говорит» [1, д. 211, л. 55].

О наличии противоречивых тенденций в культурной политике в первый год после смерти Сталина свидетельствует критика этого фильма не только за «лакировку», но и за то, что в нем «излишне назойливо варьируется» тема бюрократизма [1, д. 211, л. 54]. За это же критиковался Главным управлением кинематографии литературный сценарий В. Катаева «Безумный день, или приключения Зайцева». Он был создан на основе пьесы «День отдыха». Главный упрек – в сценарии «все без исключения герои комедии, от швейцара дома отдыха до профессора... представлены автором однообразными, оглупленными людьми, попада-

ющими в нелепое и смешное положение из-за своей глупости или глуповатой наивности» [1, д. 229, л. 102]. Художественным руководителем постановки был И.А. Пырьев, в качестве режиссера был выбран Рыбаков. Картина была закончена в 1956 г. под названием «Безумный день», режиссером стал А. Тутышкин.

В октябре 1953 г. был представлен план подготовки сценариев художественных фильмов. Проект плана включал 124 темы, из которых 48 тем на современную тему (о жизни рабочих, крестьян и интеллигенции), 6 сценариев – о советской армии, 28 – комедий и музыкальных фильмов, 17 – спортивных и приключенческих фильмов, 11 – детских и юношеских фильмов, 8 – экранизация литературных произведений и только 6 – сценарии историко-революционных, исторических и биографических фильмов [1, д. 85, л. 29]. Было решено дополнительно включить в план подготовки сценариев «Два капитана» – этот сюжет уже был в плане производства фильмов на 1951 г., но исключен по решению Совета Министров. По замыслу инициаторов в сценарии должна была быть показана руководящая роль коммунистической партии и В.И. Ленина (при этом фамилия Сталина не была указана) [1, д. 85, л. 189].

Изменения в культурной политике иллюстрирует частный, но очень показательный случай с известным актером, прославившимся исполнением роли Сталина, – М. Геловани. Проблемы с его творческой занятостью возникли не позднее лета 1953 г. Ему не давали ролей в кино и не принимали в театр киноактера. В июне 1953 г. Геловани принял первый за-

меститель министра культуры (бывший Министр кинематографии СССР) И.Г. Большаков, который обещал Геловани посодействовать в вопросе его трудоустройства. Но фактически ничем не помог или был не в состоянии помочь. 13 августа 1953 г. Геловани получил письмо за подписью одного из руководителей Главного управления Кинематографии В. Сурина, в котором сообщалось, что труппа «театра-студии укмплектована» [1, д. 87, л. 160]. После этого ответа переговорить лично с Большаковым у Геловани не получалось. Художественный совет театра-студии киноактера не брал его в штат, потому что «в репертуаре театра нет ни одной подходящей роли, в которой можно было бы занять т. Геловани, равно, как и в запускаемых фильмах» [1, д. 87, л. 159]. Эта фраза из письма заместителя начальника Главного Управления кинематографии В.Ф. Рязанова косвенным образом свидетельствовала о том, что фильмы, где одним из главных героев был бы Сталин, ставить ни в 1953 г., ни в ближайшем обозримом будущем не планировалось. Руководство этого управления предлагало направить Геловани для работы в одном из театров, подчиненном театральному управлению. Тогда 22 сентября 1953 г. М. Геловани написал письмо на имя министра культуры СССР П.К. Пономаренко. Геловани сетовал, что иных ролей, кроме роли Сталина, ему не давали на протяжении последних 17 лет, «причем руководители по линии кино неизменно мотивировали это обстоятельство соображениями о том, чтобы» он не выключался из образа Сталина [1, д. 87, л. 160]. Не прошло и трех месяцев с момента

смерти Сталина, а актер, игра которого до сих пор считалась одним из эталонов, вынужден был выпрашивать работу и, по сути, попал в унижительное положение. Геловани отмечал, что мог бы претендовать на пенсию по выслуге лет, но «здоров физически и творчески потенциален». Он просил «дать возможность работать», если не в качестве актера, то режиссером [1, д. 87, л. 161]. У него действительно был опыт постановок фильмов. Ситуация с Геловани рассматривалась на заседании коллегии Министерства культуры 11 ноября 1953 г. Было принято решение о его приеме в штат театра-студии Киноактера. Но до своей смерти в 1956 г. он ни разу не был приглашен в кино. При том, что после войны при гораздо меньшем объеме производства фильмов картины с участием М. Геловани выходили на экран в среднем с частотой раз в год.

Не менее показательна в этом смысле история с кинофильмом «Дзержинский» (режиссер М. Калатозов – самый известный его фильм – «Летят журавли»), производство которого было закончено в 1952 г. [2, д. 3641, л. 17]. В нем роль Сталина сыграл М. Геловани. Фильм был принят Министерством кинематографии с небольшими замечаниями в январе 1953 г., но на экраны он вышел только в 1956 г. и с переделками. Из картины были полностью исключены сцены со Сталиным.

В декабре 1953 г. Министерство культуры СССР рассматривало вопрос «О состоянии фильмофонда в конторах кинопроката». Был подготовлен проект приказа Министра о повторной печати фильмов, выпущенных в прошлые годы, пользуясь

щихся популярностью у зрителей. В списке фильмов полностью отсутствовали фильмы, в которых среди главных героев был Сталин. При том, что спрос был на фильмы, выпущенные относительно недавно, после войны. Например, планировалась печать фильмов «Весна» и «Сельская учительница», «Молодая гвардия» и «Сказание о земле Сибирской», вышедших в 1947 г., а также фильма «Молодая гвардия», вышедшего в 1948 г. [1, д. 208, л. 18].

2 декабря 1953 г. было принято решение коллегии о проведении реконструкции технической базы киностудии им. М. Горького [1, д. 91, л. 14].

Сменивший П.К. Пономаренко на посту министра культуры СССР Г.Ф. Александров весной 1954 г. заявил: «суть дела в том, что некоторое время назад существовала точка зрения, что и в нашей стране должно выпускаться 10 фильмов в год. Потом опровержена была эта точка зрения и стало постепенно больше фильмов выпускаться... Что получилось из того, что мы выпускали 10 фильмов? Заглохла драматургия кинематографическая. Это положение ненормальное. Я предварительно имел разговор с товарищами Маленковым и Хрущевым на эту тему. Они оба считают, что пора кончать с таким положением в кинематографии, когда мы не используем имеющиеся возможности для создания большого количества кинофильмов» [1, д. 229, л. 54].

В апреле 1954 г. Министерство культуры обратилось в Правительство с предложением о расширении прав Министерства в области производства и выпуска кинофильмов. В частности, предлагалось разрешить Министерству запускать в про-

изводство кинофильмы в соответствии с тематическими планами, которые ранее были им же утверждены. Ранее тематические планы разрабатывались в Министерстве и утверждались по постановлению Совета Министров СССР. Тогда же предлагалось разрешить Министерству выпускать на экран законченные производством фильмы [1, д. 210, л. 3]. С момента создания Министерства культуры установился порядок запуска сценария в производство, при котором окончательный вердикт о начале съемок должен был выносить аппарат ЦК КПСС. Иногда получалось так, что министр культуры Пономаренко (еще и кандидат в члены Президиума ЦК КПСС, то есть один из его руководителей) считал, что сценарий можно выпустить, а сотрудники аппарата не разрешали. И.Г. Большаков, говорил, что Министерство иногда становилось на путь обхода аппарата ЦК. Он же призывал «стремиться к тому, чтобы было поменьше инстанций. Организовать дело надо так, что сценарий должен принимать Художественный совет самой студии, затем следующая инстанция – Министр, а Главное управление должно давать свое заключение. Сценарии должна коллегия утверждать» [1, д. 229, л. 60]. Министр Александров шел еще дальше. Он считал, что коллегия Министерства должна рассматривать только тематический план. В бытность Большакова министром кинематографии, то есть до смерти Сталина, запуск сценария в производство происходил исключительно по Постановлению Совета Министров СССР. Сам сценарий до утверждения проходил множество инстанций, среди которых

руководство киностудии, главное управление по производству фильмов, руководство Министерства кинематографии.

Примерно через год после создания Министерства культуры было положено начало «реабилитации» ранее выпущенных фильмов. Первой стала картина Ю. Райзмана «Поезд идет на Восток». Это был первый, единственный и, как признавал сам режиссер, неудачный опыт его работы в жанре комедии. Г.Ф. Александров посмотрел этот фильм весной 1954 г. и заявил на коллегии: Этот фильм неправильно был оценен нашей печатью как фильм безыдейный. Если вы сейчас вновь его посмотрите, то скажите, что оценка несправедливая. Люди там хорошие, советские, благородные, в моральном отношении также хорошие. Природа показана хорошо. Люди делают хорошее дело, проявляют себя, как советские люди. Поэтому вот предварительно потолковали, что надо будет его еще раз на экраны выпустить и может быть в печати поправить оценку этого фильма. Это информация о том положении, что надо фильмы оценивать по объективным критериям. У людей разные художественные вкусы, нельзя положиться в оценке фильма на вкусы отдельных товарищей. Когда подходили объективно к оценке этого фильма, там ничего плохого нет. Мы доложим Правительству. Мы решений принимать никаких не будем, просто для сведения товарищей» [1, д. 229, л. 67]. Помимо прочего, в этом выступлении Александрова содержится откровенная критика того, что раньше оценки фильмов не всегда были объективными, и завуалированная критика того,

что решение об оценке принималось очень часто одним человеком.

Заканчивая тему изменений в культурной политике в первый год после марта 1953 г., нельзя не упомянуть и о коренном изменении в подходе к его развитию. В начале 1950-х гг. преобладала точка зрения, что один фильм может идти в прокате несколько лет, и зритель может смотреть в кинотеатре один фильм несколько раз. Так, Министр кинематографии утверждал в начале 1950 г.: «вот «Кубанские казаки» можно 10 раз смотреть. «Падение Берлина» я смотрел 10 раз и еще много раз буду смотреть и всегда находить новые детали, ракурсы, которых я первые два раза не видел... настоящее произведение можно смотреть 20 раз» [2, д. 2755, л. 113]. А в начале 1954 г., один из руководителей Министерства при обсуждении вопроса о телевидении выступил за создание второй программы, потому что: «мы даем пьесу по телевизору. Человек ее смотрел и не хочет ее смотреть. Мы могли бы дать в это же время кинокартину. Это не так сложно, если давать одновременно две программы. Приемники же делают на три программ» [1, д. 228, л. 180]. Это высказывание свидетельствует о совершенно ином подходе к удовлетворению зрительских запросов.

В первые месяцы после создания Министерства культуры в сфере театрального искусства, в отличие от сферы кино, значительных изменений не происходило. 25 июня 1953 г. Министерством было принято решение «временно воздержаться» от постановки пьесы О.М. Мальцева «Югославская трагедия» [1, д. 71, л. 5]. Но это было скорее естественной ре-

акций на смену курса политического руководства страны по нормализации отношений с Югославией.

В июле 1953 г. был поднят вопрос о комедии С.В. Михалкова «Раки». В основу комедии был положен «фельетон о ротозеях и обманувшем их авантюристе», опубликованный в журнале «Крокодил» и перепечатанный газетой «Правда» [1, д. 76, л. 195]. В композиционном отношении пьеса «Раки» во многом напоминала сюжетную схему «Ревизора». Заместитель начальника Главного управления искусств М.И. Чулаки считал, что действительность получила одностороннюю характеристику, но, тем не менее, ее можно было оставить в репертуаре (пьеса шла в 15 театрах), не рекомендуя ее для широкого распространения.

В 1954 г. неоднократно поднимались вопросы о состоянии театров. Тема расширения прав директоров театров была поднята на заседании коллегии Министерства культуры СССР 18 февраля 1954 г. По существовавшему положению директора театров не имели права самостоятельного выбора той или иной пьесы, «заклучения договоров с авторами на создание новых произведений, выпуска подготовленных премьер, а также определения количества, сроков подготовки и размеров затрат на новые постановки» [1, д. 209, л. 3]. Театры, «в погоне за выполнением плана, тащат на сцену слабые пьесы. Планы нужно выполнять, потому что планы-то по количеству» [1, д. 228, л. 173], – отмечал первый заместитель министра С.В. Кафтанов. Министерство культуры предлагало значительно расширить права директоров театров. Сам факт обсужде-

ния этой темы свидетельствовал о желании изменить существующее состояние дел. Один из членов Коллегии сообщил, что «эти предложения требуют некоторого изменения ранее имевшихся приказов и постановлений Совета Министров СССР от 1948 и 1949 гг. В частности, мы просим Коллегию поставить вопрос об изменении постановления 1948 г., где было записано, как недостаток, что Комитет по делам искусств не утверждает смет, а также пункт 2 постановления Совета Министров от 1949 г., где установлено количество постановок» [1, д. 228, л. 155]. Руководители крупнейших театров участвовали в обсуждении и поддерживали изменения существовавшей системы. В частности, известная актриса А.К. Тарасова, которая в ту пору была директором МХАТа, сказала: «Эти предложения накладывают большую ответственность на театр. Все театры ждут решения этих вопросов. Ответственность большая, но она и должна быть» [1, д. 228, л. 159]. Ей вторил директор Малого театра М.И. Царев, говоря о том, что сейчас у руководства театров «связаны руки» [1, д. 228, л. 160]. С.В. Кафтанов отмечал, что «постановление, которое намечается, ведет, главным образом, к тому, чтобы наши театры ставили лучшие пьесы, чтобы повышали художественный уровень пьес и развязывали творческую инициативу» [1, д. 228, л. 174].

Тему расширения прав директоров театров обсуждали и на коллегии 17 апреля 1954 г. Приказа или постановления не было принято, было решено привлечь к обсуждению директоров и главных режиссеров театров г. Москвы [1, д. 211,

л. 58]. Ставился также и вопрос «об упрощении системы прохождения пьес» [1, д. 209, л. 7].

Во втором номере журнала «Театр» за 1954 г. была опубликована пьеса Л. Зорина «Гости», ставшая одним из знаковых литературных произведений периода оттепели. Управление театров и музыкальных учреждений Министерства культуры СССР и его репертуарно-редакторских отдел разрешили эту пьесу к постановке в театрах страны. В частности, она шла некоторое время в московском театре имени Ермоловой, до тех пор, пока на нее не обратило внимание руководство Министерством и решением коллегии ее постановка была запрещена. Героиня пьесы является «фальшивый человек, карьерист и негодяй, являющийся ответственным работником Министерства юстиции СССР» [1, д. 213, л. 37]. Фабула пьесы состояла, по мнению руководства Министерства культуры, в том, что «сама ответственная работа и материальная обеспеченность привели главного героя к социальному перерождению и нравственному падению, и, якобы, порождают новый высший свет и буржуазию» [1, д. 213, л. 37]. В пьесе, по их мнению, говорится о том, что для ответственных работников любой рядовой гражданин – лишь «песчинка, один из тысячи просителей» [1, д. 213, л. 52]. Ответственность за выход пьесы лежала, по мнению руководства Министерства культуры, не только на управлении театров и музыкальных учреждений, но и на руководстве Союза писателей, потому что такие известные и авторитетные авторы, как К.М. Симонов, Б.А. Лавренев, дали пьесе положи-

тельную оценку и отнесли ее к числу достижений советской драматургии» [1, д. 213, л. 53]. Как считали в Министерстве культуры, главный порок пьесы состоял в том, что Л. Зорин, «пользуясь ремесленными приемами», неправильно изобразил работников аппарата «как некую касту, пренебрегающую интересами простых людей и противостоящую советскому народу» [1, д. 214, л. 3].

Вместе с пьесой «Гости» были подвергнуты критике и запрещены к постановке разрешенные ранее пьесы «Наследный принц» А. Мариенгофа и «Деятель» И. Городецкого [1, д. 229, л. 39].

23–24 апреля 1953 г. на коллегии рассмотрен вопрос «О проектировании и сооружении памятников». При рассмотрении этого вопроса был представлен пятилетний план сооружения памятников (на 1953–1957 гг.). В этом плане предусматривалось создание памятников Ленину, но не было ни одного памятника Сталину [1, д. 67, лл. 87-90].

2 ноября план сооружения памятников повторно рассматривался на Коллегии. Было выдвинуто предложение, что только памятники В.И. Ленину и И.В. Сталину утверждаются на Коллегии Министерства культуры СССР, а все остальные принимаются по решению Главного Управления по делам искусств [1, д. 86, л. 139]. В плане среди прочих памятников предусматривалось: в 1953 г. установка двух памятников В. И. Ленину, в 1954 г. – трех памятников, в 1955 г. – двух, в 1956 г. – одного и в 1957 г. – двух памятников [1, д. 86, лл. 140-143]. При этом, что на протяжении этих пяти лет не планировалось создание ни одного памятника Сталину.

В июле 1953 года П.К. Пономаренко в письме на имя Г.М. Маленкова просил помощи в выделении в Москве здания для проведения выставок, потому что сейчас выставки проводятся в здании Третьяковской галереи, а также о выделении в Москве, Ленинграде и столицах союзных республик мастерских для художников [1, д. 76, л. 11].

К вопросу о строительстве помещения для художественных выставок в Москве вернулись 2 декабря 1953 г., приняв решение «более убедительно мотивировать постановку этого вопроса» [1, д. 91, л. 3] перед Советом Министров СССР. Но это помещение так и не построили, а под выставочный зал отдали Манеж.

Новые веяния затронули и сферу музыкального искусства. 21 января 1954 г., при обсуждении планировавшегося в Большом театре концерта, посвященного памяти В.И. Ленина, развернулась дискуссия о произведениях Д.Д. Шостаковича. Министр культуры П.К. Пономаренко сказал: «у нас Шостакович – музыкант с мировым именем. А относятся к нему неправильно. Его 10-я симфония как будто не существует. У него есть „Леди Макбет Мценского уезда“ – ее осудили, но рассказывают, что в ней есть потрясающие вещи. Может быть, их взять оттуда отрывками» [1, д. 228, л. 121]. По сути, Пономаренко своим предложением положил начало пересмотру положений печально известной статьи в «Правде» от 28 января 1936 г. «Сумбур вместе музыки». Более того, он взял Шостаковича под защиту от критики руководства Союза композиторов: «Хренников додумался до того, что когда сказали, но ведь людям нравится, а он

ответил, вот и страшно, что нравится. Надо музыку Шостаковича больше и смелее пускать» [1, д. 228, л. 121]. Тему подхватили другие функционеры. А первый заместитель министра культуры С.В. Кафтанов предложил «шире пускать» не только Шостаковича, но и Прокофьева.

В книгоиздательском деле также наметились новые тенденции.

При рассмотрении планов издательств «Искусство» и «Изогиза» на 1954 г. критике со стороны руководства Министерства культуры было подвергнуто то, что в некоторых брошюрах и монографиях содержалась «исключительная биографичность, часто носящая характер чрезмерного самовосхваления и восхваления, тогда как в этих книгах наиболее ценной частью должно быть изложение опыта творческой деятельности» [1, д. 89, л. 6].

Произведения Сталина продолжали распространяться, и он по-прежнему считался классиком марксизма. Но и в этот вопрос были внесены определенные коррективы. Так, в списке книг, подлежащих изданию специально для библиотек, подготовленном в конце 1953 г., предусматривалось издание собрания сочинений Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина одинаковым тиражом – по 150 000 экземпляров каждого. Но краткий очерк жизни и деятельности Ленина был запланирован тиражом в 200 000, а краткая биография Сталина тиражом на 50 000 меньше [1, д. 92, л. 122].

30 декабря 1953 г. был рассмотрен тематический план переиздания художественной литературы на русском языке в 1954 г. Некоторые моменты плана содержали в себе, по

сути, революционные изменения. Так, впервые после многих лет на государственном уровне был поднят вопрос о литературном наследии С. Есенина «имея в виду, что должно быть осуществлено наиболее полное издание произведений поэта, приемлемых для выпуска в печати» [1, д. 94, л. 7]. Заметим, что в предшествующие годы творчество Есенина как минимум замалчивалось, а его произведения не издавались. Планировалось также включение «в план редакционно-подготовительных работ на 1954 год издания избранных сочинений А. Дюма (отца), увеличение тиража произведений И.С. Тургенева и В. Гюго, «имея в виду многочисленные просьбы читателей» [1, д. 94, л. 6]. В то же время было предложено уменьшить тираж и объем издаваемых сочинений А.И. Герцена, потому что они могут «представлять интерес только для узкого круга читателей».

По поручению коллегии был рассмотрен вопрос об улучшении дела ознакомления советских читателей с литературой стран народной демократии [1, д. 83, л. 14].

При рассмотрении плана издательства «Иностранная литература» на 1954 г. отмечалось, что оно крайне мало выпускает и намечает к выпуску произведения «прогрессивных писателей капиталистических стран» (Англии, Италии, стран Латинской Америки, Японии, Индии), особенно неблагоприятно обстояло дело с изданием «прогрессивных писателей скандинавских стран – только одна книга датского писателя, совершенно не издавались произведения писателей из арабских стран [1, д. 89, л. 6].

В глубоком кризисе находилась сфера производства и распространения грампластинок. В то время (при отсутствии магнитофонов в широком пользовании) пластинка была единственным источником повторного воспроизведения записей в домашних условиях. 2 октября 1953 г. коллегия Министерства рассмотрела вопрос об увеличении выпуска и улучшении репертуара грампластинок. Инициатива постановки этого вопроса исходила от Правительства. Было высказано суждение, что «надо больше производить таких пластинок, которые пользуются большим спросом у населения» [1, д. 228, л. 188]. Потому что, если во многих магазинах пластинки лежат и не продаются, это говорит о том, что на такой репертуар не имеется спроса. В записке Министерства культуры на имя Г.М. Маленкова и Н.С. Хрущева указывалось, что в «1939 г. были распроданы все выпущенные пластинки, тогда как в 1952 г. оказалось непроданными 16 миллионов пластинок, и в то же время население предъявляло большой спрос на пластинки, которые не выпускались» [1, д. 85, л. 175]. При том, что в 1939 г. было произведено 66 миллионов пластинок, а в 1952 г. – только 51,2 миллиона. Пластинки не продавались потому, что записывалась только серьезная музыка, практически полностью игнорировалась оперетта, эстрада и танцевальная музыка. Так, в 1952 г. было записано 857 новых наименований пластинок, из них только 8 наименований легкой музыки, в то время как 70% заявок торговой сети составляли пластинки с современной эстрадной музыкой. Были сняты с производства почти

все пластинки с записями популярных артистов Л. Утесова, К. Шульженко, Л. Черной, М. Бернеса и других. Министерство культуры предлагало увеличить выпуск грампластинок в 1954 г. до 70 миллионов, а в 1955 г. до 100 миллионов, построить в течение двух лет новый завод грампластинок, мощностью не менее 50 миллионов штук в год, «возобновить производство грампластинок с записями песен и музыкальных произведений, полюбившихся народу и по тем или иным причинам снятых с производства» [1, д. 85, л. 177].

Наконец, при рассмотрении культурной политики немаловажным является вопрос о руководстве высших государственных органов управления культурой. 15 марта 1953 г. были упразднены все ранее существовавшие государственные органы управления культурой. Их полномочия были переданы вновь созданному Министерству культуры СССР. Во главе Министерства был поставлен П.К. Пономаренко, до этого занимавший Секретаря ЦК КПСС, а несколько ранее – министра заготовок СССР. По роду деятельности ранее он в определенной степени занимался вопросами идеологии и культуры (будучи, например, Первым секретарем ЦК Компартии Белоруссии). Но непосредственно сферой культуры никогда ранее не руководил. Все бывшие государственные органы управления культуры были объединены под эгидой Министерства, а их руководители вошли в состав его руководства в качестве заместителей министра. А, например, бывшие заместители министра кинематографии СССР стали начальниками или заместителями начальников управлений Министер-

ства. То есть можно утверждать, что после марта 1953 г. в руководстве продолжали (за исключением самого министра Пономаренко) оставаться те же люди.

В феврале 1954 г. произошло первое значительное изменение. П.К. Пономаренко был избран Первым секретарем ЦК Компартии Казахстана и отбыл из Москвы. Примерно на протяжении месяца подбирали нового министра. В это время текущими делами и заседаниями коллегии руководил С.В. Кафтанов, один из первых заместителей министров культуры СССР (в прошлом – министр высшего образования СССР). В марте 1954 г. был подобран и назначен новый министр культуры – Г.Ф. Александров (академик, философ, в прошлом один из руководителей Отдела ЦК ВКП(б)). Но серьезная встряска в руководстве Министерства состоялась несколько позднее – в апреле 1954 г. Тогда с должностей заместителей министра были сняты Н.Н. Беспалов (руководившей до марта 1953 г. Комитетом по делам искусств). Бывший министр кинематографии, а ныне первый заместитель министра культуры Большаков на некоторое время оказался в странном положении – пост свой он сохранил, но членом Коллегии быть перестал (хотя по должности должен был входить в ее состав) и принимал участие в ее заседаниях вплоть до середины мая 1954 г. Бывший до марта 1953 г. первым заместителем Большакова – В.Ф. Рязанов был перемещен из Главного управления кинематографии Министерства культуры СССР в Главное управление кадров (при этом он остался членом коллегии, но влияние на решение вопро-

сов, связанных с кино, практически полностью потерял). На должности заместителей министра были назначены новые люди. В том числе единственный и первый в Министерстве творческий сотрудник – режиссер Н.П. Охлопков. Начальником Главного управления кинематографии был назначен В.С. Кузаков, а Главным Управления театров и музыкальных учреждений А.В. Солодовников. Таким образом, реальное обновление в руководстве культуры состоялось не весной 1953, а годом спустя. Тогда в высшие органы руководства Министерства пришли новые люди.

Таким образом, кардинальные изменения в культурной и идеологической политике начались весной 1953 г., через месяц после ухода Сталина. В каких-то сферах и вопросах можно эти изменения можно назвать революционными. Они происходили во всех сферах и отраслях культуры по инициативе высшего политического руководства, руководства Министерства культуры. Подтачивание основ культурной политики, проводившейся в начале 1950-х гг. в тех сферах, которые не

были затронуты радикальными изменениями, также проходило уже на протяжении первого года после смерти Сталина. Изменения были непоследовательны. В первый год оттепели это происходило отчасти потому, что не было четкого плана преобразований, отчасти потому, что не было единого центра их разработки в условиях «коллективного руководства» Н.С. Хрущева и Г.М. Маленкова. Та работа, которая проводилась в 1953 и последующих годах, подготовила почву для решений, принятых на XX съезде.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. РГАЛИ (Российский государственный архив литературы и искусства). Ф. 2329. Оп. 2.
2. РГАЛИ (Российский государственный архив литературы и искусства). Ф. 2456. Оп. 1.

REFERENCES

1. RGALI (Rossijskij gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstva), F. 2456, Op. 1. (in Russian)
2. RGALI (Rossijskij gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstva), F. 2329, Op. 2. (in Russian)

Гершзон Михаил Михайлович, аспирант, исторический факультет, Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), mgershzon@yandex.ru

Gershzon M.M., Post-graduate Student, History Department, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, mgershzon@yandex.ru

УДК 930.1
ББК 63.Р30

Н.М. КАРАМЗИН В УЧЕБНИКАХ ПО ИСТОРИОГРАФИИ: О ЗИГЗАГАХ ФОРМИРОВАНИЯ КОРПОРАТИВНОЙ ПАМЯТИ*

В.П. Корзун

Аннотация. Для академической культуры характерны определенные и многочисленные способы формирования корпоративной памяти. В статье речь идет об историографии как университетской дисциплине, важнейшей функцией которой всегда считалось и считается знакомство студентов с историей своей науки через творчество ее творцов. В фокусе внимания автора – исторические взгляды Н.М. Карамзина, представленные в советских и постсоветских учебниках по историографии. Учебники историографии рассматриваются как уникальные историографические источники. Уникальность заключается в их двуединой природе – взаимосвязанности процессов создания историографического знания и его трансляции и регуляции («равняйтесь на образцы»). Эпифеноменом данного процесса является складывание корпоративной памяти сообщества.

Особое место в научно-образовательном поле советской историографии занимает «Русская историография» Н.Л. Рубинштейна (1941). В противовес трактовкам М.Н. Покровского, в центре его внимания – не классовая инкриминация Карамзина, а выявление реального места историка в процессе развития науки, значения его творчества и присущих ему внутренних противоречий. Рубинштейн обращает внимание на рефлексию Карамзина по поводу профессионализма историка.

В последующих учебниках (Л.В. Черепнина, В.И. Астахова, В.Е. Иллерицкого и И.А. Кудрявцева) вплоть до конца 1970-х гг. закрепляется определение Карамзина как основоположника официально-монархического, крепостнического направления в русской историографии – это «неправильный классик», «не до конца забытый классик».

Значительный шаг вперед в трактовке исторических взглядов Карамзина сделан А.М. Сахаровым (1978), его портрет представлен в интерьере проблематики закономерностей развития науки. В этом смысле речь идет о классике как важном ресурсе формирования не только академической памяти, но и профессионализма историка в целом.

С середины 1980-х начался этап присвоения «Карамзина» научным сообществом российских историков, формируется каноническая ин-

459

* Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки РФ, проект № 2467.

терпретация его образа, что объясняется изменившимися социальными условиями и состоянием как исторической науки, так и корпорации историков. Процесс самоидентификации обострил проблему пантеона классиков и их иерархии.

Ключевые слова: *Н.М. Карамзин, «История государства Российского», историография, учебник, историографический источник, корпоративная память, академическая память, классик, профессионализм, классовый подход.*

N.M. KARAMZIN IN TEXTBOOKS ON HISTORIOGRAPHY: ON ZIGZAGS OF CORPORATE MEMORY FORMATION

V.P. Korzun

Abstract. *Academic culture is characterized by numerous and specific methods of formation of corporate memory. The article deals with the historiography, the most important function of which has always been considered an introduction of students to the history of their science through the work of its creators. The author focuses on Nikolay Karamzin's historical views presented in the Soviet and post-Soviet historiography textbooks. The author examines the historiography textbooks as unique historiographical sources. Their unique nature lies in the dual nature – the interconnection of processes of creation of historiographical knowledge and its translation, and regulation (“follow samples”). Epiphenomenon of this process is the making up of corporate memory of the community.*

A special place in the scientific and educational field in the Soviet historiography takes “Russian historiography” by N.L. Rubinstein (1941). In contrast with M.N. Pokrovsky's interpretations, its focus is not the class incrimination of Karamzin but the identification of the real place of the historian in the development of science, the value of his work, and his intrinsic contradictions. Rubinstein drew attention to the Karamzin's reflection on the professionalism of the historian.

In subsequent textbooks (L.V. Tcherepnin, V.I. Astakhov, V.E. Illeritsky and I.A. Kudryavtsev) until the end of 1970 Karamzin is defined as the founder of officially-monarchical, feudal trends in Russian historiography – he is a “wrong classic”, “not fully forgotten classic”.

A significant step forward in the interpretation of Karamzin's historical views was made by A.M. Sakharov (1978), his portrait is presented in the interior of the regularity issues of science development. In this sense, the historian is a classic, as an important resource not only for academic formation of memory, but also for the professionalism of the historian in general.

Since mid-1980 there began the stage of assigning “Karamzin” by Russian scientific community of historians, the canonical interpretation of his image was formed, which is explained by the changing social conditions and

both by the status of a historical science and corporation of historians itself. The process of community self-identification has exacerbated the problem of the pantheon of classics and their hierarchy.

Keywords: *N.M. Karamzin, "History of the Russian state", historiography, textbooks, historiographical source, corporate memory, academic memory, classic, professionalism, class approach.*

Врачу – исцелися сам.

Евангелие от Луки

Предлагаемая читателям статья родилась под непосредственным влиянием книги Рольфа Тоштендаля «Профессионализм историка и историческое знание» [1]. Р. Тоштендаль представляет исторический профессионализм как меняющийся продукт академического сообщества в рамках дисциплины. Возник соблазн рассмотреть обозначенную динамику применительно к отечественной традиции преподавания историографии – дисциплины, прямо или косвенно ориентирующей на признание / закрепление / отторжение норм исторического исследования. Как известно, историк формирует свою коллективную идентичность, профессионально анализируя прошлое своей науки, ее интеллектуальные генеалогии и вершинные достижения – образцы. Реконструкция прошлого науки есть в то же время и сотворение / свидетельство ее настоящего, а в определенном смысле и «воспоминания о будущем», то есть определение научных перспектив. Умение испытать на себе свой собственный профессионализм является свидетельством профессиональной легитимации. Учебники историографии являются в этом плане уникальным историографическим источником – благодаря им занимают свою

историографическую нишу, соотносятся так или иначе с научным мейнстримом исследователя, произведения и научные направления, преимущественно уже устоявшиеся в ценностном реестре сообщества, но зачастую и те, кто не удостоился еще монографического исследования. Уникальность заключается и в двуединой природе данного источника, взаимосвязанности в его рамках процессов создания историографического знания, и его трансляции и регуляции («равняйтесь на образцы»). Эпифеноменом данного процесса является складывание корпоративной памяти сообщества. Познание историографического прошлого на страницах учебника принципиально многослойно – они весьма информативны не только в плане воскрешения или забвения на их страницах знаковых фигур (пантеона классиков) и событий истории науки, но и той историографической ситуации, когда это воскрешение / забвение происходит. Причем как раз отношение к классикам, стоящим на просвете историографического бытия, наиболее содержательно характеризует эту ситуацию. Итак, основными источниками для нас будут учебники и учебные пособия по историографии, вышедшие в советский и постсовет-

ский период. А классиком «стоящим на просвете бытия» – Н.М. Карамзин, «открывший древнюю Россию, как Колумб Америку», и не только потому, что в этом году отмечается юбилей историка – 250 лет со дня рождения. Н.М. Карамзин спровоцировал вечный спор в отечественной историографии о соотношении академического и неакадемического профессионализма, актуализировавшийся в современных реалиях в связи с меняющейся ролью историка в процессе производства исторического знания и его места в формировании исторической памяти. Сотрудничество историка с масс-медиа стало составной частью профессиональной компетенции современного историка.

Творчество Н.М. Карамзина является предметом профессионального интереса нескольких смежных областей гуманитаристики – филологии, философии и историографии. Причем первая из них преуспела явно больше – в первую очередь потому, что поставила проблему интеллектуальной генеалогии, «сотворения Карамзина». Своего Лотмана в историографии пока не обнаружилось.

В начале всего в советской историографии, как известно, был Н.Л. Рубинштейн и его знаменитая «Русская историография» (с известной интерпретационной вольностью его можно назвать Карамзиным советской историографии). Речь идет, разумеется, об учебной литературе для студентов высших учебных заведений, специализирующихся по русской истории. В рамках советского историографического дискурса Рубинштейн, несмотря на все политико-идеологические перипетии, сохранял устойчивый статус вечно жи-

вого классика, образца профессионализма. Молодых преподавателей, начинавших читать курс историографии, их маститые коллеги напутствовали словами: «Берите Рубинштейна, пусть он будет основой вашего преподавания». И Н.М. Карамзин, и Н.Л. Рубинштейн принадлежат к миру «отцов и родоначальников, первых и лучших» героев отечественной историографии прямо-таки эпического масштаба. Тем интереснее их диалогическое взаимодействие. О нацеленности именно на такое взаимодействие (разумеется, в рамках советского историографического дискурса) убедительно свидетельствуют сформулированные Рубинштейном в предисловии к его работе целевые задачи – воспроизвести реальное движение науки (исторический материализм трактуется им часть этого пути, «закономерное и неизбежное завершение» его), считая при этом «излишним формальное противопоставление марксистской концепции каждому ложному, ошибочному утверждению дворянской и буржуазной историографии» [2, с. 4]. Таким образом, не классовая инкриминация, а выявление реального места историка в процессе развития науки, значения его творчества и присущих ему внутренних противоречий оказывается в центре внимания автора.

Историк констатирует пограничное, междумирное положение Н.М.Карамзина – «в историографии между XVIII и XIX вв.». К этому Рубинштейн, чье социальное и творческое позиционирование было, несомненно, сходным (между дореволюционной и советской наукой), оказывается несомненно чуток. Он выде-

ляет влияние на формирование мировоззрения Карамзина таких идейных течений, как масонство, западноевропейский сентиментализм, которые Карамзин трактует не в русле западноевропейской философской традиции. «В западноевропейских идейных направлениях, указывает автор «Русской историографии», Карамзин брал не их социально-политическое и философское содержание, а ту внешне гуманитарную, морализирующую тенденцию, которая характеризует его и как писателя, и как историка» [2, с. 189]. Рубинштейн фиксирует моменты адекватного восприятия философских импульсов Запада ранним Карамзиным. Под влиянием идей И.Г. Гердера для него актуализируется идея единства мирового исторического процесса, в его идеологии раннего периода (когда были написаны «Письма русского путешественника») «наличествуют следы известного космополитизма... Карамзин уже примыкал к наиболее передовой по содержанию философско-исторической концепции своего времени» (Н.Л. Рубинштейн). Однако, указывает автор, «уже в «Письмах эти философско-исторические мотивы... имеют скорее внешний характер». Мировоззренческую основу творчества Карамзина составляют «иные идеи, более органически присущие XVIII веку». И в первую очередь, «чисто рационалистическая трактовка исторического развития, в котором решающая роль отводится выдающейся исторической личности, в трактовке исторических событий он намерен придерживаться юмовского принципа прагматического повествования и литературно живописующего стиля» [2, с. 196]. Таким образом, в

центре внимания автора – идейно-философские истоки формирования мировоззрения Карамзина. У него социально-классовая детерминация творчества Карамзина обозначена, но не развернута, занимает сравнительно незначительное место в общем объеме текста. Так, Рубинштейн с влиянием Великой Французской революции связывает консервативную политическую реакцию Н.М. Карамзина, принятие им политического идеала просвещенного абсолютизма, политико-назидательную тенденцию его творчества.

Соответствие творчества Н.М. Карамзина требованиям современной ему науки относится к числу приоритетных для Рубинштейна проблем. Историк фиксирует противоречивость научно-методологических основ творчества Н.М. Карамзина – с одной стороны, избираемый Карамзиным методологический принцип – «прагматика в противопоставлении философскому размышлению» принадлежит XVIII веку. И в тоже время, указывает он, Карамзин не мог полностью пройти мимо представления об истории как подлинной науке, «которое полностью утверждается в XIX веке. Этот принцип, «столь далекий от действительного содержания его Истории, от всего духа ее, сформулирован во Введении: «история не роман, и мир не сад, где все должно быть приятно: она изображает действительный мир» [2, с. 197]. По Рубинштейну, такому представлению об исторической науке соответствует трактовка Карамзиным ее предметной области – «весь состав гражданского бытия людей: успехи разума, искусства, обычаи, законы, промышленность». Противоречиво, с несо-

мненным разрывом между декларацией и реализацией преломляется в творчестве Н.М. Карамзина, указывает историк, основная философско-методологическая проблематика исторической науки конца XVIII – начала XIX века. Он констатирует источниковедческий прорыв, совершенный Карамзиным, его длительную и углубленную работу над документальным материалом, тонкое критическое чутье, придающее примечаниям не только археографическое, но и историческое значение. И в тоже время источниковедческая критика, содержащаяся в источнике, «остаётся за пределами повествования ... этот разрыв между примечаниями и текстом переходит иногда в прямое противоречие» [2, с. 199]. Противоречиво, считает Рубинштейн, трактует Н.М. Карамзин и исторический факт, который «превращается в психологический сюжет для литературного творчества, уже несколько не связанного документальным обоснованием». Как следует из содержательного контекста книги Рубинштейна, в наибольшей степени разрыв между намерением и воплощением, проявляется у Карамзина при попытке «раскрытия реальной внутренней связи исторических событий, ... определении причин политических трансформаций». Тем не менее, историк фиксирует отражение этой внутренней интенции (поиск внутренних взаимосвязей) и в архитектонике карамзинского текста «Истории», он отмечает выделение им общих глав, посвященных «состоянию России» за каждый отдельный период ее истории. «В этих главах читатель выходит за рамки чисто политической истории и знакомится с внутренним строем, экономикой,

культурой и бытом» [2, с. 210]. С начала XIX века выделение таких глав, отмечает Рубинштейн, становится обязательным. Таким образом, Карамзин, усвоив европейские культурные образцы [подробнее об этом см.: 3, с. 12-54], задает нормы профессионализма в формирующемся отечественном научном сообществе. И при многих отрицательных коннотациях в оценке историка, что, кстати, отмечал при защите докторской диссертации Рубинштейна Н.М. Тихомиров, весьма показателен акцент на складывании профессиональных норм как отражении движения науки.

Развернувшаяся кампания борьбы с космополитизмом в 1948 г. привела к «полузабвению» «Русской историографии», а согласно Приказа Министерства высшего образования «О книге Н.Л. Рубинштейна “Русская историография”» было запрещено использование монографии в качестве учебного пособия в высшей школе. Издание учебников по отечественной историографии возобновляется с середины 1950-х гг. в период так называемого «историографического ренессанса» второй половины 1950–80-х гг. Поворот к историографии был связан с поиском в научном сообществе новых оснований профессиональной самоидентификации. Именно в это время выходят в свет курсы лекций и учебные пособия Л.В. Черепнина, В.И. Астахова, В.Е. Иллерицкого и И.А. Кудрявцева, А.Л. Шапиро, А.М. Сахарова и др. Классический труд Н.Л. Рубинштейна пришелся на период формирования советского историзма, содержательно-нормативные рамки которого еще создавались / закреплялись / усваивались. С позиций этой содержательной динамики

возможно было воспринять динамическую противоречивость творчества Карамзина с высокой степенью адекватности. Но эти рамки уже четко и жестко были определены к периоду «историографического оживления», и оценка творчества Карамзина тому свидетельствует.

В учебных пособиях по историографии В.И. Астахова, В.Е. Иллерицкого и И.А. Кудрявцева Н.М. Карамзин вписан в контекст социально-экономического развития России, его взгляды жестко детерминированы условиями «кризиса феодально-крепостнического строя» и «страхом перед Французской буржуазной революцией». Эти обстоятельства «определили реакционную сущность исторической концепции Карамзина, привели его к идеализации прошлого, к защите и оправданию существующего строя» [4, с. 162]. Налицо редукция мировоззренческих и теоретико-методологических взглядов историка, по сравнению с интерпретацией Рубинштейна. Авторы акцентируют классовую сущность исторических взглядов Н.М. Карамзина и подчеркивают, что главной целью его «Истории» было «внушить незыблемость монархической идеи», по Астахову, «задачи научно исследовательского порядка, поставленные в этот период на повестку дня, находились у него на втором плане» [4, с. 162]. В корпоративной памяти закрепляется негативный образ «классика» – неправильный классик, но и не до конца забытый, его место на книжной полке, скорее, для интерьера, чем до живой работы ума. Рефлексия Карамзина по поводу ремесла историка надолго выпадает из учебников и учебных посо-

бий, хотя нужно отдать должное, всегда упоминается источниковедческое значение его работ. Классик, но не интеллектуальный герой, подтверждением этого может служить такой источник, как хроника «50 лет советской исторической науке (1917–1967)» [5]. В этой хронике имя Н.М. Карамзина упоминается лишь единожды за 1966 год, его 200-летие отметили на заседании Ученого Совета историко-филологического факультета горьковского университета. «Помнить нельзя забыть?..». С незначительными модификациями в различных учебниках вплоть до конца 1970-х гг. закрепляется определение Карамзина как основоположника официально-монархического, крепостнического направления в русской историографии.

Каноны советского историзма, но уже в его смягченном, модернизированном, в определенной степени научно-культурологическом варианте прочитываются и в учебном пособии А.М. Сахарова [6]. А.М. Сахаров начинает повествование не с жесткой социально-классовой оценки творчества Н.М. Карамзина, а с политического контекста, характеристики культурных традиций времени. Обращение к политическому контексту сближает его с непосредственными историографическими предшественниками – Сахаров так же, как и они, отмечает влияние Французской революции и наполеоновских войн на творчество Карамзина, говорит о стремлении историка «найти в истории такие начала, которые гарантировали бы незыблемость существующего строя и способность выстоять перед неотвратимым нашествием грозных сил Наполеона» [6, с. 91].

Но прямолинейно жесткая трактовка Карамзина как представителя реакционной дворянской историографии у Сахарова отсутствует. И более того, в описании образа историка появляются положительные коннотации – «одареннейший представитель» дворянской историографии, «внес немало позитивного в научное познание русской истории» и т.д. Хотя стоит отметить внимание к позитивному вкладу Карамзина в интерпретации отдельных проблем истории России и в более ранних учебниках [7;8]. Безусловно, новым является попытка А.М. Сахарова рассмотреть культурный ресурс эпохи, он замечает, что в традициях времени, века Просвещения было «измерять современность по меркам античности». Отсюда и героизация истории и соответствующий стиль историописания. Традиция времени рассматривается в учебнике в комплексе с конкретной политической ситуацией: «Если против России собиралась почти вся Европа, присвоившая себе славу античного наследия, долженствовало показать, что Россия не менее славна, нежели древние греки и римляне» [6, с. 93]. А.М. Сахаров не употребляет такое определение, как национальный нарратив, но по существу фиксирует его специфику и авторское целеполагание применительно к карамзинской «Истории». Соответственно из текста лекции о Карамзине уходят и отрицательные характеристики «литературно-живописующего стиля». Оспаривая тезис П.Н. Милюкова о том, что дальнейшее развитие науки истории шло не через Карамзина, а мимо него, Сахаров, по существу говорит о роли Карамзина в формиро-

вании научного сообщества историков. Н.М. Карамзин провоцирует интенсивную полемику, причины которой связаны с кризисом прежней познавательной парадигмы. Этот кризис характеризуется историографом не в инкриминационно политическом, а в академически научном ключе – тезис об определяющей роли самодержца не соответствует настроениям передовой части российского общества после Отечественной войны 1812 г.; значительно расширившийся корпус источников не может быть осмыслен с прежних методологических позиций; прагматический подход к истории должен смениться более «объективным анализом исторического материала» [6, с. 98]. Таким образом, классик в тексте Сахарова – не просто положительный или отрицательный интеллектуальный герой, его портрет представлен в интерьере проблематики закономерностей развития науки. В этом смысле речь идет о классике как важном ресурсе формирования не только академической памяти, но и профессионализма историка в целом.

С середины 1980-х гг. начался этап бурного «присвоения Карамзина» научным сообществом российских историков, что было связано с успехами прочтения «Колумба русской истории» Ю.М. Лотманом, но в большей степени, с быстро меняющимися социальными условиями и состоянием как исторической науки, так корпорации историков. Это было время перемен, сопровождающееся невероятной напряженностью научного поля по множеству направлений – от политических до методологических. Фрагментация научного пространства – результат этих про-

цессов. Процесс самоидентификации историков приобрел болезненный характер и обострил проблему пантеона классиков и их иерархии. Как тонко подметил один из современных историков-аналитиков, признаком перестроечного текста становится «гражданское морализаторство» [9, с. 93], и это одна из многих значимых причин особого внимания к Н.М. Карамзину. Карамзин оказывается востребованным в ситуации, когда разрушаются фундаментальны ценностные основания прежней картины историографического процесса, происходит деиерархизация его, усиливается тенденция возвращения к «честному нарративу» (назад к Геродоту). Отразились ли указанные процессы на интерпретации исторических взглядов Н.М. Карамзина в новейших учебниках по историографии?

Массово учебные пособия по историографии появляются уже в 2000-е годы. В качестве учебника Министерством образования Российской Федерации для студентов высших учебных заведений была рекомендована «Историография истории России до 1917 г. В 2 т.» под редакцией М.Ю. Лачаевой [10.], чуть позже с подобной рекомендацией выходит в свет учебное пособие для бакалавров «Историография истории России» под редакцией А.А. Чернобаева [11.]. Автором глав о Н.М. Карамзине в обоих учебниках является Н.М. Рогожин и, естественно, концепционно они не различаются. В анализируемых текстах уже отсутствует «классовая огранка». Взгляды историка характеризуются как монархические, но без принятых ранее отрицательных коннотаций. Н.М. Рогожин уде-

ляет гораздо большее внимание генезису личности Н.М. Карамзина, акцентирует внимание не только на политических событиях, но и на обстоятельствах семейного воспитания и личностных особенностях будущего историка. «Ключ к пониманию личности ученого – в природных наклонностях и талантах, в обстоятельствах его жизни, в том, как формировался его характер, в семейных и общественных отношениях» [10, с. 194]. Перед нами – то «веселый развязный молодой человек с шиньоном и лентами в башмаках», то пессимист и меланхолик, для которого обращение к истории было своеобразной терапией – он «ищет утешение своей душе, не зная еще, что входит в бессмертие» [10, с. 195]. Классик оживает, это уже не памятник. Безусловно, в такой интерпретации личности историка очевидно влияние антропологического поворота, который захватил и историческую науку.

В представлении исторических взглядов Н.М. Карамзина такого прорыва не наблюдается, по существу Н.М. Рогожин обращается к концепции Н.Л. Рубинштейна, учитывая, однако, и подходы современной гуманитаристики. Отсюда и некоторая непоследовательность в выводах автора. С одной стороны, он отмечает, что «в духе прагматизма XVIII в. Карамзин заменяет размышление над внутренней природой явлений, к которому подошел уже И.Н. Болтин, плодовитостью в изъяснении причин» [10, с. 167]. Люди и события у него – «тема для литературного поучения», психологизм – характер литературного стиля и средство объяснения фактов.

Вся историческая схема историка рассматривается Н.М. Рогожиным, как и ранее Рубинштейном, как внешняя по отношению к историческому процессу. В то же время автор учебника солидаризируется с оценкой Ю.М. Лотмана, согласно которой Карамзина несправедливо упрекают в отрицании смысла истории. Дело в том, что по Карамзину замысел Провидения скрыт от людей. Историк же должен заниматься деяниями человеческими, за которые они несут моральную ответственность [10, с. 171]. Замечу, что проблема альтернативности и дополнительности различных оценок методологических взглядов Карамзина нуждается в дальнейшем исследовании. Так же, как и в учебных пособиях Н.Л. Рубинштейна и А.М. Сахарова, автор учебника обращает внимание на рефлексию Карамзина по поводу ремесла историка и подчеркивает переход к освоению новых норм историописания, которые сочетаются со старым письмом XVIII века. Незамеченной осталась трансформация литературно-художественной, во многом пафосной традиции века XVIII в одну из характерных черт национального нарратива уже века XIX – его предназначения для широкого круга читателей. А национальный нарратив – это новый интеллектуальный конструкт нового века – века наций. Сошлюсь на значимое в этом плане утверждение С.И. Маловичко: «Национально-государственный нарратив Карамзина уже имеет набор черт, присущих “европейскому канону”, к ним историк относит карамзинские утверждения о родственности славянских языков с европейскими, о христианстве как шаге к про-

свещению и гражданственности, внедрение таких концептов, как “оставание”, “задержка” и поиск конкретных причин, виновников таких процессов, выделение особых свойств своего народа [12, с. 256].

Большая или меньшая степень адекватности и комплиментарности в восприятии Н.М. Карамзина в долговременной перспективе не имеет, пожалуй, решающего значения. Согласимся с Ю.М. Лотманом, писавшем о том, что судьба наследия Н.М. Карамзина во второй половине XIX – XX веке – стать частью базисного, «почвенного» основания русской культуры, «продолжать жить, перерождаться, обретать новые виды и формы [9, с. 306]. По мере развития историографии и – в более широком смысле – отечественной культуры вообще становится все более возможным не только постижение того, что Лотман именуется ракурсом «авторской преднамеренности (концептуальности)», но и сферы «авторской непреднамеренности», того содержательного пласта, который у Карамзина не обрел форму четких формулировок и концепций и не был вполне ясен его современникам и ближайшим потомкам. С моей точки зрения, к этой сфере безусловно относятся такие фундаментальные проблемы, интуитивно угаданные Карамзиным и актуализированные в современной историографии, как проблема соотношения исторической памяти народа и профессиональной памяти историка, критериев профессионализма науки и ее деятелей. То, что указанные проблемы занимают все больше место в рефлексивном анализе творчества Н.М. Карамзина, свидетельствуют о профессиона-

лизации интереса к нему, о возрастающем стремлении включить Карамзина в процесс внутренней легитимации науки, хотя в то же время возникает и подозрение в канонизации классика.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Тоштендаль, Р.* Профессионализм историка и историческое знание [Текст] / Р. Тоштендаль. – М.: Новый хронограф, 2004. – 346 с.
2. *Рубинштейн, Н.Л.* Русская историография [Текст] / Н.Л. Рубинштейн / Под ред. А.Ю. Дворниченко, Ю.В. Кривошеева, М.В. Мандрюк. – СПб., 2008. – 938 с.
3. *Рудковская, И.Е.* Политический мир Древней Руси в главном труде Н.М. Карамзина [Текст] / И.Е. Рудковская // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 17. – М.: КомКнига, 2006. – С. 12-54.
4. *Астахов, В.И.* Курс лекций по русской историографии (до конца XIX в.) [Текст] / В.И. Астахов. – Харьков, 1965. – 581 с.
5. 50 лет советской исторической науке. Хроника научной жизни [Текст] / Сост. А.И. Алаторцева, Г.Д. Алексеева. – М.: Наука, 1971. – 528 с.
6. *Сахаров, А.М.* Историография истории СССР. Досоветский период: Учебное пособие [Текст] / А.М. Сахаров. – М.: Высшая школа, 1978. – 256 с.
7. Историография истории СССР с древнейших времен до Октябрьской социалистической революции [Текст] / Под ред. В.Е. Иллерицкого и И.А. Кудрявцева. – М., 1961. – 510 с.
8. Историография истории СССР с древнейших времен до Октябрьской социалистической революции [Текст] / Под ред. В.Е. Иллерицкого и И.А. Кудрявцева. Изд. второе, исправленное и дополненное. – М., 1971. – 458 с.
9. *Чечель, И.* «Профессионалы истории» в эру публицистичности: 1985–1991 гг. [Текст] / И. Чечель // Научное сообщество историков России: 20 лет перемен / Под ред. Г. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2011. – С. 56-118.
10. Историография истории России до 1917 г.: Учебник для студ. высш. учеб. заведений: в 2 т. [Текст] / Под ред. М.Ю. Лачаевой. – М.: ВЛАДОС, 2003. –Т. 1. – 384 с.
11. Историография истории России: Учебное пособие для бакалавров [Текст] / Под ред. А.А. Чернобаева. – М.: Юрайт, 2014. – 552 с.
12. *Маловичко, С.И.* Формирование национально-государственного нарратива в исторической культуре России первой половины XIX века [Текст] / С.И. Маловичко // История, память, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики: Материалы Международной научной конференции / Под ред. О.В. Воробьевой, О.Б. Леонтьевой, С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцевой. – М.: Аквилон, 2016. – С. 255-258.
13. *Лотман, Ю.М.* Сотворение Карамзина [Текст] / Ю.М. Лотман. – М., 1987. – 336 с.

REFERENCES

1. *50 let sovjetskoj istoričeskoj nauke. Hronika naučnoj žizni*, Sostaviteli A.I. Alatorceva, G.D. Aleksejeva, Moscow, Nauka, 1971, 528 p. (in Russian)
2. *Astahov V.I., Kurs lekcij po rusškoj istoriografii (do konca XIX v.)*, Harkov, 1965, 581 p. (in Russian)
3. *Chechel I., "Professionaly istorii" v jeru publicističnosti: 1985–1991gg.*, in: *Nauchnoe soobshhestvo istorikov Rossii: 20 let peremen*, ed. G. Bordjugova, Moscow, AIRO-XXI, 2011, pp. 56-118. (in Russian)
4. *Istoriografija istorii Rossii do 1917 g.: Učebnik dlja stud. vyssh. učeб. zavedenij: v 2 vols.*, ed. M.Ju. Lachaevoj, Moscow, VLADOS, 2003, Vol. 1, 384 p. (in Russian)
5. *Istoriografija istorii Rossii: Učebnoe posobie dlja bakalavrov*, ed. A.A. Chernobaeva, Moscow, Jurajt, 2014, 552 p. (in Russian)
6. *Istoriografija istorii SSSR s drevnejših vremen do Oktjabrskoj socialističeskoj revoljucii*, ed. V.E. Illerickogo i I.A. Kudrjavceva, Moscow, 1961, 510 p. (in Russian)
7. *Istoriografija istorii SSSR s drevnejših vremen do Oktjabrskoj socialističeskoj revoljucii*, ed. V.E. Illerickogo i I.A. Kudrjavceva, 2nd., Moscow, 1971, 458 p. (in Russian)

8. Lotman Ju.M., *Sotvorenie Karamzina*, Moscow, 1987, 336 p. (in Russian)
9. Malovichko S.I., "Formirovanie nacionalno-gosudarstvennogo narrativa v istoricheskoj kulture Rossii pervoj poloviny XIX veka", in: *Istorija, pamjat, identichnost: teoreticheskie osnovanija i issledovatel'skie praktiki: Proceedings of the International Conference*, ed. O.V. Vorobevoj, O.B. Leon-tevoj, S.I. Malovichko, M.F. Rumjancevoj, Moscow, Akvilon, 2016, pp. 255-258. (in Russian)
10. Rubinshtejn N.L., *Russkaja istoriografija*, ed. A.Ju. Dvornichenko, Ju.V. Krivosheeva, M.V. Mandrik, St. Petersburg, 2008, 938 p. (in Russian)
11. Rudkovskaja I.E., Politicheskij mir Drevnej Rusi v glavnom trude N.M. Karamzina, *Dia-log so vremenem. Almanah intellektualnoj istorii*. 17, Moscow, KomKniga, 2006, pp. 12-54. (in Russian)
12. Saharov A.M., *Istoriografija istorii SSSR. Dosovetskij period: Uchebnoe posobie*, Moscow, Vysshaja shkola, 1978, 256 p. (in Russian)
13. Toshtental R., *Professionalizm istorika i is-toricheskoe znanie*, Moscow, Novyj hrono-graf, 2004, 346 p. (in Russian)

Корзун Валентина Павловна, доктор исторических наук, профессор, кафедра современной отечественной истории и историографии, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, korzunv@mail.ru

Korzun V.P., ScD in History, Professor, Modern National History and Historiography Department, F.M. Dostoyevsky Omsk State University, korzunv@mail.ru

УДК 930(571)

ББК 63.3(0)

ЗАБЫТОЕ НАСЛЕДИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (по материалам личных фондов сибирских историков Г.И. Жерновкова и В.И. Шемелева)

В.Г. Рыженко

Аннотация. Проблема преемственности и разрывов в научном знании и между поколениями исследователей особо актуальна для российской историографии в контексте востребования опыта досоветской, советской и постсоветской историографии. Научное наследие осознается при этом как обязательное звено коммуникации внутри профессионального сообщества. Одним из способов возвращения забытого наследия могут стать материалы личных архивных фондов историков. В статье уделяется внимание региональному аспекту названной проблемы и содержанию личных фондов двух сибирских исследователей (Г.И. Жерновкова и В.И. Шемелева). Их имена и наследие стали входить в историографию Сибири лишь в конце 1990-х – начале 2000-х гг. Главной причиной забвения явилась их трагическая судьба. Оба попали в волну репрессий против краеведов и историков конца 1920-х и в 1930-е гг. В этот период советская историческая наука испытала серьезные деформации под воздействием жестких идеологических установок. На региональном уровне это имело свою специфику, поскольку деятельность сибирских исследователей была связана с крупным региональным проектом по созданию Сибирской Советской энциклопедии, оставшимся незавершенным. В статье характеризуется отношение современных историков к возвращенному наследию, описывается состав материалов личных фондов. Подчеркивается, что по некоторым новым данным имеющееся жизнеописание Г.И. Жерновкова нуждается в уточнении. Сопоставляются тексты рукописи и опубликованной брошюры Г.И. Жерновкова «На заре Сибирской истории» (1919 г.). Анализируются тексты рукописей В.И. Шемелева: по созданию краевого «Музея каторги и ссылки» и Шушенского историко-революционного музея им. В.И. Ленина (1932–1933 гг.). Делается общий вывод относительно недостаточного освоения возвращаемого наследия, что приводит к оценке его значения лишь в качестве потенциального ресурса для коммуникаций внутри современного научного сообщества.

Ключевые слова: научное наследие, региональная историография, преемственность, разрыв, мир историка, сибиреведение, музейные проекты.

471

FORGOTTEN HERITAGE OF REGIONAL HISTORIOGRAPHY

(On the Materials of Personal Funds of Siberian Historians

G.I. Zhernovkov and V.I. Shemelev)

V.G. Ryzhenko

Abstract. *The problem of continuity and gaps in scientific knowledge and between generations of researchers is especially urgent for the Russian historiography in the context of claiming of experience of a pre-Soviet, Soviet and Post-Soviet historiography. The scientific heritage is understood at the same time as an obligatory link of communication in professional community. The article deals with regional aspect of this problem. Materials of personal archival funds of historians can become one of the ways of return of the forgotten heritage. Much attention is given to the materials of personal funds of two Siberian researchers (G.I. Zhernovkov and V.I. Shemelev). Their names and heritage have entered a historiography of Siberia only in the late nineties – the beginning of the 2000th. Their tragic destiny was the main reason of oblivion. Both have got into the wave of repressions against local historians and historians of the end of the 1920th and in the 1930th. During this period the Soviet historical science has experienced serious deformations under the influence of tough ideology. At the regional level it had the specifics. The activity of the Siberian researchers has been connected with the large regional project on creation of the Siberian Soviet encyclopedia which hasn't been finished. The article describes the composition of materials of G.I. Zhernovkov and V.I. Shemelev's personal funds. It is emphasized that according to some new data the available G.I. Zhernovkov's biography needs specification. It also analyzes the texts of Shemelev's manuscripts on the creation of regional "Museum of penal servitude and reference" and Shushensky's historic-revolutionary museum of V. I. Lenin (1932–1933). Conclusions are drawn about insufficient development of the returned heritage that leads to assessment of its value only as a potential resource for communications in modern scientific community.*

Keywords: *Scientific heritage, regional historiography, continuity, discontinuity, historian's world, Siberian studies, museum projects.*

472

Название статьи проросло из контекста исследовательской проблематики, связанной с историей культуры и интеллигенции, с «мирами историков» XX века, с диалогами, которые были и которые могут продолжаться в современной историографии и реально, и мысленно в

виде общения «сквозь времена» с предшественниками. Помимо давнего интереса автора статьи к научной и культурно-просветительной деятельности российской и сибирской интеллигенции, на формулировку темы повлияли некоторые мысли И.М. Гревса относительно вдумчиво-

го подхода к «сложному и тонкому» делу просвещения, особенно в условиях очередного «реформирования» и «оптимизации» сфер образования, науки и культуры. «Жизнь движется двумя основными потоками мотивов – продолжающей развитие традицией и перерождающей его идеей; в нормальном взаимодействии между обоими началами – залог внутреннего успеха всякого серьезного дела» [1, с. 3]. Приведу еще одну мысль И.М. Гревса, высказанную в упомянутой статье, ее забвение в современной российской ситуации ощущается особенно остро. Цель школы, по убеждению И.М. Гревса, – это «выработка образованных личностей, способных к сознательной индивидуальной и гражданской жизни и к трудовой деятельности, проникнутых интересом к продолжению образования (личностному совершенствованию) и к служению обществу, их воспитавшему, родной стране и народу, но и чувствующих себя живой частью человеческого братства» [1, с. 16-17].

Будем считать, что образование общее и профессиональное неразделимы, а востребование наследия предшественников для нужд научно-образовательного сообщества – долг современного историка. Выполнение этого долга и будет стратегической целью предлагаемой статьи. Одновременно на региональном материале рассматривается проблема преемственности и разрывов в нашей российской историографии. В качестве конкретной задачи предлагается напомнить имена и обратиться к наследию двух сибирских исследователей 1920-х – 1930-х гг.: Григория Ивановича Жерновкова

(1876 – после августа 1937) и Владимира Ивановича Шемелева (1885-1942/43). В современных сибирских публикациях названные имена либо упоминаются кратко, либо вообще отсутствуют. Так, в недавнем энциклопедическом издании, подготовленном Институтом Истории СО РАН и опубликованном в 2013 г. [2], имеется небольшая персональная справка лишь на В.И. Шемелева. Что касается обширной статьи по историографии Сибири из той же энциклопедии, написанной в виде проблемно-тематических блоков, то имен обоих авторов в их содержании нет.

Начало XXI века усилило внимание современных отечественных историографов к воссозданию тернистой истории российской исторической науки в XX веке, в том числе, к осмыслению опыта, накопленного в условиях советской эпохи. Экстремальные реалии XX столетия с их рубежными вехами в виде революций, гражданской войны, «великого перелома» конца 1920-х гг., затем утверждение незыблемых «единственно верных» методологических оснований советской исторической науки создали причудливое переплетение идеологизированных стереотипов интерпретации прошлого с научными интересами историков.

В этом мы могли убедиться в ходе работы над изучением мира историка и местных научных сообществ. Оно было начато в 2000 г. омскими историками под руководством В.П. Корзун совместно с московскими коллегами. Первые результаты были представлены в коллективной монографии [3]. В ее разделе «Историк в меняющемся мире: территория поиска – провинция (1918 – начало

1930-х гг.)) [3, с. 139-178] автором данной статьи был предложен вывод, что на излете обозначенного историографического периода произошел разрыв профессиональных и культурных традиций между поколениями исследователей. В итоге прежняя широта кругозора, комплексные методы и методики, союз истории, филологии, географии, родноведения сменились замыканием исследователей в узких рамках проблемной историографии.

Новая линия вписана недавно в проблемное поле интеллектуальной истории и предстает на страницах альманаха «Диалог со временем» в виде публикаций, посвященных отдельным персоналиям, включая историков, деятельность которых связана и с советской эпохой. Из недавних примеров выделю раздел «К юбилею С.И. Архангельского» [4, с. 267-352], который открывается статьей А.А. Кузнецова о новых фактах биографии С.И. Архангельского [4, с. 267-282], структурированной по нескольким проблемным «узлам» жизнеописания историка и краеведа.

Разумеется, масштабы деятельности двух названных выше представителей региональной (сибирской) историографии существенно отличаются от фигуры С.И. Архангельского и вряд ли сопоставимы. Тем более, что имя С.И. Архангельского присутствовало и в советской историографии. Что касается названных сибирских историков, то они и их наследие были преданы забвению вплоть до 1990-х – 2000-х гг. Это обстоятельство в совокупности с их трагической гибелью в результате репрессий служит весомым мотивом для обращения к их насле-

дию. Имеющиеся в Государственном архиве Новосибирской области личные фонды Г.И. Жерновкова [5] и В.И. Шемелева [6] позволяют обозначить круг их интересов и вернуть их наследие в пространство региональной историографии, понимаемой в данном случае как история изучения Сибири.

Прежде чем перейти к характеристике состава фондов, уточню, кто из региональных историографов уже пытался привлечь внимание к интересующим нас личностям и их наследию. Первый шаг принадлежит А.А. Халиулиной, еще в 1989 г. в книге «Историография рабочего класса Сибири (20-е — II пол. 30-х гг.)» указавшей на В.И. Шемелева. Она же поместила в 1991 г. в кемеровской газете «Кузбасс» материал под названием «Рукописи не горят», в котором шла речь о прерванных в конце 1930-х гг. связях поколений сибирских историков (о репрессиях по отношению к членам редакции Сибирской Советской энциклопедии и о В.И. Шемелеве как авторе рукописи первой книги по истории Кузбасса). А.А. Халиулина сделала и второй шаг по включению имени В.И. Шемелева в региональную историографию. Ею на протяжении более пяти лет для студентов-историков Кемеровского государственного университета читался спецкурс по историографии Кузбасса, одна из лекций которого была посвящена В.И. Шемелеву. Затем в 1998 г. было выпущено учебное пособие по истории Кузбасса (редактор-составитель А.А. Халиулина) с выразительным подзаголовком «Возвращенные имена. По документальным материалам личного фонда В.И. Шемелева, пере-

данным в Государственный архив Новосибирской области в 1942 г.» [7]. В том же году на научной конференции в Барнауле томский историк В.П. Зиновьев, сыгравший большую роль в обработке документальных материалов из фонда Шемелева, выступил с докладом о нем как историке и краеведе Алтая [8, с. 168-172]. В то же время он подчеркнул, что добрая половина трудов В.И. Шемелева до сих пор не напечатана, а его главный, по мнению В.П. Зиновьева, труд (трехтомник по истории Кузбасса) так и не дописан.

Частично знакомство с этим трудом обеспечивала упомянутая подборка, составителем которой была А.А. Халиулина. Добавлю, что кроме того в учебное пособие вошли в качестве приложений анкета В.И. Шемелева для вступления в Западно-Сибирское краевое отделение Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев (информация о наличии отделения этого Общества на территории Западной Сибири отсутствует в упомянутой «Исторической энциклопедии Сибири», в том числе и в персональной справке о В.И. Шемелеве – *В.Р.*). Помимо анкеты, включенные в подборку автобиография историка и переписка его с В.Я. Королевым (автором рецензии на рукопись) содержат ценные детали для характеристики образа советского историка, готового в сложившихся условиях неприятия

его как автора в конце 1930-х гг. ради науки передать результаты своих исследований для опубликования под чужим именем. Частично материалы из рукописи Королев опубликовал в 1947–1948 гг.

Отмечу, что в 2004 г. в рамках XVI конференции «Словцовские чтения» автор данной статьи попыталась привлечь внимание к музейным инициативам В.И. Шемелева [9]. Однако историки музейного дела интереса не проявили. Еще одна часть документов из фонда В.И. Шемелева, связанная с сибирским туризмом, была опубликована в начале 2000-х гг. [10]. И вновь в региональных исследованиях по истории туризма в Сибири и на Алтае востребования наследия Шемелева не произошло. На проблему игнорирования уже опубликованного наследия современными историками автор данной статьи уже указывала [11].

Внимание историков Сибири к Г.И. Жерновкову ограничивается констатацией его принадлежности к областничеству и его интереса к проблемам федерализма. Первая общая справка (помимо описания в предисловии к описи личного фонда) о нем как журналисте и общественном деятеле, одном из представителей «советского областничества» в 1920-е гг. была составлена А.Л. Посадсковым для энциклопедии «Новосибирск» в 2003 г. [12, с. 305-306]¹.

¹ В 2007 г. А.Л. Посадсков в другом справочнике дал двойственную информацию о месте кончины/гибели Г.И. Жерновкова. Первый вариант из основного текста справки: «05.01.1928 г. Ж. Был арестован по обвинению в «антисоветской агитации» и 25.05.1928 г. осужден коллегией ОГПУ к трем годам ссылки, по отбытии которой, будучи больным, остался на жительство на алтайском курорте Боровое. Здесь в 1937 г. был повторно арестован и расстрелян» [13, с. 361-362]. Вторым вариантом из того же справочника, но из дополнений и уточнений, где сказано, что после спуска полос предшествующего текста авторам, с помощью Государственного

К политическим аспектам его трудов обращалась Е.Ю. Вержбицкая [14].

В ходе работы над изучением мира историка и местных научных сообществ в рамках омского проекта автором настоящей статьи были обнаружены анкеты членов Общества изучения Сибири (ОИС) из архивного фонда этой организации. Это позволило дать расширительную характеристику состава регионального (сибирского) сообщества историков второй половины 1920-х гг. Одним из ведущих критериев стал исследовательский интерес к истории Сибири, независимо от полученной специальности. Среди анкет оказались две, заполненные Г.И. Жерновковым, также было обнаружено его письмо ученому секретарю Сибирской Советской энциклопедии [3, с. 155-157]. Указанные им интересы (сибиреведение, краеведение) дали основание отнести его к «историкам в провинции»).

Состав личного фонда Г.И. Жерновкова (сына священника, юриста по образованию, присяжного поверенного по сфере занятий, гласного Новониколаевской городской думы, председателя музейного совета при местном отделе народного образования после установления советской власти, поучаствовавшего в организации Новониколаевского музея, позже консультанта-экономиста в Сибревкоме и далее побывавшего на различных должностях вплоть до садовода-инструктора опорного мичу-

ринского пункта) отражает его интересы к краеведению, родоноведению, мироведению и соответственно к истории России и Сибири. Примечательная деталь – документы фонда были переданы в архив им самим в 1927 г. и одним из пунктов соглашения было хранение фонда только в Новосибирске.

Из сравнения однотипной информации в упоминавшихся выше справках о судьбе Г.И. Жерновкова с конца 1920-х гг. и до трагической кончины («заболел в 1928 г. и уехал на лечение, позже жил в Москве, был репрессирован и расстрелян») с некоторыми архивными документами возник вопрос, насколько соответствует реальности версия об отъезде в Москву в 1928 г. Первые сомнения появились при повторном обращении к датировке второй анкеты из фонда ОИС, собственноручно заполненной Г.И. Жерновковым, (24 января 1929 г.) и указания в ней в качестве места жительства села Коурак Новосибирского округа [15, л. 156]. Подтверждением пребывания Жерновкова в Коураке и до того, в декабре 1928 г., стало обнаружение в архиве РАН в личном фонде почетного академика Н.А. Морозова письма Г.И. Жерновкова Н.А. Морозову, датированного 17 декабря 1928 г. и отправленного из села Коурацкого (так написано на обложке архивного дела) [16]. Само содержание письма вносит новые примечательные детали в жизнеописание Г.И. Жерновкова. Выяс-

архива Новосибирской области, Государственного архива Российской Федерации и Управления ФСБ по Новосибирской области, удалось установить некоторые дополнительные сведения о лицах, биографии которых даются в третьей части справочника. Всего на троих, в том числе на Ж.: «Жерновков Г.И. Дата и место смерти: 10.07.1938 г., г. Новосибирск (арестован 08.03.1938 г., приговорен к высшей мере наказания 10.04.1938 г., расстрелян)» [там же, с. 498].

няется, что это письмо включает вторично текст письма, которое Жерновков писал 25 января 1928 г. «на досуге, находясь под арестом в ГПУ на 77 дней и ночей», и которое он отправлял «через комендатуру ГПУ». Дальнейшее изучение текста, свидетельствующего о знакомстве и доверительной манере общения Жерновкова с Морозовым, выходит за рамки данной статьи. Подчеркну деталь, относящуюся к спорной дате и причинам отъезда Жерновкова из Новосибирска. В письме к Н.А. Морозову он излагает личную просьбу помочь его дочери устроиться с жильем («она приедет в Ленинград числа 15-го января 1929 г. поступать на фонетические курсы при Университете»). В письме нет упоминания о случившейся с Жерновковым болезни. О своем месте обитания он пишет: «Сегодня (18/ХІІ-28 г.) я живу в провинции – в с. Коураке 130 верст от НовоСибирска со стариками родителями и втроем нам 203 года. Не в ссылке – нет. Семья живет в городе. Я занялся опытами плодово-ягодного садоводства на двух десятинах – моя давнишняя мечта, а диктатуру брюха утоляю слегка работой литературной – обрабатываю в своей области сибиреведения Сибирскую энциклопедию и по газетам и журналам толкуюсь. Предоставляю Вам использовать мои деревенские досуги в любом направлении»[17]. К сожалению, это не проясняет ситуацию. Необходимы дополнительные разыскания.

В составе фонда Г.И. Жерновкова – газетные подборки на исторические темы, по вопросам культуры и образования в Сибири, а также связанные с этнографическими исследованиями. Выделю из общего массива рукопись его статьи «На заре сибир-

ской истории», датированную 1914 годом [5, д. 145, на 37 л.] и брошюру под тем же названием, опубликованную в Ново-Николаевске в 1919 г. [5, д. 146; 35 с., ил.]. Рукопись представляет собой соединение машинописных листов (с авторскими правками) и рукописных текстов. Орфография рукописи и брошюры дореформенная. Дизайн брошюры отличают признаки стилистики книжной графики позднего модерна. При сравнении текстов видно, что правки вносились, начиная с первого варианта. Тогда же в машинописном тексте было скорректировано название. Вместо зачеркнутого заголовка «Покорение Сибири» появилась надпись от руки «На Заре Сибирской Истории». По всей видимости, для Г.И. Жерновкова было важно подчеркнуть особый символический смысл такого названия, что он и сделал с помощью заглавных букв в каждом слове. В опубликованном виде заглавная буква осталась только в слове «Сибирской».

Принципиальные смысловые акценты присутствуют в авторском эпиграфе во «вступлении» к рукописи (он же сохранен в брошюре, где рядом помещена фотография «Колонна Ермака в Тобольске»). Приведу текст эпиграфа в современной орфографии: «Внедрить в памяти народной историю родины, пробудить любовь к познанию природы и быта страны, воскресить забытые могилы славных имен – вот в чем, на мой взгляд, задача гражданского воспитания».

Содержание вступления раскрывает замысел автора («составить по книге Фишера и некоторым мелким второисточникам, в виде опыта, краткую историю покорения Сибири для народного чтения, кончая смер-

тью Ермака, а если будет удачно, то продолжать в том же духе повествование и далее о возникновении сибирских городов, и защитных острожков, из коих некоторые впоследствии превратились в крупные селения»). Здесь снова видна позиция Жерновкова: «потребность читать, слышать, узнавать о родных, близких нам местах неискоренимо глубоко гнездится в нашей душе. Потребность эта воспитывается в нас самой жизнью и, переплетаясь с чарующими воспоминаниями детства, таит в себе зародыш любви к родине. А любовь к родине кует сердце гражданина».

Г.И. Жерновков подчеркивает, что из-за отсутствия общедоступных книг, описывающих сибирскую природу, быт, историю, сибирское юношество – городское и деревенское почти лишено возможностей укреплять и расширять чувство, которое он называет «местным чувством» (в брошюре это выражение дано прописными буквами). Можно было бы посчитать такой подход сепаратистским, если бы не тот фрагмент текста, который появился по сравнению с первоначальным вариантом в опубликованной брошюре. После выражения «местное чувство» Жерновков разъясняет: «Естественная любовь младенца к матери, к семье столь же естественно расширяется в привязанности юноши к родным местам, а далее – от “местного патриотизма” – к национальному чувству гражданина своей страны, строителя народной жизни, прежде чем стать достойным участником международной жизни». В этой последовательности ощущается главная идея родиноведения – познание окружающего мира «концентрическими кругами».

Примерно в тех же условиях переломной эпохи она была положена оригинальным российским философом С.И. Гессеном в основу его концепции «философии образования», которую он разрабатывал, находясь в Томском университете до 1920 г.

Переживаемые условия революции и гражданской войны заставили Жерновкова внести существенное уточнение к своему предыдущему утверждению: «Прежде патриот, потом космополит, не иначе... А иначе – великое народное бедствие, подобное уродливому интернационализму в среде простого русского народа, обитающего как бы вне времени и пространства, ибо до святости наивного в истории и географии своего отечества и потому безумно безжалостного к своему национальному бытию и положению в семье человечества будущего» (Курсив Г.Ж.). Наконец, он завершил вступление к своему «опыту» для народного чтения дополнительным напоминанием о том, чем может обернуться пренебрежение преподаванием знаний по сибиреведению, в том числе, в университете: «...без знания истории, природы и быта никакая страна не может назваться совершенной, и вместе с тем не может быть ни богатой, ни счастливой. Пример тому наша несчастная родина – богатая и убогая, всесильная и бессильная поныне...».

Содержание основной части труда Г.И. Жерновкова в качестве историографического факта требует сопоставления с имевшимися ранее и появившимися в дальнейшем оценками «последнего похода Ермака», включая этот сюжет в современные подходы к проблеме присоединения / покорения Сибири. Поэтому остановлюсь на за-

ключительном фрагменте рукописи и соответствующей части брошюры (их тексты почти идентичны). Здесь можно обнаружить переключку с новейшими культурологическими построениями. Например, с конструированием национальных и региональных ментальных «карт», с использованием знаковых для того или иного региона «Фигур памяти» и «Мест памяти» для формирования коллективной исторической памяти и идентичности, с приданием в тех же целях тому или иному историческому событию особо символического значения.

В этом отношении заслуживает внимания трактовка Жерновковым даты «26 октября 1581 года» в качестве начала гражданского летоисчисления Сибири. По его мнению, это подтверждено было впервые отпразднованным ровно через 300 лет в Петрограде юбилеем, участники которого решили ежегодно день «26-го октября» отмечать устройством торжественных собраний [5, д. 145, л. 31-32; д. 146, л. 18-19]. Развитием этой символической линии Жерновков счел факт ознаменования этого дня в 1910 г. торжеством открытия Высших женских курсов – первого женского университета в Сибири, сообщив этому дню значение гражданского праздника просвещения Сибири. Итак, обращение к отдельным материалам личного фонда Г.И. Жерновкова показывает целесообразность разработки всего комплекса. Кроме того, личность этого «человека своей эпохи» только начала прорисовываться, но уже очевидна ее незаурядность и независимость в выборе сферы деятельности и характера поступков.

Перейду к материалам фонда В.И. Шемелева, так и не включенным

в региональную историографию. Вехи его биографии дают нам признаки представителя новой генерации историков. Он родом из Бийска, из семьи служащих. Окончил томскую гимназию, но получить высшее образование помешали занятия общественно-политической деятельностью (включая аресты, побег, ссылки), с 1922 г. по 1933 г. работал в Сиббюро ВЦСПС, с 1934 по 1938 г. – в Западно-Сибирском архивном управлении. Его личный фонд содержит информацию, относящуюся к концу 1920-х – первой половине 1930-х годов. В это время интересы исследователя определялись его положением активного члена Западно-Сибирского отделения Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, историко-революционной секции Западно-Сибирского краеведческого комитета (ЗСБК). Он был членом-соревнователем создаваемого в Новосибирске отделения Общества историков-марксистов.

Обнаруженные в личном фонде В.И. Шемелева рукописные и машинописные тексты [6, д. 166, 167, 170, 171, 172] свидетельствуют о его непосредственном участии в советском культурном строительстве. Остановлюсь на отдельных проявлениях его инициатив и интересов, актуальность которых сохраняется и в настоящее время, поскольку они связаны с проблемами исторической памяти и региональной самоидентификации. С 1929 г. и в первой половине 1930-х гг. Шемелев активно занимался проектной музейно-выставочной деятельностью. Некоторые материалы автор данной статьи уже цитировала [9; 11], поэтому здесь ограничусь акцентами, характеризующими В.И. Шемелева как советского историка. Во-первых, он руковод-

ствовался сложившимися у историков-марксистов представлениями о начале новой исторической эпохи с Октябрьской революции. Как член и секретарь историко-революционной секции ЗСБК, он вместе с остальными строил свою работу «на основе марксистско-ленинской методологии, под ближайшим руководством истпартотдела Крайкома ВКП(б)», связываясь для проработки методологических вопросов с Обществом историков-марксистов, прорабатывал письмо И.В. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция», в котором были вскрыты «попытки протаскивания в историческую науку враждебных антиленинских теорий» [6, д. 170, л. 12].

Во-вторых, при составлении планов музейной работы Новосибирского отделения Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев для развертывания стационарных экспозиций и передвижных выставок, особенно в период подготовки к созданию в Новосибирске «Музея каторги и ссылки», он опирался на практику музея Революции, Исторического музея, на сотрудничество с Центральным Советом Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. С современной точки зрения вряд ли можно назвать деятельность В.И. Шемелева новаторской, хотя для молодой советской музейной сферы создание историко-революционных отделов, выставок и тем более самостоятельных музеев было областью экспериментов. Проекты сибирского историка соответствовали этим поискам. К тому же он был «человеком своей эпохи», поэтому детали разработки В.И. Шемелевым музейных экспозиций и планов музейно-краеведче-

ской работы в Западной Сибири показывают его убежденность в необходимости сохранения исторической памяти о героической борьбе революционеров с самодержавием.

В 1930 г. в связи с подготовкой к юбилею революции 1905 г. и согласованием работы по Истпрофу, Шемелев, «попутно с использованием отпуска» выяснил в Москве, что Истпроф как органическая часть ВЦСПС ликвидирован, а основная научно-исследовательская часть этой работы передана Комакадемии ЦИК СССР. Поэтому он консультировался в Институте истории Комакадемии (где имела секция по изучению истории пролетариата СССР с подсекцией истории продвижения) у «тов. Панкратовой», замещавшей руководителя этой подсекции «тов. Сидорова». Панкратова предложила «установить возможно тесную связь с Истпартом (руководство и согласования планов работы) и, кроме того, оформить в Новосибирске отделение Общества историков-марксистов с привлечением к этому делу направленных в Новосибирск историков, окончивших Комакадемию (Альпов, Гоберник)» [6, д. 171, л. 9-9 об.]. (Пока не удалось выяснить, кто были эти историки, действительно ли они оказались в Новосибирске в середине 1930-х гг.)

Шемелев ознакомился с имевшимися на тот момент в Музее Революции выставками, включая выставку-передвижку «Профинтерн», которую «в упрощенном оформлении» он заказал отложить «до согласования расходов», а для ориентировки взял фотографии готовых щитов выставки. Он успел просмотреть каталог архива музея и убедился в наличии значительного материала по истории рабо-

чего движения в Сибири, сделал заказы на отдельные комплекты фото-материалов выставок «Три революции» и «Первая революция». Эти материалы были включены им в план выставки Западно-Сибирского отделения Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев к 16-й годовщине Октября под названием «Через каторгу и ссылку к пролетарской революции и социалистическому строительству» [6, д. 167, л.46-48].

Мотивы создания юбилейных выставок раскрывает фраза из статьи В. Шемелева «Шаг в массы», посвященной выставке-передвижке Западно-Сибирского Крайсовпрофа по истории революции 1905 г.: «Устроителем выставки была поставлена задача напомнить старым рабочим и показать молодым опыт “генеральной репетиции Октября” в 1905 г., проследить основную ленинскую линию пролетарской революции в противопоставлении с всякого рода уклонами от нее (экономизм, меньшевизм, троцкизм), связать ее с новыми задачами социалистического строительства “через 25 лет после первой революции”» [6, д. 171, л. 4-5].

Основным детищем, о котором беспокоился Шемелев, был проект краевого «Музея каторги и ссылки» в Новосибирске. Подготовленный им в 1932 г. вариант базировался, с одной стороны, на идее отражения сибирской части общей истории революционного движения и ее особой роли. Одновременно Музей рассматривался как «достойный памятник борцов трех революций и длительной подготовки к ним в мрачные годы самодержавия, начиная с эпохи декабристов и ранее» [6, д. 172, л. 1-12]. Среди обнаруженных материалов имеются

черновые наброски ориентировочного плана Шушенского историко-революционного музея имени В.И. Ленина [6, д. 166, л. 2-3 (с двух сторон), 4-4 об., 5]. Остановлюсь на не совсем типичных для историка новой формации представлениях о необходимости развертывания собирательской и исследовательской работы и опоры на подлинные местные материалы.

Примечательны, например, такие рассуждения Шемелева, соответствующие «генеральной линии» партии: «Классовая борьба продолжается, и историко-революционный музей не может быть аполитичным. И в наши дни решающей борьбы за социализм особенно нужно подчеркнуть всей экспозицией музея: кто не с нами, кто не с коммунистической партией, тот против нас, против пролетариата, против социализма». В то же время он поясняет, что такая *«общая установка ни в коей мере не должна отражаться на полноте экспозиции музея, на собирании возможно исчерпывающего материала по истории каторги, ссылки и революционного движения в Сибири»* (курсив мой – В.Р.). Для членов Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев участие в наполнении музея он считает обязательным. Еще одна предлагаемая им форма – это бригады содействия музею при местных краеведческих организациях. В адрес местных музеев, имеющих уголки или отделы, посвященные революционному движению, он высказывает предложение составлять описи имеющихся материалов для Краевого музея, чтобы в дальнейшем концентрировать основные коллекции в нем и создавать общий фонд.

Наиболее интересны ориентиры поиска необходимых документов. Шемелев подчеркивает, что, несмотря на требование о передаче исторических документов на государственное хранение, на местах могут быть обнаружены документы «почему-либо неприбранные, не попавшие в архивохранилища». Он обращает внимание, что «на руках у частных лиц может быть также немало документов исторического значения, которые могут быть использованы в качестве экспонатов или хотя бы для справки». По его убеждению, не должны быть упущены «снимки» тюрем и тюремного быта, виды сибирских городов, сел и деревень, связанных со ссылкой той или другой эпохи, характерный сибирский пейзаж.

Шемелев считал, что «тщательно должны быть собраны фотографии политических ссылных более древних формаций: декабристов, народовольцев с их семьями и окружающей средой». В этом же блоке выделена задача «собрать весь иллюстрационный материал, относящийся к ссылке Ленина, Сталина, Свердлова, Фрунзе, Эйхе. Интересны как портреты, так и групповые снимки, рисующие окружающую среду». В этих рекомендациях можно увидеть сходство с современными подходами, ориентирующими не только на визуальные образы прошлого, но и на отражение социокультурного контекста его бытования (в данном случае, истории политической ссылки). Читаем у Шемелева: «Особенно интересны снимки различных бытовых групп ссылных, снимки, характерные по обстановке, по одежде и т.д. Помимо фотографий, относящихся непосредственно к ссылке, должны

быть также подобраны фотографии, характеризующие местное сибирское общество той или иной эпохи (представители администрации, полиции, духовенства, сибирские рабочие и крестьяне)» [6, д. 172, л. 8-9].

Применительно к следующей группе материалов, ценных для создаваемого Музея, – к «литературным изданиям и иллюстрациям» (так в тексте справки – *В.Р.*) Шемелев уточнил: «Прежде всего, должны быть собраны все прокламации и другие подпольные издания, выходившие или распространявшиеся в Сибири. Затем представляют интерес различные легальные литературные произведения, опубликованные политссылными, а также те периодические издания, в которых они участвовали».

Снова видна нацеленность на создание максимально полного представления о героическом революционном прошлом, включая повседневный срез политической ссылки: «Старые издания могут дать такие интересные иллюстрации, как для общей характеристики той или иной эпохи в Сибири и быта тюрьмы и ссылки, так и в отношении участия отдельных политссылных в общественной жизни и т.д.». Он добавляет: «Старые же издания, ставшие часто редкостью, надо собирать. Не должны быть также забыты рукописные издания, в особенности тюремные журналы». И как обобщающий методический прием, без которого, по мнению Шемелева, нельзя обойтись (и который нисколько не утратил своей актуальности – *В.Р.*), он проговаривает следующее: «Музей ставит своей задачей воспроизвести быт каторги и ссылки и революционного движения в Сибири в художе-

ственной живописи и скульптуре. Будет дан ряд художественных реконструкций и макетов каторжных и пересыльных тюрем, этапов; арестантских барж и т.д.». Шемелев считал, что «нужны и могут быть полезные не только зрелые художественные произведения, но также и любительские зарисовки, которые могут подсказать сюжет или помочь более верно воспроизвести натуру». Особую ценность «исторического документа» он придавал художественным произведениям и зарисовкам с натуры и по воспоминаниям самих политкаторжан и ссыльных, зарисовкам непосредственных участников революционного движения.

В качестве наиболее важных экспонатов «всякого музея» В.И. Шемелев выделил «вещественные реликвии» и сделал оговорку, примечательную с точки зрения восприятия посетителями исторического прошлого, особенно в историко-революционных музеях, где имеется «неизбежно большое количество архивных документов и фотографий». По его убеждению, роль вещественных реликвий «особенно велика для наглядного воспроизведения эпохи, для оживления внимания посетителей», но нужно тщательно собирать подлинные вещи. Именно здесь он видел широкие возможности для проявления краеведческой инициативы и находчивости. Последнее, что отличает близость методических рекомендаций В.И. Шемелева к научным проектам, а не к выполнению идеологического заказа, касается обработки собранного для музея материала. Из текста все той же черновой справки: «Каждый экспонат – к вещественным реликвиям это отно-

сится в особенности – должен быть снабжен паспортом, то есть записью, что это за вещь, где и когда применялась, кем и когда найдена и т.д.» [6, д. 172, л. 12].

Одновременно с вопросами создания историко-революционного музея и подготовкой различных юбилейных выставок В.И. Шемелев занимался организацией работы историко-революционной секции Западно-Сибирского краевого бюро краеведения. Это влияло на широту его представлений о возможных направлениях поиска документальных и вещественных материалов по истории края, в том числе и для историко-революционного музея при Обществе политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Перечень актуальных направлений работы секции определялся соответствующими заданиями ЦК ВКП(б). Тема ленинской ссылки по-прежнему оставалась одной из важных, но в русле показа общей революционной и политической истории Сибири и СССР. Это хорошо заметно по рукописи намечаемой экспозиции историко-революционного музея имени В.И. Ленина в Шушенском: из 7-ми щитов первого зала «Ленин в сибирской ссылке» только два (№ 3 и № 4) относились к Сибири [6, д. 166, л. 4-4 об.]. Остальные, с весьма подробно обозначенными экспонатами относились к началу революционной деятельности Ленина и его жизненному пути после ссылки. Предполагалось, что изучением истории ссылки Ленина должна заниматься местная ячейка историко-революционной секции, которую следовало организовать в Шушенском.

С ликвидацией Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, с за-

крытием Центрального Музея Общества в Москве, а также с появлением «Краткого курса истории ВКП(б)» из политической истории, из истории советской культуры и музейного дела оказались вычеркнутыми региональные музейные проекты, соответствовавшие установкам своего времени и, тем не менее, представлявшие историю политической ссылки в лицах и материальных свидетельствах.

Пример с рассмотренным наследием «фигур умолчания» показывает, что процесс его включения в региональную историографию протекает неравномерно. Продолжает сохраняться недооценка материалов личных архивных фондов сибирских историков. Интеллектуальные опыты исследователей, работавших в переломную эпоху, не вошли в коммуникативное пространство современной исторической науки. Следовательно, не работает принцип преемственности, необходимый для того, чтобы избежать опасности очередного идеологического колебания «социального заказа».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гревс, И.М. Два педагогических идеала [Текст] / И.М. Гревс // Педагогическая мысль. – 1921. – № 1-4. – С. 3-18.
2. Историческая энциклопедия Сибири [Электронный ресурс]. – URL: // www.bsk.nios.ru/ enciklopediya (дата обращения: 10.09.2016)
3. Мир историка. XX век. Монография [Текст] / Под ред. А.Н. Сахарова. – М.: ИРИ РАН, 2002. – 476 с.
4. Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 40 [Текст]. – М.: ИВИ РАН, 2012. – 400 с.
5. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). – Ф-Д-38 (Жерновков Г.И.). – 153 ед. хр., за 1751–1927 гг.;
6. ГАО. – Ф. Р-869 (Шемелев В.И.). – 236 ед. хр., материалы по описи 1926–1941 гг.
7. Возвращенные имена. По документальным материалам личного фонда В.И. Шемелева, переданным в Государственный архив Новосибирской области в 1942 г. [Текст]. – Кемерово: Кемеровский гос. университет, 1998. – 116 с.
8. Зиновьев, В.П. В.И. Шемелев – историк и краевед Алтая [Текст] / В.П. Зиновьев // Актуальные вопросы истории Сибири: Научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. – Барнаул, 1998.
9. Рыженко, В.Г. «Ненужное» наследие 1930-х годов? (Опыты музейного проектирования сибирского историка В.И. Шемелева [Текст] / В.Г. Рыженко // XVI Словоцковские чтения: Материалы докл. и сообщ. XVI Всерос. науч.-практ. краевед. конф. Часть 2. – Тюмень, 2004. – С. 76-79.
10. Сибирский туризм в документах В.И. Шемелева [Текст] / Авт.-сост. Л.С. Романова, М.И. Корсакова. – Новосибирск, 2002. – 160 с.
11. Рыженко, В.Г. Возвращенное наследие историков XX века в коммуникативном поле современной исторической науки: приглашение к дискуссии [Текст] / В.Г. Рыженко // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков: сборник статей / Под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной, Ю.В. Красновой. – Челябинск: Энциклопедия, 2011. – С. 372-383.
12. Энциклопедия Новосибирска [Текст]. – Новосибирск: Новосибирское книжное изд-во, 2003. – 1071 с.
13. Средства массовой информации Новоноколаевска-Новосибирска. 1906-2006 гг. Словарь-справочник [Текст] / Гос. публич. науч.-техн. б-ка Сиб. отд-ния Рос. акад. наук; авт.-сост.: А.Л. Посадсков, И.В. Лизунова; отв. ред. Е.Н. Савенко. – Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2007. 544 с.: 48 ил.
14. Вержбицкая, Е.Ю. Перспективы политического развития Сибири в трудах представителя позднего областничества Г.И. Жерновкова [Текст] / Е.Ю. Вержбицкая // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2007. – Вып. 3. – С. 122-125.

15. ГАНО. – Ф.217. – Оп. 1. – Д. 262. – Л. 155-156.
16. Архив РАН. – Ф. 543. Личный архив Н.А. Морозова. – Оп. 4. – Д. 615. – 4 л. [Электронный ресурс] / URL: [www.: ras.ru/namorozovarchive/5_actiew.aspx?id=2343](http://www.ras.ru/namorozovarchive/5_actiew.aspx?id=2343) (дата обращения: 10.09.2016).
17. Письмо Г.И. Жерновкова Н.А. Морозову [Электронный ресурс] / URL: [www.: ras.ru/ Marchive/pageimages/543/4_0615/003.jpg](http://www.ras.ru/Marchive/pageimages/543/4_0615/003.jpg) (дата обращения 10.09.2016).

REFERENCES

1. Arhiv RAN, F. 543, *Lichnyy arhiv N.A. Morozova*, Op. 4, D. 615, 4 p., available at: URL: [www.: ras.ru/namorozovarchive/5_actiew.aspx?id=2343](http://www.ras.ru/namorozovarchive/5_actiew.aspx?id=2343) (accessed: 10.09.2016). (in Russian)
2. *Dialog so vremenem. Almanah intellektualnoy istorii. 40*, Moscow, IVI RAN, 2012, 400 p. (in Russian)
3. *Entsiklopediya Novosibirsk*, Novosibirsk, Novosibirskoe knizhnoe izdatelstvo, 2003, 1071 p. (in Russian)
4. Gosudarstvennyy arhiv Novosibirskoy oblasti (GANO), F. 217, Op. 1, D. 262, pp. 155-156. (in Russian)
5. GANO, F. R-869 (SHemelev V.I.), 236 ed. hr., materialy po opisi 1926–1941 gg. (in Russian)
6. GANO, F-D-38 (Jernovkov G.I.), 153 ed. hr., za 1751–1927 gg. (in Russian)
7. Grevs I.M., Dva pedagogicheskikh ideala, *Pedagogicheskaya myisl*, 1921, No. 1-4, pp. 3-18. (in Russian)
8. *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri*, available at: [www. bsk. nios. ru/ entsiklopediya](http://www.bsk.nios.ru/entsiklopediya) (date accessed: 10.09.2016) (in Russian)
9. *Mir istorika. XX vek. Monografiya*, ed. A.N. Saharova, Moscow, IRI RAN, 2002, 476 p. (in Russian)
10. *Pismo G.I. Jernovkova N.A. Morozovu*, available at: [www.: ras.ru/ Marchive/pageimages/543/4_0615/003.jpg](http://www.ras.ru/Marchive/pageimages/543/4_0615/003.jpg), (accessed: 10.09.2016) (in Russian)
11. Ryijenko V.G., ““Nenujnoe” nasledie 1930-h godov? (Opityi muzeynogo proektirovaniya sibirskogo istorika V.I. Shemeleva, in: *XVI Slovtsovskie chteniya: Materialy dokladov i soobschenii XVI Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi kraevedcheskoi konferencii. Part 2*, Tyumen, 2004, pp. 76-79. (in Russian)
12. Ryijenko V.G., “Vozvrashchennoe nasledie istorikov XX veka v kommunikativnom pole sovremennoy istoricheskoy nauki: priglashenie k diskussii”, in: *Istoriya i istoriki v prostranstve natsionalnoy i mirovoy kultury XVIII-XXI vekov: Collection of scientific papers*, ed. N.N. Alebras, N.V. Grishinoy, YU.V. Krasnovoy, Chelyabinsk, Entsiklopediya, 2011, pp. 372-383. (in Russian)
13. *Sibirskiy turizm v dokumentah V.I. Shemeleva*, ed. L.S. Romanova, M.I. Korsakova, Novosibirsk, 2002, 160 p. (in Russian)
14. *Sredstva massovoi informatsii Novonikolaevska-Novosibirsk. 1906-2006 gg. Slovar-spravochnik*, Gos. publich. nauch.-tekhn. b-ka Sib. otd-niya Ros. akad. nauk; avt.-sost. A.L. Posadskov, I.V. Lizunova, otv. red. E.N. Savenko,- Novosibirsk, GPNTB SO RAN, 2007, 544 p. (in Russian)
15. Verjbitskaya E.Yu., Perspektivy politicheskogo razvitiya Sibiri v trudah predstavatelya pozdnego oblastnichestva G.I. Jernovkova, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, Vyip. 3, 2007, pp. 122-125. (in Russian)
16. *Vozvrashchennyye imena. Po dokumentalnym materialam lichnogo fonda V.I. SHemeleva, peredannym v Gosudarstvennyy arhiv Novosibirskoy oblasti v 1942 g.*, Kemerovo, Kemerovskiy gosudarstvennii universitet, 1998, 116 p. (in Russian)
17. Zinovev V.P., “V.I. Shemelev – Istorik i kraeved Altaya”, in: *Aktualnyye voprosy istorii Sibiri: Nauchnie chteniya pamyati professora A.P. Borodavkina*, Barnaul, 1998. (in Russian)

Рыженко Валентина Георгиевна, доктор исторических наук, профессор, кафедра современной отечественной истории и историографии, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, valentina948@mail.ru

Ryzhenko V.G., ScD in History, Professor, Modern Russian History and Historiography Department, F.M. Dostoevsky Omsk State University, valentina948@mail.ru

УДК 93/94
ББК 63.3(0)

НОВАЯ ИСТОРИЯ МЕДИЦИНЫ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ*

А.Э. Афанасьева

Аннотация. *Новая история медицины – относительно недавнее направление исторического знания, сфокусированное на изучении роли медицины, ее идей, идеологий и практик в жизни общества. В отличие от традиционной медицинской истории, сосредоточенной на фиксации последовательного приращения медицинского знания, новая история медицины помещает медицинское знание в плотный историко-культурный контекст, анализируя дискретность и возвратное движение в истории медицинской мысли, рассматривая конкурирующие теории и практики, исследуя языки описания болезней. Настоящая статья предлагает ряд наблюдений, посвященных современному состоянию новой истории медицины, основным методологическим тенденциям ее развития и отдельным проблемным «узлам» этой дисциплины.*

Ключевые слова: *новая история медицины, история медицины, методология истории, история эпидемий, история болезней и здоровья.*

MODERN HISTORY OF MEDICINE AT THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY: MAIN TENDENCIES OF DEVELOPMENT

486

A.E. Afanasyeva

Abstract. *Modern history of medicine is a relatively recent historical development, focused on the study of the role of medical ideas, ideologies and practices in the life of society. In contrast to traditional history of medicine, mainly tracing the systematic accumulation of medical knowledge, modern history of medicine explores medical ideas within their rich historical and cultural contexts. It analyses discontinuities and ruptures in the history of medical knowledge, examines competing theories and practices and the transformations of medical vocabularies employed by various actors. The article offers some observations concerning the current state of the new history of medicine, its main methodological trends and its research agenda.*

Keywords: *modern history of medicine, history of medicine, methodology of history, history of epidemics, history of health and disease.*

* Работа выполнена при поддержке РНФ, проект № 15-18-30005.

Почему до середины XIX века врачи предпочитали лечить пациентов кровопусканием? Что видели и слышали врачи, исследуя больного, и как воспринимал свое состояние сам пациент? Как повышенное внимание к «нервам», характерное для европейских аристократов XVIII века, было связано с модой на опыты с электричеством? Что могут сказать о политическом режиме карты эпидемий?

Подобные вопросы, входящие в круг интересов новой медицинской истории, демонстрируют отличия этого исследовательского поля от истории медицины в ее классическом изводе. Если традиционная история медицины была сосредоточена на описании биографий известных врачей и развития медицинских институтов и представляла собой хронику прогрессивного движения Запада в борьбе с разнообразными недугами, новая история медицины, появившаяся в 1970-е гг., поместила медицинские теории и способы лечения болезней в широкий социальный и культурный контекст. Исследователей интересовала не столько логика развития медицины и последовательность появления тех или иных врачебных техник, сколько роль медицины, ее идей, идеологий и практик в жизни общества. Тем самым история медицины из специфической, узкопрофессиональной области, создававшейся врачами и для врачей, превратилась в важнейшую часть истории любого общества. Новый подход к медицинской истории дал историкам возможность объяснять индивидуальные и коллективные действия людей прошлого через обращение к распространенным

представлениям о здоровье, болезни, рождении и смерти. Способы осмысления этих состояний, варьировавшиеся от региона к региону и от эпохи к эпохе, обуславливали переживания и поступки отдельных людей и социальных групп. Они ложились в основу устройства общественных институтов, а начиная с нового времени – и логики действий государственных органов.

В настоящий момент новая история медицины принадлежит к числу наиболее популярных областей исторического знания: разнообразие тематики и методологических подходов, выработанных за несколько десятилетий ее существования, позволяет исследовать широчайший спектр сюжетов. Не претендуя на всеобъемлющий анализ всех направлений этого обширного исследовательского поля, данная статья предлагает ряд наблюдений, посвященных современному состоянию новой истории медицины, основным методологическим тенденциям ее развития и отдельным проблемным «узлам» этой дисциплины.

487

Методологические тенденции новой истории медицины

Со времени своего появления в 1970-е гг. новая история медицины осмысливала себя прежде всего как часть истории, чем резко отличалась от своей предшественницы, классической медицинской истории, выполнявшей главным образом дидактические и образовательные функции и являвшейся частью профессиональной подготовки врачей. Соответственно, многочисленные «повороты», которым следовала историческая наука последней трети XX века,

в полной мере отражались на подходах и круге тем новой медицинской истории: она обращалась к графикам и таблицам в период популярности квантитативной истории в 1980-е гг., к языку научных и профанных текстов на волне интереса к интеллектуальной и культурной истории в 1990-е гг. и на протяжении десятилетий была постоянно разрываемая противоречивыми представлениями о цели и месте исторической науки [1–3].

Значительное методологическое разнообразие и сейчас является одной из наиболее заметных черт новой истории медицины. Среди опубликованных в последние годы работ можно встретить труды, укладывающиеся в русло социальной истории медицины с ее вниманием к профессионализации медицины, опыту пациентов и взаимодействию различных агентов «медицинского рынка»; исследования в духе культурной истории, в большей степени ориентированные на изучение концептуализации болезней в разнообразных временных, пространственных и социальных контекстах; работы биографические и посвященные истории институтов; обобщающие тексты теоретического характера и микроисторические исследования. Едва ли справедливо говорить, что новейшим публикациям совершенно чужда позитивистская фактологическая направленность: исследовательское поле новой истории медицины обширно и число трудов в нем слишком велико, чтобы оно было методологически однородным. Однако в целом для работ последних лет характерен концептуальный разрыв с прежней «вигской» традицией написания истории медицины как исто-

рии последовательного накопления морально нейтрального научного медицинского знания, создававшегося силами врачей-профессионалов. Исследователи выявляют дискретность и возвратное движение в развитии медицинской мысли, демонстрируют влияние политики и идеологии на медицинские теории, указывают на роль неофициальных целителей (повитух, костоправов, травниц, священников, колдунов, цирюльников и прочих представителей медицинского «полусвета») в повседневных практиках врачевания.

Западная медицинская традиция, которая десятилетиями описывалась как устойчивый набор техник и идей, при ближайшем рассмотрении оказывается далеко не монолитной и распадается на множество разнообразных, нередко конкурирующих, теорий и практик, среди которых можно обнаружить и заимствования из народной медицины, и усвоенные и переосмысленные в качестве «своих» образцы целительства, пришедшие с Ближнего Востока, из Индии или Китая.

Сама медицинская традиция Запада, составлявшая предмет исследований многих поколений историков, в современных работах перестает быть основной и единственной. В поле зрения ученых попадает весь спектр мировых медицинских систем, от широко известных, распространявших свое влияние далеко за пределами одной страны (как, например, китайская медицина или индийская аюрведа), до малоизученных локальных традиций стран Африки, Латинской Америки или Юго-Восточной Азии, каждая из которых является отражением культурной

специфики породившего ее общества. Преодоление свойственного истории медицины европоцентризма происходит не только через расширение географического охвата территорий и смещение акцента на неевропейские медицинские системы – изменяются сами подходы к изучению этих систем. Ученые подчеркивают необходимость осмысления локальных медицинских традиций в их собственных терминах: внимание исследователей должно быть сосредоточено не столько на техниках лечения и медицинских концептах, значимых с точки зрения европейской медицины, сколько на тех практиках, идеях и институтах, которые признаются в качестве центральных самими представителями изучаемой медицинской традиции [4].

Стремление к описанию культуры в ее собственных терминах, отсылающее нас к культурной антропологии и, в частности, к трудам Клиффорда Гирца, появилось в истории медицины, с одной стороны, под влиянием культурной истории, во многом усвоившей антропологическую концепцию культуры и ориентировавшей историка на необходимость пробираться «сквозь дебри чуждой ему ментальности» [5, с. 10]. С другой стороны, целый ряд свойственных антропологии подходов был заимствован историей медицины напрямую из работ медицинских антропологов, которых прежде всего интересовали неевропейские системы врачевания, в том числе в их историческом измерении.

Актуальная для антропологии установка на изучение конкретных культурных практик повседневной жизни людей и тех представлений,

на которых они основаны, поиск и анализ символических форм, сетей значений и скрытых смыслов исследуемой культуры оказалась весьма полезной для историков медицины. Часто артикулируемое в антропологии разграничение между понятиями «болезни» (disease) и «недуга» (illness), в рамках которого «болезни» рассматриваются как объективная биологическая патология, а «недуги» – как культурно структурированные реакции на эту патологию, подчеркивает культурную укорененность любой болезни, ее сконструированную природу, тем самым помещая болезни в область исторического и культурологического анализа [6]. Исследовательская программа антропологии с ее специфическим пониманием культуры, четко определенным набором методов и акцентом на постоянной рефлексии ученого является сейчас особенно привлекательной для истории медицины. Наиболее интересные труды последних лет по медицинско-исторической тематике написаны на стыке истории и антропологии [см., напр.: 7; 8]; с развитием антропологической перспективы в исследованиях нередко связывается будущее истории медицины [9, с. 221].

Характерным примером антропологически ориентированного исследования по истории медицины может служить недавний труд «Тело в равновесии: гуморальная медицина на практике» [10]. Большинство медицинских систем мира, развивавшихся на протяжении последних двух тысяч лет, были сосредоточены вокруг понятия «баланса»: здоровье и болезни объяснялись в терминах сохранения или нарушения равнове-

сия между элементами живого организма – гуморами. Наиболее развернутую теорию взаимодействия гуморов мы находим в античной медицине: во II в. н.э. ее создал римский врач Гален, опираясь на тексты Гиппократовского корпуса (V–IV вв. до н.э.) и натурфилософию Аристотеля; наблюдения и рассуждения последнего о четырех жизненных элементах применительно к телу человека были для Галена особенно ценными. Подкрепленная авторитетом Аристотеля, эта теория оказала мощное воздействие на медицинскую мысль арабского Востока, проникла в Индию и на Тибет, а также прочно укрепились в средневековой Европе, сохранив свои позиции в западной медицине вплоть до XIX века.

Похожие представления о балансе жизненных элементов существовали во многих других медицинских традициях мира, что давало исследователям возможность объединять их в группу «досовременных», «донаучных» систем, составлявших резкий контраст с более поздней западной «научной» медициной, основанной на совершенно иных принципах. Авторы коллективной монографии, признавая значимость идеи баланса гуморов для основных мировых медицинских систем, вместе с тем указывают на чрезвычайную размытость и вариативность ключевого понятия гуморальных систем – гумора – даже в рамках одной, греко-римской традиции. Концепты жизненных элементов, которыми оперировали другие медицинские системы – тибетская, индийская, китайская и др., – как показывают исследования, еще труднее сопоставить с классическим европейским гумором.

Столь же сложно определить, казалось бы, ясное на первый взгляд понятие «баланса», лежащее в основе гуморальных систем: как концептуализируется искомое равновесие, кем и в каких обстоятельствах? Наконец, в какой степени эта теория оказывается востребованной на практике? Действительно ли она задает систему координат, в рамках которой взаимодействуют врач и пациент? Поиск ответов на эти вопросы ведется авторами коллективной монографии на основании скрупулезного сравнительного анализа исторических текстов и полевых этнографических данных; результатом становится не только ряд крайне интересных, насыщенных исследований – например, о восприятии гнева и его медиализации в китайской медицине (Элизабет Хсу) или о влиянии экономических перемен в Японии периода Эдо на изменение симптоматики отдельных болезней (Шигехиса Куреяма); отталкиваясь от детализированных кейсов, ученые ставят вопросы о необходимости переопределения базовых категорий истории медицины. Как указывает в предисловии один из авторов-составителей, «каждый термин в заглавии нашей книги – прежде всего, «равновесие», «гуморальный», – но также и категории «тело» и «медицина»... должны быть заново осмыслены с точки зрения истории и этнографии» [10, с. 6].

Постоянно пересматривая методологические принципы и расширяя географические границы исследований, история медицины последних лет активно осваивает новую тематику и обращается ко все новым группам источников. В следующей части статьи речь пойдет об истории

эпидемий – традиционном направлении истории медицины, развитие которого в настоящий момент наглядно демонстрирует отмеченные тенденции.

История эпидемий

С тех пор как в 1961 г. известный британский историк Эйса Бриггз указал на значимость эпидемий как социального феномена и призвал уделить их изучению особенное внимание [11, с. 76], интерес к этому направлению исторических исследований остается неизменно высоким. Эпидемии рассматриваются как масштабные социальные кризисы, которые в концентрированной форме демонстрируют фундаментальные характеристики общества и вскрывают существующие в нем точки напряженности. Они формируют специфику государственного управления, нередко способствуя централизации власти, и играют важнейшую роль во взаимоотношениях между странами, поскольку ставят под угрозу вопросы национальной безопасности и сложившиеся коммерческие интересы. Эпидемии показывают конфигурации взаимодействия различных социальных групп и позволяют судить о системах ценностей и доминирующих идеологиях: любая эпидемия интерпретируется в соответствии с определенной повесткой, призванной объяснить причины катастрофы и указать на недостатки социального порядка [12; 13; 14].

Не имея возможности в рамках одной статьи охватить весь спектр направлений изучения истории эпидемий, остановлюсь лишь на некоторых из них. Среди исследований последних лет можно выделить рабо-

ты, проблематизирующие городское пространство как место и источник эпидемий. Серия трудов посвящена микроисторическому изучению пораженных районов: используя специальное программное обеспечение, историки выявляют выстраиваемые современниками связи между эпидемиями, социальным положением жителей и особенностями городской среды [15–17].

Другое активно развивающееся направление сфокусировано на анализе эпидемий в колониальных контекстах. Внимание ученых направлено на изучение влияния колониальных идеологий и генерируемых ими языков описания на практики борьбы с эпидемиями. Исследуется динамика отношений различных участников противоэпидемических кампаний, позволяющая увидеть конфликты интересов и проследить сложные взаимодействия культурных установок европейцев и местного населения. Детально рассматриваются сценарии прямого и пассивного сопротивления санитарным мерам, нередко очерчивающего пределы возможностей имперской власти на местах [18; 19].

Одним из наиболее интересных проектов по истории эпидемий, в котором эти и прочие сюжеты преломляются с новой точки зрения, является коллективный проект ученых из Кембриджа во главе с Кристофом Линтерисом. Усилия группы сосредоточены на сборе и анализе изображений, связанных с третьей пандемией чумы – масштабной эпидемией, разворачивавшейся с 1855 по 1959 г. на всех обитаемых континентах земного шара. Начало пандемии совпало с развитием фотографиче-

ских техник, благодаря которым эпидемия оказалась выведенной из области узкопрофессиональной медицинской экспертизы в широкое поле общественного обсуждения. Фотографические изображения эпидемии, документируя признаки болезни, повседневную работу бактериологических лабораторий, способы дезинфекции городов и вспышки протеста местного населения против санитарных мер, создавали визуальные нарративы чумы, объяснявшие и фиксировавшие причины ее появления, размах и социальные последствия. Визуальные документы указывали на целый спектр важнейших проблем эпохи, как, например, пределы вмешательства государства в свободную торговлю и жизнь местных сообществ, использование сегрегации как санитарной меры, связанной с представлениями о классовых и расовых особенностях человеческих патологий, роль современных технологий в быстром распространении болезни по странам и континентам. Фотография предлагала набор суждений о порядке и беспорядке, норме и отклонении, о человеческом теле, обществе, политике и биологии, которые отражали существующие в обществе идеи и в то же время активно формировали их, воздействуя на коллективное воображение [20].

Хотя фокус интересов данной группы исследователей направлен прежде всего на фотографию в силу ее особого «документального» статуса в ту эпоху, в поле зрения этих и других ученых попадают и прочие визуальные источники: рисунки, диаграммы, схемы, фильмы, архитектурные сооружения. Так, Марта Хэнсон, изучая карты эпидемий, созда-

вавшиеся в Китае и Японии на протяжении 1870-х – 1920-х гг., показывает, как карты графически иллюстрируют трансформацию восточной медицины под натиском западного медицинского знания, а также фиксируют изменения политического порядка. Карты эпидемий рассматриваются как визуализация определенных медицинских концепций и выдвигаемых в их рамках аргументов, свидетельств и причинно-следственных связей. Если ранние карты, пишет Хэнсон, в основном отражали взаимоотношения между болезнью и средой, то карты, создаваемые в период вестернизации Китая и Японии, сосредоточены на степени контроля властей над эпидемией. По мысли исследовательницы, появление на картах информации о медицинской инфраструктуре или количестве пострадавших от эпидемии не только демонстрирует усиление такого контроля в конце XIX – начале XX века, но и легитимирует новые системы власти, которые сделали его возможным. Карты перестают быть исключительно аналитическим инструментом, приобретая функции инструмента власти, узаконивающего основания для карантинных и прочих форм социального надзора [21].

Отдельным направлением исследований стала история пандемий – масштабных эпидемий, охватывающих территории нескольких стран и даже континентов. «Пандемия» – слово древнегреческого происхождения – приобрело свое современное значение лишь в XIX веке: именно тогда интенсификация транспортного сообщения между различными регионами Земли, рост товарооборота и увеличение потоков миграции ста-

ли факторами, обусловившими быстрое превращение локальных эпидемий в глобальную угрозу. Это значение, однако, не являлось стабильным: если в XIX веке пандемией называли эпидемию с особенно высокой смертностью (как, например, пандемию гриппа в 1918–1919 гг.), то в XXI веке пандемией считается любое быстро распространяющееся инфекционное заболевание, даже если смертность от него невысока (как в случае с так называемой «атипичной пневмонией», то есть тяжелым острым респираторным синдромом (SARS)). Определение эпидемии как пандемии в XXI веке становится инструментально важным, поскольку задает стратегию поведения в отношении данного заболевания, вовлекающую множество международных акторов – от правительств отдельных государств и Всемирной Организации Здравоохранения до фармацевтических корпораций, транспортных и торговых компаний. Разворачивающаяся в условиях глобализации пандемия и меры по ее ограничению неизбежно затрагивают коммерческие интересы огромного числа участников разнообразных цепочек взаимодействия во всем мире; на этом фоне сохранение здоровья заболевших людей нередко становится далеко не первостепенной задачей [14, с. 257-275].

Внимание исследователей к истории пандемий постоянно растет, что напрямую связано с увеличением количества и масштаба эпидемических заболеваний в последние десятилетия. Ученые отмечают нарастание пессимизма в отношении прогноза борьбы и предупреждения пандемий. Если в конце XIX – первой по-

ловине XX века на волне успехов в медицине многие разделяли уверенность в возможности искоренения любой значительной эпидемии, сейчас становится все более очевидно, что полная победа над пандемиями невозможна. Появление все новых заболеваний, мутации уже известных, демонстрирующих резистентность к прежним методам лечения, существование серьезных побочных эффектов от применения медикаментов – все это свидетельствует о переходе пандемий в разряд постоянно возникающих угроз, против которых пока бессильна наука. Движение пандемий сейчас значительно менее предсказуемо, чем в XIX веке, когда траекторию перемещения инфекции можно было отследить по маршрутам поездов и морских судов; все сложнее становится контролировать центры власти, поскольку власть приобретает гораздо более дисперсный и множественный характер. В этих условиях правительства наращивают мощь аппаратов госбезопасности, провозглашая необходимость постоянной готовности к следующему удару природной стихии, направление которого невозможно предугадать. Предсказания грядущих бедствий, озвучиваемые медиками-экспертами, формируют апокалиптическое мышление и определяют стиль жизни обществ, находящихся в непрерывном ожидании катастрофы [8].

История хронических заболеваний

История хронических заболеваний оказалась включенной в исследовательскую повестку новой истории медицины относительно недавно. В отличие от эпидемических болезней, масштабность проявлений и

размах последствий которых всегда привлекали историков, «повседневные» болезни довольно редко попадали в поле зрения ученых. Отчасти это объясняется скудостью источников, преимущественно биографических, – хронические болезни не порождали обилия документов, характерного для эпидемий, – отчасти – представлением о том, что хронические болезни стали проблемой человечества лишь недавно, когда оно избавилось от наиболее угрожающих острых инфекций, и рост жизненных стандартов стал причиной появления «болезней цивилизации», к которым относят, например, диабет. Между тем, как указывают исследователи, хронические болезни были постоянными спутниками человека с древнейших времен (так, диабет был хорошо известен врачам античной Греции и Древней Индии). Они определяли качество жизни человека и траекторию его жизненного пути, они влияли на выбор занятий и социальную активность; они становились предметом рефлексии в автобиографических и литературных текстах и создаваемых визуальных образах [22, с. 393-394].

Обращаясь к генеалогии медицинских представлений о хронических болезнях, исследователи указывают на важнейшую роль, которую сыграли в их формировании идеи античных мыслителей, и прежде всего, учение Аристотеля. Его теория взаимодействия четырех гуморов, объяснявшая функционирование человеческого тела, составляла основу медицинских концепций античности, средних веков и раннего нового времени [23, с. 172-178; 24, с. 64]. Философ, фактически создавший есте-

ственнонаучный метод и обосновавший необходимость систематического наблюдения за природой, все в которой имеет свою причину и цель, внес существенный вклад в развитие сравнительной анатомии, физиологии и эмбриологии. Опираясь на данные, полученные при вскрытии животных, Аристотель сделал ряд важных выводов о работе внутренних органов; его идеями о функционировании сердца спустя две тысячи лет руководствовался знаменитый английский ученый У. Харви, открывший кровообращение [25, с. 215].

Из философских и медицинских текстов античности пришли названия многих хронических болезней и их первые описания; Древняя Греция служит точкой отсчета для авторов целого ряда новых «биографий» хронических болезней и болезненных состояний, таких как астма, ожирение и диабет. Прослеживая историю этих болезней от античности до наших дней, ученые показывают, как биологически реальная патология определяется, рационализируется и переживается по-своему в каждом историческом и культурном контексте [26–28].

Так, Марк Джексон, изучив широкий круг источников – от «Илиады» Гомера и трудов древнеримских, арабских, корейских, китайских, индийских авторов до европейских текстов XVI–XX веков, – отмечает поразительное сходство симптоматики астмы, описанной за три тысячелетия истории этой болезни. Древнеримский философ Сенека, французский писатель Марсель Пруст и сын автора Коналл, страдавшие астмой, испытывали приблизительно одинаковые приступы мучительного кашля и уду-

шья, сопровождавшиеся свистящими хрипами. Вместе с тем, на протяжении двадцати пяти веков изучения астмы врачи объясняли эту болезнь действием совершенно разнородных факторов: избытком флегмы, спускавшейся из головного мозга в грудную клетку и раздражавшей дыхательные пути, поражением нервной системы, которое следовало лечить с помощью опиума, влиянием венерических заболеваний и, наконец, гиперчувствительностью иммунной системы. Соответственно этим меняющимся концепциям варьировались и представления о группах людей, в наибольшей степени подверженных заболеванию астмой, – от «невоздержанных» высших классов XVII–XVIII веков и «нервно возбудимой» интеллектуальной элиты XIX века до «эмоционально одиноких» детей-аллергиков в начале XX века и лиц, занимающихся ручным трудом в неблагоприятных городских условиях – в конце XX века [26, с. 201] Такое разнообразие объяснений болезни показывает, насколько сильно наши представления о недугах – даже тех из них, что отличаются относительно устойчивым набором признаков, – зависимы от интерпретативной схемы, доминирующей в обществе в конкретный период времени.

Влияние культурных установок данного общества на медицинские представления и нормы еще более очевидно на примере такого специфического состояния как ожирение. В современной классификации ВОЗ ожирение признается хроническим обменным заболеванием и представляет собой «аномальные и излишние жировые отложения, которые могут нанести ущерб здоровью» [29]. Исто-

рически в большинстве культур ожирение также рассматривалось как нездоровое состояние, сокращающее продолжительность жизни. Однако границы между телом, обладающим лишним весом и потому потенциально больным, и «представительным», плотным или пухлым здоровым телом, всегда были крайне подвижными. Дородное тело, составлявшее предмет зависти и телесный идеал, буквально спустя поколение могло превратиться в болезненно тучное и подлежащее коррекции. Разработанные в XX веке критерии определения «нормального» и «лишнего» веса («индекс массы тела»), которые, казалось бы, должны были дать научные основания этим разграничениям, оказывались чрезвычайно схематичными – в них, в частности, отсутствовала корреляция с полом, возрастом и расовой принадлежностью.

Менялись и сопутствующие оценочные суждения в отношении обладателей тела с «избыточной» массой: по наблюдениям С. Гилмана, вплоть до эпохи Просвещения ожирение было, прежде всего, знаком чрезмерного потакания собственным слабостям и несло очевидные признаки морального упадка. Начиная с XVIII века ситуация изменяется: число людей, не испытывавших недостатка в пище и потому склонных к набору веса, стремительно возросло. Доминировавшие в обществе средние классы предпочитали рассматривать ожирение как медицинскую (а не моральную или социальную) проблему, и врачи были вынуждены подчиниться. Ожирение начали лечить; самолечение становилось для пациента возможностью продемонстрировать способность к самоконтролю и

ответственности перед самим собой [27, с. 51]. В наши дни с ростом популярности «здорового образа жизни» стигматизация ожирения возвращается и оборачивается для многих едва ли не меньшей проблемой – теперь психологической, – чем собственно «избыточный» вес.

Подобные исследования, осмысливающие опыт взаимодействия человека с болезнями, оказываются востребованными не только в узкоспециальной среде врачей и историков. Они поднимают проблемы отношения к больным в обществе, организации превентивной медицины и паллиативной помощи и стимулируют обсуждение острых вопросов взаимоотношений общества и государства. Примером такой работы, вызвавшей широкий резонанс, стало исследование Хелен Байнум по истории туберкулеза. Это хроническое инфекционное заболевание, побежденное в благополучных европейских государствах, до сих пор является распространенной причиной смертности в странах «третьего мира», унося около полутора миллиона жизней в год. Будучи «социальной» болезнью, поражающей наименее защищенные группы, туберкулез особенно наглядно демонстрирует роль внебиологических факторов в заболеваемости населения и значимость эффективной организации системы здравоохранения, напрямую зависящей от политической воли государства. Европейские страны, давно не считающие туберкулез существенной для себя проблемой, в последнее время все чаще сталкиваются с возвращением инфекции благодаря росту миграционных потоков в Европу. Ситуация усугубляется необыкновенной адаптив-

ностью туберкулеза: почти каждый год в мире появляются новые, устойчивые к известным медикаментам формы, победить которые становится все сложнее. Полузабытая «чахотка» из романов XIX века приобретает в современном мире все более реальные и угрожающие очертания [30].

Подводя итог, нужно отметить, что история медицины в настоящий момент демонстрирует все признаки динамичного и уверенного развития: количество работ, посвященных наиболее острым вопросам взаимоотношений медицины, государства и общества, постоянно растет. Появляются труды, предлагающие под новым углом осмыслить историю стресса, рака, СПИДа, синдрома Дауна и других болезней, пороков развития и болезненных состояний, обсуждение которых приобретает сейчас особую актуальность. Историки работают со специалистами в области мирового здравоохранения, политиками, государственными чиновниками, участвуя в обсуждении направлений стратегий борьбы с наркоманией, алкоголизмом или эпидемиями. При этом, как справедливо отмечает ряд авторов, значимость исторических исследований не определяется наличием в них непосредственного выхода на актуальные политики настоящего. Более того, слишком активное участие в общественных дебатах без должного критического осмысления обсуждаемых проблем может грозить возрождением неовигской истории медицины [31, с. 117]. Задачей историков медицины, таким образом, является нахождение баланса между включением в общественное обсуждение и сохранением необходимой критической перспективы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Михель, Д.В.* Социальная история медицины: становление и проблематика [Текст] / Д.В. Михель // Журнал исследований социальной политики. – 2009. – Т. 7. – № 3. – С. 295-312.
2. *Афанасьева, А.Э.* История медицины как междисциплинарное исследовательское поле [Текст] / А.Э. Афанасьева / Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы: Сборник статей / Под ред. Л.П. Репиной. – М.: Либроком, 2011. – С. 419-437.
3. *Шлюмбом, Ю.* История медицины: актуальные тенденции и перспективы [Текст] / Ю. Шлюмбом, М. Хагнер, И. Сироткина / Болезнь и здоровье: новые подходы к истории медицины / Под ред. Ю. Шлюмбома, М. Хагнера, И. Сироткиной. – СПб.: Алетей, 2008. – С. 8-40.
4. *Kuriyama, Sh.* The Expressiveness of the Body and the Divergence of Greek and Chinese Medicine [Text] / Sh. Kuriyama. – New York: Zone Books, 1999.
5. *Дарнтон, Р.* Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры [Текст] / Р. Дарнтон. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 384 с.
6. *Kleinman, A.* The Illness Narratives: Suffering, Healing, and the Human Condition [Text] / A. Kleinman. – New York: Basic Books, 1988.
7. *Rogaski, R.* Hygienic Modernity: Meanings of Health and Disease in Treaty-Port China [Text] / R. Rogaski. – Berkeley: University of California Press, 2004.
8. *Caduff, C.* The Pandemic Perhaps: Dramatic Events in a Public Culture of Danger [Text] / C. Caduff. – Oakland, California: University of California Press, 2015.
9. *Реннер, А.* Исследования по истории медицины XVIII – XIX веков на Западе: новые подходы и перспективы [Текст] / А. Реннер / Медицина России в годы войны и мира. Новые документы и исследования / Отв. ред. и сост. Л.А. Булгакова. – СПб.: Нестор – История, 2011. – 488 с.
10. *The Body in Balance: Humoral Medicines in Practice* [Text] / Ed. by P. Horden and E. Hsu. – New York: Berghahn Books, 2013.
11. *Briggs, A.* Cholera and Society in the Nineteenth Century [Text] / A Briggs // Past and Present. – 1961. – Vol. 19. – P. 76-96.
12. *Epidemics and Ideas: Essays on the Historical Perception of Pestilence* [Text] / Ed. T.O. Ranger and P. Slack. – Cambridge and New York: Cambridge University Press, 1992.
13. *Rosenberg, Ch.* Explaining Epidemics and Other Studies in the History of Medicine [Text] / Ch. Rosenberg. – Cambridge and New York: Cambridge University Press, 1992.
14. *Harrison, M.* Contagion: How Commerce Has Spread Disease [Text] / M. Harrison. – New Haven: Yale University Press, 2012.
15. *Henderson, J. and Rose, C.* Plague and the city: methodological considerations in mapping disease in early modern Florence [Text] / J. Henderson and C. Rose / eds. Mapping Space, Sense, and Movement in Florence: Historical GIS and the Early Modern City. – Abingdon, UK: Routledge, 2016. – P. 125-146.
16. *Crawshaw, J. L.* Plague Hospitals: Public Health for the City in Early Modern Venice [Text] / J.L. Crawshaw. – Farnham: Ashgate, 2012.
17. *Bowers, K. W.* Plague Public Health in Early Modern Seville [Text] / K.W. Bowers. – Rochester: Rochester University Press, 2013.
18. *Pati, B. and M. Harrison.* The Social History of Health and Medicine in Colonial India [Text] / B. Pati and M. Harrison. – London: Routledge, 2009.
19. *Sahadeo, J.* Epidemic and Empire: Ethnicity, Class, and «civilization» in the 1892 Tashkent Cholera Riot [Text] / J. Sahadeo // Slavic Review. – 2005. – Vol. 64. 1. – P. 117-139.
20. *Lynteris, Ch.* Visions of Plague [Text] / Ch. Lynteris // Research Horizons. – 2014. – Issue 25, October. – P. 10-11 [Electronic resource]. – URL: https://www.cam.ac.uk/system/files/issue_25_research_horizons.pdf (дата обращения: 15.10.16).
21. *Hanson, M. E.* Speaking of Epidemics in Chinese Medicine: Disease and the Geographic Imagination in Late Imperial China [Text] / M. Hanson. – Milton Park, Abingdon, Oxon: Routledge, 2011.

22. Timmermann, C. Chronic illness and disease history [Text] / C. Timmermann / The Oxford Handbook of the History of Medicine / Ed. M. Jackson. – Oxford: Oxford University Press, 2011. – P. 393-410.
23. Ebrahimnejad, H. Medicine in Islam and Islamic Medicine [Text] / H. Ebrahimnejad / The Oxford Handbook of the History of Medicine / Ed. M. Jackson. – Oxford: Oxford University Press, 2011. – P. 169-189.
24. Ruetten, Th. Early Modern Medicine [Text] / Th. Ruetten / The Oxford Handbook of the History of Medicine / Ed. M. Jackson. – Oxford: Oxford University Press, 2011. – P. 60-81.
25. Porter, R. The Greatest Benefit to Mankind: A Medical History of Humanity [Text] / R. Porter. – New York: W.W. Norton, 1997.
26. Jackson, M. Asthma: The Biography [Text] / M. Jackson. – Oxford: Oxford University Press, 2009.
27. Gilman, S.L. Obesity: The Biography [Text] / S.L. Gilman. – Oxford: Oxford University Press, 2010.
28. Tattersall, R. Diabetes: the Biography [Text] / R. Tattersall. – Oxford: Oxford University Press, 2009.
29. Всемирная организация здравоохранения [Текст] // Центр СМИ. Ожирение и избыточный вес. – Информационный бюллетень № 311. Январь 2015 [Electronic resource]. – URL: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs311/ru/> (дата обращения: 15.10.2016).
30. Bynum, H. Spitting Blood: The History of Tuberculosis [Text] / H. Bynum. – Oxford: Oxford University Press, 2012.
31. Berridge, V. Contemporary History of Medicine and Health [Text] / V. Berridge / The Oxford Handbook of the History of Medicine / Ed. M. Jackson. – Oxford: Oxford University Press, 2011. – P. 117-134.
2. Berridge V., Contemporary History of Medicine and Health, *The Oxford Handbook of the History of Medicine*, Ed. M. Jackson, Oxford, 2011, pp. 117-134.
3. Bowers K.W., *Plague Public Health in Early Modern Seville*, Rochester, 2013.
4. Briggs A., Cholera and Society in the Nineteenth Century, *Past and Present*, 1961, Vol. 19, pp. 76-96.
5. Bynum H., *Spitting Blood: The History of Tuberculosis*, Oxford, 2012.
6. Caduff C., *The Pandemic Perhaps: Dramatic Events in a Public Culture of Danger*, Oakland, California, 2015.
7. Crawshaw J. L., *Plague Hospitals: Public Health for the City in Early Modern Venice*, Farnham, 2012.
8. Darnton R., *Velikoe koshachje poboische i drugie epizody iz istorii frantsuzskoj kulturny*, M., 2002 (in Russian).
9. Ebrahimnejad H., Medicine in Islam and Islamic Medicine, *The Oxford Handbook of the History of Medicine*, Ed. M. Jackson, Oxford, 2011, pp. 169-189.
10. *Epidemics and Ideas: Essays on the Historical Perception of Pestilence*, Ed. T.O. Ranger and P. Slack, Cambridge and New York, 1992.
11. Gilman S.L., *Obesity: The Biography*, Oxford, 2010.
12. Hanson M.E., *Speaking of Epidemics in Chinese Medicine: Disease and the Geographic Imagination in Late Imperial China*, Milton Park, Abingdon, Oxon, 2011.
13. Harrison M., *Contagion: How Commerce Has Spread Disease*, New Haven, Yale University Press, 2012.
14. Henderson J. and Rose C., Plague and the city: methodological considerations in mapping disease in early modern Florence, *Mapping Space, Sense, and Movement in Florence: Historical GIS and the Early Modern City*, Ed. by Terpstra, N. and Rose, C. Abingdon, UK, 2016, pp. 125-146.
15. Jackson M., *Asthma: The Biography*, Oxford, 2009.
16. Kleinman A., *The Illness Narratives: Suffering, Healing, and the Human Condition*, New York, Basic Books, 1988.
17. Kuriyama Sh., *The Expressiveness of the Body and the Divergence of Greek and Chinese Medicine*, New York, Zone Books, 1999.

REFERENCES

1. Afanasieva A.E., “Istorija meditsiny kak mezhdistsiplinarnoe issledovatel'skoe pole” in: *Istoricheskaja nauka segodnja: teorii, metody, perspektivy*, *Collection of scientific papers*, ed. L.P. Repinoj, Moscow, 2011, pp. 419-437. (in Russian)

18. Lynteris Ch., Visions of Plague, *Research Horizons*, 2014, issue 25, October, pp. 10-11, available at: https://www.cam.ac.uk/system/files/issue_25_research_horizons.pdf (accessed: 15.10.16).
19. Mikhel D.V., Sotsialnaja istorija meditsiny: stanovlenie i problematika, *Zhurnal issledovanij sotsialnoj politiki*, 2009, Vol. 7, No. 3, pp. 295-312 (in Russian).
20. Pati B. and Harrison M., *The Social History of Health and Medicine in Colonial India*, London, 2009.
21. Porter R., *The Greatest Benefit to Mankind: A Medical History of Humanity*, New York, 1997.
22. Renner A., "Issledovanija po istorii meditsiny XVIII – XIX vekov na Zapade: novye podkhody i perspektivy", in: *Meditsina Rossii v gody vojny i mira. Novye dokumenty i issledovanija, Collection of scientific papers*, ed. L.A. Bulgakovoj, St. Petersburg, 2011. (in Russian)
23. Rogaski R., *Hygienic Modernity: Meanings of Health and Disease in Treaty-Port China*, Berkeley, 2004.
24. Rosenberg Ch., *Explaining Epidemics and Other Studies in the History of Medicine*, Cambridge and New York, 1992.
25. Ruetten Th., "Early Modern Medicine", in: *The Oxford Handbook of the History of Medicine*, Ed. M. Jackson, Oxford, 2011, pp. 60-81.
26. Sahadeo J., Epidemic and Empire: Ethnicity, Class, and "civilization" in the 1892 Tashkent Cholera Riot, *Slavic Review*, 2005, vol. 64.1, pp. 117-139.
27. Shlumbom Ju., Hagner M., Sirotkina I., "Istorija meditsiny: aktualnye tendentsii i perspektivy", in: *Bolezn i zdorovje: novye podkhody k istorii meditsiny Collection of scientific papers*, ed. Ju. Shlumboma, M. Hagnera, I. Sirotkinoj, St. Petersburg, 2008, pp. 8-40. (in Russian)
28. Tattersall R., *Diabetes: the Biography*, Oxford, 2009.
29. *The Body in Balance: Humoral Medicines in Practice*, Ed. P. Horden and E. Hsu, New York, 2013.
30. Timmermann C., Chronic illness and disease history, *The Oxford Handbook of the History of Medicine.*, Ed. M. Jackson, Oxford, 2011, pp. 393-410.
31. Vsemirnaja organizatsija zdravookhraneniya, *Tsentr SMI, Ozhirenie i izbytochnyj ves, Informatsionnyj bulleten No. 311, janvar 2015*, available at: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs311/ru/> (accessed: 15.10.2016). (in Russian)

Афанасьева Анна Эдгардовна, кандидат исторических наук, доцент, Школа культурологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник, Центр интеллектуальной истории, Институт всеобщей истории, РАН, afanassieva@mail.ru

Afanasyeva A. E., PhD in History, Associate Professor, School of Cultural Studies, National Research University "Higher School of Economics"; Senior Researcher, Centre of Intellectual History, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, afanassieva@mail.ru

УДК 81.373. 42811.111

ББК 81.2-3

К ВОПРОСУ О СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЕ СЛОВА КАК ЗНАКА ЯЗЫКА

Ю.М. Сергеева

Аннотация. В статье поднимается один из наиболее дискуссионных вопросов лингвистической семантики – соотношение значения и смысла в структуре языкового знака. Развитие концепции значения представлено в диахроническом аспекте, начиная со времен античности и заканчивая современными теориями в области семиотики и герменевтики. В статье рассматриваются синтактика, семантика и прагматика языкового знака, приводятся различные интерпретации процесса семиозиса, и делается вывод о том, что многообразие значений вытекает из уникальности смысла как продукта индивидуального мышления. Семантический треугольник Фреге описывает упрощенный язык, в котором знаки имеют только одно значение, тогда как в реальности естественных языков существуют весьма сложные знаки, состоящие из «переплетения» денотативных и коннотативных значений. Следовательно, необходимым этапом к пониманию смысла является интерпретация – осознанная аналитическая деятельность индивидуума по извлечению смысла путем его спецификации и индивидуализации, своего рода «герменевтическая рефлексия».

Ключевые слова: семиотика, десигнат, денотат, семантический треугольник, лектон, многозначность, интерпретация.

500

TO THE ISSUE OF SEMANTIC STRUCTURE OF THE WORD AS A LANGUAGE SIGN

Yu.M. Sergeeva

Abstract. The article deals with one of the most controversial issues of linguistic semantics – the correlation of the sense and the meaning within the structure of a lingual sign. Development of the theory of signs is presented diachronically, ranging from antiquity to modern theories in the field of semiotics and hermeneutics. The article discusses syntactic, semantic and pragmatic aspects of the sign, presents different interpretations of the process of semiosis, and is concluded with the statement that diversity of meanings result from the uniqueness of concepts as products of individual think-

ing. The semantic triangle of Gottlob Frege describes a simplified language with mono-semantic signs, whereas in living languages there are complex signs containing an intricate pattern of denotative and connotative components. A necessary step to understand the meaning is interpretation – conscious analytical work of a person directed onto specification and individualization of the general sense, a kind of “hermeneutical reflection”

Keywords: *semiotics, designatum, denotatum, semantic triangle, lecton, polysemy, interpretation.*

Актуальность и значимость герменевтических исследований определяется усилением интереса к проблемам интерпретации текста, к проблемам понимания и истолкования смысла, к проблемам постижения «чужой индивидуальности», наконец, к проблемам интерпретации мира гуманитарной культуры, в целом. Вопросы о возможности понимания, о способах постижения смысла занимали умы выдающихся филологов, философов, психологов со времен Античности до наших дней.

Одним из важнейших вопросов герменевтики, появившихся практически одновременно с зарождением самой науки, был вопрос о смысловой структуре слова, о наличии в нем одного или более смыслов. Именно этот вопрос стал камнем преткновения в споре двух ведущих философских направлений Античности – Александрийской школы, последователи которой считали, что слово может содержать много смыслов, и Пергамской школы, последователи которой придерживались противоположного мнения в этом вопросе, полагая, что слово имеет единственный смысл.

Александрийская школа в языкознании – направление, возникшее в тогдашней столице эллинистиче-

ского Египта Александрии в IV в. до н.э., достигая своего расцвета двумя столетиями позже и просуществовавшая вплоть до II в. н.э., до завоевания города арабами. Проблема номинации являлась для александрийцев одной из важнейших, и их языковые исследования базировались, в основном, на семасиологическом и ономазиологическом подходах. Вполне в духе того времени грамматический корпус александрийской школы (конкретные сведения о языке, собранные ими в большом количестве) имел, скорее, логико-философскую, чем собственно лингвистическую основу. Труд Дионисия Фракийского (170–90 гг. до н.э.) *Tekhne Grammatike (Ars Grammatica)* является ярким подтверждением расхожему мнению о том, что лингвистика выросла из логики, поскольку в нем отчетливо демонстрируется вся сложность отражения внешнего мира человеческим сознанием. Уместно вспомнить по этому поводу слова И.М. Тройского, который писал, что античные грамматик, думая, что изучают категории языка, часто подменяли их изучением категорий бытия [1].

В своем учении о частях речи Дионисий уделял больше внимания референтам слов, чем их собственно

лингвистическим признакам, пытаясь выявить первичное соотношение явлений и слов как их названий. Будучи учеником Аристарха (215–143 гг. до н.э.), основателя Александрийской школы, Дионисий признавал существование *аналогии*, единообразия как основного принципа построения языка, но в то же время его заботила и точность называния вещей, где он выявлял существенные несообразности словоупотребления, отклонения, *аномалии*, формально поддерживая тем самым своих оппонентов – представителей Пергамской школы.

Проблему аномалий пергамцы получили «в наследство» от стоиков. Глава школы Хрисипп (280–206 гг. до н.э.) и его последователи толковали это явление как несовпадение между предметным значением слова и его грамматическим значением, на которое указывает звуковая форма слова (пример со словом «черепаха», которое, являясь формально существительным женского рода, обозначает и самку и самца). И поскольку таких отклонений много, то языковая норма может быть выведена только из обиходного языка, который не подчиняется никаким правилам. Споры между приверженцами двух течений привели, в конце концов, к созданию основ систематической грамматики, где рядом с регулярными грамматическими правилами (аналогиями) существовали всякого рода исключения из них (аномалии).

Помимо разных подходов к грамматическому описанию языка представители двух школ демонстрировали различные взгляды на определение смысла. Пергамцы воспринимали смысл как нечто предметно-

объективное, в то время как для александрийцев смысл был понятием субъективным. Г.Г. Шпет писал по этому поводу, что в первом случае «слово как знак, подлежащий истолкованию, указывает на “вещь”, предмет и на объективные отношения между вещами, которые вскрываются путем интерпретации, и сами эти объективные отношения, очевидно, связывают сообщаемого о них; во втором случае слово указывает только на намерения, желания, представления сообщаемого, и интерпретация также свободна и даже произвольна, как свободно желание сообщаемого вложить в свои слова любой смысл или много смыслов, поскольку это соответствует его намерениям» [2, с. 234].

Исторически сложилось так, что дальнейшее развитие языкознания сумело примирить эти, казалось бы, противоположные точки зрения. Это произошло во многом благодаря трудам христианского мыслителя Августина Аврелия (354–430), в работе которого «Христианская наука, или Основания священной герменевтики и искусства церковного красноречия», изложены основные принципы герменевтики, актуальные и по сей день. Августин впервые в явном виде определил фундаментальную герменевтическую категорию понимания как перехода от знака к значению, во время которого происходит осознание значения посредством запечатления в душе представления о воздействующем на нее знаке. Поскольку людские души аналогичны, близки и родственны друг другу, постольку они, соприкасаясь друг с другом, понимают знаки языка [3]. Такое понимание значения просуще-

ствовало вплоть до XX века, заложив, по сути, основы семиотики.

Для данного исследования особо важным представляется разработанный Августином *принцип контекстуального подхода*, который подразумевает, что понимание знаков (слов, предложений) происходит не изолированно друг от друга, а в определенном контексте. Каждый знак имеет внешнюю сторону, при помощи которой человек воспринимает знаки как материальные объекты, и которая соотносит их с обозначаемыми предметами. Кроме того, существует внутренняя сторона знака – собственно значение, постижение которого и есть цель понимания. Знаки Августин разделяет на собственные (*propria*), которые можно толковать в собственном смысле, по их содержанию, и переносные (*translata*), толкуемые образно. Собственные знаки употребляются для обозначения вещей, для которых они изобретены, переносные – «когда сами вещи, которые мы обозначаем собственными словами, употребляются для обозначения чего-нибудь другого». Определение Августина, как отмечает Г.Г. Шпет, обязывает к признанию единственности смысла за знаком, так как кажущаяся множественность смыслов проистекает по этому определению только из того, что само значение знака, в свою очередь, может выступить в качестве знака. Из этого, однако, не следует, что и обратно, одно значение (смысл), как одно содержание, не может быть выражено разными знаками; эта множественность способов выражения (фигуры речи, тропы, образы и т. д.) нередко принимается за множественность значений [2, с. 236].

Заимствуя идею Августина о необходимости контекста, немецкий богослов Матиас Флациус Иллирийский (1520–1575) в трактате «Ключ к истолкованию Священного Писания» также утверждает, что подлинный «сокровенный» смысл любого слова всегда один, а различные контекстуальные употребления этого слова конкретизируют его смысловые вариации. Понимание было для Флациуса целью, а интерпретация – методом истолкования слова или высказывания, которое должно рассматриваться как отношение части к целому, отношение интерпретируемого выражения к контексту. В труде Флациуса намечаются методы, которые следует использовать в процессе интерпретации смысла: метод спецификации и метод индивидуализации, то есть переход от общего знака к специальному значению, от общего объема к специфическому смыслу, от средства к цели и замыслу.

Нельзя не отметить тот факт, что в современной герменевтике нет единого мнения по поводу того, какое из этих понятий – понимание или интерпретация – первично, а какое вторично. Разнообразные мнения можно объединить в два основных направления: в континентальной традиции для того, чтобы понять высказывание, нужно его интерпретировать, а в англосаксонской традиции интерпретировать можно лишь то, что уже понято [4, с. 3-13]. Не вдаваясь в сравнение плюсов и минусов обоих подходов, отметим, что в своем исследовании автор придерживается того мнения, что интерпретация является необходимым этапом к пониманию смысла, осознанной аналитической деятельностью по извлечению смысла.

Следует отметить, что само понятие «смысл» является далеко не однозначным. Традиционная формула герменевтики «понимание есть постижение смысла» наталкивается на отсутствие какого-либо внятного определения понятия «смысл» в рамках этой науки. Как справедливо указывает В.Г. Кузнецов [5], основное понятие герменевтики либо считалось интуитивно ясным, либо заимствовалось из других разделов знания, то есть воспринималось как нечто внешнее, данное для герменевтического анализа. По мнению М.В. Никитина [6], смысл слова объективен и может быть выявлен не психологическими, но семиотическими, логическими и феноменологическими методами. Смысл как сущность сознания, как сложнейшее многоуровневое образование должен не только непосредственно усматриваться рациональной интуицией как нечто очевидное, но и пониматься. Понимание же, как синтетическая функция разума, обеспечивается истолкованием и интерпретацией.

Ситуация осложняется еще и тем, что термины «смысл» и «значение» весьма неоднозначно трактуются в трудах по философии и лингвистике. В повседневной речи *смысл* синоним *значения*, поскольку в большинстве словарей оба они трактуются как внутреннее логическое содержание слова, высказывания, текста, то есть любого знака языка. В БСЭ смысл определяется как *целостное содержание какого-либо высказывания, несводимое к значениям составляющих его частей и элементов, но само определяющее эти значения*. То есть смысл высказывания – это логически выводимая взаи-

мосьязь и взаимозависимость между элементами высказывания, при отсутствии которой оно бессмысленно. Если под элементами высказывания понимать *слова*, то возникает вопрос о том, обладают ли они собственным смыслом и правомерно ли употребление этого термина по отношению к слову.

В поисках ответа на этот вопрос обратимся к теории знаков, разработанной стоиками в рамках стоической логики, которую глава школы Хрисипп назвал наукой о знаках и о том, что ими обозначается. Знак, в понимании стоиков, это нечто неочевидное, указывающее в свою очередь на нечто неочевидное [7, с. 138]. Наиболее универсальными знаками являются слова, которые обозначают выражаемый ими смысл. Сущность знака в словесном обозначении стоики называли «лектон». В буквальном переводе «лектон» есть то, что «предназначено для высказывания», «может быть высказано». На этом основании они строили трехчленную структуру: знак (обозначающее) – смысл высказывания (лектон, обозначаемое) – реальный чувственный объект мысли, существующий сам по себе вне человеческого сознания. Объект мысли и знак (слово) являются материальными, телесными, а смысл нематериален, бестелесен.

Лектон являются изоморфными суждениями-высказываниями и принадлежат, скорее, чистой логике, чем грамматике как учению о языке, имеющей дело со словами и предложениями. Поэтому многие ученые приходили к выводу о том, что в стоической логике существует не трехчленная, а четырехчленная модель отношений между обозначае-

мым и обозначающим. По мнению А.С. Степановой [8, с. 176], «к трем началам, признававшимся Аристотелем – предмет, соответствующее ему представление в душе и звук – стоики добавили еще четвертое начало – смысловую сторону речи, то есть лектон». Немецкий философ Х. Штейнталь также описывает четырехчленное деление: вещь – представление – звучащее слово – лектон [9].

Для данного исследования особенно ценным в стоической концепции лектон является следующее положение: нематериальное, обозначаемое знаком, является тем содержанием мысли, которое может быть либо истинным, либо ложным. И этот смысл-лектон надо отличать от слова как носителя смысла, которое само по себе такой характеристикой не обладает. Другими словами, уже в стоической концепции знака можем проследить различие понятий «смысл» и «значение», которое получило свое дальнейшее развитие в последующие эпохи.

В логической семантике общее значение языковых выражений складывается из двух компонентов – предметного значения (денотата, экстенционала) и смысла (сигнификата, десигната). По мнению Г. Фреге, автора общепризнанной концепции значения, разработанной позднее в трудах Б. Рассела, Р. Карнапа, К.И. Льюиса и др., каждое языковое выражение обозначает свой денотат и имеет свой смысл. В статье «О смысле и значении» (1892) он противопоставил значение (нем. *Bedeutung*) и смысл (нем. *Sinn*) как сам обозначаемый предмет и информацию об этом предмете [10]. Разные выражения могут иметь один и тот

же денотат, но различаться по смыслу, а имеющие смысл выражения могут не иметь значения.

Данное различие смысла (понятия, десигната), значения (предмета, денотата) и знака (имени, слова) Фреге отразил в виде семантического треугольника [11, с. 43-66]. Если описать этот треугольник словами, то можно вывести следующую формулу: знак обозначает (имеет) предмет, знак выражает смысл (имеет понятие или десигнат), предмет имеет понятие (или смысл, или концепт). При любом «вращении» треугольника семиотические названия его вершин остаются неизменны: знак языка – предмет – десигнат (в терминах Фреге: *Zeichen – Bedeutung – Sinn*, в англоязычной традиции: *sign – reference – sense*).

Стороны треугольника могут сближаться (совмещаться) попарно. Так, денотат сближается с десигнатом в абстрактных семиотиках типа математической логики; знак сближается с денотатом в семиотике человеческих жестов и поз; знак сближается с десигнатом в явлениях так называемых сигнатур.

Чарльз Уильям Моррис (1901–1978), один из основоположников семиотики, подчеркивал, что знаки, указывающие на один и тот же объект, не обязательно имеют те же десигнаты (понятийные совокупности) и не все десигнаты связаны с реальными объектами (денотатами). В разделе книги «Основания теории знаков», посвященном природе знака, он отметил, что «Процесс, в котором нечто функционирует как знак, можно назвать семиозисом. Этот процесс по традиции, восходящей к грекам, обычно рассматривался как включа-

ющий три (или четыре) фактора: то, что выступает как знак; то, на что указывает (*refers to...*) знак; воздействие, в силу которого соответствующая вещь оказывается для интерпретатора знаком. Эти три компонента семиозиса могут быть названы соответственно знаковым средством (или знаконосителем – *sign vehicle*), десигнатом (*designatum*) и интерпретантом (*interpretant*), а в качестве четвертого компонента может быть введен интерпретатор (*interpreter*)» [12, с. 84].

В герменевтике схожее мнение находим в трудах австрийского теолога Э. Короты [13], который считал, что постижение смысла доступно лишь посредством внутренней проничтательности, которая лежит в основе герменевтической рефлексии. Для понимания языковых выражений необходима не только диалоговая структура (автор-интерпретатор), но и третий полюс – обращение к вещи, поскольку и понимание, и высказывание относятся к ней, хотя сама вещь может и не даваться в непосредственном восприятии, а лишь объективироваться посредством языка. Понимание языковых выражений – есть постижение их смысла. Понимание вещей – есть проникновение в их смысл. Они взаимно дополняют и обуславливают друг друга. Отношение между языковым выражением и миром вещей (экстралингвистическим контекстом) является одним из ключевых моментов при постижении смысла и значения выражений языка и представляет собой семантическое отношение.

Вышеизложенные концепции, безусловно, помогают раскрыть суть знака как всякого элемента знако-

вой системы, структура которого отражена в треугольнике Фреге. При этом следует учесть, что треугольник Фреге описывает, если можно так выразиться, «упрощенный» язык, в котором знаки-слова имеют только одно значение. Такой язык не имеет синонимических рядов, многозначности, стилистики, поскольку все его элементы (знаки) состоят из означаемого (содержания, смысла) и означающего (слова). Это значение слова можно назвать главным или, используя терминологию В.В. Виноградова, прямым номинативным значением. По мысли ученого, в системе значений слова выделяются, прежде всего, прямые, номинативные значения, «непосредственно направленные на предметы, явления, действия и качества действительности, которым свойственна устойчивость, фразеологическая свобода, социально-историческая детерминированность и широкое предметно-логическое содержание. В.В. Виноградов называет такие значения *свободными* и справедливо замечает, что, непосредственно отражая разные предметы и явления действительности, слово может иметь более одного номинативного значения, которые будут объединяться друг с другом по принципу: основное (первичное) номинативное значение плюс производные (вторичные) номинативные значения. Эти номинативно-производные значения «уже, теснее, специализированнее, чем основное номинативное значение слова», находятся с ним в неразрывной связи и точно также входят в словарный состав языка, являясь при этом метафорическими, образными. Основное но-

минативное значение является, таким образом, синонимической доминантой, исходным пунктом синонимического ряда, который может включать помимо него стилистические синонимы, существующие в разных слоях лексического состава языка. «Подобные синонимы выражают свое основное значение не непосредственно, а через то семантически-основное или опорное слово, которое является базой соответствующего синонимического ряда и номинативное значение которого непосредственно направлено на действительность», и Виноградов называет такие значения *экспрессивно-синонимическими* [14, с. 162-189].

Следовательно, наш воображаемый «упрощенный» язык существенно усложнился: в круг значений каждого слова, помимо единственного главного значения, вошли еще и другие, неглавные, вторичные, которые вступили друг с другом в отношения синонимии, то есть для одного означаемого появилось несколько означающих. Такое положение дел в большей степени соответствует реальности естественных языков, в которых возникают и существуют весьма сложные знаки, состоящие из «переплетения» денотативных и коннотативных значений. Качественное своеобразие разных видов значений слова определяется его местом в лексико-семантической системе языка, неразрывной связью с другими компонентами этой системы, включенностью в обширную сеть валентностных отношений.

Вышеизложенное можно обобщить следующим образом: языковые выражения – это частные случаи семантического треугольника Фреге, в

котором каждому типу языковых значений соответствует определенный тип формального способа выражения. Но важно отметить, что эта схема все-таки статична, а понятие знака нужно непременно включать в темпоральный контекст. Ведь одно и то же утверждение, как один и тот же знак, данные в разное время, могут быть утверждениями о разных вещах и знаками разных вещей. Более того, варьирование форм выражения – есть закон самого языка. Если связь между словом и вещью произвольна (Фердинанд де Соссюр назвал это «асимметричным дуализмом языкового знака»), то обозначений, которые отвечали бы сущности вещей, просто не существует. Любое имя, с этой точки зрения, условно, а значит, переменнo.

Здесь вплотную подходим к важнейшей проблеме любого семиотического исследования: как отделить *значение* слова от его *употребления*? О трудностях в интерпретации лексического значения слова, иными словами, его «общественно закрепленного содержания» не раз писал В.В. Виноградов, сетуя на тот факт, что в лингвистической литературе идет постоянное смешение значений слова и случаев его употребления. Разногласия по вопросу о количестве значений слова, о правильности их определения и толкования, невозможность четкого различения собственно значений и их стилистических вариантов – все это, по мнению ученого, происходит от того, что «общественно закрепленное содержание слова может быть однородным, единым, но может представлять связанную систему разнонаправленных отражений разных «кусочков действительности», между

которыми в системе данного языка устанавливается смысловая связь» [там же, с. 162-189].

Аналитическое осмысление этой проблемы требует, безусловно, отдельного исследования, не входящего в цели данной статьи. Отметим в заключение, что понимание как постижение смысла есть нечто большее, чем одна из мыслительных процедур. Это «способ духовного бытия человека в мире и мира в человеке» [15, с. 73], форма активного информационного взаимодействия личности с окружающим миром. Поэтому научные исследования, акцент в которых делается на различные аспекты смысловой структуры слова, имеют непреходящую актуальность в рамках семиотики, семантики, феноменологии и герменевтики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Тройский, И.М.* Вопросы языкового развития в античном обществе [Текст] / И.М. Тройский. – М., 1973.
2. *Шпет, Г.Г.* Герменевтика и ее проблемы. Контекст. Литературно-критические исследования [Текст] / Г.Г. Шпет. – М.: Наука, 1989–1991.
3. *Аврелий, Августин.* Христианская наука, или Основания священной герменевтики и искусства церковного красноречия [Текст] / Августин Аврелий. – СПб.: Библиополис, 2006.
4. *Наер, В.Л.* Понимание и интерпретация (к основаниям интерпретации текста как аналитической деятельности) [Текст] / В.Л. Наер // Проблемы современной стилистики. Вып. 459. – М., 2001. – С. 3-13.
5. *Кузнецов, В.Г.* Герменевтика и гуманитарное познание [Текст] / В.Г. Кузнецов. – М.: Изд-во МГУ, 1991.
6. *Никитин, М.В.* Основы лингвистической теории значения [Текст] / М.В. Никитин. – М., 1988.

7. *Секст, Эмпирик.* Сочинения в двух томах. Том 1 [Текст] / Эмпирик Секст / Под ред. А.Ф. Лосева. – М., 1979.
8. *Степанова, А.С.* Философия Древней Стои [Текст] / А.С. Степанова. – СПб., 1995.
9. *Steinthal, Hermann.* Geschichte der Sprachwissenschaft bei den Griechen und Römern, 2d ed., 2 vols. – Hildesheim: Olms, 1961.
10. *Frege, Gottlob.* 1892, Über Sinn und Bedeutung // Translations from the Philosophical Writings of Gottlob Frege. – Oxford: Blackwell, Fumerton, 1989.
11. *Фреге, Готтлоб.* Смысл и денотат [Текст] / Готтлоб Фреге // Семиотика. Хрестоматия. – М., 2005. – С. 43-66.
12. *Моррис, Чарльз.* Основания теории знаков [Текст] / Чарльз Моррис // Семиотика / Под ред. Ю.С. Степанова. – М., 1983. – С. 37-89.
13. *Корет, Эмерих.* Основы метафизики: Пер. с нем. [Текст] / Эмерих Корет. – Киев: Тандем, 1998.
14. *Виноградов, В.В.* Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977. – С. 162-189.
15. *Алексеев, И.Г.* Об универсальном характере понимания [Текст] / И.Г. Алексеева // Вопросы философии. – 1986. – № 7. – С. 73-74.

REFERENCES

1. Alekseev I.G., Ob universalnom haraktere ponimaniya, *Voprosy filosofii*, 1986. No. 7, pp.73-74. (in Russian)
2. Avrelij Avgustin, *Hristianskaja nauka, ili Osnovaniya svjashhennoj germenevтики i iskusstva cerkovnogo krasnorechija*, St. Petersburg, 2006 (in Russian)
3. Frege Gottlob, Smysl i denotat. *Semiotika. Hrestomatija*, Moscow, 2005, pp. 43-66. (in Russian)
4. Frege Gottlob, Über Sinn und Bedeutung. *Translations from the Philosophical Writings of Gottlob Frege*, Oxford, Blackwell, Fumerton, 1989.
5. Koret Jemerih, *Osnovy metafiziki*, trans. s nem, Kiev, 1998. (in Russian)
6. Kuznecov V G., *Germenevtika i gumanitarnoe poznanie*, Moscow, 1991. (in Russian)

7. Morris Charlz, Osnovaniya teorii znakov, *Semiotika*, ed. Ju.S. Stepanova, Moscow, 1983. pp. 37-89. (in Russian)
8. Naer V.L., Ponimanie i interpretacija (k osnovanijam interpretacii teksta kak analiticheskoj dejatel'nosti), *Problemy sovremennoj stilistiki*, Vyp. 459, Moscow, 2001, pp. 3-13. (in Russian)
9. Nikitin M.V., *Osnovy lingvisticheskoj teorii znachenija*, Moscow, 1988. (in Russian)
10. Sekst Jempirik, *Sochinenija v dvuh tomah*, Vol. 1, ed. A.F. Loseva, Moscow, 1979 (in Russian)
11. Shpet G.G., *Germenevtika i ee problemy. Kontekst. Literaturno-kriticheskie issledovanija 1989–1991*, Moscow, 1989–1991. (in Russian)
12. Steintal Hermann, *Geschichte der Sprachwissenschaft bei den Griechen und Römern*, 2nd ed., 2 vols, Hildesheim, Olms, 1961.
13. Stepanova A.S., *Filosofija Drevnej Stoi*, St. Petersburg, 1995. (in Russian)
14. Trojskij I.M., *Voprosy jazykovogo razvitija v antichnom obshhestve*, Moscow, 1973. (in Russian)
15. Vinogradov V.V., *Izbrannye trudy. Leksikologija i leksikografija*, Moscow, 1977, pp. 162-189. (in Russian)

Сергеева Юлия Михайловна, доктор филологических наук, доцент, профессор, кафедра грамматики английского языка, Институт иностранных языков, Московский государственный педагогический университет, zork_lipa@mail.ru

Sergeeva Yu.M., ScD in Philology, Associate Professor, Professor, English Grammar Department, Institute of Foreign Languages, Moscow State University of Education, zork_lipa@mail.ru

РОЛЬ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В СИСТЕМНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕРМИНОЛОГИИ БИЗНЕСА*

Н.В. Баско

Аннотация. В статье рассматривается роль словообразования в системной организации терминологии бизнеса. Словообразовательные связи участвуют в выражении синонимических отношений (словообразовательные синонимы с суффиксами -ние, -ация, -ция), в выражении антонимических отношений (словообразовательные антонимы с префиксами не-, диз-, анти-, вне-, де-, ре-), а также в выражении синтагматических отношений, поскольку изменения в структуре производных слов влияют на их сочетаемостные возможности. В статье отмечается важное значение словообразовательного гнезда в системной организации лексики бизнеса. Оно объединяет слова, имеющие общий смысловой элемент, поэтому словообразовательное гнездо оказывается схожим с такими группами слов, в основе объединения которых лежит семантика слова (лексико-семантические группы, синонимы, антонимы). Непосредственное участие словообразования в выражении парадигматических и синтагматических отношений, уникальность словообразовательного гнезда как системно организованной лексической группы позволяет говорить о ведущей роли словообразования в системной организации терминологии бизнеса. В статье делается вывод о том, что систематизирующая функция словообразования (в отличие от продуктивной, заключающейся в пополнении словарного состава языка) выступает на первый план при обучении иностранных учащихся терминологии делового общения на русском языке.

Ключевые слова: словообразование, суффикс, префикс, корневая морфема, словообразовательное гнездо.

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ в рамках проекта № 15-34-11114. Руководитель проекта академик РАН Е.П. Чельшев.

THE ROLE OF WORD FORMATION IN SYSTEMIC ORGANIZATION OF BUSINESS TERMS

N.V. Basko

Abstract. *The article deals with the role of word formation in systemic organization of business terminology. Word formation relationships are involved in the expression of the synonymous relations (derivational synonyms with the suffixes -tion, -ation, -tion), in the expression of the antonymous relations (derivational antonyms with prefixes non-, diz-, anti-, out-, de-, re-), as well as in the expression of syntagmatic relations, because changes in the structure of derived words affect their combinatorial possibilities. The article notes the importance of derivational nests in the systemic organization of the vocabulary of business. It brings together words with a common semantic element, so the derivational nest is similar to the groups of words based on combining their semantics (lexico-semantic groups, synonyms, antonyms). Direct participation of word formation in expression of paradigmatic and syntagmatic relations and the uniqueness of the derivational nest as a system organized by lexical group make it possible to speak about the leading role of word formation in the systemic organization of the business terms. The article concludes that the systematizing function of word formation (as distinct from the productive one, which consists in the replenishment of the dictionary content) is at the forefront in teaching the terminology of business communication in Russian for foreign students.*

Keywords: *word formation, suffix, prefix, root morpheme, derivational nest.*

Среди разных функций словообразования – продуктивной, систематизирующей и стилеобразующей – главной является продуктивная функция, которая состоит в непрерывном и постоянном пополнении словарного состава языка новыми единицами. Известно, что заимствованные слова составляют сравнительно небольшую часть национального словаря, тогда как подавляющее большинство слов создается путем сочетания морфем по определенным типам с помощью специальных словообразовательных средств. Вильгельм фон Гумбольдт называл словообразование «самой глубокой и загадочной сферой языка», наукой о том, каким образом «сравнительно

небольшое число корневых звуков, на которых базируется весь словарный запас, при помощи аффиксов и модификаций приспосабливается к обозначению все более определенных и все более сложных понятий» [1, с. 81].

В данной статье рассматривается роль словообразования в системной организации терминологии бизнеса, делового общения – самой востребованной сферы коммуникации иностранцами, изучающими русский язык с целью налаживания взаимовыгодных контактов с российскими деловыми партнерами, что чрезвычайно важно для развития экономического сотрудничества России с другими странами в XXI веке.

Свободное владение бизнес-коммуникацией на русском языке предполагает знание терминологической лексики бизнеса и умение ее использовать в профессиональной речи (устной и письменной). Поскольку при описании языка в практических целях нельзя ограничиваться изучением системных явлений в изолированных рамках разных уровней языка, основное внимание должно уделяться языку как функционирующей системе, то есть проявлению языковых явлений в речи. Поэтому при работе над лексикой, включая терминологическую, целесообразно использовать одновременно два типа отношений, существующих в языке как функционирующей системе – парадигматических (антонимия и синонимия) и словообразовательных. Поскольку терминология любой науки является частью литературного языка, в терминологической лексике как узкоспециального характера, так и общенаучной проявляются все типы системных отношений, которые характерны для лексики в целом: парадигматические (антонимия и синонимия), синтагматические и деривационные.

В системной организации терминологической лексики важнейшую роль играют словообразовательные отношения. Это связано с тем, что парадигматические отношения в терминологии реализуются в неполном, ослабленном виде за счет ограниченного проявления синонимии в рамках конкретной терминосистемы. Причина неразвитости синонимических отношений в терминосистемах (вспомним, что еще несколько десятилетий назад ученые-лингвисты говорили о полном отсутствии синонимов в терминологии!) заключается в

лингвистической сущности термина, предполагающей, что между термином и специальным понятием, которое этот термин обозначает, должно соблюдаться однозначное соответствие: «каждый термин должен называть “свое” понятие, каждое специальное понятие должно обозначаться “своим” термином. Поэтому случаи синонимии относятся к недостаткам терминологии» [2, с. 53].

Однозначность соответствия между термином и понятием ведет к ограничению случаев синонимии в терминосистемах по сравнению с лексикой общелитературного языка. Это отчетливо видно на примере терминологии бизнеса, делового общения, где лексическая синонимия в границах терминосистемы представлена единичными примерами (*ажю – лаж, брокер – маклер, дотация – субсидия, бизнес – предпринимательство, бизнесмен – предприниматель*) и синонимические отношения наблюдаются, как правило, между термином, с одной стороны, и словом общелитературного языка – с другой. Например: *аванс – задаток, клиент – заказчик, инвестор – вкладчик, коммерция – торговля, контракт – договор, бизнес – предпринимательство, дебитор – должник* [3].

Вместе с тем в терминологии бизнеса следует отметить случаи словообразовательной синонимии, которая заслуживает особого внимания, так как стилистические особенности русской деловой речи во многом определяются словообразовательными средствами. Сравните словообразовательные отглагольные синонимы с суффиксами *-ние, -ация, -ция* (*консультировать – консультация – консультирование; индексировать –*

индексация – индексирование; пролонгировать – пролонгация – пролонгирование), словообразовательные отглагольные синонимы с нулевым суффиксом и суффиксом *-ние* (*импортировать – импорт – импортирование, экспортировать – экспорт – экспортирование*), образование сложных терминов (*нарушение права – правонарушение, обмен товарами – товарообмен, держатель векселей – векселедержатель, короткий срок – краткосрочный*). Это свидетельствует о том, что в терминологии бизнеса, делового общения словообразование участвует в выражении синонимических отношений, порождая так называемые словообразовательные дублеты.

Другой тип парадигматических отношений – антонимические отношения – в терминологии бизнеса также в значительной степени представлены в виде словообразовательной антонимии. Например, *финансирование – рефинансирование, монопольный – антимонопольный, бюджетный – внебюджетный, законный – противозаконный, движимость – недвижимость, листинг – делистинг, ликвиды – неликвиды, резидент – нерезидент, платежеспособность – неплатежеспособность, прибыльный – неприбыльный*. Основной массив противопоставлений в рамках терминосистемы бизнеса образуют антонимические пары однокоренных терминов. Один из членов такой антонимической пары обычно содержит в своей структуре префиксы *не-, диз-, анти-, вне-, де-, ре-* и другие, а в сложных словах – корневые морфемы с противоположным значением: *высокорентабельный – низкорентабельный, высоко-*

доходный – низкодоходный, высоколиквидный – низколиквидный, высокосортный – низкосортный, долгосрочный – краткосрочный. Помимо использования префиксов – основного средства образования антонимов в терминологии бизнеса, антонимические пары в этой терминосистеме образуются также с помощью суффиксов, что проявляется гораздо реже. Например, *лицензиар – лицензиат, индоссат – индоссант, регрессат – регрессант*.

Что касается собственно словообразовательных отношений в системной организации терминологии бизнеса, то их роль чрезвычайно важна. Систематизирующая функция словообразования выражается в распределении слов-терминов по группам и типам на основе общности значения морфем, как корневых, так и аффиксальных, в соответствии с их словообразовательным значением. Нам представляется, что именно эта языковая функция словообразования – систематизирующая – выступает на первый план при обучении иностранных учащихся терминологии бизнеса. Учет этой функции способствует ускоренному и вместе с тем углубленному и упорядоченному освоению терминологии бизнеса учащимися, а также формированию навыков определения значения нового, неизвестного слова через соотнесенность с его формально-грамматическими элементами. Ведь часто для ознакомления с новыми лексическими единицами учащимся достаточно раскрыть их словообразовательную структуру, показать, например, что суффикс *-ер* привносит в слово значение «деятели». Сравните: *акционер, менеджер, комиссионер, девелопер*.

Лингвисты единодушны во мнении о том, что чрезвычайно высокую активность в русском языке новейшего времени демонстрирует такой способ словообразования, как аббревиация (сложение сокращенных основ), направленный на создание более коротких по сравнению с исходными структурами синонимичных им номинаций. Эта тенденция получила широкое отражение в языке делового общения. При этом наиболее продуктивным типом аббревиации оказывается инициальный тип. В результате него создаются новые сложносокращенные слова инициального типа (буквенного характера), образованные посредством сложения начальных букв производящих слов: *АО* (акционерное общество), *ЗАО* (закрытое акционерное общество), *ТОО* (товарищество с ограниченной ответственностью), *СП* (совместное предприятие), *ТЦ* (торговый центр), *ТРЦ* (торгово-развлекательный центр), *МВФ* (Международный валютный фонд), *НДС* (налог на добавленную стоимость), *ЧОП* (частное охранное предприятие), *МРОТ* (минимальный размер оплаты труда), *ГКО* (государственные краткосрочные облигации). Слоговой тип аббревиации, при котором сложносокращенные слова образуются путем сложения частей производящих основ, не так активен в современном русском языке: *Госстрах* (государственное страхование) *банкомат* (банковский автомат).

Особое значение в системной организации терминологической лексики бизнеса приобретает такая словообразовательная единица комплексного характера, как словообразовательное гнездо. Рассмотрение

структуры словообразовательных гнезд, активно функционирующих в деловом общении, дает возможность выявить взаимосвязь и взаимодействие двух типов семантики – лексической и словообразовательной. Такой подход позволяет исследовать не только отношения между однородными элементами (словообразовательными), но и межуровневые связи (словообразования и лексики). В русском языке словообразовательное гнездо выступает как один из способов организации лексического материала, как системное объединение лексического характера. Согласно определению, «под словообразовательным гнездом понимается упорядоченная отношениями производности совокупность слов, характеризующаяся общностью корня» [4, с. 36]. В словообразовательном гнезде объединяются слова, имеющие общий смысловой элемент, материальным выразителем которого является корневая морфема. Тем самым словообразовательное гнездо по своей семантической природе оказывается схожим с такими группами слов, в основе объединения которых лежит семантика слова как лексической единицы (лексико-семантические группы, синонимы, антонимы). Анализ терминологии бизнеса показывает, что большая часть слов-терминов объединена в словообразовательные гнезда. В связи с этим целесообразно активизировать использование словообразовательного аспекта в процессе обучения учащихся языку делового общения, предьявлять новые термины учащимся не в виде изолированных единиц, а во всей совокупности их производных в виде словообразовательных гнезд. Например,

кредит – кредитный, кредитовать, кредитование, кредитор, кредиторский; акция – акционер, акционерный, акционировать; банк – банковский, банкир, банкомат, госбанк, банк-резидент.

На уровне отдельных словообразовательных гнезд в терминологии бизнеса прослеживается и антонимия. Например:

экспортировать	импортировать
экспорт	импорт
экспортный	импортный
экспортер	импортер.

Общая семантика производных в словообразовательном гнезде помогает обозначить круг определенных значений, характерных для данных родственных слов, а служебные аффиксы показывают взаимозависимость производных внутри словообразовательного гнезда.

Важнейшим типом отношений, присущих внутреннему строению языка, являются синтагматические отношения. При обучении деловому общению синтагматические связи слов обеспечивают прямой выход в бизнес-коммуникацию. В синтагматических отношениях терминов бизнеса также прослеживается связь со словообразованием. Отметим, что изменения в структуре значения производных слов, происходящие в процессе словообразования, оказывают непосредственное влияние на их сочетаемостные возможности. В результате любого деривационного процесса происходит изменение лексической и синтаксической сочетаемости слова.

Члены словообразовательного гнезда, объединенные на основе формального и семантического сходства корневых морфем, обнаруживают

различную синтаксическую сочетаемость, predetermined грамматическим, лексическим или словообразовательным значениями. В процессе обучения терминологии бизнеса, входящей в одно словообразовательное гнездо, синтаксическая сочетаемость должна быть показана как важная особенность функционирования терминов этой сферы:

акционер (чего) предприятия, банка, компании...

акция (какая) государственная, именная, конвертируемая...

акционировать (что) предприятие, завод, банк...

акционирование (чего) предприятия, завода, банка...

Анализ терминологии бизнеса в структурном плане показывает, что она в большинстве своем, подобно общеупотребительным словам, образуется на базе существующих слов и корей общелитературной и специальной лексики. Терминология в целом не располагает какой-то особой, существенно отличной от общелитературного языка базой терминологического образования, основа словообразования терминологии бизнеса – единая с общелитературным языком. Вместе с тем следует отметить и некоторую особенность образования терминов в сфере делового общения. Эта особенность реализуется через специализацию словообразовательных аффиксов и всей модели для выражения конкретного значения, соответствующего специальному терминологическому понятию. Например, тематическая группа лиц, участвующих в деловом общении, включает лексемы, образованные с помощью суффиксов *-ор, -ер, ант*: *аудитор, дебитор, инвестор, экспортер, акцио-*

нер, менеджер, девелопер, комиссионер, импортер, экспортер, акцептант, репрезентант, коммерсант.

Тесная связь парадигматики, синтагматики и словообразования в терминологии бизнеса, непосредственное участие словообразования в выражении парадигматических и синтагматических отношений, уникальность словообразовательного гнезда как системно организованной лексической группы позволяет говорить о ведущей роли словообразования в системной организации терминологии бизнеса и важной роли словообразования в обучении иностранных учащихся бизнес-коммуникации на русском языке.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гумбольдт, Фон В., Избранные труды по языкознанию [Текст] / В. Фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 303 с.

2. Краткий справочник по современному русскому языку [Текст] / Под ред. П.А. Леканта. – М.: Высшая школа, 1991. – 383 с.
3. Словарь терминов современного предпринимательства [Текст] / Под ред. В.В. Морковкина. – М.: Радикс, 1995. – 432 с.
4. Тихонов, А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. Т. 1 [Текст] / А.Н. Тихонов. – М.: Энциклопедия, 1985. – 864 с.

REFERENCES

1. Gumboldt Fon V., *Izbrannyye trudy po yazykoznaniiyu*, Moscow, Progress, 1984, 303 p. (in Russian)
2. *Kratkij spravochnik po sovremennomu russkomu yazyku*, ed. A. Lekanta, Moscow, Vysshaya shkola, 1991, 383 p. (in Russian)
3. *Slovar terminov sovremennogo predprinimatelstva*, ed. V.V. Morkovkina, Moscow, Radiks, 1995, 432 p. (in Russian)
4. Tihonov A.N., *Slovoobrazovatelnyj slovar russkogo yazyka*, Vol. 1, Moscow, Enciklopediya, 1985, 864 p. (in Russian)

Баско Нина Васильевна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, ninabasko@mail.ru

Basko N.V., PhD in Philology, Associate Professor, Russian Language for Foreign Students of the Humanities Faculties Department, Lomonosov Moscow State University, ninabasko@mail.ru

УДК 811.161.1+813.19

ББК 81.411.2+81.053.6+81.052.0

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ОТФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ДЕРИВАТОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ван Цзинхуэй

Аннотация. В русском языке появились слова, значение и структура которых сформировались под влиянием соответствующих фразеологических единиц. Такие слова называются «отфразеологическими дериватами». Отфразеологическое словообразование является одним из активных способов пополнения лексического состава русского языка. Данная статья посвящена исследованию степени продуктивности способов образования отфразеологических дериватов в современном русском языке. В ней рассматриваются способы словопроизводства, характерные для отфразеологических дериватов. Целью данной статьи является выявление наиболее продуктивных способов создания отфразеологических дериватов в современном русском языке. Изучая продуктивность способов образования отфразеологических дериватов с помощью создания таблицы и анализа данных в ней, мы делаем вывод о том, что преобладают сложносуффиксальный, суффиксальный, префиксально-суффиксальный способы и сращение с суффиксацией. Редко используются такие способы, как префиксальный, суффиксально-постфиксальный, префиксально-суффиксально-постфиксальный, префиксально-сложносуффиксальный, префиксально-постфиксальный и постфиксальный способы. Делается также вывод, что при сложении и сращении в отфразеологическом деривате представлены два (или все) компонента мотивирующего фразеологизма, а при аффиксальных способах производящей базой отфразеологического деривата служит только один компонент фразеологизма.

Ключевые слова: отфразеологический дериват, фразеологические единицы, способы словообразования, степень продуктивности, производящая база.

517

WAYS OF FORMATION OF PHRASEOLOGICAL DERIVATIVES IN MODERN RUSSIAN

Wang Jinghui

Abstract. With time new words came into the Russian language whose meaning and structure were formed under the influence of the relevant phraseological units. Such words are called “derivatives, formed from phraseological units”.

Word-formation on the basis of phraseological units is one of the active methods for replenishing lexical composition of the language. The article deals with the study of the methods of word-formation on the basis of phraseological units and their productivity in the modern Russian language. The purpose of this article is to identify the most productive methods of creating derivatives on the basis of phraseological units in the modern Russian language. Studying productivity of the methods of building derivatives on the basis of phraseological units by making a table and analyzing the data makes possible to conclude that compounding with suffixation, suffixation, prefixation-suffixation and blending with suffixation are in the majority. Such word-formation methods as prefixation, suffixation-postfixation, prefixation-suffixation-postfixation, compounding with prefixes and suffixes, prefixation-postfixation and postfixation are rarely used. At the same time using the methods of compounding and blending to create derivatives on the basis of phraseological units is usually represented by two (or all) the components of producing phraseological units, while creating derivatives by affixation by only one component of the phraseological units which serves as the producing base.

Keywords: *derivative, formed from phraseological units, phraseological units, ways of word-formation, rate of productivity, producing base.*

Каждый язык непрерывно изменяется и пополняется новыми лексическими единицами. Как отмечал В.В. Виноградов, «фразеологические единицы – это не только продукт окаменения и изоляции слов, но и источник рождения новых слов» [1, с. 122]. Производство слов, которые образованы от имеющихся в языке фразеологических единиц с помощью разных способов словообразования, называется отфразеологическим словообразованием. Например, глагол **баклушничать** образован от фразеологизма *бить баклуши* суффиксальным способом, слово **насобачиться** создано на базе фразеологизма *съел собаку* путем одновременного присоединения префикса, суффикса и постфикса и т.д.

По словам Д.Ш. Харанутовой, классификация способов образования слов в современном русском языке может быть применена и к процессу образования слов от фразеологиче-

ских единиц [2, с. 133-134]. Осуществив анализ собранных отфразеологических дериватов (212 единицы), автор данной статьи разделяет на две группы: производные аффиксальные и безаффиксные дериваты. По классификации способов словообразования, предлагаемой Н.А. Николиной, к аффиксальным способам относятся три чистых способа словообразования (префиксальный, суффиксальный и постфиксальный) и четыре комбинированных способа (префиксально-суффиксальный, префиксально-постфиксальный, суффиксально-постфиксальный и префиксально-суффиксально-постфиксальный). В состав безаффиксных способов входят сложение, сращение, усечение, аббревиация и конверсия. К смешанным способам относятся сложение+суффиксация, сложение+нулевая суффиксация, префиксально-сложносуффиксальный и сращение+суффиксация [3, с. 94-104].

Исследование показало, что при образовании отфразеологических дериватов используются все аффиксальные и смешанные способы словообразования. Из безаффиксных способов при образовании отфразеологических дериватов используются лишь два способа: сложение и сращение, например, существительное *пенкосниматель* образовано на базе фразеологизма *снимать пенки* с помощью сложения и суффиксации, прилагательное *таксебейный* создано на основе фразеологизма *так себе* путем комбинации сращения и суффиксации.

Безаффиксные способы образования отфразеологических дериватов отличаются от безаффиксных способов словообразования в системе других производных слов тем, что для отфразеологических дериватов нехарактерны такие способы, как аббревиация, усечение и конверсия. Степень продуктивности рассмотренных нами способов образования отфразеологических дериватов различна.

Предварительные подсчеты отфразеологических дериватов, образованных разными способами словообразования, представлены в таблице.

Как видно из таблицы, наиболее продуктивным способом образования отфразеологических дериватов в современной русской речи является сочетание **сложения с суффиксацией** (при котором производное слово образуется в результате сложения компонентов мотивирующего фразеологизма и одновременного использования суффикса). К этой группе относится подавляющее большинство слов (33%). При сложении в отфразеологическом деривате представлены два компонента (или все компоненты) мотивирующего фразеологизма. Например, существительное *башнесловокостит* («тот, кто живет в башне из слоновой кости») возникает на основе фразеологизма *в башне из слоновой кости* («отдаляться от людей, переставать интересоваться окружающим») при помощи сложения и добавления

Таблица

Распределение отфразеологических дериватов по способам словообразования

519

По способам словообразования				
Аффиксальные способы	Чистые аффиксальные способы	Префиксальный	7	3%
		Суффиксальный	49	23%
		Постфиксальный	2	1%
	Комбинированные способы	Сложение+суффиксация	69	33%
		Сложение+нулевая суффиксация	16	8%
		Префиксально-сложносуффиксальный	2	1%
		Сращение+суффиксация	19	8%
		Префиксально-суффиксальный	32	15%
		Префиксально-постфиксальный	2	1%
		Суффиксально-постфиксальный	6	3%
		Префиксально-суффиксально-постфиксальный	2	1%
Безаффиксные способы	Чистое сложение	2	1%	
	Сращение	4	2%	
Итого			212	100%

суффикса со значением лица –ист [4, с. 40]. Существительное **белибердоносец** («тот, кто несет белиберду») образовано на базе двух компонентов фразеологизма *нести белиберду* («говорить, писать и т.п. глупости, бессмыслицу») сложением с суффиксацией, с помощью суффикса -ец, также со значением лица [там же, с. 49]. Существительное **белобилетник** («тот, кто имеет белый билет, будучи освобожденным от воинской службы») возникло на основе фразеологизма *белый билет* («документ об освобождении от военной службы по состоянию здоровья») путем сложения с одновременным присоединением суффикса со значением лица –ник [там же, с. 50]. От фразеологизма *белая ворона* («о человеке, резко выделяющемся среди других, непохожим на окружающих») с помощью сложения и одновременного использования суффикса -j- образуется собирательное существительное **беловоронье** («все те, кто резко выделяется среди других; не такие, как все») [5, с. 33] и т.д.

Другая наиболее распространенная группа отфразеологических дериватов – это производные слова, которые образуются с помощью **суффиксации** (23%). В этом случае производящей базой служит только один компонент фразеологизма, второй же опускается. Например, от фразеологической единицы *точить балясы* («заниматься пустой болтовней») при помощи суффикса с значением лица -ник образуется существительное **балясник** («тот, кто точит балясы, шутник, болтун»), опорный глагол не представлен в структуре слова [4, с. 39]. От фразеологизма *делать акцент* («подчеркивать какую-л. мысль, обращать особое внимание на что-л.») при помощи суф-

фикса -ирова- образуется глагол **акцентировать** («то же, что делать акцент»), производящей базой в этом случае выступает только существительное *акцент* [там же, с. 33].

Префиксально-суффиксальный способ также активно используется при образовании отфразеологических дериватов (15%). Например, прилагательное **бестолковый** («беспорядочный, совершаемый или происходящий без определенной цели») образовано от фразеологизма *без толку* («беспорядочно, бестолково») при помощи одновременного присоединения префикса без- и суффикса -ов к производящей основе *толк* [4, с. 54].

Кроме того, в русском языке некоторые отфразеологические дериваты образуются посредством **сложения и нулевой суффиксации** (8%). Так, существительное **головолом** («о том, кто заставляет ломать голову над чем») образуется от фразеологизма *ломать голову* («напряженно думать, размышлять, стараясь понять, разгадать что-либо сложное») сложением и нулевой суффиксацией [там же, с. 93]. От фразеологизма *горе мыкать* («подвергаться жизненным невзгодам») образован дериват **горемыка** («тот, кто горе мыкает; неудачник, испытывающий всевозможные беды, горе») при помощи сложения и нулевой суффиксацией [4, с. 96]. При помощи сложения и нулевой суффиксации от фразеологизма *хватать за горло* («грубо принуждать к чему-либо, притеснять») образуется и существительное **горлохват** («наглый, агрессивный человек, способный хватать за горло кого-л.») [там же, с. 98]. Ряд дериватов образован **сращением с суффиксацией** (8%), в этом случае в отфразеологическом деривате также представлены два

компонента или все компоненты мотивирующего фразеологизма, например, существительное **задом-напередность** («безразличие, равнодушие ко всему происходящему; апатия») создано сращением на основе компонентов фразеологизма *задом наперед* («безразлично, не нужно, не интересно») с добавлением суффикса -ств- [там же, с. 127]. Прилагательное **спустя-рукавный** («небрежный, кое-какой (об отношении к делу, работе)») образовано на базе двух компонентов фразеологизма *спустя рукава* («без должного внимания, кое-как») с помощью сращения и суффиксации [4, с. 310].

Сравнительно редко встречаются слова, возникающие в результате **чистого сращения и чистого сложения** (то есть без участия суффикса). В нашем материале отмечается лишь незначительное количество единиц, образованных от фразеологизмов с помощью сращения или сложения компонентов фразеологизмов, например, **на-все-руки** («то же, что мастер на все руки») [там же, с. 188], **сумасводящий** («такой, который сводит с ума») [там же, с. 316]. **Вдоль-поперек** («то же, что вдоль и поперек») образовано на основе фразеологизма *вдоль и поперек* («в разных направлениях, повсюду, везде») [там же, с. 67]. **Вкривь-вкось** («то же, что вкривь и вкось») создано на базе фразеологизма *вкривь и вкось* («в различных направлениях; беспорядочно») [там же, с. 73] и др.

Нужно упомянуть и более **сложные комбинированные способы** словообразования. Например, глагол **завертеться** («вертеться, захопотаться, замучиться») образован от глагола *вертеться* – компонента фразеологизма *вертеться как белка в колесе* («находиться в беспрестанных хлопотах;

суетиться») при помощи префикса за- [там же, с. 125]. Глагол **смотаться** («то же, что смотать удочки») образован от глагольной части фразеологизма *смотать удочки* («поспешно уйти, отойти и т.п. откуда-л.»), словообразовательным формантом служит постфикс -ся [там же, с. 303]. Глагол **про-слоняться** («провести некоторое время, слоняясь без дела») образован с помощью добавления префикса про- и постфикса -ся от глагола *слонять* – компонента фразеологизма *слоны слонять* («бродить без дела, слоняться») [там же, с. 263]. Слово **белениться** («выходить из себя, требуя невыполнимого») образовано от субстантивной части фразеологизма *белены объелся* («совсем обезумел, перестал ображать»), средством образования служит комбинация суффикса -и- и постфикса -ся [4, с. 47]. Глагол **увекочечить** («сделать памятным навечно, сохранить в памяти потомства на веки веков») создан на базе фразеологизма *на веки веков* («навсегда, навечно») путем сложения и одновременного присоединения префикса у- и суффикса -и- [там же, с. 338]. Глагол **испросачиться** («то же, что попасть впросак») образован на основе субстантивного компонента *впросак* в фразеологизме *попасть впросак* («по своей оплошности или неосведомленности оказываться в крайне неловком, неприятном положении») при помощи комбинации трех аффиксов: префикса из-, суффикса -и- и постфикса -ся [там же, с. 144].

Как уже отмечалось, с помощью аббревиации, усечения и конверсии дериваты на базе фразеологических единиц не образуются. Это связано с особенностями структуры фразеологических единиц: «фразеологический оборот – это воспроизводимая в готовом

виде единица языка из двух и более ударных компонентов словного характера, фиксированная по своему значению, составу и структуре» [6, с. 27].

Итак, отфразеологические дериваты образуются в современном русском языке разными способами. Наиболее часто используются такие способы, как сложение с суффиксацией, суффиксальный способ, префиксально-суффиксальный способ и сращение с суффиксацией. Немногочисленные примеры представлены префиксальным, суффиксально-постфиксальным способами. Не используются в сфере образования отфразеологических дериватов аббревиация, усечение и конверсия. В зависимости от способа словообразования варьируется состав производящей базы: при сложении и сращении сохраняются основные компоненты фразеологизма, при использовании аффиксальных способов отфразеологический дериват включает, как правило, только один компонент фразеологической единицы, мотивирующей данной производное слово.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Виноградов, В.В.* Современный русский язык (Введение в грамматическое учение о слове). Вып. I [Текст] / В.В. Виноградов. – М.: Учпедгиз, 1938.
2. *Харанутова, Д.Ш.* Образование слов на базе фразеологизмов в бурятском языке: к постановке проблемы [Текст] / Д.Ш. Харанутова // Евразийский фронтир: проблемы взаимодействия культур в многонациональном обществе: сб. науч. ст. – Улан-Удэ, 2012. – С. 133-134.

3. *Николина, Н.А.* Словообразование современного русского языка [Текст] / Н.А. Николина, Е. А. Фролова, М.М. Литвинова. – М.: Академия, 2005. – 159 с.
4. *Алексеенко, М.А.* Словарь отфразеологической лексики современного русского языка [Текст] / М.А. Алексеенко, Т.П. Белоусова, О.И. Литвинникова. – М.: Азбуковник, 2003. – 400 с.
5. *Телия, В.Н.* Большой фразеологический словарь русского языка [Текст] / В.Н. Телия. – М.: АСТ-Пресс, 2014. – 784 с.
6. *Шанский, Н.М.* Фразеология современного русского языка: Учебное пособие. [Текст] / Н.М. Шанский. – 7-е изд. – М.: Ленанд, 2015. – 274 с.
7. *Земская, Е.А.* Современный русский язык. Словообразование [Текст] / Е.А. Земская. – 6-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2009.-328 с.

REFERENCES

1. *Alekseenko M.A., Belousova T.P., Litvinnikova O.I., Slovar otfrazeologicheskoy lek-siki sovremennogo russkogo,* Moscow, Azbukovnik, 2003, 400 p. (in Russian)
2. *Kharanutova D.Sh., Obrazovanie slov na baze frazeologizmov v burjatskom jazyke: k postanovke problem,* Ulan-Ude, 2012, pp. 133-134. (in Russian)
3. *Nikolina N.A., Frolova E.A., Litvinova M.M., Slovoobrazovanie sovremennogo russkogo jazyka,* Moscow, Akademija, 2005, 159 p. (in Russian)
4. *Shanskij N.M., Frazеologija sovremennogo russkogo jazyka. Uchebnoe posobie,* 7nd ed., Moscow, Lenand, 2015, 274 p. (in Russian)
5. *Telija V.N., Bolshoj frazeologicheskij slovar russkogo,* Moscow, AST-Press, 2014, 784 p. (in Russian)
6. *Vinogradov V.V., Sovremennyy russkij jazyk (Vvedenie v grammaticheskoe uchenie o slove),* Moscow, 1938. (in Russian)
7. *Zemskaya E.A., Sovremennyy russkij jazyk. Slovoobrazovanie,* 6nd ed., Moscow, Flinta, Nauka, 2009, 328 p. (in Russian)

Ван Цзинхуэй (Китай), аспирант, кафедра русского языка, Московский педагогический государственный университет, jinghui1988@yahoo.com

Wang Jinghui (China), Post-graduate Student, Russian language Department, Moscow State University of Education, jinghui1988@yahoo.com

УДК 002:681.14
ББК 76:32.973

ВХОЖДЕНИЕ НОВОЙ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ И АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫКИ (на материале российских и англоязычных СМИ)

А.В. Гуслякова

Аннотация. *Язык, будучи инструментом коммуникации, эволюционирует под влиянием исторических, политических и социально-экономических условий той или иной эпохи. Лексический состав языка особенно чувствителен к подобным изменениям и постоянно пополняется новыми единицами, стремясь максимально четко отобразить реалии происходящего в жизни общества. Одним из ключевых ресурсов создания новых лексических единиц в цифровую эпоху является медиапространство. Медиасреда – это неотъемлемая часть жизни практически каждого современного человека. Она же является важным источником распространения неологизмов, которые впоследствии входят в обиход общения русскоязычных и иноязычных пользователей.*

Данная статья представляет основные критерии вхождения новой лексики в современный английский и русский языки. Доказано, что полезность, «легкость» и статус потомка – это три важных параметра оценки вхождения новой лексической единицы в языковую среду и ее дальнейшей адаптации в сознании носителей языка. Приведены примеры наиболее популярных неологизмов, функционирующих в медиапространстве российских и англоязычных СМИ.

Ключевые слова: *неологизм, лексикализация, социализация, СМИ, полезность, «легкость», статус потомка.*

523

THE ENTRY OF NEW VOCABULARY IN MODERN RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

(based upon the Russian and English mass media)

A.V. Guslyakova

Abstract. *Language as an instrument of communication evolves under the influence of historical, political, social and economic conditions of a certain epoch. The lexical structure of the language is especially sensitive to such changes and is constantly replenished with new units, seeking to display most accurately realities of the society. One of key sources of new lexical units*

formation in a digital era is the media space. It is common knowledge that the new media are an integral part of almost each modern person's life. Moreover, the media space is an important source of distribution of neologisms which are subsequently adopted by Russian-speaking and foreign-language users during communication processes.

This article represents the basic criteria of the entry of new vocabulary in modern English and Russian languages. It is proved that usability, «easiness» and descendant status are three essential parameters to introduce new lexical units in the language and to follow their further adaptation in native speakers' consciousness. The article shows the most popular examples of neologisms used by the Russian and English mass media.

Keywords: *neologisms, socialization, lexicalization, mass media, usability, easiness, descendant status.*

Язык – это важнейшее средство коммуникации в любом обществе. Смена условий и качества жизни социума имеет влияние на состояние языка и его структуру. Самым восприимчивым к этому влиянию является лексический состав языка. Лексика – это наиболее подвижная лингвистическая составляющая, которая непрерывно совершенствуется, обновляется, реагирует на изменения в окружающей нас действительности (экономической, политической, научно-технической, информационной), развиваясь одновременно с жизнью самого общества [1].

Мир нового тысячелетия насыщен разнообразными событиями международного значения: интенсивное развитие информационных технологий, глобализация экономических процессов отдельных государств, значимые политические события в тех или иных регионах мира. Все эти события в жизни человека получают свои наименования. С этой целью создаются новые слова или словосочетания либо используются прежние, но уже с новым значением. Некото-

рые из них впоследствии становятся малоупотребительны или же вовсе исчезают, а другие, наоборот, начинают активно использоваться и закрепляются в лексике носителей языка.

Цель данного исследования состоит в том, чтобы проанализировать факторы, влияющие на прохождение новой лексической единицы стадий социализации и лексикализации и выявить продуктивные способы словообразования в русском и английском языках.

Материалом исследования послужили 60 новых слов (39 русских неологизмов и 21 английский неологизм), извлеченные методом сплошной выборки из словарей Macmillan Dictionary (BuzzWord) [2] и «Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века» [3]. Отобранные неологизмы были проанализированы в следующих российских и англоязычных традиционных и электронных СМИ: «Московский Комсомолец» (далее МК), «Аргументы и факты» (далее АиФ), «Известия», «Коммерсант», «Комсомольская правда» (далее КП), «Голос Америки», «Се-

годня.ру); «The Guardian», «The Sunday Times», «The Guardian», «Mirror», «Independent», «New York Times», «The Washington Post» в период за 2000–2015 годы.

Появление нового слова является результатом борьбы двух тенденций – тенденции развития языка и тенденции его сохранения. Это обусловлено, прежде всего, тем, что «в языке существует довольно сильная тенденция сохраняться в состоянии коммуникативной пригодности» [4]. Однако для того, чтобы более адекватно отразить, воспроизвести и закрепить новые идеи и понятия, язык вообще и лексика в особенности вынуждены перестраиваться, дифференцироваться, порождать новые единицы. При этом появление нового слова не всегда вызвано прямыми потребностями общества в новом обозначении. Зачастую неологизм – это результат новых ассоциаций или результат устранения омонимии и т.д., то есть при создании неологизма зачастую действуют чисто внутриязыковые стимулы [5].

Человек, желающий высказать свою мысль и донести сообщение до адресата, выбирает из своего словарного состава слово, которое наилучшим образом сможет выразить его мысли и чувства. Не найдя подходящую для своего сообщения лексическую единицу, он, как правило, видоизменяет старую и создает новую. Выполняя данный процесс, человек старается индивидуализировать и придать оригинальность новому слову. После этого новая лексическая единица проходит стадии социализации (принятие его в обществе) и лексикализации (закрепление в языковой системе).

Новое слово воспринимается адресатом и постепенно распространяется в обществе. Довольно часто эффективным посредником популяризации неологизмов являются средства массовой информации.

Медиасреда – это неотъемлемая часть жизни почти каждого человека, с ней связаны работа, общение, досуг, покупки и даже путешествия. Современное медиапространство является огромным ресурсом для создания новых лексических единиц; неологизмы легко распространяются и входят в обиход общения русскоязычных и англоязычных пользователей.

Слово попадает в пространство СМИ и очень быстро осваивается в его пределах, также перенимаясь широкой аудиторией носителей языка. Так осуществляется важная стадия закрепления нового слова в словарном составе языка, то есть его социализация. После этого происходит процесс лексикализации, а затем слово приобретает коммуникативно-прагматическую компетенцию у носителей языка.

На этой стадии прагматика предписывает правила адекватного употребления новой лексической единицы, выявляет типичные для нее контексты употребления, а также условия, противопоказанные для ее использования, то есть создающие «прагматическую аномалию» [6].

Новые слова или неологизмы различны по своему составу, происхождению, по длительности нахождения в статусе «новых». Опираясь на исследование британского лексикографа Керри Максвелл [см.: 7; 8], выделим следующие критерии классификации новых слов в исследуемых языках:

1. «Полезность» неологизма. Новообразование имеет все шансы закрепиться в языке носителя, если оно отображает реалии, которые до сих пор продолжают существовать во времени. Как только понятие становится менее значимым, человек начинает использовать это слово реже и реже, пока само понятие и слово не исчезнет.

2. «Легкость» неологизма. Сильным неологизмом можно назвать тот, который имеет связь с особенностями народа, позволяя им быстро понимать, писать и произносить его. В этом случае немаловажную роль играет словообразовательный процесс в языке.

3. Статус «потомка». Потенциал повышения производительности иногда может выступать в качестве катализатора на признание неологизма социумом и может дать шанс к долгой жизни.

Анализ собранных неологизмов показал, что в современном английском и русском языках выделяются три наиболее распространенные тематические группы новых слов (см. рис. 1).

Прежде всего, речь идет о неологизмах, появляющихся как результат научно-технического прогресса и стремительно развивающихся ин-

формационных технологий (33,4%). Вторая группа новых слов связана с общественно-политическими событиями, происходящими в России и мире (58,3%). В третью группу входят неологизмы, посвященные здоровью человека и его внешнему виду (8,3%).

Необходимо отметить, что в русском языке большинство новых слов заимствуются из английского языка, легко произносятся и достаточно легко пишутся.

Например, слово блог и его дериваты: блог-культура, блог-платформы, блог-сообщество, блог-волна, блог-сервис, а также блоггер (человек, ведущий блог) и блоггинг (ведение блога)

«...я активный пользователь соцсетей, веду свой **блог**,...» (МК, 6.03.15).

«Депутаты предлагают приравнять **блоги** к СМИ» (АиФ, 19.02.2014).

Ведение блогов популярно среди молодых людей, общественных деятелей, политиков, звезд шоу-бизнеса и музыкантов, равно как и ведение аккаунта в Твиттере и поиск информации в Гугле. Неологизмы «твиттер» и «гугл» очень распространенные лексические единицы в современном российском обществе. Они также имеют множество популярных производных лексем.

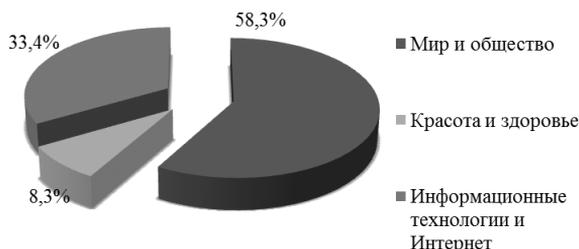

Рис. 1. Процентное соотношение тематических групп неологизмов в русском и английском языках

Например, гугл-аналитика, гугл-заявка, гугл-переводчик, гугл-карты, гуглить; твиттерить (писать сообщение в микроблог твиттер), твиттерная революция (Интернет-революция), твиттер-репортаж и т.д.

«О расширенном информационном воздействии на зарубежную аудиторию пишут ведущие экспертно-аналитические фонды, что подчеркивает серьезность их намерений. Согласно их подсчетам, в Европе 2/3 населения регулярно пользуется социальными сетями, такими как *“Твиттер”*.., *“Гугл”*...» (Сегодня.ру, 13.08.09).

«Новые медийные технологии служат платформой революций, захлестнувших арабский мир в последние два месяца – их даже называют *„твиттерными революциями“*». (Голос Америки, 1.03.11)

В английском языке также существуют популярные неологизмы, например: pre-roll, the deep web, emoji.

Исчисляемое имя существительное **pre-roll** или preroll – это видеореклама, которая проигрывается перед просмотром онлайн-видео. Это один из наиболее эффективных способов рекламы, поскольку среднестатистический пользователь Интернета не оплачивает просмотр видео без рекламы, и является потребителем данного вида рекламы.

“..Now you can also choose pre-roll ads.” (The Guardian, 5.12.12).

“It’s designed for people who don’t like sitting through the pre-roll ads or having videos covered in banners...” (Mirror, 19.02.15).

The deep web или **the dark web** (сущ., неисч.) – часть Интернета, к которой нельзя получить доступ с обычными браузерами или сред-

ствами поиска, часто используется для незаконной деятельности.

The deep web – невозможность индексации содержимого баз данных и доступа к закрытым веб-сайтам.

Неологизм образован путем словосложения, он прост в произношении, письме и запоминании.

Употребление неологизма в языке СМИ:

“...members of some of the biggest marketplaces on the ‘darkweb’ took to anonymised forums to lament his loss” (The Times, 3.10.14).

“A teenager has admitted ordering a potentially deadly toxin from the ‘deep web’ after a sting by terror officers” (Mirror, 8.04.15).

“Richard D James uses deep web browser to announce SYRO, his first album since Drukqs in 2001” (The Guardian, 18.08.14).

Emoji (сущ., исч.) – маленькое цифровое изображение, обычно производимое программным обеспечением или встроенное в клавиатуру, которая используется в электронной коммуникации, чтобы выразить эмоцию или другие простые понятия.

“Emoji” очень часто используются в текстовых сообщениях. В наше время пустое сообщение без “Emoji” уже кажется пользователю тусклым и не выражающим каких-либо чувств. Помимо преимуществ в выражении более ярких эмоций, “Emoji” экономит время печати сообщения. Намного легче вместо «я смеюсь до слез» поставить одним нажатием кнопки Емој изображающий это действие. Вместо «я люблю тебя» или «целую тебя» выслать «сердечко» или «поцелуй».

“Last week saw Hallowe’en trick-or-treaters wearing emoji masks

knocking on doors...” (The Sunday Times, 2.11.14).

“The emoji has come a long way from its origins as a cute footnote to text messages” (The Guardian, 31.08.14).

Изменения в политической и экономической жизни стран имеют влияние на качество жизни граждан, вследствие этого возникают новые явления, которые требуют новых номинаций. За ближайшие 15 лет Россия и Великобритания пережили несколько экономических кризисов, нестабильность положения политических отношений с другими странами, общественные резонансы. Все эти факторы обусловили создание новых лексических единиц в языке.

Например,

Оффшор – государство или территория, проводящие политику привлечения иностранных ссудных капиталов и предоставляющие налоговые и другие льготы для финансово-кредитных операций с иностранными резидентами и в иностранной валюте.

«... российский капитал продолжает уходить в оффшоры» (Известия, 25.05.07).

А использование налоговых оффшоров, таких как Лихтенштейн, 84-летний владелец сети магазинов считает частью самого замысла ИКЕА...» (Ведомости, 27.01.11).

Оффшорный – находящийся вне пределов контроля и финансовой юрисдикции данной страны, на территории другой страны, связанный с оффшором.

«Наиболее распространены островные оффшорные зоны, в частности, в Тихом и Индийском океанах, также они встречаются в Европе» (Известия, 07.10.10).

«...банки открыли оффшорные „дочки“ в других странах» (Ведомости, 15.10.10).

Майдан – это площадь, любая открытая площадка. Но в связи с последними политическими событиями на Украине слово «майдан» приобрело новое значение и стало не просто местом в городской черте, а символом революционных изменений в политической и экономической жизни общества.

Зафиксированы такие новые лексемы от этого неологизма: Евромайдан, Антимайдан, майдановцы. Слово и его новое значение имеет все шансы закрепиться в вокабуляре общества. Можно предположить, что слово войдет в учебники истории и долгое время не смогут стереться из памяти те события, которые повлек за собой «Майдан».

«Одни пользователи предсказывают, что „финансовый *майдан*“ выльется в „*майдан* обывковенный“...» (АиФ, 22.05.2015).

«„Антимайдан“ просит проверить организаторов „антикризисного марша на экстремизм» (Сегодня.ру, 11.02.15).

Неологизмы английского языка этой группы называют актуальные явления из жизни общества, что способствует легкому и быстрому усвоению слов в вокабуляре носителей языка.

Earned media (сущ., неисч.) – бесплатное освещение информации (рекламного продукта) в медиaprостранстве.

Самым быстрым и эффективным способом распространения информации является путь из уст в уста, а точнее сказать «сарафанное радио». А с появлением социальных сетей, где пользователь может «лайкнуть»,

«откомментировать» и «сделать репост» на понравившуюся статью, бренды получили возможность в несколько раз увеличить объем продаж своей продукции. И согласно статистике, 92% пользователей доверяют изложенной информации.

Данный неологизм образован путем словосложения, достаточно легко пишется, произносится и запоминается.

“*Earned media* amplifies messaging, builds word of mouth and buzz, spreads awareness and with increasing frequency produces ideas that become the core of creative advertising strategy” (The Guardian, 19.08.2014).

Еще одним интересным неологизмом, связанным с повседневным бытом современного человека, является лексема **solutionism** ((сущ., неисч.) – убеждение, что решение проблем находится в технологиях).

Ежедневно люди используют десятки цифровых устройств для организации своего личного и рабочего времени (установка будильника на мобильном телефоне, чтение электронных книг, использование GPS-навигаторов в пути и др.). Благодаря постоянно развивающимся и совершенствующимся технологиям многие бытовые проблемы легко решаемы.

Неологизм образован путем аффиксации, немного труден в произношении и в письме. Возможно, это может осложнить его стадию социализации.

“...Morozov critiques what he calls ‘*solutionism*’ – the idea that given the right code, algorithms and robots, technology can solve all of mankind’s problems...” (The Guardian, 9.03.13).

“...Technology, **Solutionism**, and the Urge to Fix Problems That Don’t

Exist, is an intellectual joyride in which he is opposed to every leading thinker on the internet...” (The Times, 16.03.13).

Затрагивая тему личного пространства современного человека, приведем пример английского неологизма **framfamily** (сущ., исчис.), которое означает «человека неродственного по крови, но очень дорогого и близкого для вас, будто он ваша семья».

Например,

“But it seems that Britons have gone one better and combined the two, inventing a new social group – the ‘*framfamily*’” (The Guardian, 9.03.06).

“Although new to Britain, the ‘*framfamily*’ – as seen in television shows such as Friends and Seinfeld” (The Guardian, 8.03.06).

Неологизм образован путем слияния friend+family. Он легко пишется, произносится и запоминается.

В XXI веке общество стало уделять особое внимание своему здоровью и внешности. Вследствие этого появилось огромное множество всевозможных салонов красоты, процедур для создания красоты и ее сохранения. Повсюду открываются фитнес-центры, предлагающие великое множество разнообразных спортивных направлений, таких как: йога, пилатес, степ, стретчинг. Рассмотрим некоторые примеры из этой сферы.

Как и многие другие, ранее проанализированные нами русские неологизмы, в этой группе лексические единицы также являются заимствованиями из английского языка. Иногда это может затруднять процесс их лексикализации и социализации, особенно если исконное слово многосложное и обладает специфическими

фонетическими характеристиками, как, например, выше упомянутое английское слово **“solutionism”**.

Например,

Лифтинг – (в косметологии) подтяжка кожи, удаление морщин, складок и т.п. чаще нехирургическими методами.

«На курортах же часто предлагают озон как средство „безоперационного лифтинга кожи”» (Известия, 13.08.07).

Пилинг – 1. косметическая процедура, заключающаяся в глубокой очистке кожных покровов и в смягчении ороговевших участков кожи с помощью специальных кремов.

«Есть несколько видов **пилинга**. Косметический (еще его называют „профилактический...”» (АиФ-Здоровье, 16.04.09).

2. Крем для пилинга.

«Многие девушки увлекаются скрабами и **пилингами**, применяя их чуть ли не ежедневно» (Известия, 14.05.09).

СПА – 1. Гидромассажный портативный бассейн со встроенным нагревателем, циркуляционным насосом и системой фильтрации; а также релаксационная, оздоровительная процедура, предлагаемая лечебно-оздоровительными центрами, салонами красоты, отелями, санаториями и т.д.

2. Оздоровительный центр, где проводят такие процедуры; спа-центр, спа-салон; спа-отель.

Новообразованные слова от «спа»: Спа-комплекс, спа-курорт, спа-отель, спа-процедура, спа-салон, спа-центр.

В английском языке интересным примером появления новой лексической единицы является слово **text neck**.

Text neck (сущ. неисч.) – повреждение мышц шеи и позвоночника вследствие долгого времяпрепровождения над планшетом, смартфоном или другим любым гаджетом.

Text neck – болезнь XXI века, преследующая молодое поколение, уже не представляющее свою жизнь без новомодных девайсов.

Неологизм образован путем словосложения. Как было ранее сказано, «словосложение» – один из самых продуктивных способов образования неологизмов. Существительное легко пишется, произносится и хорошо запоминается.

Много об этом явлении говорится и в СМИ:

“According to new research carried out by a US doctor, they are far worse – ‘text neck’ is becoming an epidemic that could lead to permanent damage” (The Guardian, 24.10.2014).

“The condition of **text neck** caused by increased stress and muscle spasm is now a recognised 21st-century syndrome” (The Guardian, 30.3.2014).

“...walking along the street, head down, checking messages. It goes by the name of **text neck**” (The Times, 22.10.2014).

Еще одним не менее популярным неологизмом является словосочетание **paleo diet** или **paleolithic diet** (сущ., исч.) – диета, основанная на еде, которую употребляли в эру Каменного века. Состоит эта диета из мяса, рыбы, фруктов и овощей. Не включает зерно, молочные продукты или обработанные продукты.

Неологизм “paleo diet” актуален среди современного общества. Люди хотят быть здоровыми, красивыми и иметь хорошую фигуру. Для этого они ищут новые системы питания и диеты.

Новое слово создано путем словосложения. Пишется, произносится и запоминается хорошо.

О диете Каменного века много рассказывается в СМИ:

“The *paleo diet* is coming under increasing scrutiny from the science and health community” (The Guardian, 17.03.15).

“*Paleo diet*. What is it? The diet consists of foods that can be hunted and fished – such as meat and sea food – and foods that can be gathered – such as eggs, nuts, seeds, fruits, vegetables, herbs and spices” (Mirror, 8.01.15).

“Smoked pigeon and fry-ups? Eat like a caveman on the *Paleo Diet*” (The Sunday Times, 20.11.14).

Подводя итог, отметим, что современный мир не стоит на месте, изменения происходят во всех сферах человеческой деятельности, в том числе и языковой. Язык, как инструмент коммуникации, развивается и совершенствуется в соответствии с заданными историческими, политическими и социально-экономическими условиями той или иной эпохи.

Особенно подвержен к трансформации лексический состав языка. Лексика постоянно пополняется новыми единицами, стараясь как можно более четко отобразить реалии происходящего в жизни общества. У некоторых лексических новообразований получается «освоиться» и перейти из пассивного словарного состава в активный. Другие же неологизмы не способны закрепиться в вокабуляре носителей языка и со временем забываются и исчезают. Как уже было отмечено, для успешного прохождения стадий социализации и лексикализации неологизмы должны обладать следующими способностями:

1. Возможность отображать реалию, которая жизненно актуальна. Если явление продолжает существовать, то и неологизм способен существовать в языке.

2. Возможность «удобного» использования. Шансы на укрепление в лексике неологизма возрастают, если его легко можно употреблять в общении, он быстро пишется и запоминается.

3. Возможность производства новых слов.

Но даже по этим важным критериям сделать точный вывод о способности того или иного неологизма закрепиться в лексическом составе языка невозможно. Можно всего лишь спрогнозировать дальнейшее его развитие. Все будет зависеть от того, какие очередные произойдут перемены в жизни общества и как они найдут свое отображение в языке и его лексическом составе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Москалева, М.В. Неологизмы и проблема их изучения в современном русском языке [Текст] / М.В. Москалева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 8. – С. 246-250.
2. Macmillan Dictionary. Our Favorite Buzzwords 2003–2013. – Macmillan Publishers Limited, 2013. – 58 p.
3. Шагалова, Е.Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века [Текст] / Е.Н. Шагалова. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 416 с.
4. Серебренников, Б.А. О материалистическом подходе к языковым явлениям [Текст] / Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1983. – 319 с.

5. *Заботкина, В.И.* Новая лексика современного английского языка [Текст] / В.И. Заботкина. – М.: Высшая школа, 1989. – 128 с.
6. *Арутюнова, Н.Д.* Истоки, проблемы и категории прагматики [Текст] / Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике / Под общ. ред. Е.В. Падучевой. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – С. 21-38.
7. *Maxwell, K.* Brave New Words: A Language Lover's Guide to the 21st Century [Text] / К. Maxwell. – Pan Macmillan, 2007.
8. *Maxwell, K.* Survival of the fittest – new words and longevity [Text] / К. Maxwell. – URL: <http://www.macmillandictionaries.com/MED-Magazine/November2009/55-Feature-New%20Words-Longevity-Print.htm> (дата обращения: 04.05.2016).
2. *Macmillan Dictionary*, Our Favourite Buzzwords 2003-2013, Macmillan Publishers Limited, 2013, 58 p.
3. *Maxwell K., Brave New Words: A Language Lover's Guide to the 21st Century*, Pan Macmillan, 2007.
4. *Maxwell K., Survival of the fittest – new words and longevity*, available at: <http://www.macmillandictionaries.com/MED-Magazine/November2009/55-Feature-New%20Words-Longevity-Print.htm> (accessed: 04.05.2016).
5. *Moskalyova M.V., Neologizmy i problema ikh izucheniya v sovremennom russkom yazyke, Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*, 2008, No.8, pp. 246-250. (in Russian)
6. *Serebrennikov B.A., O materialisticheskoy podkhode k yazykovym yavleniyam*, Moscow, Nauka, 1983, 319 p. (in Russian)
7. *Shagalova E.N., Samyy n., oveyshiy tolkovyy slovar russkogo yazyka XXI veka*, Moscow, AST, Astrel, 2011, 416 p. (in Russian)
8. *Zabotkina V.I., Novaya leksika sovremenno-go angliyskogo yazyka*, Moscow, Vysshaya shkola, 1989, 128 p. (in Russian)

REFERENCES

1. *Arutyunova N.D., Istoki, problemy i kategorii pragmatiki*, in: *Novoye v zarubezhnoy lingvistike*, Вып. 16, *Lingvisticheskaya pragmatika*, Moscow, Progress, 1985, pp. 21-38. (in Russian)

Гуслякова Алла Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра контрастивной лингвистики, Московский педагогический государственный университет, aguslyakova@bk.ru

Guslyakova A.V., PhD in Philology, Assistant Professor, Department of Contrastive Linguistics, Moscow State University of Education, aguslyakova@bk.ru

УДК 81.367.633+81.366
ББК 81.411.2+81.052.1+81.052.2

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ПЕРВООБРАЗНЫХ ПРЕДЛОГОВ В КОНСТРУКЦИЯХ С ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ

Гун Цзинсун

Аннотация. *Актуализатором специфики каузальной семантики первообразных предлогов в предложно-падежных словоформах выступает весь лексический состав конструкции с причинно-следственными отношениями. Семантические свойства каузирующего и каузируемого компонентов в подобных конструкциях, а также средства их выражения служат непосредственной предпосылкой не только отбора того или иного первообразного причинного предлога, но и реализации его частного лексического значения, отличающего его от других предлогов данного типа. Именно названным научным вопросам и посвящена данная статья. В статье проведен анализ лексических условий функционирования производных причинных предлогов в конструкциях с причинно-следственными отношениями, выявлены закономерности правильного контекстуального употребления таких предлогов в их взаимодействии с лексическим окружением, а также рассмотрены вопросы о возможности синонимической замены предложно-падежных словоформ с данной группой предлогов.*

Ключевые слова: *каузальные отношения, каузирующий и каузируемый компонент, семантические свойства каузирующего и каузируемого компонента, первообразный причинный предлог.*

533

LEXICAL CONSTRAINTS OF PRIMITIVE CAUSAL PREPOSITIONS IN CONSTRUCTIONS WITH CAUSAL RELATIONSHIPS

Gong Jingsong

Abstract. *Practical meaning of the specifics of the causal semantics of the primitive prepositions in prepositional-case word forms presents in the whole lexical structure of constructions with causal relationships. Semantic properties of causative components in such structures, as well as their ways of expression are the direct precondition not only for the selection of one or another primitive causal preposition, but for the realization of its private lexical meaning, which distinguishes it from other prepositions of this type. This article is devoted to research these questions. This article conducts the analysis of the*

lexical application conditions of non-derivative causal prepositions in constructions with causal relationships, illustrates the regularities of correct contextual use of such prepositions in their interaction with the lexical environment, and also considers the questions about the possibility of synonymic replacement prepositional-case forms with this group of prepositions.

Keywords: *causal relationships, causative component, components with the meaning of cause and result, semantic properties of causative components, primitive causal prepositions.*

В современном русском языке первообразным предлогам, в отличие от знаменательных частей речи, не свойственны номинативная функция и функция указания на объекты внеязыковой действительности, они образуют предложно-падежную словоформу, вводят определенный актант в семантическую структуру высказывания и оформляют каузальные отношения¹ между соединяемыми ими компонентами словосочетания [1, с. 54]. Ср.: «Под **предлогом** традиционно понимают служебную часть речи, обладающую отвлеченным лексико-грамматическим значением, указывающую на **различные отношения** имен существительных, местоимений, числительных к определенной падежной форме; входящую в состав определенного члена предложения склоняемой формы; выражающую **различные отношения** между объектами, объектом и действием, объектом и признаком в составе словосочетания» [2, с. 121-122]. Служебный характер данной группы предлогов и их способность одновременно употребляться с несколькими падежами непосредственно вызывают их высокую семан-

тическую абстрактность, и при этом частное значение таких предлогов устанавливается только в ходе их контекстуального употребления, обусловленного определенными языковыми условиями.

Реализацию частного значения первообразных причинных предлогов стимулирует не только определенный падеж, значение которого они проясняют, но и лексическое значение двух «связанных» ими компонентов – каузирующего и каузируемого: предлог **всегда** конкретизирует значение падежной формы. **Функционально** предлог соотносительен с падежной формой, которая является средством синтаксической связи именных частей речи [там же, с. 126]. Например, в глагольном словосочетании «*ругать за опоздание*» значение причины с оттенком наказания, выраженное предлогом «за», основывается на единстве лексического значения каузирующего компонента «*опоздание*», контекстуального значения винительного падежа (обстоятельное значение) и лексического значения глагола «*ругать*» (выражение возмущения или недовольства по

¹ Каузальные отношения представляют собою такую связь ситуаций, при которой одна служит достаточным основанием для другой, выполняет функцию мотивирующего фактора, аргумента; вторая играет роль следствия [3, с. 36-43].

какому-либо поводу), который, определив значение управляемого падежа, обозначает каузируемое событие и тем самым выполняет роль каузируемого компонента словосочетания.

Следовательно, для описания условий употребления первообразного причинного предлога необходимо учитывать семантические свойства сразу каузирующего и каузируемого компонентов.

В ходе проведенного исследования выявлены следующие семантические свойства каузирующего и каузируемого компонентов:

- внешний или внутренний характер причины (*От жары у меня по лицу выступил пот* и *Из скромности Маша ничего не говорила про свои научные достижения*);

- возможность совмещения каузирующего и каузируемого явлений в сфере одного субъекта (*по болезни Алина пропустила много занятий и намного отстала от своих одноклассников*);

- тип каузирующего явления (*За глубокое нарушение правил проживания Артема выселили из общежития* — событие; *По рассеянности Иван потерял ключ от своей квартиры* — качество; *Из-за волнения Ли Тао провалился на экзамене по современному китайскому языку* — психическое состояние; *Из-за Ли Ли мы опоздали на спектакль* — лицо как метонимический знак всей каузирующей ситуации; *Из-за дождя наш план поездки за город был разрушен* — явление как метонимический знак всей каузирующей ситуации);

- оценочная маркированность каузирующей ситуации, обусловленная коннотативным компонентом лексического значения существи-

тельного-каузатора, выбранного субъектом речи в результате его наблюдения за состоянием субъекта события или совпадения их точки зрения на характер события, вызвавшего каузируемую ситуацию (*Из-за легкомыслия Ли Чжуан часто попадает в неловкое положение; Из-за глупости Аляша совершил ошибку* — негативная причина);

- тип каузируемого явления (*С испугу вздрогнуть* — состояние; *Наградить за успехи в учебе* — событие и т.д.);

- оценочная маркированность каузируемой ситуации (*От тоски похудеть* — неблагоприятное следствие).

Кроме семантического характера каузирующего и каузируемого явлений, для выбора правильного первообразного причинного предлога следует отдельно рассмотреть и средства их выражения в простых предложениях. По наблюдению автора данной статьи, каузальные отношения устанавливаются не между предметами, а между событиями, ситуациями, поэтому ядерным средством их выражения являются предикативные части сложноподчиненного предложения. Например: (*Ли Вэнь добросовестно работала над своей кандидатской диссертацией, [поэтому она в срок защитилась и окончила аспирантуру]*).

В составе простого предложения каузальные отношения представлены в частично свернутом виде: каузируемая ситуация обозначается в предложении в целом или в одной из его единиц, обладающих пропозициональной семантикой (содержащей грамматический или семантический предикат), а каузирующая — в предложно-падежной словоформе с причинным предло-

гом, поэтому каузирующая ситуация в подобных случаях выражается как словом (или словосочетанием) с пропозициональной семантикой, так и словом, выступающим в качестве метонимического представителя ситуации в целом – *Вечер был испорчен из-за поведения Маши* (поведение Маши стало причиной испорченного вечера) / *Вечер был испорчен из-за Маши* (некто, связанное с Машей, стало причиной испорченного вечера), – каузируемая ситуация же – глаголом (и его непредикативными формами – причастием и деепричастием), именем прилагательным, наречием, отглагольным и отадъективным именем существительным. Ср.: *Ли Лэй устал от бега / усталый от бега Ли Лэй* (следствие выражено однокоренными словами (глаголом *устать* и прилагательным *усталый*), которые указывают на переход физического состояния субъекта под влиянием интенсивного активного действия, рассматриваемого как причина); *Из-за тебя расстроенная Си Хань* (следствие обозначено причастием, означающим переход психического состояния субъекта, вызванный ранее произошедшим событием, которое в данном контексте представлено конкретным лицом «тебя»); *из-за болезни Чжан Вэй все время шел медленно* (признак действия, выраженный качественным наречием, воспринимается как последствие реализации физического состояния субъекта, обозначенного родительным падежом с предлогом «из-за» и рассматриваемого в данном примере как причина проявления данно-

го признака), *Штраф за нарушение правил дорожного движения* (в данном примере следствие выражается отглагольным существительным со значением активного действия и намекает на событие, обусловленное определенной ситуацией негативного характера, которая названа винительным падежом с причинным предлогом «за»).

С учетом вышеуказанных факторов обусловленности употребления того или иного первообразного причинного предлога выявлены следующие закономерности, связанные с правильным употреблением непроизводных причинных предлогов в русской речи:

1. Предлог *из-за* обладает наименьшим числом ограничений на свойства словоформы: падежная словоформа выражается как абстрактными, так и конкретными именами существительными и обозначает действие (физическое и речевое), событие (в сфере природы, человека и общества), качество, любое из состояний и их изменение; при этом используется как отглагольное или отадъективное имя, так и название лица и предмета, участвующего в ситуации,² а также заменяющие их местоимения.

Ограничения касаются негативно-оценочного компонента семантики каузируемой ситуации: она мыслится, скорее, как нечто неблагоприятное, поэтому можно сказать *Я опоздал из-за общественного транспорта*, но невозможно *Я пришел вовремя из-за общественного транспорта*. Предикаты, подчиняющие конструкции с этим

² Н.С. Прудникова характеризует такие употребления как метафорические [4, с. 62], тогда как автору настоящей статьи представляется более точным говорить здесь о синтаксической метонимии.

предлогом, содержат языковой или контекстуально обусловленный негативный оценочный компонент – ср.: *Я оказался здесь из-за тебя*³ / *Я оказался здесь благодаря тебе*⁴.

Конструкции с предлогом *из-за* не сочетаются с обозначением самопроизвольных действий, которые мыслятся как некаузируемые, но допускающие восприятие. Ср.: *Волосы седеют из-за нехватки витаминов* / *Вдали белеет парус*; *Из-за высокой влажности розы пахли сильнее* / *Розы источали аромат*.

Приведем примеры употребления данного предлога, демонстрирующие его свойства функционирования: *В то время были остановлены самолеты Ил-18 из-за катастрофы в Шереметьеве, прекратились эксплуатационные испытания* [НКРЯ]; *Потом из-за лени и забывчивости стала делать это все реже и потом вообще забросила* [НКРЯ]; *Из-за напряженности на полуострове Сеул даже закрывает в ночное время свое воздушное пространство* [НКРЯ].

2. Предлог *из* обладает более ограниченной продуктивностью, поскольку конструкции с этим предлогом строго ограничены со стороны входящих в них имен и включают только отвлеченные отглагольные и неотглагольные имена существительные. В падежных словоформах употребляются имена существительные (местоимения в этом случае не используются), обозначающие качества, эмоциональное, психическое состояние или нравственный принцип, мотивирующие поведение того лица, которое они характеризуют: *из гордости, из страха, из порядочности, из чувства долга*. Ограничения со стороны подчиняющего слова носят

не столько лексический, сколько логико-грамматический характер: каузирующий семантический предикат и каузируемый результат (действие или изменение признака) относятся к одному субъекту. См. примеры употребления: *Он страдал, как покинутый любовник, но из гордости никогда не начинал первым разговора...* [НКРЯ]; *Иногда ребенок просто не решается сделать что-либо из страха потерпеть неудачу* [НКРЯ]; *И – не по обязанности, а из любезности, из корректности, из порядочности, из любопытства, наконец, – люди разных профессий приходят слушать друг друга* [НКРЯ]. В первых двух примерах в роли каузатора события выступают отвлеченные имена со значением психического состояния как внутренней причины, замкнутой в самом субъекте и тем самым определяющей его внутреннее качество, тогда как в последнем примере каузирующие явления (за исключением *из любопытства*, которое указывает на чувство субъекта) выражены именами со значением нравственного принципа и намекают на поступки субъекта, обусловленные его нравственными качествами. Каузируемая ситуация, рассматриваемая как поведение субъекта события, во всех этих примерах воспринимается как результат реализации его внутреннего признака и вместе с каузирующим явлением образует причинно-следственные отношения, совмещенные в сфере одного субъекта.

3. Предлог *за* приобретает причинное значение, если употребляется в составе словоформы, обозначающей ситуацию, предшествующую той, которая

³ Ситуация оценивается отрицательно (= «плохо»)

⁴ Ситуация оценивается положительно (= «хорошо»).

обозначена сказуемым. Например, в предложении *Хуан **награжден за участие** в международной научной конференции «Язык – средство межкультурной коммуникации»* каузируемая ситуация обозначена сказуемым, происходит за счет каузирующей ситуации, выраженной винительным падежом с предлогом «**за**», при этом последнее рассматривается как **предпосылка** реализации первого, которая вполне может быть доказана на примере сложноподчиненного предложения с придаточным условия «*Хуан **награжден, если он участвовал** в международной конференции...*». В противном случае словоформа обозначает не причину, а цель. Ср.: *За участие в конкурсе он был премирован / Мы боролись за участие в конкурсе*. Целевое значение имеет конструкция с предлогом *за* в лозунгах или тостах (*За Родину! За победу! За ваше здоровье!*). При каузальных отношениях в предложноподлежащей словоформе должна быть названа **прямая причина**: на нее указывает действие (*наградить за победу в соревновании, снизить балл за речевые ошибки*) или проявленное **качество** (*полюбить за скромность, отчитать за лень*). Каузирующая ситуация обозначается названием лица (*отомстить за сестру, беспокоиться за детей*) или предмета в сочетании с определением, указывающим на каузирующее событие или **признак** (*наказать за грубые слова, отругать за разбитое стекло*). Каузируемая ситуация – эмоциональное состояние (*обижаться, страдать*) или оценочно окрашенное действие (*поощрение, порицание, вознаграждение, наказание*), влияющее на чье-либо эмоциональное состояние (*отругать, наказать, наградить*). Субъекты каузирующей и кау-

зируемой ситуации обычно не совпадают, за исключением случаев намеренного их соединения: *За свою догадливость я сам себя похвалил; Я пострадал за свою болтливость* (субъект в этом случае предстает как самостоятельно отвечающий за последствия своих **качеств** и поступков).

Результат каузации обозначен словом с предметным значением, что нехарактерно для употребления многих других предлогов причины (в этом он похож на предлоги *из-за* и *благодаря*). Называемый предмет играет роль символа каузируемого следствия, эквивалентного в оценочном плане каузирующему явлению, например: *медаль «За оборону Одессы», грамота за успехи в учебе*. При словах со значением поощрения (награды) или осуждения (наказания) словоформы с предлогом **за** не могут быть заменены на словоформы с предлогом *из-за* (*осужден из-за преступления, награжден из-за смелости*). В других случаях такие конструкции синонимичны (*пострадал за свою болтливость = пострадал из-за своей болтливости*), однако при этом утрачивается значение прямо мотивирующего обстоятельства.

4. Причина в сочетаниях с предлогом **от** предстает как нечто, не зависящее от воли субъекта, неожиданное. Предлог употребляется с широким кругом имен существительных и субстантивных словосочетаний, обозначающих **качество** или **состояние** (*от глупости, от злости, от старости, от ужаса, от боли, от скуки, от бедности*), а также явления природы (обычно стихийные бедствия), обладающие очевидными **качественными** признаками (*от ветра, от мороза, от жары, от засухи, от наводнения, от пожара*). При

этом невозможно, например, сочетание *от поджога*, так как оно подразумевает сознательное действие целенаправленного характера.

Реже предлог *от* употребляется с именами существительными, обозначающими интенсивное, активное действие: *устать от быстрого бега (от разговоров, от работы), глаза болят от чтения (от шитья), все зависит от твоих действий (от решения комиссии)*.

Возможно и употребление слов и словосочетаний, обозначающих события, при которых субъект каузируемой ситуации был объектом воздействия (*от полученных ран, от нанесенных обид, от переживаний, от шума, от удара, от стука* и др.). Субъект каузирующего действия (явления) и каузируемой ситуации не обязательно тождественны, однако возможно их совпадение. Ср.: *От яркого света болели глаза; страдание от чужих успехов / От боли я не мог уснуть; головокружение от успехов*.

Употребляемые с этим предлогом конкретные имена существительные приобретают орудийное значение или играют роль перифразы: *Он пал от пули бандитов*. В редких случаях встречается употребление предлога *от* с именами существительными, обозначающими лицо или множество лиц (*пострадать от мужа, от толпы*) или вещество (*голова кружится от резкого запаха*).

Кроме того, конструкции с предлогом *от* обозначают ситуативную, не осознанную деятелем причину мимолетного, кратковременного, произвольного действия. Обычно такие конструкции употребляются с глаголами, именами прилагательными или существительными, обо-

значающими изменение состояния, неожиданное действие (осознанное поступок или неконтролируемое действие), вовсе не являющееся единственным вариантом развития событий: *броситься в кусты от страха, заплакать от безысходности, пойти в няньки от нужды, красный от стыда, смех от отчаяния*.

Словоформы с предлогом *от* в причинном значении не употребляются при именах существительных, обозначающих модальные состояния, происшествия, факты, психическое состояние, познавательные акты (нельзя сказать: *«Тоска от родителей»* или *«Нужда от любви родителей»*), и характерны для наглядно-образных описаний.

5. Предлог *по* употребляется в двух вариантах **качественного** причинного значения и, соответственно, сочетается с разными лексемами. В одном случае он обозначает внутреннюю причину – **качества** субъекта, являющиеся предпосылкой поступка, обуславливающие совершение действия самим субъектом или кем-то другим по отношению к нему (*помочь незнакомцу по доброте душевной, простить его по малолетству*). В таком значении предлог синонимичен предлогу **по причине**. Выскажем предположение, что употребляемая с предлогом *по* словоформа указывает на **собственное качество** или чужое действие, вынуждающее совершать некое действие, означающие причину ослабления или укрепления личной воли (*по убеждению, по приказу, по неведению, по трусости, по обычаю, по привычке, по просьбе, по дружбе*). В деловой речи предлог *по* выражает значение основания для осуществления действия как логического или

правомерного следствия из предыдущего: *приехать по просьбе отца, выдать документы по требованию гражданина, перекрыть дорогу по приказу губернатора*.

С другой стороны, в словоформе с предлогом **по** заключается основание для умозаключения о чем-либо (*судить по платью, определить содержание книги по заглавию, узнать по запаху*). В подобных случаях предлог *по* выражает значение основания для перцептивной или логической, а не физической операции. Причина, выражаемая конструкциями с предлогом *по*, предстает в любом случае как субъективный фактор (субъективная мотивировка), даже если он носит осознаваемый или официальный характер.

Предлог *по* употребляется также во временном (*позвонить по приезду*) и объектном (*грустить по прошлому*) значениях. Критерии разграничения грамматических отношений здесь опираются на лексические значения слов, входящих в словосочетания.

6. Предлог **с** предъявляет строгие требования к списку слов, с которыми он употребляется, помимо того, что субъект каузирующей и каузируемой ситуации один и тот же, ср.: со стороны каузируемого явления – обозначение действия или эмоционального состояния, со стороны каузирующей ситуации – эмоциональное **состояние** или **качество** (внутренняя причина): *спрятаться со страха, напиться с горя, написать роман со скуки, заболеть с тоски*. Преимущественно это слова со значением негативного эмоционального состояния, попыткой преодоления которого становится каузируемое действие, поэтому невозможно сочетание в составе предложно-падежной слово-

формы со словами *счастье, беда, бедность, болезнь*. В подчиняющей словоформе обозначены неконтролируемые состояния и проявления **признака**: *поседеть с горя, умереть с тоски*. Устойчивыми стали выражения *с какой стати, с какой радости*, употребляемые как риторические вопросы.

7. Предлог **через** в причинном значении употребляется при ограниченном числе глаголов или имен прилагательных со значением печальных (типичным из которых является *пострадать*) или, реже, подчеркнуто положительных (*преуспеть, обогатиться*) последствий. Употребление отглагольных существительных в роли главного слова нехарактерно. В зависимой словоформе называется фактор, приводящий к таким последствиям: *пострадать через свою глупость, пострадать через свою доброту, обеднеть через свою лень, обеднеть через свою щедрость, через свою бережливость я и преуспел*. Чаще мотивирующее **качество** и негативный результат относятся к одному субъекту, но возможно и субъектное несовпадение: *много претерпел через людскую зависть*. Допустимо обозначение источника страдания в метонимической форме – с помощью имени существительного со значением лица: *много я страдал через эту девуку*.

Рассмотренные семантические условия сочетаемости первообразных причинных предлогов с падежной формой и с подчиняющей единицей доказывают наличие как повторяемости некоторых семантических множителей, так и их несовпадения и объясняют причины допустимости и недопустимости синонимической замены конструкций с разными предлогами. См. примеры высказываний, где

первообразные причинные предлоги проявляют свою уникальность и не допускают замены на какие-нибудь другие предлоги рассматриваемой группы: *Он сделал это из ложного представления о чести; Его наградили за личное мужество; Спор вышел из-за женщины; Я говорю это не со зла; Я устал от упреков; Дело прекращено по согласию обеих сторон.*

Таким образом, лексические факторы употребления разных первообразных причинных предлогов связаны со спецификой их каузальной и «качественной» (по С.М. Колесниковой) семантики и проявляются в их способности сочетаться с разными, с семантической точки зрения, группами управляемых и управляющих лексем, в том числе в допустимости / недопустимости / обязательности их сочетания с лексемой, обозначающей лицо и служащей метонимическим обозначением каузирующего события в целом. Даже при наличии сходства в условиях употребления некоторых предлогов обязательно, по нашим данным, есть некоторые специфические для каждого предлога контекстные **признаки**. Данными положениями объясняется сосуществование в языке разных средств выражения каузальной и «качественной» семантики, не противоречащее закону речевой экономии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Всеволодова, М.В. Русские предлоги и средства предложного типа [Текст] /

М.В. Всеволодова, О.В. Кукушкина, А.А. Поликарпов. – М.: Книжный дом, 2014. – 304 с.

2. Колесникова, С.М. Роль предлога в реализации градуальной семантики текста (на материале художественно-поэтических текстов М. Цветаевой) [Текст] / С.М. Колесникова // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: история и современность: Сборник научных трудов. – М.: ИИУ МГОУ, 2016. – С. 121-126.
3. Виноградова, Е.М. Категория причинности и средства ее выражения в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» [Текст] / Е.М. Виноградова // Русский язык в школе. – 2015. – № 3. – С. 36-43.
4. Прудникова, Н.С. Конструкции причинного значения в современном русском языке [Текст] / Н.С. Прудникова // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 1980. – № 4. – С.58-64.

REFERENCES

1. Kolesnikova S.M., “Rol predloga v realizaciji gradual’noj semantiki teksta (na materiale hudozhestvenno-pojeticheskikh tekstov M. Cvetaevoj)”, in: *Russkij jazyk v slavjanskoj mezhkulturnoj komunikacii: istorija i sovremennost, Collection of scientific papers*, Moscow, 2016, pp. 121-126. (in Russian)
2. Prudnikova N.S., *Konstrukcii prichinnogo znachenija v sovremennom russkom jazyke, Vestnik Moskovskogo universiteta, ser. 9 Filologija*, 1980, No. 4, pp. 58-64. (in Russian)
3. Vsevolodova M.V., Kukushkina O.V., Polikarpov A.A., *Russkie predlogi i sredstva predlozhnogo tipa*, Moscow, Knizhnyj dom, 2014, 304 p. (in Russian)
4. Vinogradova E.M., *Kategorija prichinnosti i sredstva ee vyrazhenija v romane M.A. Bulgakova “Master i Margarita”, Russkij jazyk v shkole*, 2015, No. 1, pp. 36-43 (in Russian)

Гун Цзинсун (Китай), аспирант, кафедра русского языка, Московский педагогический государственный университет, mockba861123@mail.ru

Gong Jingsong (China), Post-graduate Student, Department of Russian Language, Moscow State University of Education, mockba861123@mail.ru

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ
СЛОЖНЫХ ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ
В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ**Н.С. Шарафутдинова**

Аннотация. *Статья посвящена исследованию сложных немецких технических терминов на примере компьютерных композитов. На материале компьютерных журналов "Computer Bild" и "CHIP" за 2015 год были выявлены и изучены 2133 сложных термина. Компонентами сложного термина являются не только полнозначные слова или их основы, но и полусуффиксы, псевдолексемы, номенклатурные наименования, эллипсисы, усечения, аббревиатуры и графические изображения. При создании сложных терминов наряду с немецкими лексемами используются и англоязычные заимствования, образуя гибридные термины. Почти треть сложных компьютерных терминов являются гибридными. По количеству компонентов сложные термины подразделяются на двух-, трех- и четырехкомпонентные. Пятикомпонентные термины создаются очень редко. Большинство анализируемых терминов состоит из двух компонентов. Сложные термины могут быть существительными, глаголами и прилагательными. Имена существительные составляют более 90% от общего числа немецких сложных терминов. В статье представлена морфологическая структура сложных терминов, базовый компонент которых является именем существительным, глаголом или именем прилагательным. Морфологическая структура сложных компьютерных терминов разнообразна, нами выявлено 44 словообразовательные модели. В образовании сложных терминов используются практически все знаменательные части речи, а также предлог. Наиболее продуктивными являются словообразовательные модели «существительное + существительное = существительное», «глагол + существительное = существительное», «прилагательное + существительное = существительное», «(существительное + существительное) + существительное = существительное».*

Ключевые слова: словосложение, композит, сложный термин, словообразовательная модель, морфологическая структура, часть речи.

WORD-FORMATION MODELS OF DIFFICULT TECHNICAL TERMS
IN GERMAN**N.S. Sharafutdinova**

Abstract. *The article is devoted to the investigation of the German compound technical terms on the example of the computer composites. Computer magazines “Computer Bild” and “CHIP” published in 2015 have been studied, 2133 compound terms have been identified and analyzed. The components of the compound terms are not only full words or their roots, but semi-suffixes, pseudo-lexemes, nomenclature names, ellipsis, clippings, abbreviations and graphic symbols. When coining compound terms, English language borrowings are used along with German lexemes, thus forming hybrid terms. Almost a third of compound computer terms are hybrid. Compound terms are subdivided into two-, three- and four-component terms. Five-component terms are very rare. The most analyzed terms consist of two components. Compound terms can be nouns, verbs and adjectives. Nouns make up more than 90% of the total number of German compound terms. The article presents a morphological structure of compound terms, the base component of which is a noun, a verb or an adjective. The morphological structure of compound computer terms is various; the authors found and studied 44 word-building patterns. The full parts of speech, as well as the preposition are mostly used in the formation of the compound terms. The most productive word-building patterns are “noun + noun = noun”, “verb + noun = noun”, “adjective + noun = noun”, “noun + noun) = noun + noun”.*

Keywords: *composition, composite, difficult term, word-building pattern, morphological structure, part of speech.*

543

1. Введение

Углубление знаний человека и усложнение сведений о предметах и явлениях ведет к росту числа сложных слов (композигов) [1, с. 151]. Словосложение является наиболее продуктивным способом словообразования в немецком языке, и модели создания сложных слов ранее обсуждались в лингвистической литературе [2–4]. Однако в связи со стремительным развитием технических отраслей науки и активным внедрением технических изобретений в наш быт, соответственно их наименова-

ний в общеупотребительный язык, представляется актуальным исследование словообразовательной и морфологической структуры современных сложных терминов. Среди дискутируемых и мало изученных вопросов терминоведения на сегодняшний день остается вопрос о соотношении терминов и частей речи. В этой связи особую важность получают исследования, направленные на изучение роли тех или иных частей речи в создании сложных терминов. В терминологических публикациях, как правило, рассма-

триваются вопросы лишь терминов-существительных, хотя в научно-технических текстах успешно функционируют также термины-прилагательные и термины-глаголы.

Цель данного исследования – изучить частеречную принадлежность компонентов сложных немецких компьютерных терминов и выявить наиболее продуктивные модели терминообразования в немецком языке.

Материалом для исследования послужили немецкоязычные журналы “Computer Bild” [5], “CHIP” [6] за 2015 г., в которых отражается современная компьютерная терминология.

В предлагаемой статье рассматриваются сложные термины, представленные существительными, прилагательными и глаголами. Согласно нашим исследованиям, имена существительные составляют более 90% от общего числа немецких технических сложных терминов. Этот факт объясняется тем, что имена существительные обладают максимальной номинативностью. При этом следует отметить, что в составе сложного термина не все компоненты могут быть полнозначными лексическими единицами (словом или корневой морфемой). Как компоненты сложных терминов рассматриваются также:

- **Полусуффикс.** Полусуффикс – это корневая морфема, выступающая в функции суффикса и употребляющаяся в образовании отдельных групп сложных слов. Полусуффикс, хотя и представляет собой словообразовательное средство с определенным лексико-категориальным содержанием, не теряет, однако, ни формальной, ни семантической связи с самостоятельной лексемой. Слово-

образовательные элементы *-werk*, *-zeug* в составе слов со значением *nomina instrumenti* являются полусуффиксами и компонентами сложного технического термина, так как семантическая связь, хотя и слабая, существует между словообразовательными элементами *-werk*, *-zeug* и самостоятельно употребляемыми лексемами. Например: *Netzwerk* (сеть), *Tragwerk* (несущая плоскость), *Fahrwerk* (шасси), *Leitwerk* (оперение), *Flugzeug* (самолет).

- **Номенклатурное наименование (номен).** В специальной лексике технических отраслей номенклатурное наименование напоминает символ, состоящий из буквенной и цифровой части, где цифровая часть выполняет функцию определения и обозначает дифференцирующий признак предмета. В буквенной части нередко используется аббревиатура, чтобы в минимальной форме поместить больший объем значения. Номены в составе компьютерных сложных терминов служат для наименования новых модификаций технических продуктов. Например: *3D-Grafik*, *2D-Signal*, *10GE-Realisierung*, *56K-Technologie*, *AMD386-Processor*, *RG58-Kabel*, *RJ45-Stecker*.

- **Усечение.** Усечения возникают в результате опущения части исходного слова. Термин, сокращенный путем усечения конечной части слова, представляет собой начальную часть исходного слова и называется инициальным сегментом (Kopfwort). В следующих сложных терминах одним из компонентов является инициальный сегмент: *Akkubetrieb*, *Serienakku*, *Info-Beitrag*, *Dia-Größe*, где *Akku* – усеченная форма терми-

на Akkumulator, *Info* ← Information, *Dia* ← Diapositiv.

Усечения бывают и сложными. Например, термин *Modem* образован путем сложения начальных частей слов *Modulation* + *Demodulation*. Необходимо отметить, что сложноусеченный термин может быть как первым, так и вторым компонентом сложного термина: *Modemanschluss*, *Modem-Eigenschaften*, *Modem-Treiber*, *Standardmodem*, *Kabelmodem*.

● **Эллипсис.** По определению С.В. Гринева «эллипсис – опущение одного из слов терминологического словосочетания с концентрацией значения всего словосочетания на оставшемся слове» [7, с. 153]. Так, в терминах *Web-Zugriff*, *Web-Kontrolle*, *Web-Zugang* первый компонент *Web* является эллипсисом заимствованного из английского языка словосочетания *World Wide Web* (всемирная паутина).

● **Инициальная аббревиатура.** Это сокращение, образованное из названий первых букв слов, входящих в исходное сложное слово или словосочетание: *LWL-Anschluss* (LWL ← *Lichtwellenleiter*) *DFÜ-Netzwerk*, *DFÜ-Verbindung* (DFÜ ← *Datenfernübertragung*). В результате использования англоязычной аббревиатуры в качестве одного из компонентов сложного термина образуется гибридное наименование [8, с. 354]. В следующих примерах аббревиатура является англицизмом: *STOL-Flugzeug*, *STOL-Transporter* (STOL ← *Short take-off-and landing*), *BIOS-Einstellung* (BIOS ← *Basic Input / Output System*), *ISDN-Anschluss* (ISDN ← *Integrated Services Digital Network*), *Doppel-CPU* (CPU ← *central processing unit*), *Zugangs-PIN*

(PIN ← *personal identification number*), *Video-DVD* (DVD ← *digital video disk*). Оба компонента сложного термина могут быть аббревиатурой: *IP-VPN* (IP ← *Internet protocol*, VPN ← *Virtual Private Network*), *T-DSL* (T ← *Telecom*, DSL ← *Digital Subscriber Line*), *CMOS-RAM* (CMOS ← *complementary metal-oxide semiconductor*, RAM ← *random-access memory*).

● **Псевдолексема.** К псевдолексемам относятся, как правило, терминологические элементы, самостоятельно не употребляющиеся в качестве полноценных лексем. Псевдолексемами в техническом немецком языке являются терминологические элементы *Aero-*, *Ultra-*, *Mikro-*, *Meta-*, *Mono-*, *Audio-* и др. Ср.: *Aerodynamik*, *Ultraschall*, *Mikrofon*, *Meta-Suchmaschine*, *Mono-Lautsprecher*, *Audio-Übertragungssystem*, *Audio-Frequenzzugang*.

● **Графическое изображение.** Определяющим компонентом сложного термина может быть и графическое изображение (символ, начертание буквы), в компьютерной терминологии указывающее на знак, создаваемый при нажатии на данную клавишу. Например: ← *-Taste* (клавиша ←), + *-Taste* (клавиша +), *S-Taste* (клавиша S). Согласно нашим исследованиям [9, с. 151-152], в авиационной терминологии графическое изображение, как правило, указывает на форму технического изделия. Например: *T-Leitwerk* (Т-образное оперение), *V-Leitwerk* (V-образное оперение), *M-Flügel* (М-образное крыло), *Δ-крыло* (дельта-видное крыло), *S-Profil* (S-образный профиль). Сложные термины, содержащие в определяющем компоненте графический знак (изображение, начертание буквы или символа), являются графически мотивированными.

По количеству компонентов композиты подразделяются на двух-, трех- и четырехкомпонентные термины. Композиты с пятью и более компонентами употребляются редко.

2. Сложные термины-существительные

2.1. Двухкомпонентные термины-существительные

В результате исследования частеречной принадлежности компонентов сложных компьютерных терминов немецкого языка было установлено, что первым компонентом сложных терминов-существительных может быть: существительное, глагольная основа, прилагательное, местоимение, числительное, наречие и предлог.

Рассмотрим морфологическую структуру двухкомпонентных терминов, используя следующие условные сокращения:

Sb – существительное,

V – глагол или глагольная основа,

Adj – прилагательное,

Adv – наречие,

Num – числительное,

Pron – местоимение

Präp – предлог

Sb/V – существительное, восходящее к глаголу.

В компьютерных текстах нами выявлены следующие модели двухкомпонентных терминов-композитов:

Sb + Sb = Sb *Dialogfeld, Dateisystem, Dateityp, Mobilfunk, Hilfe-Menü, Computer-Nutzer;*

V + Sb = Sb *Schreibkopf, Suchmaschine, Ladegerät, Ladestation, Lesekopf, Lesegerät;*

Adj + Sb = Sb *Hochformat, Flachkabel, Freizeichen;*

Pron + Sb = Sb *Unterschall, Selbstbeschreibung;*

Num + Sb = Sb *2.0-Modell, 15:10-Format;*

Adv + Sb = Sb *Querachse, Rücklauf, Rücklicht, Rückstoß, Rückspiegel.* В приведенных примерах *Rück-* рассматривается как наречие, так как является сокращением наречия *zurück*: “In Zusammensetzungen wird das Adverb zurück zu Rück- verkürzt” [10, с. 494].

Präp + Sb = Sb *Zwischenspeicher, Unterverzeichnis, Übergröße, GegenPatch, Nebeneffekt.*

В немецкой компьютерной лексике наибольшее количество двухкомпонентных терминов-существительных имеет морфологическую структуру Sb + Sb = Sb (70,1% от количества всех двухкомпонентных терминов-существительных). Термины, образованные по модели V + Sb = Sb составляют 21% и по модели Adj + Sb = Sb – 6,4%. Другие модели используются значительно реже.

2.2. Трехкомпонентные термины-существительные

В компьютерных текстах выявлено 397 трехкомпонентных терминов-существительных. Многокомпонентный термин, с точки зрения анализа по непосредственно составляющим, состоит из двух частей: базовой (определяемой) и определяющей, каждая из которых может состоять из нескольких компонентов. Трехкомпонентные сложные термины могут быть представлены следующими структурами:

- определяющий компонент обладает простой лексической основой, определяемый компонент – сложной.

• определяющий компонент об-
ладает сложной лексической основой,
определяемый компонент – простой.

Рассмотрим термины-компози-
ты со структурой «определяющий компо-
нент с простой лексической основой +
базовый компонент со сложной лекси-
ческой основой». При этом первый
компонент (как и в двухкомпонент-
ных сложных терминах) может быть
представлен существительным, гла-
гольной основой, прилагательным,
наречием, числительным, предложом.

Sb + (Sb + Sb) = Sb *Produkt-Seri-
ennummer, Einsteiger-Grafikkarte, Un-
ternehmensnetzwerk, Heimnetzwerk;*

Sb + (V + Sb) = Sb *Betriebsstöрге-
räusch, Bilder-Brennprogramm, Fre-
quenzpreisverfahren;*

Sb + (Adv + Sb) = Sb *Gehäuse-
Rückwand, Farbwiedergabe, Ar-
beitsoberfläche, Benutzeroberfläche;*

Sb + (Präp + Sb) = Sb *Terminie-
rungswiderstand, Farbwischenton;*

Adj + (Sb + Sb) = Sb *Flachbild-
schirm, Digitalaufnahmegерät;*

V + (V + Sb) = Sb *Lese-Laufwerk,
Programmierschnittstelle;*

Sb/V + (V + Sb) = Sb *Speicher-
baustein, Startlaufwerk;*

S/V + (Adj + Sb) = Sb *Spei-
cher-Festplatte;*

V + (Sb + Sb) = Sb *Schmierstoff-
anlage, Werbe-Datenmenge;*

Adv + (Sb + Sb) = Sb *Mehrgerä-
teanschluss, Mehrkanalton;*

Num + (Sb + Sb) = Sb *1:1-Si-
cherheitskopie;*

N + (Sb/V + Sb) = Sb *2.0-Spei-
cherstift, 0190-Wählprogramm.*

Наиболее распространенными
среди трехкомпонентных терминов со
сложным базовым компонентом яв-
ляются модели **Sb + (Sb + Sb)** – 32,2%,
Sb + (V + Sb) – 16,1%, **Adj + (Sb + Sb)** –

5,4%, **Adv + (Sb + Sb)** – 5,4%. Осталь-
ные модели используются редко.

Нами выявлены следующие мо-
дели трехкомпонентных компози-
тов со структурой «определяющий компо-
нент со сложной лексической осно-
вой + базовый компонент с простой
лексической основой»:

(Sb + Sb) + Sb = Sb *Ringleitungs-
verteiler, Arbeitsplatz-Rechner, Bild-
bearbeitungsfunktion, Netzwerkkabel,
Netzwerk-Karte;*

(V + Sb) + Sb = Sb *Kennwort-Pro-
gramm, Kopierschutz-Mechanismen,
Kopierschutzverfahren;*

(Adj + V) + Sb = Sb *Freispre-
cheinrichtung;*

(Adj + Sb) + Sb = Sb *Hochge-
schwindigkeitskommunikation, Mobil-
funkanbieter;*

(Adv + Sb) + Sb = Sb *Rückrufak-
tion, Hintergrundbeleuchtung, Hinter-
grundbild;*

(Präp + Sb) + Sb = Sb *Nebenstel-
leanlage, Widerstandstecker;*

(Num + Sb) + Sb = Sb *5,25-Zoll-
Diskette, 128-Bit-Verschlüsselung, 2,5-
mm-Kabel.*

Значительное количество трех-
компонентных терминов-существи-
тельных, образованных по модели
«определяющий компонент со слож-
ной лексической основой + базовый
компонент с простой лексической ос-
новой» имеет морфологическую струк-
туру **(Sb + Sb) + Sb = Sb** (65%), **(Adj +
Sb) + Sb = Sb** (11,6%), **(Num + Sb) + Sb = Sb** (9,7%).

Исследования показали, что наи-
более продуктивными среди трехком-
понентных терминов-существитель-
ных являются термины со структурой
«определяющий компонент со слож-
ной лексической основой + базовый
компонент с простой лексической ос-

новой» (58%), а термины, созданные по модели «определяющий компонент с простой лексической основой + базовый компонент со сложной лексической основой» составляют 42%.

2.3. Четырехкомпонентные термины-существительные

В исследуемом материале выявлено 90 четырехкомпонентных терминов-существительных. Четырехкомпонентные композиты-существительные с простым базовым компонентом составляют 17,2% (Diskettenlaufwerk-Controller, Tintenstrahldrucker-Tank), с многосложным базовым компонентом – 32,8% (Foto-Tintenstrahldrucker, Speicher-Busbandbreite, Computer-Erweiterungssteckkarte), а со сложным определяющим и базовым компонентом составляют 50% от всего количества четырехкомпонентных терминов.

Среди четырехкомпонентных композитов-существительных со сложным определяющим и базовым компонентами продуктивны следующие модели:

$(Sb + Sb) + (V + Sb) = Sb$ DVI-I-Schnittstelle, Netzwerklaufwerk, PC-Card-Steckplatz;

$(Sb + Sb) + (Adv + Sb) = Sb$ Kopfhörer-Standardbüchse;

$(Sb + Sb) + (Sb + Sb) = Sb$ WLAN-Netzwerk;

$(Adj + Sb) (Sb + Sb) = Sb$ Festplatte-Anschlussart, Echtzeitsystemuhr;

$(Adj + Sb) (Adj + Sb) = Sb$ Digitalkamera-Direktanschluss;

$(Num + Sb) + (Sb + Sb) = Sb$ 15-Zoll-Bildschirm, 3,5-mm-Klinkenstecker, 32-Bit-Betriebssystem, 7-Farb-Tintendruck;

$(Num + Sb) + (Adj + Sb) = Sb$ 90-Gbyte-Festplatte, 40-GB-Festplatte, 4,5-Zoll-Farbdisplay;

$(V + Sb) + (Sb + Sb) = Sb$ Suchmaschinen-Eintragungs-Tools.

Пятикомпонентные компьютерные термины-существительные употребляются редко. Нами выявлены лишь пять терминов с пятью компонентами: Kinoton-Lautsprecherausgang, PCI-X-Netzwerkkarte, USB-CD/DVD-Laufwerk, Standard-Diskettenlaufwerk-Controller, Brenner-Leselaufwerk-Kombination.

3. Сложные термины-глаголы

В компьютерных текстах нами выявлено 89 сложных терминов-глаголов.

Морфологическая структура немецких сложных глаголов достаточно подробно изложена в энциклопедической грамматике немецкого языка Дудена [10, с. 447-540]. Эти модели действительны и для компьютерных терминов-глаголов.

$Sb + V = V$ *teilhaben*;

$Adj + V = V$ *ferninstallieren, hochladen, freischalten*;

$V + V = V$ *kennzeichnen*;

$Adv + V = V$ *weiterleiten, zurückmelden, zurückübertragen, herausfiltern, herunterladen*;

$Präp + V = V$ *entgegennehmen, gegensteuern, zwischenspeichern*.

Продуктивность морфологических моделей двухкомпонентных глаголов выглядит следующим образом: существительное + глагол (2,2% от всего количества двухкомпонентных глаголов), прилагательное + глагол (16,9%), глагол + глагол (2,2%), наречие + глагол (57,3%), предлог + глагол (21,4%). Таким образом, при образовании сложных терминов-глаголов наиболее продуктивной является морфологическая модель «наре-

чие + глагол». Многокомпонентные компьютерные термины-глаголы нами не выявлены.

4. Сложные термины-прилагательные

Имена прилагательные играют важную роль в терминообразовании, в частности при образовании терминов-компонитов и терминологических словосочетаний. Новые модификации и варианты научно-технического изделия или явления получают свое наименование путем уточнения уже существующего термина именем прилагательным, создавая видовые термины. Имена прилагательные можно рассматривать также в качестве самостоятельных терминов. Термины-прилагательные могут быть сложными по своей словообразовательной структуре.

В немецких компьютерных текстах автором статьи выявлено 74 сложных термина-прилагательных. При их образовании использованы следующие модели:

Sb + Adj (Partizip) = Adj *prozessor-gesteuert, programm-eigen, protokollun-abhängig, modellunabhängig, computerrelevant, Internetorientiert, Windows-eigen, Pentium-kompatibel, Linux-basiert*. Аббревиатуры мы рассматриваем как имена существительные: *AOL-eigen, SMTP-basierend, SSL-geschützt, DOS-basierend*.

Adj + Adj (Partizip) = Adj *hochfrequenz, schwerwiegend*,

V + Adj (Partizip) = Adj *kopiergeschützt*,

Adv + Adj (Partizip) = Adj *abwärtskompatibel*.

Pron + Adj (Partizip) = Adj *selbst-heilend, selbst-konfigurierend, selbst-optimierend, selbst-schützend*.

Такие прилагательные, как *softwaretechnisch, abrechnungstechnisch, leistungstechnisch, sicherheitstechnisch, verbindungsstechnisch, netzwerkstechnisch, signalstechnisch* не могут быть отнесены к той или иной группе на основе синтаксической сочетаемости (разложимости) [10, с. 531], поскольку они образованы от сложных существительных с помощью суффикса *-isch*.

Необходимо отметить, что среди сложных прилагательных есть композиты, вторым компонентом которых является полусуффикс: *-fähig, -frei, -artig, -mäßig*: *funktionsfähig, lauffähig, netzwerkfähig, störungsfrei, serienmäßig, standardmäßig, Windows-Explorer-artig*.

При образовании сложных терминов-прилагательных часто используются англицизмы. Гибридные прилагательные составляют 25,7% от общего количества рассмотренных сложных прилагательных. Например: *SMTP-basierend* (*SMTP* ← **S**imple **M**ail **T**ransfer **P**rotocol), *DOS-basierend* (*DOS* ← **d**isk **o**perating **s**ystem).

Относительно продуктивными являются модели сложных прилагательных с морфологической структурой **Sb + Adj (Partizip) = Adj** (54,1% от всех сложных прилагательных) и **Pron + Adj (Partizip) = Adj** (4,1% от всех сложных прилагательных).

5. Выводы

Итак, автором статьи были выявлены и изучены 2133 сложных компьютерных термина: 1970 существительных, 89 глаголов, 74 прилагательных. Словообразовательная и морфологическая структура терминов-компонитов разнообразна. В качестве компонентов сложных ком-

пьютерных терминов, наряду с полноточными словами, используются полусуффиксы, номенклатурные наименования, аббревиатуры, усечения, эллипсисы, графические изображения. По количеству компонентов сложные термины подразделяются на двух-, трех- и четырехкомпонентные. Пятикомпонентные термины используются очень редко. Большинство анализируемых терминов (1646) состоит из двух компонентов.

На основе проведенного исследования морфологической структуры сложных компьютерных терминов можно выделить следующие основные словообразовательные модели: $Sb + Sb = Sb$ (857 терминов от всего количества сложных терминов), $V + Sb = Sb$ (101 термин), $Adj + Sb = Sb$ (77 терминов), $(Sb + Sb) + Sb =$ (65 терминов от всего количества сложных терминов). Количество сложных терминов, созданных по остальным моделям, меньше вышеназванных показателей. Среди рассмотренных двухкомпонентных существительных ведущей является модель $Sb + Sb = Sb$ (70,1%). Для глаголов наиболее распространенной является модель $Adv + V = V$, что составляет более половины от общего количества сложных глаголов (57,3%). Наибольшее количество сложных прилагательных создано по модели $Sb + Adj (Partizip) Adj = Adj$ (54,1%).

Результаты исследования могут быть полезны исследователям немецких технических терминов, а также для учебного процесса в теоретических курсах по лексикологии и словообразованию немецкого языка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лейчик, В.М.* Люди и слова [Текст] / В.М. Лейчик. – М.: Наука, 1982. – 176 с.
2. *Fleischer? W.* Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. (Unter Mitarbeit von Marianne Schröder) [Text] / W. Fleischer, I. Barz – 2., durchgesehene und ergänzte Auflage. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1995. – 385 p.
3. *Barz, I.* Die Ökonomie des Lexikons. Zum Kompositionsverhalten von Synonymen [Text] / I. Barz // Nominationsforschung im Deutschen. Festschrift für W. Fleischer zum 75. Geburtstag / Hrsg. Barz, I., Schröder. – Frankfurt am Main, Berlin: Peter Lang (Verlag), 1997. – Pp. 265-276.
4. *Erben, J.* Einführung in die deutsche Wortbildungslehre [Text] / J. Erben. – 3., neubearbeitete Auflage. – Berlin: Erich Schmidt Verlag, 1993. – 182 S.
5. Computer Bild. Deutsche Computerzeitschrift. Verlag Computer Bild Digital GmbH. 2015. – Nr. 1-6 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.computerbild.de> (дата обращения 05.03.2016).
6. CHIP. Deutsches Computermagazin. Verlag Chip Communications. 2015. – Nr. 1-12 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.chip.de> (дата обращения 26.02.2016).
7. *Гринев, С.В.* Введение в терминоведение [Текст] / С.В. Гринев. – М.: Московский Лицей, 1993. – 309 с.
8. *Нефедова, Л.А.* Лексические заимствования в немецком языке периода 1990–2015 годов (на нем. яз.) [Текст] / Л.А. Нефедова // Вестник МГЛУ. – 2015. – Вып. 20 (731). – С. 348-359.
9. *Шарафутдинова, Н.С.* Лексико-семантические процессы в немецкой авиационной терминосистеме [Текст] / Н.С. Шарафутдинова. – Ульяновск: УлГТУ, 2016. – 204 с.
10. Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Band 4. Duden, das Standardwerk zur deutschen Sprache in 12 Bänden. – Mannheim; Leipzig; Wien: Dudenverlag, 1998. – 912 p.

REFERENCES

1. Barz I., „Die Ökonomie des Lexikons. Zum Kompositionsverhalten von Synonymen“, In: *Nominationsforschung im Deutschen*. Festschrift für W. Fleischer zum 75. Geburtstag / Hrsg. Barz I., Schröder. Frankfurt am Main, Berlin: Peter Lang (Verlag), 1997, pp. 265-276.
2. *CHIP*, Deutsches Computermagazin. Verlag Chip Communications. 2015, No. 1-12, available at: <http://www.chip.de> (accessed: 26.02.2016).
3. *Computer Bild*, Deutsche Computerzeitschrift. Verlag Computer Bild Digital GmbH. 2015, No. 1-6, available at: <http://www.computerbild.de> (accessed: 05.03.2016).
4. *Duden, Grammatik der deutschen Gegenwartssprache*, Band 4, Duden, das Standardwerk zur deutschen Sprache in 12 Bänden. Mannheim; Leipzig; Wien: Dudenverlag, 1998, 912 p.
5. Erben J., *Einführung in die deutsche Wortbildungslehre*, 3., neubearbeitete Auflage, Berlin, Erich Schmidt Verlag, 1993, 182 p. (in German)
6. Fleischer W., Barz I., *Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache*. (Unter Mitarbeit von Marianne Schröder), 2., durchgesehene und ergänzte Auflage, Tübingen, Max Niemeyer Verlag, 1995, 385 p.
7. Grinev S.V., *Vvedenie v terminovedenie*, Moscow, Moskovskij Licej, 1993, 309 p. (in Russian)
8. Lejchik V.M., *Lyudi i slova*, Moscow, Nauka, 1982, 176 p. (in Russian)
9. Nefedova L.A., Leksicheskie zaimstvovaniya v nemeckom yazyke perioda 1990–2015 godov, *Vestnik MGLU*, 2015, Vyp. 20 (731), pp. 348-359.
10. Sharafutdinova N.S., *Leksiko-semanticheskie processy v nemeckoj aviacionnoj terminosisteme*, Ulyanovsk, 2016, 204 p. (in Russian)

Шарафутдинова Насима Саатовна, кандидат филологических наук, доцент, профессор, заведующая кафедрой, кафедра иностранных языков, Ульяновский государственный технический университет; докторант, кафедра немецкого языка, Московский педагогический государственный университет, nassima@mail.ru

Sharafutdinova N.S., PhD. in Philology, Associate Professor, Chairperson, Foreign Languages Department, Ulyanovsk State Technical University; Post-Doctoral Student, German Language Department, Moscow State University of Education, nassima@mail.ru

УДК 811.11
ББК 81.2Англ.

ИЗМЕНЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ В НАИМЕНОВАНИИ БРЕНДОВ (конец XIX – начало XXI веков)

Н.Н. Морозова

Аннотация. Предметом изучения данной статьи являются названия брендов. Имя бренда – это не просто название, а социально значимое название, которое отражает и формирует социальные ценности общества. Проанализировав названия брендов конца XIX – начала XXI веков, которые появились на базе английского языка, автор выделяет определенные структурные модели названий, которые формируются в обществе в тот или иной отрезок времени. Можно с уверенностью утверждать, что в определенный период времени существует мода на названия брендов. Процессы глобализации также накладывают свой отпечаток, в результате чего в названиях брендов в различных языках прослеживаются сходные тенденции.

Ключевые слова: бренд, составляющая бренда, номинативная функция, референция, понятие, коннотация, описательные имена, аббревиатуры, сращения, ассоциативные имена.

552 CHANGING SOCIO-CULTURAL COMPONENT IN BRAND NAMES (the end of XIX – beginning of XXI centuries)

N.N. Morozova

Abstract. The article deals with the analysis of brand names. The name of any brand is not just a name, it has a social meaning that reflects and shapes social values. Having analyzed typical brand names in English speaking countries beginning from the end of the XIX century up till the XXI centuries we've managed to sort out different structural models of naming, which exist in the society at different periods of time. It is possible to assert that there is a certain fashion for brand-names at a certain period of time. The globalization process also has its impact on brand names; as a result it is possible to spot similar trends in brand-naming in different languages.

Keywords: Brand name, nominative function, referent, notion, connotation, descriptive names, abbreviations, blends, associative names.

С давних времен людей интересовали имена и их происхождение. Дж. Каплан отмечает: “Names have profound, almost magical, but often unacknowledged significance” [1, с. 11]. С этим трудно не согласиться. В данной статье хотелось бы рассмотреть имена различных брендов, образованных, в основном, на базе английского языка. Задачи исследования включают в себя анализ истории происхождения брендов, их связь с социокультурной составляющей общества, тенденции, которые наблюдаются в современном английском языке при наименовании брендов. Также коснемся вопросов, которые объясняют связь предмета и его значения, то есть теории обозначения или номинации.

Слово бренд (от английского brand) широко употребляется во всех современных европейских языках, однако даже в английском языке, где возникло данное слово, оно трактуется и понимается по-разному. Первое и наиболее широко употребляемое значение слова бренд – это имя, данное продукту или услуге: brand – a type of product made by a particular company that has a particular name [2, с. 173]. В данном значении слово бренд начинает употребляться в английском языке с 1922 г. и является синонимом термина ‘trademark’ (торговая марка). Trademark – a special name, sign or word that is marked on a product to show that it is made by a particular company and cannot be used by any other company [2, с. 176].

В древнеанглийском языке слово brand означало огонь, пламя, факел, этимологический словарь указывает на общегерманский корень bran /

bræn (к данному корню восходит современный английский глагол burn). К концу XVI века слово стало обозначать клеймо, которое ставилось раскаленным железом на определенный предмет, чтобы указать на его принадлежность определенному лицу: A means of marking property, identifying mark made by a hot iron [3].

В XVIII веке в США такое клеймо, например, ставили на скот (лошадей, коров, овец), чтобы он при транспортировке не терялся, и чтобы можно было без труда определить, откуда, из какой местности животные. Неслучайно поэтому, что первые названия брендов были связаны с географическими названиями. Однако уже к концу XIX века данная тенденция в названиях брендов постепенно утрачивает свою продуктивность. Примеры брендов, основанные на географических названиях, можно встретить в области виноделия: Champagne, Burgundy, Chablis, Bordeaux.

В современном мире создание бренда – это целое искусство, в котором задействовано большое количество людей. Бренд сегодня – создание определенного образа, восприятия продукта или услуги в умах людей, что полностью отвечает требованиям теории номинации, поскольку имя – это всегда соотношение вещи и образа вещи, представления о ней. Бренды широко используются в сфере бизнеса, рекламы, маркетинга.

При создании нового бренда важными являются три его составляющие: что, как и чувства, которые вызывает данный продукт у потребителя (what, how, feelings). Первую составляющую определить довольно просто: это сам продукт или услуга.

Вторая составляющая подчеркивает особенности данного продукта (услуги) по отношению к другим, сходным продуктам. Третья составляющая – чувства: потребители с удовольствием покупают те товары, которые вызывают у них положительные эмоции [4]. Давая имя бренду, необходимо учитывать все три составляющие.

Поясним, каким образом происходит взаимодействие всех трех составляющих в названии бренда. Бренд 'Kinder Surprise' появился в 1972 г. Основателем бренда является итальянец Пьетро Ферреро. Продукт бренда – шоколадное лакомство для детей. Целый ряд других компаний выпускают сходные продукты для детей. Но продукт данного бренда выполнен в форме яйца, внутри которого находится игрушка, что отличает данный продукт от сходных продуктов рынка. Стоит также отметить, что дизайн игрушек, которые находятся внутри яйца, был разработан швейцарцем Генри Ротом, а в 2007 г. коллекция из 90 тысяч игрушек была продана на eBay за 30 тысяч евро [5]. Бренд ассоциируется у итальянцев с самыми положительными эмоциями, поскольку итальянцы всегда пекут на Пасху яйцо с сюрпризом – игрушкой или монеткой внутри. Бренд также вызывает положительные эмоции у представителей других культур, так как он строится на элементах игры. Бренд пользуется большой популярностью как у детей, так и у взрослых, в Италии и в других странах.

Следовательно, за два с половиной столетия произошли колоссальные изменения в области создания и именования брендов.

В современной лингвистике процессами номинации занимается оно-

маσιология, которая изучает единицы номинации любого генезиса и любой протяженности. Е.С. Кубрякова отмечает: «Чтобы быть единицей номинации, эта единица должна удовлетворять одному требованию – обозначать, служить названием, выделять именованное как отдельную сущность, осуществлять номинативную функцию» [6, с. 38].

Итак, бренд – это имя, которое ассоциируется у потребителя с определенным образом. Данное имя обладает определенной формой, то есть звучанием, и должно вызывать положительные звуковые ассоциации, и значением. Значение слова, с одной стороны, связано с референцией, то есть выделением данного предмета из других предметов внешнего мира, с другой стороны, с понятием (смыслом), которое представляет собой идеальные характеристики концепта, о котором говорящие на языке осведомлены в большей или меньшей степени [7, с. 341].

Следовательно, имя бренда, с одной стороны, жесткий десигнатор, указывающий на определенный товар, с другой стороны, образ, созданный в сознании потребителей, несущий в себе положительные коннотации.

Конец XIX и начало XX века ознаменовались бурным развитием техники. В Европе и США появляются велосипеды, автомобили, поезда, мотоциклы, самолеты. Параллельно с развитием новых технологий создаются компании, каждая из которых стремится создать свой новый, неповторимый бренд, дав ему запоминающееся название. В данный период времени бренды часто называют именами основателей компаний, что служит гарантией качества продукции.

Приведем примеры. Компания Боинг (Boeing), основанная в 1916 г., названа в честь ее основателя В. Бонга (William Boeing). Самолеты, выпускаемые данной компанией, также носят это название. Компания Хонда, основанная в Японии в 1906 г., названа в честь ее основателя Soichiro Honda. Первоначально компания занималась ремонтом старых велосипедов и лишь в 1938 г. стала производить комплектующие для автомобилей, а потом и сами автомобили, которые носят данное имя. Канадская компания Bombardier названа в честь ее основателя J. Bombardier. Компания была основана в 1940 г. и производила снегоходы, также названные данным именем. В начале XXI века компания стала производить самолеты, железнодорожные поезда, поезда для метро. Японская компания Kawasaki, которая первоначально производила мотоциклы, ставшие впоследствии известной мировой маркой, названа именем ее основателя – известного бизнесмена Shora Kawasaki, так же, как и мотоциклы, а позднее и самолеты компании. Известные марки автомобилей Форд (Ford), Рено (Renault), Тойота (Toyota), Ситроен (Citroen) обязаны своим названием основателям данных компаний. Во всех перечисленных выше случаях название образуется на базе метонимического переноса, а точнее, одного из подтипов метонимии, когда образуются эпонимы.

Интересно отметить, что в автомобильной промышленности названиями брендов иногда служили имена знаменитых гонщиков или талантливых инженеров, что, по мнению основателей компаний, могло быть зало-

гом успешного продвижения бренда на рынке. Так, например, талантливый инженер и фанат автогонок В. Бентли (Walter Bentley) дал свое имя известной автомобильной компании и автомобилям класса люкс. Бренд Шевроле (Chevrolet), который в народе часто называют именем Шеви (Chevy), назван так в честь известного французского гонщика Луи Шевроле. Данные автомобили пользовались огромным спросом у себя в стране, что еще раз доказывает важность третьей составляющей бренда – положительные эмоции, которые испытывает покупатель.

Бренды, названные в честь основателя компании, типичны для автомобильной и авиационной промышленности. Существуют примеры названий брендов по имени основателя компании и в других отраслях промышленности, однако данные примеры не столь многочисленны. Хорошо известный мировой бренд Хипп (Hipp), специализирующийся на выпуске детского питания, был основан в Германии в 1898 г. и назван в честь Йозефа Хиппа, основателя компании. Американская компания Kellogg's, которая производит сухие завтраки (первоначально кукурузные хлопья), была официально зарегистрирована в 1906 г. как Battle Creek Toasted Corn Flake Company, а в 1922 г. переименована в честь основателя компании В. Келлога (William Kellogg). Последний пример четко отражает изменения, которые происходят в названиях брендов. Первоначально в названии компании указывалось географическое название (место производства), но мода на географические названия брендов в начале XX века уже проходит,

поэтому компанию переименовывают, дают ей другое имя. Кроме того, первоначальное название компании достаточно длинное, им неудобно именовать продукты, выпускаемые компанией, что также послужило причиной переименования компании. Звучание имени тоже играет роль при выборе названия.

Название бренда по имени ее основателя в настоящее время считается традиционным. Хотя мода на данные имена прошла, в современном мире некоторые бренды по-прежнему называют по имени основателя компании.

С точки зрения теории номинации, имя собственное ближе к индексикалам [7, с. 346], то есть имя является указателем на кого-то или что-то, что существует в мире, поэтому в данном случае образ бренда в умах потребителей напрямую связан с определенной личностью.

К середине 50-х гг. XX века появляется новая тенденция в названии брендов. Имена стали носить описательный характер, в названии подчеркивается то или иное положительное качество выпускаемого товара, которое, по мнению представителей бренда, должно вызывать положительные эмоции у потребителей. Перенос значения строится на ассоциациях по сходству или смежности (метафора или метонимия). Рассмотрим некоторые примеры.

Фирма Проктер и Гэмбер (Procter & Gamber) выпускает детские подгузники – памперсы (pampers). Существительное *pamper* образовано по конверсии от глагола *pamper*: *to look after someone very kindly, making people feel very warm and comfortable*. Слова *kindly, warm, comfortable* соз-

дают положительные коннотации, которые присутствуют в названии бренда. Попав на русский рынок, название бренда «Памперсь» утратило те положительные коннотации, которые присутствовали в английском названии, однако на русском рынке бренд ассоциируется с хорошим качеством товара, что вызывает у потребителя положительные эмоции.

Подгузники «Хаггисъ» (Huggies) появились на рынке в 1978 г. Название бренда также построено по принципу описания качества товара: *hug, n. – the action of putting your arms around someone to hold them tightly to show love or friendship*. В названии товара производитель подчеркивает следующие качества товара: *tightly* – подгузники плотно прилегают к телу ребенка, *love, friendship* – положительные эмоции, которые взрослые испытывают к маленьким детям.

Британская компания “Mothercare” появляется на рынке в 1972 г. Фирма специализируется на выпуске товаров для будущих мам и малышей. Название бренда построено на описании: во главу угла поставлена забота (*care*) как о будущих матерях, так и о детях. Компания активно работает над привлечением новых покупателей и сохранением старых, используя самые передовые технологии. В 2007 г. компания создает в Интернете социальную сеть *Gurgle*, которая предназначена для молодых родителей, желающих обмениваться опытом.

Жевательная резинка “Orbit” появилась в США во времена Второй Мировой войны и являлась заменой более качественной жевательной резинки “Juicy Fruit. Doublemint”, которую выпускала компания “Wrig-

ley". Жевательная резинка компании "Wrigley" поставлялась для фронта, а менее качественная жевательная резинка "Orbit" выпускалась для мирного населения. Описательное название, построенное на метафорическом переносе, отражала данную особенность. Основным значение слова orbit, которое приводят словари, является "an object which is moving around a much larger object". В 1946 г. производство данной продукции в США было свернуто. Однако в 1976 г. происходит весьма занятное событие, поскольку жевательную резинку "Orbit" начинают производить сначала в Германии, потом в Великобритании, а позднее в 2001 г. снова в США. Хотя название остается прежним, меняется его смысл, так как метафорический перенос идет по линии другого значения слова orbit: an area of power and influence of a person or organization. Название подчеркивает масштабность и влияние бренда.

Интересно также отметить тот факт, что название бренда, которое построено на базе описания, в котором подчеркивается то или иное качество товара, практически всегда полностью утрачивается, когда бренд выходит на мировой рынок. Описание качества товара, лежащее в основе названия товара, становится не понятным для потребителей в других странах. Название переходит в разряд безэквивалентной лексики.

Например, Южно-Корейский автомобильный бренд Hyundai (Хенде) в переводе с корейского языка означает «в ногу со временем». Название японской компании G.O.O.N, которая выпускает детские подгузники, также построено на базе описания.

G.O.O.N в переводе с японского языка означает «расти». Подгузники как бы растут вместе с малышами, увеличиваясь в размере. Название бренда "Gallina Blanca" в переводе с испанского языка означает «Белая Курица». Компания выпускает концентраты для первых и вторых блюд. Кстати, первоначальное название бренда было "Gallina de Oro" – «Золотая Курица».

В середине 50-х гг. XX века начинает четко вырисовываться еще одна тенденция в названиях брендов – использование различных аббревиатур. В английском языке использование различного рода сокращений и аббревиатур стало широко распространяться во времена второй мировой войны, когда американские военнослужащие стали активно использовать аббревиатуры в названиях различных военных организаций, что было продиктовано, прежде всего, удобством, экономией усилий и времени, а также секретностью. Многие лингвисты отмечают, что неморфемные способы образования слов, такие как сокращение, аббревиация, сращения, являются символами второй половины XX века. Их продуктивность резко возрастает в связи с быстрым распространением компьютеров и использованием электронной коммуникации [8; 9; 10]. В 80-е гг. XX века слова-неологизмы, образованные по данным моделям, широко используются в коммерческих и рекламных текстах [9, с. 130], привлекая внимание своей оригинальностью и неповторимостью.

Очевидно, что мода на аббревиатуры, сокращения и сращения не могла не сказаться на именах брендов. По-видимому, производители

тех или иных товаров, используя аббревиатуры в названиях, хотели подчеркнуть инновационный, высокотехнологичный характер выпускаемой продукции. У потребителя должно было сложиться твердое убеждение, что компания идет в ногу со временем, а товары, выпускаемые компанией, отвечают самым современным требованиям.

Если обратиться к современным компьютерным брендам, то практически все названия брендов используют аббревиатуры. Известная канадская компания ATI (Array Technologies Inc.), основанная в 1985 г., которая производила видеокарты, была в 2006 г. приобретена компанией AMD (Advanced Micro Devices), которая производила процессоры. Практически забытая компания 3Dfx (3Dfx Interactive, Inc.) в конце 1990-х гг. прошлого века была лидером на рынке графических процессоров. Именно данная компания сделала трехмерную графику обыденным явлением, но уступила первенство конкуренту – компании NVIDIA Corporation, которая появилась на рынке в 1993 г. Название бренда – это не просто аббревиатура, оно имеет более глубокий смысл. N – это математический символ, который обозначает натуральное число, а VIDIA восходит к латинскому глаголу ‘videre’ (смотреть), в итоге получается «n-видение или многократное видение».

В связи с появившейся модой известные компании также меняют названия брендов, используя сокращения. Старейшая британская компания “General Electric” была основана еще в XIX веке Эдисоном. Компания выпускает различные бытовые приборы. В середине XX столетия компа-

ния сменила свое полное название на аббревиатуру GE. Известная компания BMW была основана в Мюнхене в 1916 г. и называлась “Bayerischer Motoren Werke”. Во время второй мировой войны компания стала поставщиком двигателей для немецких боевых самолетов. По-видимому, с этого момента и появляется аббревиатура BMW. Американская компания “Kentucky Fried Chicken”, работающая в области фастфуда, заменяет в 1991 г. свое полное название на аббревиатуру KFC. Итак, некоторые старейшие компании заменяют свои полные названия аббревиатурами, поскольку данные названия ассоциируются у потребителей с инновациями, новейшими технологиями.

В названиях брендов, которые основаны на аббревиатурах, стало также модно использовать дополнительные знаки и символы, что также ассоциируется с электронной коммуникацией.

Примером такого названия может служить хорошо известная американская компания M&M’s, которая была основана еще в 1940 г. Компания выпускает очень популярные конфеты в США, которые теперь хорошо известны во многих странах мира. Именно данные конфеты были выбраны американскими астронавтами, когда они полетели в космос, что еще раз подчеркивает инновационный характер продукции, которую выпускает компания. В названии бренда заложен и скрытый смысл, подтекст. Дело в том, что римские цифры MM обозначают 2000, поэтому конфеты стали символом миллениума. Данные конфеты – один из брендов корпорации Mars Inc.

N&M – известная шведская компания розничной торговли недоро-

гой одеждой для мужчин и женщин в настоящее время является самой крупной розничной сетью в Европе. Компания была основана в 1968 г. и называлась именами двух ее основателей Hennes & Mauritz, а аббревиатура в названии бренда появилась лишь в 80 гг. прошлого века.

За аббревиатурами последовала мода на сращения. Контаминация – образование нового слова путем слияния структурных компонентов двух языковых единиц в одно целое. Сращения широко используются в современном английском языке не только в названиях брендов, но и в науке, в технике, в средствах массовой информации. Язык отражает тенденции, которые происходят в обществе. В современном мире ученые скрещивают разные виды животных и растений, многие открытия происходят на стыке разных наук, а слова-спайки или сращения отражают данную тенденцию.

Названия брендов, которые образованы путем контаминации, должны, по-видимому, формировать у потребителя образ инновационного и надежного продукта. Компания Beneful, основанная в 2001 г., стала одной из успешных начинающих компаний, которая производит сбалансированный корм для собак. Название бренда – сращение: *beneful* (*benefit* + *ful*). Еще один пример название Accenture (*accent* + *future*). В названии компании подчеркивается, что она ориентирована на будущее.

Начиная с конца XX века, тенденция в названиях брендов снова меняется. Л. Ваттенберг (L. Wattenberg), рассуждая о популярности современных детских имен, пишет: “If there’s one thing American parents have in common today, it’s that we

want to sound nothing like one another” [12, с. 16]. Совершенно очевидно, что в современном американском обществе прослеживается тенденция к индивидуализации. Люди хотят выделиться из толпы, быть не такими, как все. Данная тенденция прослеживается и в именовании брендов.

Сегодня производители товаров часто используют в своих названиях псевдогреческие или латинские корни, создавая оригинальные слова-неологизмы, которые должны передавать качество товара. Производитель, таким образом, хочет подчеркнуть, что товары бренда предназначены, в первую очередь, образованным людям. Однако для потребителя часто остается загадкой, какие именно качества товара имел в виду производитель.

Название бренда “Duplo” образовано от латинского корня ‘*duplus*’, что означает «двойной». Компания выпускает детские игрушки, типа Lego, для детей от 1–2 лет. Брусочки, выпускаемые компанией, в два раза шире, выше и глубже по сравнению с аналогичными брусочками, выпускаемыми фирмой Lego, отсюда и название бренда “Duplo”. Однако большинство покупателей вряд ли смогут объяснить данное название бренда.

Автомобиль, названный “Toyota Auris”, появился на рынке в 2002–2007 гг. В названии производитель использовал слово ‘*auris*’. *Aurum* – это название химического элемента «золото» в таблице Менделеева. Дав такое название автомобилю, производитель хотел подчеркнуть благородство, ценность и исключительность данной марки. Для большинства потребителей данные ассоциации, по-видимому, утрачены.

В качестве аналогичных примеров можно также привести названия следующих брендов: Mazda в переводе с санскрита означает «мудрый», Infiniti в переводе с латинского означает «бесконечность». Потребителю остается только теряться в догадках, что имел в виду производитель, давая данные имена своим автомобилям.

Иногда производители выбирают для названий своих брендов героев книг, создавая сложный ассоциативный ряд. В качестве примера приведем название бренда кофе “Starbucks”. По одной из версий бренд назван по имени одного из героев романа «Моби-Дик» («Белый кит») Германа Менвилла. Помощника капитана на корабле звали Старбакс. Но остается не понятным, почему данное имя должно ассоциироваться с кофе, а не с мореплаванием. Сбивает с толку и логотип компании – русалка, которая также продолжает морскую тематику.

Название румынского автомобильного бренда “Dacia” (дочерняя компания Renault) происходит от слова Дакия, так называли древние римляне территорию современной Румынии. Однако опять совершенно не понятно, какие качества хочет подчеркнуть производитель, выбирая данное имя.

Имя французского бренда модной одежды “Naf Naf” вызывает у покупателей ассоциации с одним из героев сказки про трех поросят. Но какие качества товаров хочет подчеркнуть производитель остается загадкой, которую каждый покупатель решает сам.

И еще один пример. Поисковая система Bing от Microsoft появилась в мае 2009 г. Первоначальное назва-

ние данной поисковой системы было “Kumo”, что в переводе с японского языка означает «облако» или «паук». Однако создатели данной поисковой системы, по-видимому, сочли данное название не очень удачным. После того как было проведено тестирование в фокус-группах, было выбрано название “Bing”, которое, по мнению участников тестирования, является легко запоминающимся и описывает звук, который можно соотнести с принятием решения.

Таким образом, современная тенденция в названии брендов – это стремление выразить свою индивидуальность, оригинальность и неповторимость, что зачастую приводит к неясности, двусмысленности, неопределенности (ambiguity). Значение слова, как известно, связано с референцией, то есть с предметами окружающего мира, но в данном случае предмет относится не к определенному виду, а к роду. Что касается смысла, то он несет общие характеристики бренда, образ которого стремится создать производитель. Например, это может быть образ яркий, провокационный, молодежный, но это не образ товара, а именно образ бренда. “In the mind of any particular person a brand either exists or it does not” [4].

Итак, имя – это знак, который связывает определенное звучание со значением. Название бренда в современном мире – это особое имя, в котором производитель хочет создать образ товара (услуги) в сознании потребителя, подчеркивая те или иные качества товара или некоторые общие характеристики бренда. Значение слова, как правило, точно отражает концептуальную структуру, лежащую в основе замысла.

Создавая определенное имя бренда, производитель, с одной стороны, стремится вписаться в тот сегмент рынка, на котором представлен товар, с другой стороны, выразить свою индивидуальность и уникальность.

Тенденции в названии брендов с течением времени меняются. Данные изменения происходят плавно, постепенно и регулярно. Новая модель зарождается в русле старой модели.

Проанализировав названия брендов конца XIX – начала XXI века, можно выделить определенные структурные модели названий. В конце XIX века имена брендов были связаны с географическими названиями, что достаточно четко позволяет определить, откуда, из какой местности происходит тот или иной товар. Потребитель знал, где произведен товар и какого он качества. К началу XX века тенденция меняется. Теперь имя бренду дает основатель компании, что является определенной гарантией качества. В середине XX века популярными становятся описательные названия, основанные на метафорических или метонимических переносах, которые подчеркивают то или иное качество товара, формируя образ товара в умах потребителей. Однако когда товар выходит на мировой рынок, значение, которое имеет название бренда, становится непонятным потребителям в других странах. Стирается образ товара и те положительные коннотации, которые были заложены в наименование бренда. Название переходит в разряд безэквивалентной лексики.

Аббревиатуры, слова слитки в именах брендов отражают новую тенденцию в обществе второй половины

XX века, когда становятся модными и популярными разнообразные инновации, высокие технологии.

В названиях брендов начала XXI века часто появляются греческие или латинские корни, а также различные ассоциации с героями книг или какими-то историческими фактами. Используя данные названия брендов, производитель стремится подчеркнуть свою индивидуальность, неповторимость. Задача, которую предлагают решить потребителю, часто ставит его в тупик, поскольку название должно передавать определенные качества товара, а данные названия создают некий общий образ бренда, который соотносится с целым рядом товаров. Импровизации в названиях брендов, по мнению некоторых лингвистов [7, с. 374], редко бывают успешными, поскольку данные названия чересчур умны и направлены, прежде всего, на развлечение и удивление потребителя, а не на создание названия, имени.

Следовательно, имена брендов отражают и формируют социальные ценности общества. Они представляют собой некоторые культурные универсалии. Популярность названия того или иного бренда трудно предугадать, поскольку в данном случае имеют значение как чисто лингвистические, так и социокультурные факторы. Очевидно, однако, что слишком умные названия редко пользуются популярностью у потребителя.

**СПИСОК ИСТОЧНИКОВ
И ЛИТЕРАТУРЫ**

1. *Kaplan, Justin*. The Language of Names. – N.Y.: Touchstone, 1999. – 242 p.
2. Longman Dictionary of Contemporary English. – 4 edition, Pearson Education, 2003.
3. Online Etymology Dictionary. – [Электронный ресурс]. – URL: www.etymonline.com/ (дата обращения: 10.10.2016).
4. Forbes [Электронный ресурс]. – URL: www.forbes.com/sites/jerrymclaughlin/2011/12/14/ (дата обращения: 10.10.2016).
5. Brandreport [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.brandreport.ru/kinder-surprise/> (дата обращения: 10.10.2016).
6. *Кубрякова, Е.С.* Номинативный аспект речевой деятельности [Текст] / Е.С. Кубрякова. – Изд. 2-е. – М.: ЛКИ, 2008. – 160 с.
7. *Пинкер, С.* Субстанция мышления. Язык как окно в человеческую природу [Текст] / С. Пинкер. – М.: Либроком, 2013. – 557 с.
8. *Ayto, John*. 20th Century Words. – Oxford: Oxford University Press, 1999.
9. *Fandrich, I.* Electronic Communication and Technical Terminology: A Rapprochement? [Text] / I. Fandrich // NAWA Journal of Language and Communication. – 2007. – Vol. 1. – № 1. – С. 147-158.
10. *Steinmetz, S.* The Life of Language. The Fascinating Ways Words are Born, Live & Die [Text] / S. Steinmetz, B. Kipfer. – N.Y.: Random House, 2006.
11. *Crystal, David*. The Cambridge Encyclopedia of the English Language [Text] / David Crystal. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
12. *Wattenberg, L.* The Baby Name Wizard [Text] / L. Wattenberg. – N.Y.: Three Rivers Press, 2013. – 465 p.

REFERENCES

1. Brandreport, available at: <http://www.brandreport.ru/kinder-surprise/> (accessed: 10.10.2016).
2. Forbes, available at: www.forbes.com/sites/jerrymclaughlin/2011/12/14/ (accessed: 10.10.2016).
3. Ayto John, *20th Century Words*, Oxford, Oxford University Press, 1999.
4. Crystal David, *The Cambridge Encyclopedia of the English Language*, Cambridge, Cambridge University Press, 1995.
5. Fandrich I., *Electronic Communication and Technical Terminology: A Rapprochement, NAWA Journal of Language and Communication*, 2007, Vol. 1, No. 1, pp. 147-158.
6. Kaplan Justin, *The Language of Names*, New York, Touchstone, 1999, 242 p.
7. Kubryakova E.S., *Nominativnyj aspekt rechevoj dejatel'nosti*, 2nd., Moscow, 2008, 160 p. (in Russian)
8. *Longman Dictionary of Contemporary English*, 4 edition, Pearson Education, 2003.
9. *Online Etymology Dictionary*, available at: www.etymonline.com/ (accessed: 10.10.2016).
10. Pinker S., *Substancija myshlenija. Jazyk kak okno v chelovecheskuju prirodu*, Moscow, Librokom, 2013, 557 p. (in Russian)
11. Steinmetz S., Kipfer B., *The Life of Language. The Fascinating Ways Words are Born, Live & Die*, New York, Random House, 2006.
12. Wattenberg L., *The Baby Name Wizard*, New York, Three Rivers Press, 2013, 465 p.

Морозова Наталия Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, профессор, кафедра фонетики и лексики английского языка, Институт иностранных языков, Московский педагогический государственный университет, enleks@mpgu.edu

Morozova N.N., PhD in Philology, Professor, Department of Phonetics and Lexicology of English Language, Faculty of Foreign Languages, Moscow State University of Education, enleks@mpgu.edu

УДК 811.81'373.47

ББК 81.2

РЕАЛИЗАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Е.Ю. Белозерова

Аннотация. *Фразеологическая деривация является постоянным признаком любого языка и служит его развитию и обогащению. Изучение фразеологической деривации является важным фактором выявления динамики развития фразеологической системы языка. Фразеологическая деривация опирается на наличную фразеологию языка, и дальнейшее изучение фразеологических дериватов происходит непосредственно в отношении с их производными фразеологическими единицами. Наше исследование основано на материале английского языка. В статье рассматриваются пути фразеологической деривации на материале фразеологических единиц, представленных в современном британском художественном тексте для подростков. В ходе исследования получены выводы, которые помогают выявить динамику развития фразеологической системы в целом. Дальнейшее изучение фразеологической деривации и дериватов представляется ценным в плане создания новых толковых и фразеологических словарей.*

Ключевые слова: *фразеологическая единица, фразеологическая деривация, фразеологическая система языка, подростковая британская литература.*

563

IMPLEMENTATION OF THE PHRASEOLOGICAL DERIVATION IN A LITERARY TEXT

E.Yu. Belozerova

Abstract. *Phraseological derivation is a permanent characteristic of any language as its development and lexical enrichment. The study of phraseological derivation is an important factor for the understanding of phraseological language system dynamics. Phraseological derivation is based on the existing phraseological language system and any study in this field can be done only in correlation with initial derivative phraseological units. The present research is done on the basis of English. In the article, we analyze the ways of phraseological derivation of the idioms taken from the contemporary British literary text for teens. The results of our present research reveal*

the phraseological derivation tendencies of the contemporary English language system. Further study of phraseological derivation and derivatives is valuable in terms of compiling new lexis and phraseological dictionaries.

Keywords: *phraseological unit, phraseological derivation, phraseological language system, British literature for teens.*

Фразаеологическая деривация считается важным источником приумножения и становления фразеологического состава языка. Под фразеологической деривацией понимается процесс образования новых ФЕ на основе уже существующих в языке. Таким путем фразеологический фонд языка пополняется новыми значимыми единицами и новыми смыслами.

Термин деривация имеет латинское происхождение со значением «образование, отведение». Он был заимствован из теории словообразования. Под деривацией в теории словообразования понимается процесс создания новых единиц языка на основе других (слово-слово). Данные единицы языка называются дериватами и исходными соответственно. Понятие деривации в теории словообразования было введено Е. Куриловичем [1] для разграничения лексической и синтаксической деривации слов, так как в процессе деривации слова происходят изменения в его структуре и семантике. Пример синтаксической деривации: *She was gutted she couldn't come* [2, p. 4] – где исходное значение слово *gut* = кишка. В настоящем примере сочетание *be + -ed* (в котором *be* – глагол-связка, а *gut + t + ed* причастие II) приобретает функцию именной части составного именного сказуемого. *Gut + ed* – синтаксическая деривация слова, которая с

помощью суффикса в данном случае (однако могут использоваться не только суффиксальные лексические морфемы, но и грамматические морфемы – окончания). Лексическая деривация отражается в приобретенном фигуральном значении *be gutted* на базе первичного значения.

Отличие фразеологической деривации от словообразовательной состоит в том, что в данном случае используются не словообразовательные средства слов, а сами слова для образования новых единиц языка (фразеологизм-фразеологизм). А.В. Кунин ввел термин «фразеологическая деривация», который получил широкое распространение и употребление в работах самого ученого и других последователей. Изучение фразеологической деривации было отражено в работах А.В. Кунина на материале английского языка, где впервые был поставлен вопрос об обогащении словарного и фразеологического состава английского языка производными от ФЕ оборотами. А.В. Кунин рассмотрел четыре пути такого обогащения: образование сложных слов, образование омонимов и новых значений слов, образование новых слов и образование новых ФЕ [3].

Среди ученых, однако, существуют различные подходы к пониманию термина «фразеологическая деривация». Некоторые авторы применяют

его по отношению к окказиональным, индивидуально-авторским преобразованиям ФЕ, которые являются средством вербализации индивидуально-авторских концептов. Следует отметить, что все окказиональные преобразования ФЕ представляют собой процесс фразеологического варьирования, и фразеологизмами не считаются. А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко [4, с. 234-251] выделяют следующие виды окказиональных единиц, являющихся дериватами фразеологизмов: 1. Окказиональные слова, образованные на базе ФЕ; 2. Окказиональные ФЕ, образованные на базе ФЕ языка; 3. Окказиональные ФЕ, возникшие на базе определенных литературных сюжетов.

Термином «дериват» также могут обозначать и устойчивые сочетания, различающиеся некоторыми грамматическими формами компонентов или являющиеся полной или усечённой формами фразеологического сочетания [5 с. 109]. При этом толкование термина фразеологическая деривация в данном случае рассматривает производную ФЕ (ФЕ-дериват) как самостоятельно существующее фразеологическое образование, производящей базой для которого явился уже существующий в языке фразеологизм. Необходимо отметить, что речь здесь идет о грамматических и количественных вариантах ФЕ, а не о новых фразеологизмах. Вообще фразеологическому варьированию не придают статус самостоятельного пути фразеологической деривации, а рассматривают это как явление, сопровождающее данный процесс.

Таким образом, мы наблюдаем терминологическую многозначность понятия «фразеологическая дерива-

ция». Несмотря на разные точки зрения ученых, термин «фразеологическая деривация» служит для обозначения ведущих процессов в развитии самой фразеологии, а именно – для обозначения процесса расширения фразеологического состава языка на основе наличной фразеологии.

В настоящей работе материалом для исследования послужили 796 единиц, полученные путем сплошной выборки из современной художественной британской литературы для подростков. Цель работы заключается в выявлении фразеологических дериватов и их речевой реализации в художественном тексте. Объектом исследования являются фразеологические процессы во фразеологической системе современного английского языка. Предметом исследования – изучение коммуникативных характеристик фразеологических дериватов. В основу изыскания была положена классификация фразеологических дериватов, разработанная М.Л. Джаграевой [6], которая, в частности, упоминая фразеологическую деривацию, указывает на то, что «...она существует, прежде всего, как область моделирования производных наименований. Ее роль заключается и в том, чтобы упорядочить и обобщить типы связей, наблюдаемые в окружающей действительности, и выработать формальные средства для отражения этих связей» [там же, с. 51].

В области пополнения фразеологического фонда английского языка принято выделять следующие пути образования новых ФЕ на базе имеющихся в языке фразеологизмов: 1 – обособление начальных, средних или конечных компонентов; 2 –

образование глагольной ФЕ от пословицы, употребляющейся в повелительном наклонении; 3 – образование ФЕ путем развертывания исходного фразеологизма; 4 – образование по конверсии; 5 – образование по аналогии; 6 – образование по контрасту; 7 – контаминация.

При работе с данным языковым материалом было выделено:

1. Обособление начальных, срединных или конечных компонентов (всего 5 единиц):

Производная фразеологическая единица *to have butterflies* произошла от фразеологизма *to have butterflies in one's stomach* (= *to feel very nervous*): *I don't have butterflies or feel like I'm about to vomit* [2, p. 55].

Производная ФЕ *if the shoe fits* произошла от поговорки *if the shoe fits, wear it* (= *an unflattering remark applies to you, so you should accept it*): *If the shoe fits, darling* [там же, p. 123].

Производная ФЕ *curl up and die* произошла от ФЕ *want to curl up and die* (= *to feel very embarrassed about something that you have said or done*): *Essie tells him to "curl up and die"* [там же, p. 319].

2. Образование глагольной ФЕ от пословицы, употребляющейся в повелительном наклонении – не обнаружено.

3. Образование ФЕ путем развертывания исходного фразеологизма (всего 47 единиц): Производная *least of all her least* произошла от фразеологизма *least of all* (= *especially not*): *Granny has bridge on Wednesday evenings and doesn't miss it for anyone, least of all her least favourite grandchild* [там же, p. 4].

Производная *organic-this and homemade-that* произошла от фра-

зеологизма *this and that* (= *one thing and another*): *All green and lush with tree-lined streets and little cafes selling organic-this and homemade-that* [там же].

Производная *master of the poker face* произошла от фразеологизма *poker face* (= *a visage lacking any expression that can be interpreted*): *And these days I am Leo Denton, master of the poker face* [там же, p. 234].

4. Образование по конверсии (всего 3 единицы):

Производная *ramrod straight* произошла от фразеологизма *be as stiff/straight as a ramrod* (= *if someone is as stiff as a ramrod, they stand or sit with their back very straight and stiff*): *Livvy enters cautiously, wrinkling her nose as she spots me standing ramrod straight, wearing my bathrobe hours before bedtime* [там же, p. 59].

Производная *the kick-ass things* произошла от фразеологизма *kick (somebody's) ass* (= *to punish someone or to defeat someone with a lot of force*): *I'd wake up in the middle of the night in a cold sweat thinking of all the kick-ass things I could have said* [там же, p. 64].

Производная *making friends* произошла от фразеологизма *make friends* (= *form a friendship, foster cordial feelings*): *Jenny's obsessed with me making friends* [там же, p. 20].

5. Образование по аналогии (всего 73 единицы): Производная *time is running out* произошла от фразеологизма *run out of time* (= *to have used up most of the allotted time; to have no time left*): *I am fourteen and time is running out* [там же, p. 5].

Производная *to be scared for life* произошла от фразеологизма *frighten/scare the life out of somebody* (= *to*

make someone feel very frightened): I know this because I've bumped into them on the landing in the middle of the night enough times to be scared for life [там же, р. 8].

Производная *paperclip-skinny* произошла от фразеологизма *skinny as a beanpole* (=very thin; very skinny): *She is short for a seven-year-old and paperclip-skinny* [там же, р. 14].

Производная *get ideas above your station* произошла от фразеологизма *marry above (one's) station* (=to marry someone who is of a higher social class or standing than oneself): *"Just don't go getting ideas above your station," Mam says. "Just because you are wearing a fancy blazer it don't mean you are above us."* [там же, р. 37].

Производная *ticket out* произошла от фразеологизма *golden ticket* (=a person, thing, quality, ability, or accomplishment that provides a reliable opportunity for great financial or personal success): *Good grades from Eden Park are my ticket out* [там же, р. 73].

6. Образование по контрасту (всего 6 единиц): Производная *drop off half way through* произошла от фразеологизма *pull through (something)* (=to experience difficulties and continue to live or succeed): *Dad drops off half way through and starts snoring loudly* [там же, р. 5].

Производная *fit the mould* произошла от фразеологизма *break the mould* (=to do something differently, after it has been done in the same way for a long time): *He has it in for pretty much alone who doesn't fit the mould* [там же, р. 86].

Производная *keep in a bubble* произошла от фразеологизма *burst someone's bubble* (=to destroy some-

one's illusion or delusion; to destroy someone's fantasy): I want to keep Alicia and me in a precious bubble, safe from the outside world [там же, р. 14].

7. Контаминация – не выявлено.

Таким образом, мы можем утверждать, что в процессе фразеологической деривации участвуют не менее двух ФЕ: исходная, первичная ФЕ, которую можно обозначить как «производящую», и образованная на ее основе вторичная ФЕ – «производная». Фразеологическая деривация является активным и актуальным путем расширения фразеологической базы современного английского языка. Доминирующими способами фразеологической деривации (на примерах нашего материала) являются развертывание исходного фразеологизма и аналогия. Следует отметить, что дериваты не являются фразеологизмами. Фразеологическая система языка характеризуется относительной стабильностью, однако, фразеологизмы, пройдя проверку временем, могут видоизменяться. Ю.А. Гвоздарев считает, что причинами этого чаще всего могут быть поиски новых образов, новые когнитивно обусловленные наблюдения. Новые ассоциации также побуждают к изменению существующих ФЕ, их обновлению или созданию новых. «Для описания фразеобразовательных процессов, – пишет Ю.А. Гвоздарев, – необходимо, прежде всего, определить исходный материал: значение, получающее утверждение в новой единице, и тот материал, с помощью которого это значение материализуется в языке (речи)» [7, с. 48].

**СПИСОК ИСТОЧНИКОВ
И ЛИТЕРАТУРЫ**

1. *Курилович Е.* Деривация лексическая и деривация синтаксическая [Текст] / Е. Курилович // Очерки по лингвистике: сб. ст. / под общ. ред. В.А. Звегинцева. – М., 1962. – С. 57-70.
2. *Williamson L.* The art of being normal [Text] / L. Williamson. – David Fickling Books, 2015. – 353 с.
3. *Кунин А.В.* Некоторые вопросы английской фразеологии [Текст] / А.В. Кунин // Англо-русский фразеологический словарь. – М.: ГИС, 1955. – С. 1451-1455.
4. *Мелерович А.М.* Окказиональные преобразования фразеологических единиц [Текст] / А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2014. – Вып. 8. – С. 234-251.
5. *Коротких Т.А.* О Понятии фразеологической деривации [Текст] / Т.А. Коротких // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 5 (47). – Часть 1. – С. 109-112.
6. *Джаграева М.Л.* Коммуникативно-прагматические особенности фразеологической деривации [Текст] / М.Л. Джаграева: Дис. ... канд. филол. наук. 10.02.19 – Теория языка. – Ставрополь, 2005. – 182 с.
7. *Гвоздарев Ю.А.* Основы русского фразообразования. Монография. 2-е изд., испр. и

доп. [Текст] / Ю.А. Гвоздарев. – Ростов-на-Дону: НМЦ Логос, 2010. – 246 с.

REFERENCES

1. *Dzagraeva M.L.*, *Kommunikativno-pragmaticheskie osobennosti fraseologicheskoy derivatsii*, PhD dissertation (Philology), Stavropol, 2005, 182 p. (in Russian)
2. *Gvozдарев Ju.A.*, *Osnovy russkogo frazoo-brazovanija*, Monografija. 2-e izd., ispr. i dop., Rostov-na-Donu, NMC Logos, 2010, 246 p. (in Russian)
3. *Korotkih T.A.*, O Ponjatii frazeologicheskoy derivacii, *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, № 5 (47) 2015, chast 1, pp. 109-112. (in Russian)
4. *Kunin A.V.*, “Nekotorye voprosy anglijskoj frazeologii”, in: *Anglo-russkij frazeologicheskij slovar*, Moscow, GIS, 1955, pp. 1451-1455. (in Russian)
5. *Kurilovich E.*, “Derivacija leksicheskaja i derivacija sintaksicheskaja”, *Ocherki po lingvistike: sb. st., pod obshh. red. V.A. Zveginceva*, Moscow, 1962, pp. 57-70. (in Russian)
6. *Melero-vich A.M.*, *Mokienko V.M.*, Okkazionalnye preobrazovanija frazeologicheskikh edinic, *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, Vyp. 8, 2014, pp. 234-251. (in Russian)
7. *Williamson L.*, *The art of being normal*, David Fickling Books, 2015, 353 p.

568

Белозерова Екатерина Юрьевна, аспирантка кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Московский государственный областной социально-гуманитарный институт, ebelozerova@hotmail.com

Belozerova E.Yu., Postgraduate Student, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Moscow State Regional Institute of Social Studies and Humanities, ebelozerova@hotmail.com

УДК 81.23
ББК 81.2Англ.

ТЕМАТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ И СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ «СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ» В МИСТИЧЕСКИХ РАССКАЗАХ А. КОНАН ДОЙЛА И ИХ ПЕРЕВОДАХ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

А.А. Тимофеева

***Аннотация.** Статья посвящена анализу функционирования и передачи лексических единиц с компонентом «сверхъестественное» в мистических рассказах А. Конан Дойла «Ужас расщелины голубого Джона», «Серебряное зеркало» и «Рассказ американца». В исследовании приводится анализ следующих переводов рассказов на русский язык – «Ужас расщелины голубого Джона» (перевод В.К. Штенгеля), «Серебряное зеркало» (переводы В.С. Кулагиной-Ярцевой и В.А. Михалюка), «Рассказ американца» (перевод В.А. Михалюка) в их сопоставлении с аутентичными текстами, а также тематическая классификация лексических единиц с компонентом «сверхъестественное». Кроме того, отмечаются основные принципы передачи данных лексических единиц в переводах. Приведенная тематическая классификация лексических единиц позволяет выявить основные тенденции реализации компонента «сверхъестественное» в исследуемых аутентичных текстах и их переводах.*

Ключевые слова: сверхъестественное, лексическая единица, перевод, коннотация, слово, словосочетание, семантика, переводческий прием.

569

THEMATIC CLASSIFICATION AND WAYS OF TRANSFERRING LEXICAL UNITS WITH THE SUPERNATURAL COMPONENT IN A. CONAN DOYLE'S MYSTICAL STORIES AND THEIR TRANSLATIONS INTO RUSSIAN

A.A. Timofeeva

***Abstract.** The article is devoted to the analysis of functioning and transferring of lexical units with "the supernatural" component in A. Conan Doyle's mystical stories "The Terror of Blue John Gap", "A silver mirror" and "The Americans Tale". In her research the author gives the analysis of the follow-*

ing stories in their translations into Russian language – “The Terror of Blue John Gap” (translated by V.K. Shtengel), “A silver mirror” (translated by V.S. Kulagina-Yartseva and V.A. Mikhalyuk), “The Americans Tale” (translated by V.A. Mikhalyuk) in comparison with authentic texts and presents the thematic classification of lexical units with “the supernatural” component. Besides, the article defines basic principles of lexical units transference in the following translations. The following thematic classification of lexical units allows to reveal the main tendencies of “the supernatural component” realization in the studied authentic texts and their translations.

Keywords: *supernatural, lexical unit, translation, connotation, word, phrase, semantics, translation technique.*

Артур Конан Дойл вошел в историю британской литературы как автор многочисленных приключенческих, исторических, публицистических, фантастических и юмористических произведений. Наибольшую известность ему принесло создание классических персонажей детективной, научно-фантастической и историко-приключенческой литературы: гениального сыщика Шерлока Холмса, эксцентричного профессора Челленджера, храброго кавалерийского офицера Жерара. Со второй половины 1910-х гг. и до конца жизни А. Конан Дойл являлся активным сторонником и пропагандистом идей мистицизма и спиритуализма [1].

Особое место в творчестве писателя занимают его мистические рассказы, сюжетная канва которых тесно переплетает реальность и мистику в единое повествование.

В данном исследовании осуществляется попытка привести тематическую классификацию лексических единиц с компонентом «сверхъестественное» на материале аутентичных текстов и переводов трех рассказов А. Конан Дойла – «Ужас расщелины голубого Джона»

(“The Terror of Blue John Gap”) (1910 г.), «Серебряное зеркало» (“The Silver Mirror”) (1908 г.) и «Рассказ американца» (“The Americans Tale”) (1880 г.).

Сопоставительный анализ функционирования лексических единиц с компонентом «сверхъестественное» проводится на базе четырех переводов рассказов на русский язык – «Ужас расщелины голубого Джона» (перевод В.К. Штенгеля – изд. 1966 г.), «Серебряное зеркало» (переводы В.С. Кулагиной-Ярцевой – изд. 1992 г. и В.А. Михалюка – изд. 2010 г.), «Рассказ американца» (перевод В.А. Михалюка – изд. 2010 г.).

Попытка систематизации лексических единиц с компонентом «сверхъестественное» выявляет их характерные черты. Ниже предлагаем их тематическую классификацию, в составе которой выделяем 3 лексемы и 11 словосочетаний:

1) лексемы и словосочетания, обозначающие наименование, внешний облик и свойства сверхъестественного существа (ср.: *the Terror / страшилище; a whine / вой; heavy creature / огромное животное; a fetid breath / зловонное дыхание*);

2) лексемы и словосочетания, обозначающие загадочную, пугающую и мистическую атмосферу (ср.: *opacity / зыбкая дымка/непропускаемая масса; a thick white cloud swirling in heavy wreaths / белое клубящееся облако, густое белое облако, свивавшееся большими клубами; two eyes looking out into the room/два глаза, глядящие из зеркала в комнату, два глаза, смотревшие в комнату; a vague outline of a head/очертания головы / слабые очертания головы; dark, luminous, filled with some passionate emotion, fury or horror eyes/темные, горящие, полные ненависти или ужаса глаза / темные, блестящие, полные какого-то страшного чувства, ярости или ужаса глаза);*

3) лексемы и словосочетания, обозначающие необычное природное явление, представляющее смертельную опасность для человека, внешний облик этого явления и его свойства (ср.: *the great thorns / огромные шипы; it had smothered him / растение его задушило; it had closed on him / лист захлопнулся и поймал парня; the great jagged teeth / гигантские зубы; the man-eatin plant/ растение-людоед).*

Далее следует привести основные способы передачи лексических единиц с компонентом «сверхъестественное» на русский язык, обнаруженные нами в ходе анализа переводов мистических рассказов А. Конан Дойла:

1) калькирование (дословный перевод по словам) (ср.: *a whine / вой; heavy creature / огромное животное; a fetid breath / зловонное дыхание; a thick white cloud swirling in heavy wreaths / густое белое облако, свивавшееся большими клубами; two*

eyes looking out into the room / два глаза, смотревшие в комнату);

2) приблизительный перевод (подборка переводчиком аналога в языке перевода) (ср.: *the Terror / страшилище; opacity / зыбкая дымка/непропускаемая масса; the great thorns / огромные шипы; the great jagged teeth/гигантские зубы; the man-eatin plant / растение-людоед);*

3) добавление (в случае если переводчик считает нужным добавить дополнительную информацию в текст перевода) (ср.: *to hear the Creature/ услышать рев какого-то зверя; two eyes looking out into the room / два глаза, глядящие из зеркала в комнату; it had smothered him / растение его задушило; it had closed on him / лист захлопнулся и поймал парня).*

Обращаясь к аутентичному тексту рассказа «Ужас расщелины голубого Джона» Артура Конан Дойла, отметим, что лексическую единицу с компонентом «сверхъестественное» можно обнаружить в номинации странного и кровожадного существа, похищающего овец безлунными ночами, о котором повествует рассказчику молодой Армитадж – «...**the Terror** that lives in the Blue John Cave» [2], («...**Страшилище**, которое живет тут, в пещере Голубого Джона») [3, с. 551]. Лексема «**the Terror**» может переводиться и как «ужас», однако, переводчик посчитал необходимым указать именно на факт того, что это некое телесное образование, способное причинить реальный вред другому живому существу. В то время как *ужас* – понятие несколько аморфное, которое может выступать обозначением и сверхъестественного бестелесного образования, например, *призрака* или *духа*,

не способного причинить физический вред миру живых.

Далее автором подчеркивается акустическая сторона происходящего, что выражается словами Армитаджа о том, что он лично слышал звуки, издаваемые *страшилищем*: “*Finally, Armitage clinched all his arguments by telling me that he had actually heard the Creature...*” [4], («В конце концов, Армитадж привел решающий довод, – он сам слышал рев какого-то зверя...») [3, с. 552]. Необходимо отметить, что в данном примере демонстрируется переводческий прием добавления с целью большей конкретизации для читателя облика *страшилища*. Эквивалентом для лексической единицы “*the Creature*” в русском языке может выступать лексема «существо», однако, в тексте перевода встречаем конкретизацию описываемого явления – «рев какого-то зверя», что позволяет читателю выстроить в своем воображении ассоциацию с хищным животным, которое представляется вполне реально существующим явлением [5, с. 48].

572

Следующим подтверждением существования *страшилища* или *зверя* для рассказчика является тот факт, что он сам слышит издаваемые им звуки – “...*it was a high whine, tremulous and vibrating, almost like the whinnying of a horse*” [2], («...то был **вой** – высокий, дрожащий, вибрирующий, как ржание лошади») [3, с. 553]. На данной отрезке текста встречаем лексему “*a whine*” / «вой», дополненную также некоторым количеством характеристик, красочно переданных как в аутентичном тексте, так и в переводе – “*high*” / «высокий», “*tremulous*” / «дрожащий», “*vibrating*” / «вибрирующий». Также в тексте обнару-

живаем сравнение *воя зверя* с вполне реально существующим явлением “*like the whinnying of a horse*” / «как ржание лошади», что довершает для читателя облик *страшилища*.

Однако в тексте встречается также и частичное описание внешнего облика *страшилища* или *зверя* – “*Of course, the whole idea is absurd, and yet I must confess that those bushes at the entrance of the cave do present an appearance as if some heavy creature had forced its way through them*” [2], («Разумеется, его соображения – сплошная нелепость, и все же кусты у входа в пещеру выглядят так, словно через них действительно продиралось какое-то **огромное животное**») [3, с. 554]. Буквальный перевод словосочетания “*heavy creature*” – «тяжеловесное существо», но, соблюдая общую концепцию повествования, переводчик подбирает наиболее близкий эквивалент, полностью укладывающийся в контекст передачи коннотации, заявленной автором – «огромное животное», поведение которого вполне логично отражается в начале рассказа – оно уносит овец по ночам и издает воющие звуки.

В довершение сопоставительного анализа аутентичного текста рассказа «Ужас расщелины голубого Джона» и его перевода на русский язык, следует отметить следующий отрезок текста – “*A fetid breath seemed to ooze from the black depths into which I peered*” [2], («Казалось, из мрачной глубины, куда я заглядывал, струилось **зловонное дыхание**») [3, с. 555]. Словосочетание “*a fetid breath*” / «зловонное дыхание» позволяет читателю представить облик *огромного животного* не только при

помощи описания его внешних данных, упоминаемых в тексте, и звуков, которые оно издает, но и при помощи обонятельного аспекта.

Далее обратимся к сопоставительному анализу аутентичного текста рассказа «Серебряное зеркало» и двух его переводов на русский язык – В.С. Кулагиной-Ярцевой и В.А. Михалюка.

Лексическая единица, а также словосочетание с компонентом «сверхъестественное» встречается в описании странного явления, увиденного рассказчиком в серебряном зеркале – “*This opacity, when I stared hard at it, appeared to slowly rotate this way and that, until it was a thick white cloud swirling in heavy wreaths*” [6], («... *зыбкая дымка* медленно вращалась то в одну, то в другую сторону, затем сгустилась в *белое клубящееся облако*» [7]), («...*эта непроницаемая масса, казалось, медленно вращалась то в одну, то в другую сторону, пока не появилось густое белое облако, свивавшееся большими клубами*») [8, с. 276]. При сравнении двух переводов, встречаем разницу в коннотациях – в переводе В.С. Кулагиной-Ярцевой подчеркивается коннотация *потусторонности* при помощи употребления в тексте словосочетания «*зыбкая дымка*», в то время как в переводе В.А. Михалюка коннотация *потусторонности* нивелируется за счет употребления словосочетания «*непроницаемая масса*», указывающего не на призрачность, аморфность явления, возникшего в зеркале перед рассказчиком, но на образ чего-то овеществленного, имеющего массу и плотность. Однако вторая часть предложения у обоих переводчиков передана верно. Разница в

передаче на русский язык словосочетания “*a thick white cloud swirling in heavy wreaths*” заключается лишь в способе – в первом случае это *приблизительный перевод* (подборка В.С. Кулагиной-Ярцевой эквивалента в русском языке, которым выступает причастие «*клубящееся*»), а во втором случае это *калькирование* (дословный перевод словосочетания В.А. Михалюком – «*густое белое облако, свивавшееся большими клубами*»).

Отметим, что в рассказе А. Конан Дойла «Серебряное зеркало» ярким выразителем словосочетания с компонентом «сверхъестественное» выступают следующие строки, повествующие о том, что рассказчик видит в зеркале уже конкретное, различимое образование – “...*two eyes looking out into the room*” [6], («...*два глаза, глядящие из зеркала в комнату*») [7], («...*два глаза, смотревшие в комнату*») [8, с. 277]. Подчеркнем, что в переводе В.С. Кулагиной-Ярцевой наблюдается прием *добавления* – словосочетание «*из зеркала*», что позволяет читателю ярче представить себе образ происходящего, однако, в переводе В.А. Михалюка осуществляется прием *калькирования* – дословный перевод, что также вполне допустимо, хотя задачей переводчика в данном случае является именно передача коннотации *потусторонности*, некоего «окна в другой мир», представленного автором в виде серебряного зеркала.

Далее автором обрисовывается следующая деталь, возникающая в зеркале перед рассказчиком – “*A vague outline of a head I could see...*” [6], («...*Мне удалось различить очертания головы...*») [7], («...*Увидел я и слабые очертания*

головы...») [8, с. 278]. В.С. Кулагина-Ярцева в переводе опускает лексическую единицу “*vague*” / «слабый», тем самым усиливая эффект «реальности» происходящего, ведь, согласно, ее варианту перевода, *очертания головы* проступают достаточно четко. Прием *калькирования*, применяемый В.А. Михалюком на данном отрезке текста, позволяет ему сохранить замысел автора – коннотацию *потусторонности*, подчеркивающей, что *очертания головы* проступают внутри серебряного зеркала неявно, призрачно.

Подводя итог сопоставительному анализу аутентичного текста рассказа А. Конан Дойла «Серебряное зеркало» и двух его переводов на русский язык, отметим следующие строки, в которых автором уточняется образ пары глаз, смотрящих из зеркала в комнату и приводящих в ужас рассказчика – “...*such eyes—dark, luminous, filled with some passionate emotion, fury or horror...*” [6], («...*глаза...темные, горящие, полные ненависти или ужаса...*») [7], («...*какие глаза, – темные, блестящие, полные какого-то страшного чувства, ярости или ужаса...*») [8, с. 279].

Необходимо отметить, что и в аутентичном тексте, и в двух его переводах, особое внимание уделяется описанию глаз, которые рассказчик видит в серебряном зеркале, что выражено лексическими единицами “*dark*” / «темные», “*luminous*” / «горящие», «блестящие», “*illed with some passionate emotion*” / «толные какого-то страшного чувства», “*fury*” / «ненависть», “*horror*” / «ужас». Однако необходимо подчеркнуть, что у двух переводчиков по-разному передана

коннотация *потусторонности* этих глаз, а также основное значение лексических единиц, их характеризующих.

Следует также заметить, что словосочетание “*filled with some passionate emotion*” может переводиться и как «толные какого-то страшного чувства», но подобный вариант перевода в данном случае не является допустимым, так как понятие «страсть» не может ассоциироваться с *потусторонним миром*, совершенно отрешенным, чуждым тому, чтобы олицетворять собой подобные живые эмоциональные проявления.

Кроме того, нужно отметить пример разницы в передаче отрицательной коннотации у двух переводчиков. Лексема “*fury*” у В.С. Кулагин-Ярцевой представлена лексической единицей «ненависть», коннотацией которой является *постоянство*, а не сиюминутная вспышка отрицательной эмоции, что позволяет переводчику применить прием эмоционального воздействия на читателя. У В.А. Михалюка та же самая лексема “*fury*” представляется лексической единицей «ярость», коннотацией которой является *сиюминутная вспышка отрицательной эмоции*, не производящей на читателя столь сильного впечатления.

Далее, перейдем к сопоставительному анализу аутентичного текста рассказа А. Конан Дойла «Рассказ американца» и его перевода на русский язык, выполненного В.А. Михалюком.

В аутентичном тексте рассказа встречаем следующее словосочетание с компонентом «сверхъестественное» – “*The great thorns had been slowly driven through his heart...*” [9].

В переводном тексте В.А. Михалюка данное словосочетание интерпретируется следующим образом – «...**огромные шипы** медленно пронзили его сердце» [4, с.151]. Отметим, что передача переводчиком значения осуществлена абсолютно верно.

Описываемое А. Конан Дойлом хищное растение имеет и еще одну специфическую характеристику, выраженную словосочетанием “*the great jagged teeth*” – «гигантские неровные зубы». Лексема “jagged” в переводном тексте опущена – “...*there he was as we found him, torn and crushed into pulp by the great jagged teeth...*” [9], «*Так мы и нашли его, размозженного, изжеванного гигантскими зубами...*» [4, с. 152]. Однако общая передача смысла повествования переводчиком верна, а опущение описательной детали насколько не обеднило перевод.

Следует отметить также и номинацию автором этого хищного растения – “*the man-eatin plant*”, представленную словосложением – “...*the great jagged teeth of the man-eatin plant*” [9]. В переводном тексте В.А. Михалюком подбирается полноценный эквивалент – «гигантские зубы **растения-людоеда**» [4, с. 153]. Подчеркнем, что в русском и английском языках принципы словосложения разнятся. Если в английском языке можно встретить сочетание «глагол» + «существительное», то в русском языке полностью эквивалентным ему может выступить сочетание «существительное» + «существительное» [5, с. 85].

В.А. Михалюк при передаче словосочетаний с компонентом «сверхъестественное» использует переводческий прием *добавления*, позволяю-

щий конкретизировать описываемую ситуацию и, в особенности, субъекта действия. Так, в аутентичном тексте встречаем следующие глагольные конструкции, описывающие действия *растения-людоеда* в отношении своей жертвы – “...*it had smothered him first...*” и “...*it had closed on him...*” [9]. Приведем следующий вариант перевода: «*Сначала оно его задушило*» и «*оно его захлопнуло*». Однако В.А. Михалюк использует прием *добавления* – он заменяет местоимение *it* лексемами «растение» и «лист», тем самым конкретизируя для читателя происходящее, более красочно обрисовывая для него образ *растения-людоеда* путем *добавления недостающей информации* – «...**растение** его задушило» и «...**лист** захлопнулся и **поймал парня**» [4, с. 154] (добавление глагольной конструкции).

В.Н. Комиссаров, повествуя об уровнях эквивалентности, отмечал следующее: одна из главных задач переводчика заключается в максимально полной передаче содержания оригинала, и, как правило, фактическая общность содержания оригинала и перевода весьма значительна [10, с. 116]. Следует различать потенциально *достижимую эквивалентность*, под которой понимается максимальная общность содержания двух разноязычных текстов, допускаемая различиями языков, на которых созданы эти тексты, и *переводческую эквивалентность* – реальную смысловую близость текстов оригинала и перевода, достигаемую переводчиком в процессе перевода. Пределом переводческой эквивалентности является максимально возможная (лингвистическая) сте-

пень сохранения содержания оригинала при переводе, но в каждом отдельном переводе смысловая близость к оригиналу в разной степени и разными способами приближается к максимальной [10, с. 117].

При сопоставлении аутентичных текстов рассказов А. Конан Дойла и их переводов автором статьи были выявлены соответствия на трех уровнях эквивалентности. Также выявлено, что переводчиками были идентифицированы те же ситуации, что и в оригинале. Кроме того, авторами всех переводов были сохранены общие понятия, с помощью которых осуществляется описание ситуации в аутентичных текстах. Общность понятийной основы сопоставляемых текстов указывает на то, что и в оригинале, и в переводе ситуация описывается путем указания на одинаковые ее признаки, что подчеркивает также и эквивалентность переводов рассказов аутентичным текстам на уровне предложений и на уровне языковых знаков (слов).

Следует упомянуть, что чаще всего переводческий прием *калькирования* встречается у В.А. Михалюка, реже – прием *добавления*. В.С. Кулагина-Ярцева равноценно использует приемы *приблизительного перевода* и *добавления*. В.К. Штенгель чаще всего пользуется переводческим приемом *добавления*. В.А. Михалюк также использует прием *опущения*, при котором, однако, передача значения остается полноценной и несколько не обедняет перевод.

В заключение хотелось бы отметить, что коммуникативный успех переводного текста во многом зависит от способности переводчика выбрать не просто правильный, но

и наиболее адекватный перевод. В практике перевода с одного языка на другой особое значение приобретает учет лексико-семантической и стилистической дифференциации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия *Кругосвет* [Электронный ресурс]. – URL: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/DOL_ARTUR_KONAN.html (дата обращения: 10.10.2016).
2. *Conan Doyle, A. The Terror of Blue John Gap* [Электронный ресурс]. – URL: http://conan-doyle.narod.ru/other/s_1922/blue_jon.htm (дата обращения: 10.10.2016).
3. *Конан-Дойль, А. Ужас расщелины Голубого Джона* [Текст] / А. Конан-Дойль // *Собрание сочинений А. Конан-Дойля в 8 т. Том 4-й / Пер. с англ. В.К. Штенгеля.* – М.: Правда, 1966. – С. 551-569.
4. *Конан-Дойль, А. Рассказ американца* [Текст] / А. Конан-Дойль // *Сквозь волшебную дверь. Мистические рассказы / Пер. с англ. В.А. Михалюка.* – Харьков: Клуб семейного досуга, – С. 151-159.
5. *Романова, С.П. Пособие по переводу с английского языка на русский* [Текст] / С.П. Романова, А.Л. Коралова. – 5-е изд. – М.: КДУ, 2011. – 176 с.
6. *Conan Doyle, A. The Silver Mirror* [Электронный ресурс]. – URL: http://conan-doyle.narod.ru/other/s_1911/smirror.htm (дата обращения: 10.10.2016).
7. *Конан-Дойль, А. Серебряное зеркало* [Текст] / А. Конан-Дойль / Пер. с англ. В.С. Кулагиной-Ярцевой [Электронный ресурс]. – URL: <http://maxima-library.org/mob/b/274960/read> (дата обращения: 10.10.2016).
8. *Конан-Дойль, А. Серебряное зеркало* [Текст] / А. Конан-Дойль // *Сквозь волшебную дверь. Мистические рассказы / Пер. с англ. В.А. Михалюка.* – Харьков: Клуб семейного досуга. – С. 276-288.
9. *Conan Doyle, A. The Americans Tale* [Электронный ресурс]. – URL: http://conan-doyle.narod.ru/other/s_1889/ameri

can.htm (дата обращения: 10.10.2016).

10. Комиссаров, В.Н. Современное переводоведение [Текст] / В.Н. Комиссаров. – М.: ЭТС, 2002. – 424 с.
- REFERENCES**
1. Conan Doyle A., *The Americans Tale*, available at: http://conan-doyle.narod.ru/other/s_1889/american.htm (accessed: 10.10.2016).
 2. Conan Doyle A., *The Silver Mirror*, available at: http://conan-doyle.narod.ru/other/s_1911/smirror.htm (accessed: 10.10.2016).
 3. Conan Doyle A., *The Terror of Blue John Gap*, available at: http://conan-doyle.narod.ru/other/s_1922/blue_jon.htm (accessed: 10.10.2016).
 4. Komissarov V.N., *Sovremennoe perevodovedenie*, Moscow, ETS, 2002, 424 p. (in Russian)
 5. Konan-Dojl A., “Rasskaz amerikanca”, in: *Skvoz volshebnuju dver. Misticheskie rasskazy*, trans. V.A. Mihaljuka, Harkov, Klub semejnego dosuga, pp. 151-159. (in Russian)
 6. Konan-Dojl A., *Serebrjanoe zerkalo*, trans. V.S. Kulaginoj-Jarcevoj, available at: <http://maxima-library.org/mob/b/274960/read> (accessed: 10.10.2016).
 7. Konan-Dojl A., “Serebrjanoe zerkalo”, in: *Skvoz volshebnuju dver. Misticheskie rasskazy*, trans. V.A. Mihaljuka, Harkov, Klub semejnego dosuga, pp. 276-288. (in Russian)
 8. Konan-Dojl A., “Uzhas rasshheliny Golubogo Dzhona”, *Sobranie sochinenij A. Konan-Dojlja v 8 vols. Vol. 4*, trans. V.K. Shtengelja, Moscow, Pravda, 1966, pp. 551-569. (in Russian)
 9. Romanova S.P., Koralova A.L., *Posobie po perevodu s anglijskogo jazyka na russkij*, 5nd., Moscow, 2011, 176 p. (in Russian)
 10. *Universalnaja nauchno-populjarnaja onlajn-jenciklopedija Krugosvet*, available at: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/DOL_ARTUR_KONAN.html (accessed: 10.10.2016). (in Russian)

Тимофеева Анастасия Андреевна, аспирант, кафедра контрастивной лингвистики, Институт иностранных языков, Московский педагогический государственный университет, padme-timofeeva@yandex.ru

Timofeeva A.A., Post-graduate Student, Contrastive Linguistics Department, Institute of Foreign Languages, Moscow State University of Education, padme-timofeeva@yandex.ru

УДК 81.42
ББК 81.2РУС-5

СИТУАЦИЯ И ТЕКСТ: О ТИПОЛОГИИ ФАКТУАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ

А.В. Глазков

Аннотация. В статье реализуется ситуационный подход к анализу нехудожественных фактуальных текстов. Исходя из принятых классификаций ситуаций и ситуационных типов, предлагаем рассматривать четыре типа текстов: 1) тексты, представляющие конкретную (актуальную) ситуацию; 2) тексты, представляющие конкретную (воспринятую) ситуацию с расширением во времени и / или модальности; 3) тексты, представляющие ситуационный тип с формированием потенциальной ситуации; 4) тексты, представляющие ситуационную модель. Автор статьи рассматривает примеры каждого из представленных типов и предлагает их лингвопрагматический анализ. Специфика анализа заключается в том, что он выполняется в системе ситуация-текст и ставит своей целью ответ на вопрос, как ситуация провоцирует создание именно такого текста. Для анализа выбраны тексты из системы Twitter, блоги, тексты уголовного законодательства, публицистические тексты.

Ключевые слова: лингвистика текста, нехудожественный текст, фактуальный текст, ситуация, ситуационный подход, типология текстов, прагматика

578

SITUATION AND TEXT: ON THE TYPOLOGY OF THE FACTUAL TEXTS

A.V. Glazkov

Abstract. The article deals with the situational approach to the non-fiction factual texts analysis. Following the accepted classifications of the situations and situational types it is proposed to distinguish 4 kinds of texts: 1) texts representing a concrete (actual) situation; 2) texts representing a concrete (perceived) situation with extension in the time and / or modality; 3) texts representing situational type and allowing to form the concrete situation; 4) texts representing a situational model. The article presents examples of each of these texts types and proposes their lingua-pragmatic analysis. The peculiarity of the analysis consists in the fact that it is implemented in the "situation – text" system and claims to answer the question how the situation provokes to create this sort of texts. For the analysis the author has chosen texts from Twitter, blogs, crime code's texts, publicistic texts.

Keywords: *Text linguistics, non-fiction text, factual text, situation, situational approach, typology of texts, pragmatics.*

Термин *фактуальный текст*, который встречаем, например, у Женетта, призван противопоставлять фактуальные и фикциональные тексты по параметру, отражено в них реально происходившее или вымышленное. Однако в термине содержится, по мнению автора статьи, некоторая неточность. Факт не соотносится с текстом. Факт хорошо соотносим с предложением. Текст же соотносим с тем, что представляет собой множество связанных между собой фактов. Будем использовать для обозначения этого термин *ситуация*. При этом термин *фактуальный текст* будет обозначать такой текст, который имеет в качестве реальной основы реальную или возможную ситуацию.

Тот образ реальности, который имеем в своем сознании, дробится нами на ситуации. Как пишет Д. Магнуссон, “Situations present, at different levels of specification, the information that we handle, and they offer us the necessary feedback for building valid conceptions of the outer world as a basis for valid predictions about what will happen and what will be the outcome of our own behaviors” [1, с. 9]. Ситуация, получается, имеет черты единичного и общего: с одной стороны, имеем дело с одной, референтной ситуацией, но, с другой, она всегда типизируется нами как конкретный представитель какой-то обобщенной схемы. Первое называют конкретной ситуацией (Магнуссон делит их еще надвое: на актуальные

ситуации, представляющие собой часть пространства, открытого для чувственного восприятия, и на воспринятые ситуации, включающие в себя еще и момент интерпретации воспринятого), второе – ситуационным типом (Магнуссон) или ситуационной моделью (ван Дейк и Кинч) [2, с. 164-165]. Полагаем, что возможно использование обоих терминов, поскольку типизация и моделирование – два разных процесса. Будем понимать под термином *ситуационный тип* обобщение ситуаций в одно целое, позволяющее идентифицировать ситуацию как вариант данного ситуационного типа. Моделирование – это следующий этап, требующий особой рефлексии. Ситуационная модель – это появившееся в результате рефлексии над ситуационным типом его осмысление, выражающееся в высказывании о ситуационном типе.

Представление ситуации в тексте может быть осуществлено разными способами, но всегда это указание на факты, имеющие место или могущие возникнуть. Количество фактов и их плотность, соответствующие выбранной размерности¹, могут быть различными. Если ситуация типична и как тип хорошо известна читателю, то ее представление может ограничиться одним предложением, если же она для читателя является новой, то есть представляет неизвестный тип, или содержит значительные отклонения от типичной модели, или сам тип содержит целый ряд

¹ Под размерностью мы понимаем степень дробности отражения ситуации в тексте, текстовый масштаб (см. подробнее [3, с. 32]).

параметров, которые требуется заполнить конкретными фактами актуальной ситуации, то возможно значительное расширение объема текста.

Например, в Twitter читаем такой текст:

(1) В храме Хабаровской духовной семинарии заморочила икона Иннокентия Московского.

Сообщение оказывается вполне законченным, потому что полностью соответствует ситуационному типу. Параметрической является только информация о времени и месте. Безусловно, сообщение может быть расширено за счет добавления других фактов, но имеющееся вполне достаточно для читателя, которому известны факты мироточения икон. Если же предполагается, что читателю может быть неизвестно, что значить мироточить, потребуются указания на другие факты, текст расширится.

Представляя ситуацию, текст может базироваться более чем на одном ситуационном типе. Покажем это на примере сообщения в Facebook журналиста Александра Морозова:

(2) Один раз за две недели вышел из своей норы в центр Вены – а там ад! Толпы, передвигаться приходится все время низко пригибаясь, «заныривая», – как под пулями – потому что тысячи людей непрерывно фотографируют друг друга на айфоны, и ты все время попадаешь «на линию огня»... Я там проскакал, как заяц, какими-то петлями несколько кварталов и в ужасе забился в какой-то случайный музей. Он стоял на отшибе, там никого не было, ни очереди, ни одного посетителя. Я спросил

у билетера: «Почем вход?» А он мне в ответ только одну длинную букву произнес: «ф-ф-ф-ф-ф!». Я уже обреченно спросил: «Фоти?» (поскольку я уже был в состоянии «зайца, попавшего под фары», то у меня разум помутился и я уже был готов поверить, что вход может стоить сорок евро)... но «ф-ф-ф-ф» – это оказалось «фри»...)... ужас, больше не пойду...

Здесь ироничный взгляд человека на туристическую Вену. Основным фактом является то, что люди фотографируют друг друга. Сравнив айфоны с оружием, а себя с зайцем, автор тем самым вписывает свою ситуацию в три ситуационных типа: один – это посещение города туристами, другой – война, третий – заяц под фарами. И все три отвечают одной задаче – представить читателю свое состояние при посещении центра Вены. Вспомним рассуждение М. Блэка о метафоре, когда он рассуждает об интеракционистском подходе. Согласно его концепции, маркером метафоры является нетипичный контекст фокусного слова, в котором оно расширяет свое значение в процессе метафоризации: «Механизм метафоры заключается в том, что к главному субъекту прилагается система «ассоциируемых импликаций», связанных со вспомогательным субъектом» [4, с. 67]. Нечто подобное встречаем и в тексте. Актуальная ситуация строится на базовом ситуационном типе, но к нему примешиваются другие ситуационные типы, маркированные употреблением языковых единиц в несвойственном им контексте. Нетипичные контексты требуют особой активности читателя, чтобы согласовать представленные факты. Безусловно, читатель не будет полагать, что герой оказывается на войне

или превращается в бегущего в свете фар зайца, но расширение значения за счет сопоставления с уклоняющимся от пуль человеком или перепуганным зайцем произойдет. Подобные приемы и повышают эффектность текста, и делают картину более рельефной.

Итак, догадываемся, что текст в прагматическом аспекте выстраивается на шкале от конкретной ситуации через ситуационный тип к ситуационной модели, а поэтому можно выстроить такую классификацию текстов:

- 1) тексты, представляющие конкретную (актуальную) ситуацию;
- 2) тексты, представляющие конкретную (воспринятую) ситуацию с расширением во времени и / или модальности;
- 3) тексты, представляющие ситуационный тип с формированием потенциальной ситуации;
- 4) тексты, представляющие ситуационную модель.

Поскольку ситуация от ситуационного типа отличается конкретностью, то в тексте, представляющем ситуацию, речь идет о конкретных событиях, отличающихся своей единичностью, в то время как ситуационный тип требует обобщенности, множественности. Из этого следует, что и фактическая информация представляется в данных типах текстов по-разному.

Тексты первого типа – это рассказы о том, что происходит в некоем «здесь и теперь». Типичным примером такого текста является репортаж или запись в блоге, где блоггер описывает свое актуальное состояние. Таков пример, взятый со странички Facebook литературного критика Евгении Вежлян:

(3) Я в Таллинне. Сижу на ресепшн в ожидании ключей от своего номера. В хостеле неплохо. Местами такой смешной «Симпсон-стайл» (не знаю, как обозначить по-другому). Гостиная украшена великами, подвешенными на крюках к потолку. Кухонька такая веселенькая. И никто, совсем никто и совсем никуда не торопится.

Автор рассказывает о том, что происходит с ним в тот момент, когда он пишет данный текст. Для рассказа он выбирает определенные факты, причем их выбор обусловлен тем, как эту ситуацию он хочет представить. Ситуация не может быть оторвана от ситуационного типа, который обязательно присутствует в тексте. Однако акцент делается на актуальном.

В данном случае у читателя должно возникнуть понимание того, что автору нравится то, где он находится. Автор находится вне дома (иначе не нужен хостел), а поэтому ситуационный тип – это путешествие, чужая страна. О чужой стране принято рассказывать «как они там живут», что и делается в тексте. Из первых двух предложений читатель узнает, где находится и что делает автор. Это необходимо, чтобы возник эффект актуальности. Далее из ситуации выбираются те факты, которые создадут эффект необычности: это и сложно понимаемый «Симпсон-стайл», и необычное украшение гостиницы, и общая оценка кухни, и общая неспешность. Все это необычно и вызывает у автора положительные эмоции. Невозможно сказать, видит ли все это автор, находясь в своем кресле, или увидел ранее, – в любом случае мы воспринимаем текст как актуальную ситуацию, участником которой является автор.

Особое внимание следует обратить на те референции, которые возникают в тексте. Они относятся к конкретным объектам. Если этого не будет, то читатель не будет относиться к автору как к участнику описываемому.

Характеристики, которыми наделяет автор объекты, носят уникальный характер. Особенно показательно здесь уже упомянутое выражение «Симпсон-стайл». Оно сопровождается авторской ремаркой *не знаю, как обозначить по-другому*. Это вскрывает спонтанность речи, пропускает читателя в авторскую мастерскую, где речь творится, взывает к сотрудничеству, чтобы читатель постарался понять, что значит только что возникшее выражение, не судил строго автора и, возможно, предложил свой, более подходящий вариант названия. Фактически же, автор здесь формирует концепт, который не имеет не только имени, но и четких характеристик. Возможно, автор даже сомневается, существует ли он вообще. В любом случае, это гораздо сложнее и интереснее (в плане текста), чем подвешенные велики.

Актуальная ситуация не обязательно привязана к настоящему времени: она может быть и в прошлом, и даже в будущем. Примером может быть текст (2), где автор говорит о том, что с ним было в недавнем прошлом. Композиционно текст разделяется на две части, обе они создают актуальную ситуацию, но первая, где речь идет о фотографировании, в большей степени обобщена, здесь избираются не конкретные факты, а их типы, нет референции к конкретному здесь и теперь; вторая же в чистом виде актуальна, и достигается это за счет референции к единичным фак-

там и объектам. Показательно, что ассоциативные связи с другими ситуационными типами создаются именно в первой части, более обобщенной.

Чем больше текст привязан к актуальной ситуации, тем более релевантной оказывается истинность факта. Именно истинность, а не истина. Это значит, что, читая тексты данного типа, человек задается вопросом, насколько верно то, о чем в тексте написано.

Тексты второго типа также привязаны к конкретной ситуации, но они подразумевают расширение ее за счет обращения к другим временам и включение в ее состав возможных фактов. Такие тексты возможны благодаря более глубокой, чем в первом случае, обработке фактов и осознанию ситуации.

Приведем пример заметки, представляющей собой житейскую историю:

(4) Пара пенсионеров, живущая на Черкасщине, завела в доме дикую косялю. Их взрослые дети разъехались, поэтому игривая козочка для супругов стала истинным утешением.

Спит животное вместе с хозяйкой в одной постели, на улицу выходит редко. Особенно с тех пор, как однажды сбежало в лес, попало в капкан и поранило ногу.

*Бабушка нашла косялю, когда гнала коров на пастбище через лес. Животное было едва живым от истощения. Хозяева предполагают, **мать косяли убили охотники, а детеныш медленно умирал от голода.** Его отпаивали молоком из бутылочки. А уже вскоре он начал пить из кошачьей миски. На улицу косяля, которую хозяева называли Цветок, выходит только для того, чтобы размять*

мышцы и отвезать свиного варева. Но от хозяев далеко не отходит.

На примере данного текста хорошо видно, как подбираются и, главное, komponуются факты для создания целостной ситуации. Прежде всего, мы видим факты обобщенные (подчеркнуты одной линией) и конкретные (подчеркнуты двойной линией). Они находятся примерно в равных соотношениях. Обобщенные факты вполне отвечают параметрам ситуационного типа «Человек держит в доме животное». Поскольку в данном случае ситуация нестандартна, требуется более подробный рассказ о том, где оно живет, как себя ведет, как кормится. История того, как животное попало в дом, требует уже совсем другого типа фактов – единичных, конкретных. И в этой части нарратив приближается к первому описанному нами типу текстов.

Текст строится таким образом, что в нем используются различные временные ходы. Уже в первом абзаце автор уходит в прошлое, чтобы мотивировать то, зачем (или, скорее, почему) пенсионеры держат дома козулю. Во втором абзаце переход в прошлое объясняет, почему козуля редко выходит на улицу (или ее редко выпускают?). Создание причинных отношений требует на просто хода в прошлое, а сопоставления прошлое – будущее, что здесь и имеет место. Чтобы не повторился тот факт, что козуля попала в капкан, нужно в будущем ограничить ее перемещение. И это воплощено в расширенном настоящем. Это логично в определенных ситуационных типах, это отвечает опыту как героев, так и автора и читателя.

Третий абзац уводит читателя в самое далекое историческое прошлое (как бабушка нашла козулю) и даже в доисторическое (как козуля могла потерять мать). И здесь конкретные факты строятся на основе ситуационного типа: создается возможная модель, которая представляется автору и героям наиболее вероятной. И опять же это предположение выстроено на сопоставлении прошлого и будущего, где будущее известно, а прошлое моделируется. Если такая модель представляется вероятной, то ситуация «принимает» ее, не вызывает возражений у читателя.

Еще один уход в план возможного видим в утверждении того, что козуля выходит только для того, чтобы размять мышцы, что представляет собой типичный пример антропоморфизации реальности: человеку не дано понять, зачем козуля выходит на двор, для этого нужно было бы проникнуть во внутренний мир козули. Утверждение же основано на предположении, чем мотивировал бы свои действия человек, будь он на месте козули.

Итак, даже представленный незамысловатый текст формирует ситуацию иначе, чем это обнаружено в текстах первого типа. Налицо более сложная обработка образа реальности, проявляющаяся в использовании большего количества языковых возможностей.

Рассмотрим еще один типичный пример ситуации, основанной на описании объекта наблюдения. Здесь автор скрыт, но представленный рассказ есть результат его наблюдений.

(5) *Старый город (первоначальное место основания монастыря) имеет форму неправильного пятиугольника*

с периметром сторон несколько более 500 метров. В центре участка на самом высоком месте размещается главная монастырская площадь с собором и звонницей. По периметру стен расположены остальные корпуса. В древности обычно не делалась вертикальная планировка застраиваемых участков. Здания как бы вписывались в естественный рельеф, сливаясь с природным окружением. Стены Ипатьевского монастыря также следуют за естественным рельефом, имеющим склоны на восток к реке Костроме и на юг к речке Игуменке. Каменные стены Старого города сооружены в 1586—1590 годах на средства бояр Годуновых — Бориса и Дмитрия. Высота их первоначально была около 6 метров, а толщина у основания — 3 метра.

Жанр путеводителя (а фрагмент взят именно из такого текста) подразумевает, что в процессе чтения читатель будет производить те же действия, что и автор, поскольку они отражают логику осмотра сооружения. В этом находит свое воплощение иконичность текста. Польская исследовательница Анна Душак определяет ее как иконическую диаграматичность и пишет, что «диаграматичность между означаемым и означающим появляется в том, что когерентной последовательности тем в макроструктуре текста отвечает аналогичное устройство его поверхностной структуры; в то же время устройство макроструктуры должно являть собой диаграматическое отражение последовательности когнитивных схем, а следовательно, реального развития событий» [5, с. 45]. В определенный момент, однако, автор отказывается

от заданной иконичности и совершает исторический экскурс, объясняя, на каком принципе возводились постройки в древности, чтобы читатель увидел отражение в современности. Приведенные факты носят обобщенный характер, а поэтому их легко применить и к увиденному сегодня. А вот последние сообщаемые исторические сведения представляют собой конкретные факты того, на чьи средства возводились стены. Конкретные факты как бы остаются в своем времени. Обратим внимание, что их знание плохо вписывается в образ современности, а упоминание о них могло бы быть исключено без нарушения логики изложения.

Третий и четвертый типы текстов исходят от ситуационного типа, а не от ситуации, то есть он является основанием, исходной точкой текста.

Третий тип сам не фиксирует конкретную ситуацию, но конкретная ситуация может быть приложена к тексту, что находит отражения в различного рода инструктивных текстах.

Инструкция возникает в случае, когда автор знает, как делать что-либо, а читатель — нет. Автор тем самым излагает свой собственный опыт, делится им. Как справедливо отмечает М. Писаренко, «характерной особенностью текста инструкции является **приоритет говорящего**, который определяется его знаниями в данной области, и **заинтересованность** адресата в получении знаний» [6, с. 9]. Выбираемые факты относятся к прошлому автора, но они призваны формировать будущее читателя. Собственно инструктивный текст точно задает последовательность действий читателя, который должен в результате этих действий

прийти к желаемому результату. Тем самым происходит формирование пространства и времени, в котором окажется читатель.

Самое главное в лингвистическом плане то, что такой текст возникает раньше референций, необходимых для выполнения действия. Именно поэтому чтение текста без тех предметов, к которым должны относиться референции, в значительной мере бессмысленно. Например, можно читать, как обучаться игре на гитаре, но при отсутствии самой гитары обучение будет крайне неэффективным. Впрочем, если я собираюсь положить у себя в комнате ламинат или испечь торт, я могу ознакомиться с инструкцией, чтобы понять, смогу я достичь должного результата или нет. В моем сознании будут выстроены образы моих возможных действий, возникнут референции, я должен буду добиться понимания, как делать что-либо.

Тексты инструкции обладают высокой иллюкативной силой. Это понятно, ибо автор должен убедить читателя, что выполнение действий указанным образом – путь к достижению цели. Я могу прочитать фразу *Укладка ламината своими руками не так сложна, как могло бы показаться*. Она провоцирует меня, чтобы читать дальше и понять, что и я вполне способен к этой, как считает автор, несложной работе. Иллюкативная сила проявляется, таким образом, не столько в прямой императивности, сколько в передаваемой читателю уверенности, что выбранная модель деятельности приведет к успеху. Как верно отмечает С. Канащук, «структура текстов инструкций, с одной стороны, продиктована логи-

кой потенциальной целевой аудитории, с другой стороны, эта структура сама выстраивает логику мышления читателей» [7, с. 22].

Текст инструкции создает ситуацию прежде всего в сознании читающего, который может перенести ее в реальность, выполнив какое-либо действие, но это последнее уже выходит за рамки текста, а относится к сфере нелингвистической деятельности человека. Перлокутивная сила текста состоит именно в том, чтобы создать в сознании человека ситуацию или ее элемент. У читателя должно возникнуть понимание того, что следует сделать. Если этого не происходит, то не возникнет и понимания, а следовательно, и сложно говорить о воплощении в реальность в том виде, в каком это запланировано автором.

Обычно автор выстраивает ситуацию в соответствии с хронологией фактов. Такое расположение назовем *сукцессивным*, оно полностью формирует последовательность действий при выполнении действия. Однако инструктивный текст может содержать и признаки *симультианного* текста. Фактически симультианность как бы расщепляет ситуацию, вводя в нее в качестве возможной другую. Поскольку факт не существует сам по себе, он вступает в системные отношения с другими фактами в рамках ситуации. Поскольку он существует как ментальное образование, он может провоцировать появление других фактов, в том числе связанных с ним именно в ментальной плоскости, в том числе в других временах и в разных модальностях. И все эти факты, даже противоречащие друг другу, невозможные в одно время в одном месте, сосуществуют в си-

туации. Покажем на примере небольшого фрагмента из текста водителя по Московскому Кремлю.

(6) Мы начнем прогулку от ст. м. Александровский сад. Необходимо выйти из метро в Александровский сад по направлению к кассам Кремля. Кассы Кремля находятся возле Кутафьей башни. От этой небольшой башни ведет в Кремль Троицкий мост. Если же Вы вдруг не увидите сразу небольшую Кутафью башню, то ориентиром может быть – Троицкая башня, которую на заметить просто невозможно. Это самая высокая башня Московского Кремля.

Автор предлагает читателю двигаться по определенному маршруту. Он выбирает из собственного опыта факты, которые существенны для совершающего пешую прогулку. Однако, видимо, тот же опыт подсказывает, что на определенном этапе может произойти сбой: можно не найти Кутафью башню. В этом месте и происходит расщепление ситуации: читатель либо обнаружит ее, либо нет. А на практике один читатель обнаружит, а другой – нет, то есть они окажутся в двух разных ситуациях. Симультанность в тексте возникает из-за того, что в реальности это невозможно, однако в ментальном поле противоречия не возникает.

Подытоживая, скажем, что тексты этого подтипа выбирают факты с учетом их возможной повторяемости: автор уже прошел путь и приглашает пройти его таким же образом своего читателя. Если у автора есть основание говорить о некоторых возможных участках этого пути, возникает симультанность, но и она подчинена идее повторяемости.

Четвертый тип характеризуется тем, что он не формирует возможную ситуацию. Он описывает то, что может произойти, и если это происходит, оно может быть описано таким текстом. Такой тип текстов иллюстрируется текстами законодательства. Покажем это на примерах фрагментов статей из уголовного законодательства разных стран. В польском Уголовном кодексе читаем:

(7) Kto zabiera w celu przywłaszczenia cudzą rzecz ruchomą, podlega karze pozbawienia wolności od 3 miesięcy do lat 5.

Речь идет о том, что тот, кто возьмет в целях присвоения чужую вещь, будет подвергнут наказанию. Текст не описывает факт, который произошел, в нем говорится о факте, который может произойти. Если случится такое, о чем можно будет сказать данным предложением, то читатель констатирует совершение преступления.

В тексте Уголовного кодекса РФ говорится несколько иначе.

(8) Кража, то есть тайное хищение чужого имущества, – наказуется штрафом...

Точно так же текст обращен к некоему возможному будущему событию, однако он строится на основании отвлеченных понятий, а поэтому концептуализация несколько усложняет процесс чтения: некое действие должно быть квалифицировано как хищение, затем к нему прилагается атрибут *тайное*, это складывается в понятие *кража*, что и далее приводит к необходимости наказания. В польской версии ста-

ть концептуализация, впрочем, тоже присутствует, но только в названии – *kradzież* ‘кража’.

В обоих случаях тексты составлены так, что отсутствует референция к конкретным предметам или лицам, однако она готова возникнуть. Мы предлагаем такую ситуацию называть *отложенной референцией*. Можно сказать, что текст ждет, когда возникнет ситуация, которая приложится к нему, чтобы появились необходимые референции.

Обратим внимание на обобщенность, подчеркиваемую либо пассивным залогом *наказывается* (русский текст), либо конструкцией, подразумевающей пассивность *podlega karze* ‘подлежит наказанию’. Кроме того, предложения выстроены таким образом, что в них отсутствует временная динамика, хотя и говорится о двух фактах – совершении преступления и получении наказания за него, которые не синхронны. Это тоже приводит к обобщенности, которая ослабевает, например, в чешской традиции написания подобных текстов:

(9) *Kdo si přisvojí cizí věc tím, že se jí zmocní, a byl za takový čin v posledních třech letech odsouzen nebo potrestán, bude potrestán odnětím svobody na šest měsíců až tři léta.*

Это происходит за счет использования форм совершенного вида, соответственно будущего времени, что создает идею временной последовательности: кто совершит преступление, будет наказан.

Приведенные примеры в любом случае отражают сукцессивность – факты следуют один за другим. Однако в данном типе текстов это, ско-

рее, редкость. Обычно же здесь встречается симультанность.

Рассмотрим пример из уголовного законодательства Германии, в котором речь также идет о краже.

(10) *Wer eine fremde bewegliche Sache einem anderen in der Absicht wegnimmt, die Sache sich oder einem Dritten rechtswidrig zuzueignen, wird mit Freiheitsstrafe bis zu fünf Jahren oder mit Geldstrafe bestraft.*

Здесь возникает информация о том, в чьих интересах совершается кража, и указываются сам правонарушитель и третье лицо. Как и в примере [7], ситуация расщепляется на две, но если там одна была предпочтительная, а другая возникала в крайнем случае, то здесь речь идет о двух равнозначных ситуациях, поскольку референция, как мы говорили, наступает позже, а не в момент создания текста и перед ним. Таким образом, факты, маркирующие различные ситуации, приобретают параметрический характер.

Итак, в данной статье представлен небольшой обзор фактуальных текстов, находящихся в тех или иных отношениях к отраженным в них ситуациям. Классификация, предложенная в статье, может быть более дробной, но, по мнению автора, выделение указанных четырех типов должно задавать основные векторы исследования нехудожественных фактуальных текстов. Не исключаем возможности приложения классификации и к анализу художественных текстов, поскольку, как не раз указывалось в разных исследованиях, различия между фикциональностью и фактуальностью очень невелики, хотя согласимся с мнением Дж. Серля, счи-

тающего «всякий вымысел ... не-серьезной симуляцией не-вымышленных утверждений» [8, с. 407], однако это уже предмет новых рассуждений.

**СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ
И ИСТОЧНИКОВ**

1. *Magnusson, D.* Wanted: A psychology of situations [Text] / D. Magnusson // Towards a psychology of situations: an interactional perspective. – Hillsdale (N. J.): Erlbaum, 1981. – P. 9-32.
2. *Дейк, Т.* Стратегии понимания связного текста [Текст] / Т. Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка – М.: «Прогресс», 1988. – С.153-211.
3. *Глазков, А.В.* Размерность и ее функция в создании текста [Текст] / А.В. Глазков // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филологическое образование. – 2013. – № 2 (11). – С. 26-33.
4. *Блэк, М.* Метафора [Текст] / М. Блэк // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С.153-172.
5. *Duszak A.* Tekst, dyskurs, komunikacja międzykulturowa. – Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN, 1998.
6. *Писаренко, М.С.* Коммуникативно-прагматическая и структурно-семантическая характеристика текста инструкции: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2008. – 21 с.
7. *Канацук, С.А.* Структурные, стилистические и коммуникативные особенности текстов дискурса инструкций на современном этапе развития [Текст] / С.А. Ка-

нашук // Язык и культура. – Томск, 2011. – № 4. – С.21-29.

8. *Женетт, Ж.* Фигуры. В 2-х т. Т. 1 [Текст] / Ж. Женетт. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – 472 с.

REFERENCES

1. Bljek M., “Metafora”, in: *Teorija metafor*, Moscow, Progress, 1990, pp. 153-172. (in Russian)
2. Dejk T., Kinch V., “Strategii ponimaniya svjaznogo teksta”, in: *Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Вып. XXIII. Kognitivnye aspekty jazyka*, Moscow, Progress, 1988, pp. 153-211. (in Russian)
3. Duszak A., *Tekst, dyskurs, komunikacja międzykulturowa*, Warszawa, Wydawnictwo naukowe PWN, 1998.
4. Glazkov A.V., Razmernost i ee funkcija v sozdanii teksta, *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Serija: Filologicheskoe obrazovanie*, 2013, No. 2 (11), pp. 26-33. (in Russian)
5. Kanashhuk S.A., Strukturnye, stilisticheskie i kommunikativnye osobennosti tekstov diskursa instrukcij na sovremennom jetape razvitija, *Jazyk i kultura*, Tomsk, 2011, No. 4, pp. 21-29. (in Russian)
6. Magnusson D., “Wanted: A psychology of situations”, in: *Towards a psychology of situations: an interactional perspective*, Hillsdale (N. J.), Erlbaum, 1981, pp. 9-32.
7. Pisarenko M.S., *Kommunikativno-pragmaticheskaja i strukturno-semanticheskaja harakteristika teksta instrukcii, Extended abstract of PhD dissertation (Philology)*, Belgorod, 2008, 21 p. (in Russian)
8. Zhenett Zh., *Figury*, V 2 vols., Vol. 1, Moscow, 1998, 472 p. (in Russian)

588

Глазков Алексей Владимирович, кандидат филологических наук, доцент, кафедра политических и общественных коммуникаций, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; докторант, кафедра русского языка, Московский педагогический государственный университет, alexy.glazkow@gmail.com

Glazkov A.V., PhD in Philology, Associate Professor, Political and Public Communications Department, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Post-graduate Student, Russian Language Department, Moscow State University of Education, alexy.glazkow@gmail.com

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2=411.2)

РОМАНТИЗАЦИЯ СМЕРТИ В СТИХОТВОРЕНИЯХ Н.А. НЕКРАСОВА IN MEMORIAM

А.А. Яшина

Аннотация. *Статья посвящена одной из актуальных проблем современного некрасоведения – поэтике мемориальной лирики Н.А. Некрасова. Как одна из ключевых черт стихотворений поэта in memoriam, рассматривается романтизация смерти адресата текста. Анализируются основные приемы романтизации: поэтизация ранней смерти, обращение к романтическому мифу о смерти поэта, включение в тексты ассоциаций с поэзией романтизма, прежде всего, каноническим текстом in memoriam – лермонтовской «Смертью поэта», и библейских мотивов. Рассматривается также эволюция соотношения биографических и условно-поэтических элементов в текстах. Делается вывод о важности романтизированного образа смерти в конструировании некрасовского типа героя-подвижника.*

Ключевые слова: *Н.А. Некрасов, in memoriam, мемориальная лирика, изображение смерти в литературном произведении, романтизация смерти, библейские мотивы*

DEATH ROMANTICIZING IN N.A. NEKRASOV'S POEMS IN MEMORIAM

589

A.A. Yashina

Abstract. *The article deals with one of the topical issues current studies of Nekrasov's poems in memoriam. Romanticizing of death is considered as one of the main features of such poems. The article also analyzes such basic devices of romanticizing as poeticizing of the early death, appeal to the romantic myth of a poet's death, inclusion of the Biblical motifs and associations with the romantic poetry (first of all, Lermontov's Death of the Poet, the canonical Russian in memoriam). The author studies the evolution of the correlation between biographical and conventionally poetic elements, and concludes about the importance of the romanticized death for the creation of the Nekrasov's ideal hero type.*

Keywords: *N.A. Nekrasov, in memoriam, image of death in literature, romanticizing of death, Biblical motifs.*

Литературоведами неоднократно отмечалось существование в западной поэзии XVIII–XX веков устойчивого жанрового образования, за которым, однако, в научном обиходе не закрепилось строго терминологического наименования. Это жанр стихотворений «на смерть» [1; 2], именуемых также стихотворениями *in memoriam* [3], или эпитафической лирикой [4].

Данный жанр пока не становился объектом специального литературоведческого изучения, однако в работах, посвященных стихотворениям *in memoriam* в творчестве отдельных авторов, сделаны первые попытки описать общие принципы его организации. Так, ученые указывают на чрезвычайную важность для *in memoriam* *заголовочного комплекса*, как правило, состоящего из лексем «память» в родительном падеже / лексем «смерть» / «на смерть» и фамилии / имени / другого обозначения умершего («Памяти Белинского» Н.А. Некрасова (1853), «Памяти К.С. Аксакова» А.Н. Плещеева (1861)), либо «знаковой даты (смерти, годовщины), имплицитно выражающей скорбь об умершем» («29 января 1837» Ф.И. Тютчева (1837) [4, с. 34]. *Жанровая идея* стихотворений *in memoriam* – преодоление смерти силами памяти и поэтического слова; соответственно, ключевые темы данных текстов – *темы памяти и смерти*; первая в текстах *in memoriam*, как правило, связана с авторской установкой на воплощение в стихотворении значимых фактов биографии и специфических «черт личности умершего, должных, по мысли автора, остаться в памяти потомков» [4, с. 35]; обращение ко второй задает жанру характерную «скорбно-торжественную» [там

же] тональность. Стихотворения *in memoriam* посвящаются смерти конкретного человека, в них отсутствуют размышления о смерти вообще, ее природе и месте в мироздании (что характерно, например, для жанра надгробной элегии), бренности и преходящести всего сущего (для жанра кладбищенской элегии).

Н.А. Некрасов внес значительный вклад в развитие интересующего нас жанра в русской поэзии. В обширном корпусе его поэтических текстов выделяется шесть стихотворений *in memoriam*: «Памяти Белинского» (1853), «Памяти <Асенков>ой» (1855), «На смерть Шевченко» (1861), «20 ноября 1861» (1862), «Памяти Добролюбова» (1864), «Не рыдай так безумно над ним...» (1868; по свидетельству самого Некрасова, стихотворение навеяно смертью Писарева).

Говоря о мемориальности текстов, о том, как воплощаются в них факты биографии и характерные особенности личности скончавшегося адресата, нужно констатировать, что реально-биографические факты в стихотворениях *in memoriam* Н.А. Некрасов всегда сочетает с поэтическим вымыслом. При этом взгляды автора на мемориальность на протяжении 1850–60-х гг. эволюционируют, а соотношение в текстах реально-биографических и «поэтизирующих» элементов меняется в сторону большей условности, отхода от биографизма. Если в стихотворениях «Памяти Белинского», «На смерть Шевченко», «Памяти Асенковой» в целом довольно точно переданы обстоятельства жизни героев (хотя, отметим, в тексты оказываются допущенными лишь отвечающие требованию «поэтичности» факты: «затерянная могила» В.Г. Белинского, противостояние

со светом В.Н. Асенковой, ссылаясь на Т.Г. Шевченко), то в стихотворениях «Памяти Добролюбова» (1864), «Не рыдай так безумно над ним...» (1868) соответствия между реальной судьбой человека, которому посвящено стихотворение, и воплощенным в тексте поэтическим образом практически не обнаруживаются.

Отметим факт поэтизации в некрасовских *in memoriam* *ранней смерти*. Действительно, все, ставшие героями рассматриваемых текстов, умерли, не дожив до старости: В.Г. Белинский скончался тридцати семи лет отроду, В.П. Асенкова – двадцати четырех, Т.Г. Шевченко – сорока семи, Н.А. Добролюбов – двадцати пяти, Д.И. Писарев – двадцати восьми. На факт ранней смерти адресата Н.А. Некрасов обращает внимание в трех текстах: «Кипел, горел – и быстро ты угас!»² («Памяти Белинского»; I, 121), «Но слишком рано твой ударил час...» («Памяти Добролюбова»; II, 173), «Не рыдай так безумно над ним, / Хорошо умереть молодым! <...> Русский гений издавна венчает / Тех, которые мало живут...» («Не рыдай так безумно над ним...»; III, 61).

Однако будучи включенным в художественное произведение, факт реальной биографии обретает новое измерение и неизбежно начинает восприниматься читателем также в культурном, а именно романтическом, контексте. Широко известна поэтизация романтиками ранней смерти вообще – как формы протеста против тотальной пошлости мира (ср. и в стихотворении «Не рыдай так

безумно над ним...»: «Беспощадная пошлость ни тени / Положить не успела на нем...» (III, 61)); не менее важны здесь и ассоциации с другим романтическим мифом – мифом о ранней жертвенной *смерти поэта*.

Часто *романтизируется и причина смерти*. Так, в стихотворении «Памяти Белинского» читаем: «А ты погиб, несчастлив и незнаем...» (I, 121); глагол «погибнуть» имеет значение «умереть неестественной насильственной смертью». В.Г. Белинский, и это, конечно, было хорошо известно Н.А. Некрасову, не погиб: он был болен туберкулезом, и именно болезнь стала причиной его безвременной смерти. Фактически неверно, но поэтически точно употребляя глагол «погибнуть», Н.А. Некрасов, вероятно, осознанно ориентируется на канонический русский образец стихотворения *in memoriam* – лермонтовскую «Смерть поэта».

На это указывает и использование поэтом «огненной» образности в воссоздании характера героя («Наивная и страстная душа, / В ком помыслы высокие *кипели* <...> *Кипел, горел* – и быстро ты *угас!*» (I, 121) – ср. у Лермонтова «пламенные страсти», сравнение гения со «светочем» и «затаившимся пожаром»), и в целом близость лексического состава текстов: «быстро ты *угас*» (Некрасов) / «*Угас*, как светоч, дивный гений...» (Лермонтов); «Ты *честно* шел к одной высокой цели» (Некрасов) / «невольник *чести*» (Лермонтов); «*страстная* душа» (Некрасов) / «сердце вольное и пламенные *страсти*» (Лермонтов); укажем также на

² Все поэтические тексты здесь и далее цитируются по академическому «Полному собранию сочинений и писем Н.А. Некрасова».

появление образа «потомков» в *финале* стихотворения: «И о тебе не скажет ничего / Своим потомкам сдержанное племя...»; излишне напоминать, что текст Лермонтова оканчивается обращением к «надменным потомкам».

Возникающая параллель Белинский – Пушкин подчеркивается в стихе 6, где Н.А. Некрасовым употреблена типично «пушкинская» лексема «дружество», чрезвычайно частотная и, что важнее, концептуально значимая для поэзии А.С. Пушкина: «Ты нас любил, ты дружеству был верен...». Место темы дружбы в лирике Пушкина известно; для героя Н.А. Некрасова, как и для лирического субъекта А.С. Пушкина, таким образом, *дружество* есть одна из главнейших жизненных ценностей. Но, кроме того, лексема эта отсылает читателя к традиции дружеского послания 1810 – начала 1820-х гг., к которой во многом восходит генезис пушкинской темы дружбы³.

Отсылка эта, как представляется, носит характер скрытой полемики: «дружество» в данной литературной традиции тесно связано с комплексом эпикурейских мотивов, утверждением философской лени, отказом от общественной деятельности, апологией

уединенной жизни на лоне природы, наслаждения простыми земными радостями – в ином, любовью, искусством, дружескими пирушками.

В стихотворениях Н.А. Некрасова *in memoriam* же «дружество» входит в совсем иной контекст и связывается с иным комплексом представлений: активной общественной позицией, приверженностью гражданским добродетелям, *трудом* на общее благо, готовностью *жертвовать* собой в *борьбе* за общее дело: «Твой труд живет и долго не умрет» («Памяти Белинского» (I, 121); ср. также в стихотворении «Не рыдай так безумно над ним...»: «Вспомни, сколько *пали в борьбе* <...> «У счастливого недруги мрут, / У несчастного друг умирает...» (III, 61); в статье ««Посмертные стихотворения Н.А. Добролюбова», в составе которой впервые было напечатано стихотворение «20 ноября 1861»: «Он смеялся в лицо глушцу, резко отворачивался от негодая, он соглашался только с тем, что не противоречило его убеждениям <...> Мы всю нашу жизнь не встречали русского юноши столь чистого, бесстрашного духом, самоотверженного!» [5, с. 324, 348].

Т.Г. Шевченко, как это следует из многих свидетельств современни-

³ Ср. у А.С. Пушкина: «И тихий глас простой свирели / С улыбкой *дружества* внимать...» («Послание к Юдину», 1815), «Мечтательных Дорид и славил и бранил, / Иль дружбе плел венок, и дружество зевало, / И сонные стихи впросонках величало...» (1816), «Любовью, *дружеством* и ленью / Укрытый от забот и бед, / Живи под их надежной сенью...» («Дельвигу», 1817), «Не первый раз с тобой мы пьем, / Не в первый и бранимся; / Но чашу *дружества* нальем – / И снова помиримся...» («К студентам», 1814); у А.А. Дельвига: «И пел, товарищам угодный, вино и *дружество*...» («В альбом», 1821), «Судьба мне спутницей была, / Она мне душу отвела / В приюте *дружества* веселом...» («В альбом А.Н. Вульф», 1826); у В.К. Кюхельбекера «Еще две тени: бедный Дельвиг, ты, / И ты, его товарищ Баратынский! / Отчеству драгие имена, / Поэзии и *дружеству* святые!» («До смерти мне грозила смерти тьма...», 1845). Примеры могут быть умножены.

ков⁴, скончался после непродолжительной болезни⁵. Друг поэта, известный историк Н.И. Костомаров отмечает в своей «Автобиографии»: «Смерть его была скоропостижная <...> несколько месяцев страдал он водянюкою. Не без основания говорили врачи, что болезнь эту нажил он от неумеренного употребления горячих напитков, особенно рома, который он очень любил» [10, с. 537].

В стихотворение же «На смерть Шевченко» факты, связанные с болезнью поэта, не включены; согласно тексту, его смерть есть *следствие злой воли бога*: «Так погибает по божией милости / Русской земли человек замечательный <...> Мог умереть он, конечно, под палками, / Может, и жил-то он этой надеждою. / Но сократить не желая страдания, / По-

берегло его в годы изгнания / Русских людей провиденье игривое. / Кончилось время его несчастливое, / Все, чего с юности ранней не видывал, / Милое сердцу, ему улыбалось. / Тут ему бог позавидовал: / Жизнь оборвалась» (II, 111).

Промысел, судьба, фатум, случай, фортуна – силы, незримо властвующие над человеческой жизнью – всегда находились в фокусе напряженного внимания русских романтиков [11, с. 281-302; 12, с. 177-244]. Они могли интерпретироваться либо в русле христианском, провиденциалистском – как благое провидение, божественный Промысел, либо в русле фаталистическом – как Рок, безразличный или враждебный человеку и слепо играющий его жизнью (такая трактовка восходит к античной, шире –

⁴ А.М. Лазаревский в заметке «Последний день жизни Т.Г. Шевченко» пишет: «Тарас Григорьевич начал чувствовать себя нехорошо с осени прошлого года. 23-го ноября, встретившись у М.М. Лазаревского с доктором Бари, он особенно жаловался на боль в груди. Доктор, выслушав грудь, советовал Тарасу Григорьевичу поберечься. С тех пор здоровье его плошало со дня на день. Январь и февраль просидел он почти безвыходно в комнате <...> В субботу, 26-го февраля, в день именин покойника, М.М.Л. посетил больного и застал его в ужасных муках. По словам Тараса Григорьевича, с ночи у него началась сильнейшая боль в груди, не позволявшая ему лечь. Он сидел на кровати и напряженно дышал. «*Напиши брату Варфоломею*, — сказал он Л., — *що мені дуже недобре*». Вслед затем приехал Э.Я. Бари. Выслушав грудь, доктор объявил, что водяная бросилась в легкие. Муки страдальца были неописанные; каждое слово стоило ему страшных усилий <...> Почти всю ночь провел он сидя на кровати, упершись в нее руками; боль в груди не позволяла ему лечь <...> В пять часов он попросил человека сделать чай и выпил стакан со сливками. «*Убери же ты теперь здесь*, — сказал Т. Гр. человеку, — *а я сойду вниз*». Сошел Т. Гр. в мастерскую, охнул, упал, и в половине 6-го нашего дорогого, родного поэта не стало!..» [6, с. 439-441]. См. также [7; 8].

⁵ В статье «Клінічна діагноза хвороби і причина смерті Т. Г. Шевченка» авторами предпринята попытка на основании анализа многочисленных свидетельств современников установить причину смерти поэта: «Можна поставити діагнозу. Ревматизм, активна фаза, безперервно рецидивуючий перебіг. Поворотний ревмокардит. Комбінований порок серця з переважанням стенози устя аорти і недостатністю двохстулкового (мітрального) клапана. Поліартрит. Кардіальний цироз печінки. Анасарка. Набряк легень. Асистоля» [9, с. 54].

вообще языческой традиции). В первом случае за ними закреплялись позитивно-попечительные функции, во втором – негативно-деструктивные [12, с. 177-244].

В рассматриваемом же тексте Некрасова, как это видно из цитаты, христианское провидение есть злая разрушительная сила, препятствующая счастью не только героя стихотворения, но и «замечательных» (выдающихся) людей вообще («Так погибает по божией милости / Русской земли человек замечательный...» (II, 111); по отношению к нему употреблен эпитет «игривое», что в некотором смысле уподобляет его античной фортуне⁶ (ветреной, вечно меняющейся, непостоянной).

Возникающий в финале текста специфический *мотив зависти бога* также встраивается в «античный» ассоциативный ряд. *Phthonos theon* – одна из центральных идей древнегреческой мифологии: олимпийцы ревниво следят за тем, чтобы человек не преступил положенную ему меру и не уподобился им в красоте, могуществе или счастье, поэтому любой успех чре-

ват для смертных исходящими свыше бедами [15, с. 51-55]. О *phthonos theon*, зависти богов, говорится уже в «Одиссее» («Как вы жестоки, о боги, как завистью всех превзошли вы!»), у Пиндара в «Пифийских песнях» и «Истмийских песнях» [16, с. 109, 178]; в «Истории» Геродота читаем: «Всякое божество завистливо» [17, с. 20], «Божество, позволив человеку вкусить сладости жизни, оказывается при этом завистливым» [17, с. 328]. С аналогичной расстановкой сил мы сталкиваемся и в тексте Некрасова: «Все, чего с юности ранней не видывал, / Милое сердцу, ему улыбалось. / Тут ему бог позавидовал: / Жизнь оборвалась» (II, 111).

Представляется, что в подобной трактовке Провидения можно усматривать и политические обертонны. Установление аналогий между судьбой и властью земной, политической, также нередко встречается у романтиков⁷ (жесткая регламентация общественных отношений, социальная обусловленность может функционально приравниваться к воле провидения); «образчик мрачной связи

⁶ Строго говоря, «в античной культуре в число представлений о разных воплощениях жизненного пути человека включались как постигаемые разумом человека, так и непостижимые для разума. К разумным проявлениям судьбы в Античности относились персонифицированные образы Мойры как удела или жребия человеческой жизни, Дике – символа космической справедливости, Логоса – безличного мирового закона, Ананке – объективной необходимости, Адрастии – закона космического оборотничества, а также Нуса – безличного мирового разума. Непостижимость мировой судьбы, отражавшую нестабильность и тревогу человека постклассической эпохи, воплощали такие символы, как Геймармене – безличный непознаваемый вселенский рок, Тюхе – персонификация слепого случая, а также Фортуна – персонификация непостоянства и случайности» [13, 28]; однако традиционно с представлениями об античном связывается второй ряд образов. См. также [14].

⁷ Ср. у Полежаева: «Изменила судьба... Навсегда решена / С самовластьем борьба, / И родная страна / Палачу отдана» («Вечерняя заря»), «И Русь, как кур, передущил / Ефрейтор-император» («Рок»). У молодого Языкова: «Что нам судьбы определенье? / Опять и силы короля / Подавят милую свободу?» («Ада»).

между роком и тиранией дал, конечно, Пушкин в своем юношеском послании к Чаадаеву: «Под гнетом власти роковой...» [12, с. 213], ср. и стихотворение «В альбом» (1832): «Гонимый рока самовластьем». На возможность интерпретации текста Некрасова в этом ключе указывают, с одной стороны, внешние факторы (идеологическая позиция автора, обстоятельства жизни героя и т.д.), с другой – упоминание «божией милости» в стихе 3 («Так погибает по божией милости»): титул русских императоров согласно Своду законов Российской империи звучал как «Божиею поспешествующею милостью Император и Самодержец Всероссийский...» и т.д.

Так, мы видим, что Т.Г. Шевченко, «прозаически» скончавшийся от болезни, в стихотворении предстает жертвой безжалостного самовластного Провидения, а текст, благодаря античным ассоциациям, обогащается романтическими богоборческими обертонами, в целом нехарактерными для поэзии Н.А. Некрасова (стихотворение «На смерть Шевченко» – один из немногих, если не единственный, пример богоборчества у поэта).

Необычно и ироническое (саркастическое) осмысление христианских идей в данном тексте («Но сократить не желая страдания, / Поберегло его в годы изгнания / Русских людей провиденье игривое...» и т.д. (II, 111): ведь уже в стихотворениях «Памяти Добролюбова» (1864) и «Не рыдай так безум-

но над ним...» (1868), как это неоднократно было замечено литературоведами [18, 19], библейская образность и идиоматика становятся основными средствами характеристики героев, предстающих перед читателями в ореоле христианской святости.

Так, в первом из указанных стихотворений герой облечен всеми христианскими добродетелями: он борется с земными страстями, отвергает мирское, бескорыстно служит родине, обращает «честные сердца» («Сознательно мирские наслажденья / Ты отвергал, ты чистоту хранил, / Ты жажде сердца не дал утоленья, / Как женщину, ты родину любил, / Свои труды, надежды, помышленья / Ты отдал ей; ты честные сердца / Ей покорял» (II, 173).

Его смерть описывается метафорически, без каких-либо отсылок к биографии Н.А. Добролюбова (не считая, как уже было сказано выше, подчеркивания преждевременности смерти): «Но слишком рано твой ударил час / И вешее перо из рук упало. / Какой светильник разума угас! / Какое сердце биться перестало! (II, 173). Образ «вещего пера» намекает на пророческое дарование героя – (значение образа пророка в русской поэзии известно); образ «светильника», чрезвычайно частотный как в Библии, так и в агиографической литературе, имеет ряд значений, основное из которых – явление в мире земном Божественного света и истины⁸. В Третьей книге Ездры Господь гово-

⁸ Ср.: «И город не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего, ибо слава Божия осветила его, и светильник его – Агнец» (Откр. 21:23); «Вы послали к Иоанну, и он засвидетельствовал об истине. Впрочем Я не от человека принимаю свидетельство, но говорю это для того, чтобы вы спаслись. Он был светильник, горящий и светящий; а вы хотели малое время порадоваться при свете его. Я же имею свидетельство больше Иоаннова: ибо дела, которые Отец дал мне совершить, самые дела сии, Мною творимые, свидетельствуют Мне, что Отец послал Меня» (Ин. 5: 33-36).

рит пророку: «И приди сюда, и Я возжгу в сердце твоём светильник разума, который не угаснет, доколе не окончится то, что ты начнешь писать» (3-я Ездры 14:25); не исключено, что источником некрасовского образа является этот ветхозаветный текст. О христианской идее «памяти смертной» напоминают строки: «Учил ты жить для славы, для свободы, / Но более учил ты умирать...» (II, 173).

Герой же стихотворения «Не рыдай так безумно над ним...» (1868) – воплощение христианского идеала любви к ближнему и бескорыстной жертвенности: «...кто ближнего любит / Больше собственной славы своей, / Тот и славу сознательно губит, / Если жертва спасает людей» (III, 61). В стихотворении воссоздан образ человека, павшего в борьбе за воплощение своих идеалов: «Становись перед ним на колени, / Украшай его кудри венком! / Перед ним поклониться не стыдно, / Вспомни, сколько пали в борьбе...» (III, 61). Здесь так же, как в стихотворениях «Памяти Белинского» (1855) и «На смерть Шевченко» (1861), причина смерти героя романтизирована. Д.И. Писарев, отдыхая с М.А. Виленской (которой и посвящен текст Н.А. Некрасова) на Рижском взморье, утонул во время купанья. Однако реальные обстоятельства его смерти, как мы видим, выведены за рамки текста. Начальные строки текста, помимо прочего, содержат отсылку к евангельскому сюжету оплакивания Иисуса («Не рыдай мене, Мати» – стихи из знаменитого канона Козьмы Иерусалимского, давшие название иконографическому типу изображения Христа).

О болезни В.Н. Асенковой, ставшей причиной ее смерти, в стихотворении «Памяти <Асенков>ой» (1855) также не говорится; смерть героини описана через ряд *метафор*, объединенных семантикой *горения*: «Твой закат / Был странен и прекрасен: / Горел огнем глубокий взгляд, / Пронзительен и ясен; / *Пылали* щеки <...> Твой голос, *погасая*, пел / О счастье и надежде, / Не так ли *звездочка* в ночи, / Срываясь, упадет / И на лету свои *лучи* / Последние роняет?...» (I, 148). Как видим, героиня последовательно уподоблена заходящему солнцу, гаснущему огню и падающей звезде; это традиционные, воплощающие мифологические представления о связи жизни с процессом горения, метафоры. Черновые автографы свидетельствуют о том, что автор несколько раз перерабатывал стихотворение, неизменно, однако, включая огненную образность в текст. В первоначальных редакциях читаем: «*Закат* твоих недолгих [дней] / Был странен и прекрасен» (по черновому автографу ГБЛ), «Движенья стройны; взор очей⁹ / *Светился* детским смехом <...> [И голос твой звучал и пел / И чувство *пламенело*]» (по черновому автографу ЦГАЛИ).

Итак, поэтизация смерти является одной из ключевых черт некрасовской мемориальной лирики. Жизненные реалии, конкретно-биографический фон, играющий важную роль в первых мемориальных опытах Н.А. Некрасова («Памяти Белинского» (1853), «Памяти <Асенков>ой» (1855), «На смерть Шевченко» (1861)), к середине 1860-х гг. уступают место романтической модели изображения

⁹ Черновые варианты: а. [*Горел огонь* живых очей]; б. [*Светился* взгляд ее очей].

смерти, условным поэтическим формулам. В стихотворениях «Памяти Добролюбова» (1864) и «Не рыдай так безумно над ним...» (1868) биографический элемент практически полностью элиминирован. Поэт, следуя логике романтического танатологического мифа, последовательно акцентирует внимание на ранней смерти адресатов in memoriam. Обстоятельства их смерти всегда входят в тексты значительно трансформированными. Трансформация эта осуществляется, как правило, за счет включения в стихотворения ассоциаций с романтической поэзией и через ее посредство – либо напрямую – библейских обертонов. Подобная «романтическая» смерть становится одним из наиболее значимых элементов в конструировании некрасовского образа героя-подвижника.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Левинтон, Г.А.* Смерть поэта: Иосиф Бродский [Текст] / Г.А. Левинтон // Иосиф Бродский: творчество, личность, судьба. Итоги трех конференций. – СПб.: Издательство журнала «Звезда», 1998. – С. 190-215.
2. *Долинин, А.* Цикл «Смерть поэта» и «29 января 1837» Тютчева [Текст] / А. Долинин // Пушкинские чтения в Тарту 3: Материалы международной научной конференции, посвященной 220-летию В.А. Жуковского и 200-летию Ф.И. Тютчева / Ред. Л. Киселева. – Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2004. – С. 381-395.
3. *Ахапкин, Д.Н.* Стихотворения in memoriam в художественной системе И.А. Бродского [Текст] / Д.Н. Ахапкин // Academia. 2016 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.academia.edu/5104249> (дата обращения: 21.02.2016).
4. *Кихней, Л.Г.* Жанровое своеобразие «эпитафической» лирики А.А. Ахматовой [Текст] / Л.Г. Кихней // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский научный сборник. – Симферополь: Крымский архив, 2005. – Вып. 3. – С. 33-46.
5. Посмертные стихотворения Н.Н. Добролюбова. С примечаниями [Текст] // Современник. – 1862. – №1. – С. 323-348.
6. *Лазаревский, А.М.* Последний день жизни Т.Г. Шевченко [Текст] / А.М. Лазаревский // Спогади про Тараса Шевченка. – Киев: Дніпро, 1988. – С. 439-441.
7. Смерть и похороны Т.Г. Шевченко: документы и материалы [Текст]. – Киев: АН УССР, 1961. – 168 с.
8. *Костенко, А.І.* Шевченко в мемуарах: критичний нарис [Текст] // А.І. Костенко. – К.: Рад. письменник, 1965. – 253 с.
9. *Бобров, Б.О., Марцінковський І.Б.* Клінічна діагноза хвороби і причина смерті Т. Г. Шевченка [Текст] / Б.О. Бобров // Лікарський вісник. – Рік XXXIX, ч. 3(128). – Осінь, 1992. – С. 50-54.
10. *Костомаров, Н.И.* Автобиография [Текст] // Н.И. Костомаров. Исторические произведения. Автобиография. – К.: Лыбидь, 1990. – 736 с.
11. *Манн, Ю.В.* Русская литература XIX века: Эпоха романтизма: Учебное пособие для вузов [Текст] / Ю.В. Манн. – М.: Аспект-Пресс, 2001. – 447 с.
12. *Вайскопф, М.Я.* Влюбленный демиург. Метафизика и эротика русского романтизма [Текст] / М.Я. Вайскопф. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 696 с.
13. *Родзинский, Д.Л.* Образы античной идеи судьбы и их роль в формировании этических добродетелей мудреца: автореф. дис. ... канд. филос. наук [Текст] / Д.Л. Родзинский. – М., 1999. – 34 с.
14. *Топоров, В.Н.* Судьба и случай [Текст] / В.Н. Топоров // Понятие судьбы в контексте разных культур. – М.: Наука, 1994. – С. 39-75.
15. *Доддс, Э.Р.* Греки и иррациональное [Текст] / Э.Р. Доддс / Пер. с англ., коммент. и указатель С.В. Пахомова; послесл. Ф.Х. Кессиди. – СПб.: Алетейя, 2000. – 507 с.
16. *Пиндар. Вакхилид.* Оды. Фрагменты [Текст] / Пер., ст. и комм. М.Л. Гаспарова. Отв. ред. Ф.А. Петровский. (Серия «Литературные памятники»). – М.: Наука, 1980. – 504 с.

17. Геродот. История [Текст] / Пер. и прим. Г.А. Стратановского. – Л.: Наука, 1972. – 600 с.
18. Мельник, В.И. Поэзия Некрасова в свете христианского идеала [Текст] / В.И. Мельник. – Сергиев Посад: Тип. патриаршего изд.-полигр. центра, 2007. – 110 с.
19. Мостовская, Н.Н. Храм в творчестве Некрасова [Текст] / Н.Н. Мостовская // Русская литература. – 1995. – № 1. – С. 194-202.
8. Kostomarov N.I., “Avtobiografiya”, In: *Kostomarov N.I. Istoricheskie proizvedeniya. Avtobiografiya*, Kiev, Lybid, 1990. (in Russian)
9. Lazarevskii A.M., “Poslednii den zhizni T.G. Shevchenko”, in: *Spogadi pro Tarasa Shevchenka*, Kiev, Dnipro, 1988, pp. 439-441. (in Russian)
10. Levinton G.A. “Smert poeta: Iosif Brodsky”, In: *Iosif Brodsky: tvorchestvo, lichnost, sudba. Itogi trekh konferentsii*, St. Petersburg, Izdatelstvo zhurnala “Zvezda”, 1998, pp. 190-215. (in Russian)
11. Mann Yu.V., *Russkaya literatura XIX veka: Epokha romantizma: Uchebnoe posobie dlya vuzov*, Moscow, Aspekt-Press, 2001. (in Russian)

REFERENCES

1. Akhapiin D.N., *Stikhotvoreniya in memoriam v khudozhestvennoi sisteme I.A. Brodskogo*, Academia, 2016, available at: <http://www.academia.edu/5104249> (accessed: 21.02.2016) (in Russian)
2. Bobrov B.O., Martsinkovskii I.B., Klinichna diyagnoza khvorobi i prichina smerti T.G. Shevchenka, *Likarskii visnik*, 1992, No. 3 (128), pp. 50-54. (in Ukrainian)
3. Dodds E.R., *Greki i irratsionalnoe*, St. Petersburg, Aleteiya, 2000. (in Russian)
4. Dolinin A., “Tsikl “Smert poeta” i “29 yanvarya 1837” Tyutcheva”, In: *Pushkinskie chteniya v Tartu 3: Proceedings of the International Conference, posvyashchenoi 220-letiyu V.A. Zhukovskogo i 200-letiyu F.I. Tyutcheva*, Tartu, Tartu Ülikooli Kirjastus, 2004, pp. 381-395. (in Russian)
5. Gerodot, *Istoriya*, Leningrad, Nauka, 1972. (in Russian)
6. Kikhnei L.G., “Zhanrovoe svoeobrazie “epitaficheskoi” liriki A.A. Akhmatovoi”, In: *Anna Akhmatova: epokha, sudba, tvorchestvo: Krymskii Akhmatovskii nauchnyi sbornik*, Simferopol, Krymskii arkhiv, 2005, Vol. 3, pp. 33-46. (In Russian)
7. Kostenko A.I., *Shevchenko v memuarakh: kritichnii naris*, Kiev, Rad. pismennik, 1965. (in Ukrainian)
12. Melnik V.I., *Poeziya Nekrasova v svete khristianskogo ideala*, Sergiev Posad, 2007. (in Russian)
13. Mostovskaya N.N., *Khram v tvorchestve Nekrasova, Russkaya literatura*, 1995, No. 1, pp. 194-202. (in Russian)
14. Pindar. Vakkhilid, *Ody. Fragmentsy*, Moscow, Nauka, 1980. (in Russian)
15. Posmertnye stikhotvoreniya N.N. Dobrolyubova. S primechaniyami, *Sovremennik*, 1862, No. 1, pp. 323-348. (in Russian)
16. Rodzinskii D.L., *Obrazy antichnoi idei sudby i ikh rol v formirovaniy eticheskikh dobrodetelei mudretsa, Extended abstract of PhD dissertation (Philosophy)*, Moscow, 1999. (in Russian)
17. *Smert i pokhorony T.G. Shevchenko: dokumenty i materialy*, Kiev, 1961. (in Russian and Ukrainian)
18. Toporov V.N., “Sudba i sluchai”, In: *Ponyatie sudby v kontekste raznykh kultur*, Moscow, Nauka, 1994, pp. 39-75. (in Russian)
19. Vaiskopf M.Ya., *Vlyublenniy demiurg. Metafizika i erotika russkogo romantizma*, Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. (in Russian)

598

Яшина Анна Александровна, аспирант, кафедра русской литературы, Институт филологии и иностранных языков, Московский педагогический государственный университет, fekla1319@yandex.ru

Yashina A.A., Post-graduate Student, Russian Literature Department, Moscow State University of Education, fekla1319@yandex.ru